АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1919

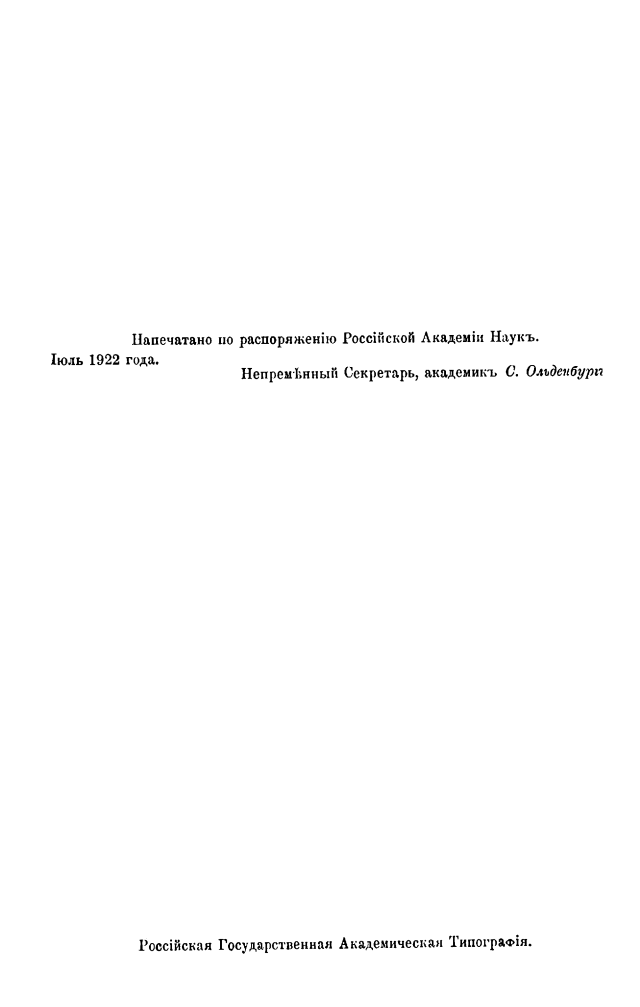
MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ PETROGRAD

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Іюль 1922 года.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*

Россійская Государственная Академическая Типографія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Sommaire.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Алеутскій языкъ
въ освѣщеніи грамматики Веніаминова.

В. И. Іохельсона.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 18 сентября 1918 года).

1909 и 1910 гг. я провелъ на Алеутскихъ островахъ. Завѣдуя Этнологическимъ Отдѣломъ организованной Русскимъ Географическимъ Обществомъ «Камчатской экспедиціи» на средства Ѳ. П. Рябушинскаго, я занимался изслѣдованіемъ алеутовъ — ихъ настоящаго и прошлаго.

Опытъ прежнихъ работъ въ Сибири убѣдилъ меня въ томъ, что этнологіи народа нельзя понять безъ знанія его подлиннаго творчества и языка, и я прежде всего взялся за изученіе алеутскаго языка. У меня не было систематической, спеціально-лингвистической подготовки, но я уже много лѣтъ работалъ въ этой области, теоретически и практически, и выработалъ себѣ извѣстные пріемы изслѣдованія.

Всякому, кто занимался «въ полѣ» изученіемъ «примитивныхъ» языковъ, знакомы тѣ трудности, какія приходится при этомъ преодолѣвать. Для успѣшнаго усвоенія языка, не имѣющаго своей письменности, необходимы, — помимо той или другой подготовки, — еще три условія: чтобы переводчикомъ былъ туземецъ, чтобы онъ зналъ кромѣ своего родного языка еще другой языкъ, — языкъ, понятный изслѣдователю, — и чтобы онъ обладалъ извѣстнымъ развитіемъ или природнымъ умомъ. Насколько мои переводчики-алеуты удовлетворяли этимъ условіямъ и каковы были трудности, съ которыми мнѣ приходилось бороться, я подробно буду гово-

рить въ предисловіи къ подготовляемымъ теперь для печати текстамъ алеутскаго фольклора[1]. Пока я считаю своимъ долгомъ упомянуть здѣсь о своихъ главныхъ двухъ учителяхъ: объ уналашкинскомъ старостѣ Алексѣѣ Мироновичѣ Ячменевѣ и о псаломщикѣ уналашкинской церкви, русско-алеутскомъ метисѣ, Леонтіи Ивановичѣ Сивцевѣ. Своими познаніями въ алеутскомъ языкѣ я въ значительной степени обязанъ содѣйствію этихъ двухъ лицъ.

Не менѣе важны для изслѣдователя записи предыдущихъ путешественниковъ. Я, конечно, не говорю здѣсь о работахъ такихъ спеціалистовъ какъ Кастренъ, Радловъ или Бётлингъ, сдѣлавшихъ, можно сказать, письменными языки, раньше не имѣвшіе письменности. Очень часто записи по языку путешественника не лингвиста оказываются полезными въ началѣ работы. Такъ и по алеутскому языку имѣлись не только случайныя записи словъ и фразъ (какъ, напр., у Бера, Саричева, Саура, Литке, Эрмана, Пинара и др.), но и спеціальная работа Веніаминова: «Опытъ грамматики алеутско-лисьевскаго языка священника И. Веніаминова въ Уналашкѣ. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1846». Судя по предисловію, грамматика эта была составлена гораздо раньше. Оно помѣчено 18 апрѣля 1834 г. Грамматика состоитъ изъ I — XVI + 87 стр. и къ ней приложены: алеутско-русскій словарь въ I — IV + 111 стр. (отдѣльная отъ грамматики пагинація), нѣсколько писемъ съ переводомъ (стр. 113—120) и двѣ таблицы со спряженіями глаголовъ «дѣйствительнаго» и «средняго» залоговъ — вмѣсто трехъ, обѣщанныхъ въ текстѣ. Не достаетъ спряженія глаголовъ «страдательнаго» залога.

И. Е. Веніаминовъ, впослѣдствіи (1868—1879) Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, пробылъ десять лѣтъ (1823—1833) священникомъ уналашкинскаго прихода и изучилъ восточное нарѣчіе алеутскаго языка, названное имъ алеутско-лисьевскимъ. Въ дѣлѣ просвѣщенія алеутовъ онъ занималъ почетное мѣсто, и въ исторіи нашихъ миссій на востокѣ онъ выступаетъ какъ рѣдкое исключеніе. Подъ его вліяніемъ прекратилось жестокое обращеніе съ алеутами со стороны русскихъ промышленниковъ и служащихъ русско-американской компаніи. Онъ, можно сказать, примирилъ и привязалъ алеутовъ къ русской культурѣ. Его труды по

---

[1] См. также В. И. Іохельсонъ. «Опись фольклорныхъ и лингвистическихъ матеріаловъ В. И. Іохельсона, хранящихся въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ». I. Алеуты. ИРАН 1918, 1981.

языку и этнографіи[1] алеутовъ являются, такимъ образомъ, не единственнымъ свѣтлымъ слѣдомъ его пребыванія на Алеутскихъ островахъ въ качествѣ миссіонера.

Готовясь въ 1908 г. въ Британскомъ музеѣ къ поѣздкѣ на Алеутскіе острова, я изучилъ также работу Веніаминова. Она дала мнѣ извѣстную подготовку по алеутскому языку, значительно ускорившую предварительную стадію его изученія. Но на мѣстѣ я скоро убѣдился, что Веніаминовъ не понялъ главныхъ основъ строенія алеутскаго языка. Я долженъ былъ отложить въ сторону его грамматику какъ пособіе и слѣдовать дальше собственнымъ путемъ. Я вернулся къ ней послѣ годового изученія языка, когда я могъ уже вполнѣ критически отнестись къ пониманію Веніаминовымъ алеутскаго языка. При помощи Сивцева и Ячменева я занялся исправленіемъ грамматики Веніаминова и вскорѣ выяснилъ, въ чемъ именно заключаются его ошибки. Впрочемъ, самъ Веніаминовъ хорошо сознавалъ недостаточность его пониманія языка. Съ обычной для него скромностью онъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ, осторожно названной имъ «Опытомъ грамматики», говоритъ: «Наконецъ, безъ всякихъ околичностей скажу моему читателю, что если бы я не былъ убѣжденъ въ томъ, что лучше написать посредственно о томъ, что знаешь и чего не знаютъ другіе, нежели, зная, не написать совсѣмъ ничего, то я никогда бы не принялся за такое дѣло, какъ составленіе грамматики языка дикаго и который скоро совсѣмъ исчезнетъ — тѣмъ болѣе, что и самыя познанія мои въ немъ не совершенно достаточны для того, чтобы составлять грамматику» (стр. XV).

Алеутская грамматика Веніаминова въ свое время явилась единственной обстоятельной работой по языку не только алеутовъ, но и другихъ племенъ сѣверо-тихо-океанскаго круга. Тогда собираніе матеріаловъ по языкамъ примитивныхъ племенъ нерѣдко являлось случайнымъ придаткомъ къ работамъ путешественниковъ-натуралистовъ или любознательныхъ чиновниковъ. Собранныя послѣдними записи словъ и фразъ, хотя и обрабатывались потомъ спеціалистами, но онѣ представляли собой весьма скудный для

---

[1] Двухтомный трудъ Веніаминова: «Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла», изданный въ 1840 г. на средства Россійско-американской Компаніи, до сихъ поръ является незамѣнимымъ источникомъ этнографическихъ свѣдѣній объ алеутахъ. Веніаминовъ перевелъ на алеутскій языкъ Евангеліе и свои поученія. «Творенія» митрополита Иннокентія (Москва, 1887) собраны и изданы Ив. Барсуковымъ, который напечаталъ и біографію его, подъ заглавіемъ: «Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ». Москва, 1883.

выводовъ матеріалъ, и въ большинствѣ случаевъ неправильно записанный[1]. Между тѣмъ изученіе языковъ указаннаго круга племенъ важно было не только для познанія новыхъ, неизвѣстныхъ еще формъ человѣческой рѣчи, но и какъ одно изъ средствъ для рѣшенія сложныхъ вопросовъ о доисторическихъ отношеніяхъ между племенами Америки и Азіи. Только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Веніаминова или весьма недавно появились болѣе обстоятельныя работы по языкамъ сѣверо-западныхъ индѣйцевъ, эскимосовъ и племенъ сѣверо-восточной Сибири.

Понятно, что работа Веніаминова обратила на себя вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ. Она была обработана двумя лингвистами: французомъ Анри (V. Henry. Esquisse d'une grammaire raisonnée de la langue aléoute d'après la grammaire et le vocabulaire de Ivan Véniaminov. Revue de Linguistique, vol. 11, pp. 424—457; vol. 12, pp. 1—62, Paris, 1878, 1879, 8°)[2] и нѣмцемъ Пфицмайеромъ (Dr. A. Pfizmaier. Die Sprache der Aleuten und Fuchsinseln[3]. Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Classe, Sitzungsberichte, B. 105, S. 801—880; B. 106, S. 237—316, Wien, 1884, 8°). Они, конечно, ввели въ свои очерки какъ фонетическія, такъ и морфологическія ошибки Веніаминова[4], которыя съ тѣхъ поръ повторяются и въ общихъ лингвистическихъ работахъ. Такъ какъ изданіе собранныхъ мной грамматическихъ матеріаловъ

---

[1] Какъ на добросовѣстныя работы ученыхъ лингвистовъ, въ основѣ которыхъ, къ сожалѣнію, лежали количественно скудные и качественно малопригодные матеріалы случайныхъ собирателей, я могу указать на нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ изданіяхъ Академіи Наукъ, о юкагирскомъ, чукотскомъ, гиляцкомъ и угалахмутскомъ языкахъ:

A. Schiefner. Über die Sprache der Jukagiren (Bull. Hist. Phil., XVI, 1859, pp. 241—253 и Mél. asiat., III, pp. 595—612); Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache (Bull., XVI, 1871, pp. 373—399 и Mél. asiat., VI, pp. 409—446); Über Baron v. Maydell's jukagirische Sprachproben (Bull., XVII, 1871, pp. 86—103 и Mél. asiat., VI, pp. 600—626).

L. Radloff. Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen, St. P. 1861, 40 (Mém. de l'Acad. III, № 10); Über die Sprache der Ugalachmut (Bull. XV, и Mélanges russes, III, pp. 468—524).

Dr. W. Grube. Giljakisches Wörterverzeichniss nebst grammatischen Bemerkungen (Anhang zum III B. der Reisen u. Forschungen im Amurlande v. Dr. Leop. v. Schrenck, Lief. 1).

[2] Очеркъ алеутской грамматики Анри выпущенъ также въ 1879 фирмой Maisonneuve et C-ie, libraires-éditeurs, Paris, Quai Voltaire, 25, отдѣльнымъ изданіемъ.

[3] Заглавіе работы Веніаминова Пфицмайеръ неточно перевелъ, ибо «Die Sprache der Aleuten und Fuchsinseln» значитъ: «Языкъ алеутовъ и Лисьевскихъ острововъ» (или «языкъ алеутскихъ и лисьевскихъ острововъ», но тогда слѣдовало бы послѣ Aleuten поставить =), а не «языкъ Алеутско-Лисьевскихъ острововъ».

[4] И такъ какъ на основаніи матеріала Веніаминова оба лингвиста сдѣлали и нѣкоторые собственные выводы, то къ ошибкамъ Веніаминова прибавились еще новыя; въ особенности это надо сказать относительно Анри.

состоится не скоро, только послѣ обработки и изданія фольклорныхъ текстовъ и словаря, то считаю не лишнимъ въ этой предварительной статьѣ указать на основныя ошибки Веніаминова. Въ виду ограниченности размѣровъ этой работы, я пока оставлю въ сторонѣ вопросы фонетики и синтаксиса, а изъ словопроизводства ограничусь—разборомъ только основныхъ формъ измѣненій именъ и формъ изъявительнаго наклоненія глаголовъ.

Такъ какъ я не касаюсь въ этой статьѣ фонетики, то приводимые мною примѣры изъ грамматики Веніаминова я передаю своей транскрипціей.

Приводимые мною въ этой работѣ собственные примѣры, за исключеніемъ наиболѣе элементарныхъ, не составлены мной ad hoc, а взяты изъ текстовъ или изъ лингвистическихъ записей, сдѣланныхъ на мѣстѣ при помощи моихъ переводчиковъ.

Прибавлю, что все сказанное въ этой статьѣ касается только восточнаго нарѣчія или «алеутско-лисьевскаго» по Веніаминову.

I.

Измѣненіе именъ существительныхъ.

Падежныя окончанія. Я уже указалъ въ своей предыдущей статьѣ[1] объ алеутскомъ языкѣ, что падежныхъ суффиксовъ въ немъ только два: для абсолютнаго и относительнаго падежей,—которые можно также называть именительно-винительнымъ и родительнымъ падежами,—и что функціи другихъ косвенныхъ падежей (за исключеніемъ instrumentalis и comitativus) выполняетъ относительный падежъ въ связи съ классомъ мѣстоименій, названныхъ мной препозиціонными или предложными. Правильнѣе можетъ быть ихъ было назвать постпозиціонными, ибо, употребленные не самостоятельно, они ставятся послѣ имени. Въ упомянутой статьѣ я не показалъ образованія формъ instrum. и comit. Въ связи съ исправленіемъ падежныхъ окончаній Веніаминова я укажу ихъ образованіе въ этой статьѣ.

Веніаминовъ дѣлитъ падежи на три класса, на: «неопредѣленные», «притяжательные» и «личные творительные или орудные».

Неопредѣленныхъ падежей пять: именительный, родительный, дательный, винительный и предложный. Такъ какъ по Веніаминову винительный падежъ сходенъ съ именительнымъ, разсмотримъ остальные четыре падежа. Пока вопросъ идетъ о падежныхъ окончаніяхъ единственнаго числа.

---

[1] В. И. Іохельсонъ. «Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка» (ИАН. 1912. 1031—1046).

Именительный падежъ (§ 33, п. 1) по Веніаминову имѣетъ два окончанія: «обыкновенное» (ádax, tayáḡux, cax —отецъ, человѣкъ, рука) и «усѣченное» (adá, tayaḡú, cā)[1]. Эти примѣры приведены самимъ Веніаминовымъ, но когда именно употребляется то или другое окончаніе, онъ не указываетъ. На самомъ же дѣлѣ, то, что Веніаминовъ называетъ усѣченнымъ окончаніемъ, есть окончаніе именительнаго падежа съ притяжательнымъ элементомъ единственнаго числа. При чемъ singul. относится только къ объекту владѣнія, а не къ владѣльцу. Такъ, adá можетъ означать — его, ихъ двоихъ или ихъ отецъ. Это притяжательное окончаніе, мнѣ кажется, происходитъ отъ *ā* (причастная форма глагола *a*—быть) — сущій, имѣющійся. При этомъ конечная гласная основы имени сливается съ *ā* въ одинъ долгій звукъ. Напр., da-x, asxínu-x, úgi-x (глазъ, дочь, мужъ) съ притяжательнымъ элементомъ единственнаго числа 3-го лица будутъ dā (da+ā), asxinú (asxínu+ā), ugī́ (úgi+ā).

Для «обыкновеннаго» окончанія именительнаго падежа Веніаминовъ приводитъ еще два суффикса — *x* и *g*, но значеніе этихъ окончаній онъ очевидно себѣ не выяснилъ. Дѣло въ томъ, что въ алеутскомъ языкѣ для абсолютнаго падежа, — и вмѣстѣ съ тѣмъ для 3-го лица единственнаго числа всѣхъ глагольныхъ формъ изъявительнаго наклоненія[2], — имѣется одинъ и тотъ же, и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный суффиксъ — *x*. Именно *x* и *g* (собственно не *g*, а *ñ*) являются неполными, сокращенными окончаніями абсолютнаго падежа. Такія слова довольно часто встрѣчаются. Такъ, напр., вмѣсто alígix, añnágix, ukcíñix (старикъ, дрегалка, песецъ) употребляется въ рѣчи alíx, añnáx, ukcíñ. При этомъ въ первомъ примѣрѣ увулярный звукъ *g* переходитъ на концѣ слова въ соотвѣтствующій ему — *x*, а во второмъ — велярный — *g* въ *x*. Въ первомъ примѣрѣ хотя конечнымъ звукомъ является *x*, но это не суффиксъ абсолютнаго падежа. Что мы имѣемъ тутъ дѣло съ усѣченными словами, это прежде всего видно изъ ударенія. Двусложныя слова вообще имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ, а эти—на второмъ. Во вторыхъ—изъ образованія относительнаго падежа и притяжательныхъ формъ. Такъ, относительный падежъ этихъ трехъ примѣровъ будетъ alígim, añnágim, ukcíñim, а не — álim, áñnam, úkcim. Притяжательная форма единственнаго числа 3-го лица, т. е. «усѣченная» форма именительнаго падежа Веніаминова будетъ: aligī́, añnagī́,

---

[1] Замѣчу, что у Веніаминова показано удареніе на конечныхъ гласныхъ приведенныхъ примѣровъ «усѣченнаго» окончанія именит. падежа, но не отмѣчено ихъ удлиненіе.

[2] Эта форма глагола можетъ также имѣть значеніе имени.

ukciñi', а не — alī', añná, ukci'; двойственное число будетъ: alĭg̣ix, añnágix, ukcĭñix, а не — álix, áñnax, úkcix, и т. д.

Суффиксомъ родительнаго, т. е. относительнаго, падежа Веніаминовъ правильно отмѣтилъ *m* (§ 33, п. 2), но все значеніе этого падежа для выраженія отношеній между даннымъ именемъ и другими предметами повидимому ускользнуло отъ его вниманія.

Дательный падежъ, по Веніаминову (§ 33, п. 3), оканчивается на man. Напр., adamán — отцу. Но такого суффикса нѣтъ. Какъ я уже указалъ въ предыдущей статьѣ[1], дательный падежъ выражается относительнымъ падежемъ (ádam) съ прибавленіемъ къ нему дательнаго падежа личнаго мѣстоименія 3-го лица единственнаго числа (ñan): ádam-ñán = отца-ему, т. е. отцу. Надо замѣтить, что на ñan находится главное удареніе и ádam-ñán, сказанное въ быстрой рѣчи или стариками можетъ показаться обыкновенному слуху adamán.

Предложный падежъ, говоритъ Веніаминовъ (§ 33, п. 5), имѣетъ окончаніе gan, а иногда въ причастіяхъ — gam. Но падежнаго окончанія gam вовсе нѣтъ. На это окончаніе Веніаминовъ не даетъ даже примѣра. Только слова, основы которыхъ кончаются на ga, могутъ имѣть въ окончаніи gam, но это будетъ относительный (или родительный Веніаминова) падежъ. Напр.

ayága-x̊ — женщина; ayága-m — женщины. Что же касается gan, то это суффиксъ относительнаго падежа 3-го лица единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ. Напр.:

adá (абсолютный падежъ 3-го лица единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ) ulag̈ikux̊ = его отецъ имѣетъ домъ, и

adágan (относительный падежъ 3-го лица единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ) ulá (отъ úlax̊) añunákux̊ = домъ его отца великъ. Въ этомъ примѣрѣ послѣ относительнаго падежа съ притяжательнымъ элементомъ слѣдуетъ абсолютный падежъ съ притяжательнымъ элементомъ и прилагательное (añúnax̊ — большой) съ элементомъ настоящаго времени (ku) и буквальный переводъ этого примѣра: «Его (3-го лица) отца его (т. е. отца) домъ есть (въ настоящемъ) великъ».

Повидимому, Веніаминовъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ томъ, что gan есть окончаніе предложнаго падежа. Это видно изъ того, что, давъ примѣръ adagan, онъ не даетъ его перевода, а также изъ примѣчаніи 9

---

[1] В. И. Іохельсонъ. «Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка». ИАН, 1912.

и 10 къ § 33 (стр. 11): «Слова, кончающіяся на ix̕, говоритъ Веніаминовъ въ примѣчаніи 9, предложнаго падежа не имѣютъ и вмѣсто него употребляется родительный падежъ, напр., ïnix̕ — небо, вмѣсто inïgan ilā̆n, употребляется ïnim ilā̆n». Но во-первыхъ, «съ неба» и по-русски не предложный падежъ; во-вторыхъ, ïnix̕, какъ и другія имена существительныя, кончающіяся на ix̕ (напр., ámix̕ — дядя по матери; ā̆gix̕ — печень; ánix̕ — озеро), принимаютъ окончаніе gan какъ и всѣ прочія имена, напр.:

Agúgum inïgan ilā̆n — «съ божьяго неба», буквально — «Бога его неба съ него»; или — amïgan ïlan agakúqiñ = я вошелъ къ его дядѣ.

Въ примѣч. 10 къ § 33 сказано: «Предложный падежъ часто употребляется вмѣсто родительнаго, напр., añā́gan añā́ — половина половины или четверть. И также наоборотъ, родительный падежъ вмѣсто предложнаго, напр. вмѣсто adágan ilā̆n иногда говорится ádam ilā̆n». Послѣднихъ двухъ примѣровъ, значеніе которыхъ вовсе не одинаково, Веніаминовъ не переводитъ. Обѣ формы (adágan и ádam) образуютъ относительный падежъ, но первая заключаетъ въ себѣ притяжательный элементъ, а вторая нѣтъ. Напр.:

adágan ilā̆n itikúqiñ = я вышелъ отъ его отца; но
ádam ilā̆n itikúqiñ = я вышелъ отъ батюшки.

Словомъ ádax̕ называютъ теперь также священника, вмѣсто другого слова — kámgam tukū́ (т. е. «хозяинъ молитвы»). Въ смыслѣ «родителя» должно быть указано, о чьемъ отцѣ идетъ рѣчь — объ отцѣ лица говорящаго или другого лица. Напр.:

adā́m ilā̆n itïkux̕ = онъ вышелъ отъ своего отца;
adágan ilā̆n itïkux̕ = онъ вышелъ отъ его (3-го лица) отца.

Объ añágan añā можно сказать, что обѣ эти формы заключаютъ въ себѣ притяжательный элементъ, но первая образуетъ относительный, а вторая абсолютный падежъ. Такъ, напр.:

yágam añágan añā́ = четверть дерева; буквально — «дерева — его половины — ея половина», т. е. половина половины дерева.

Замѣчу, что áñax̕ означаетъ продольную половину предмета. Половина въ поперечномъ разрѣзѣ будетъ áñtax̕. Поэтому «четверть» (напр. дерева) можетъ быть выражена въ четырехъ терминахъ:

yágam añágan añā́ = четверть дерева въ продольномъ разрѣзѣ (доска)

yágam añtágan añtá = четверть дерева въ поперечномъ разрѣзѣ (колодка)
yágam añágan añtá = поперечная половина продольной половины дерева
yágam añtágan añá = продольная половина поперечной половины дерева.

Какъ Анри, такъ и Пфицмайеръ (статья I, стр. 815) повторяютъ о «предложномъ» падежѣ то, что говоритъ Веніаминовъ, но Анри все жъ таки называетъ этотъ падежъ «относительнымъ» (I, p. 439), но на томъ основаніи, что въ алеутскомъ языкѣ отсутствуютъ предлоги, и потому не можетъ быть предложнаго падежа, какъ въ русскомъ. Но это резонъ формальный, а не функціональный. Функціи же этого падежа, сознается самъ Анри, мало выяснены. Мы видимъ, что Анри подошелъ къ этому падежу правильно; онъ только не зналъ, что въ этой формѣ имѣется притяжательный элементъ.

Относительно двойственнаго и множественнаго чиселъ именъ, Веніаминовъ говоритъ (§§ 34, 35), что они имѣютъ только два падежа: именительный и дательный. Почему эти числа лишены указанныхъ имъ падежныхъ окончаній единственнаго числа, Веніаминовъ не пытается объяснить. Въ дѣйствительности оба эти числа имѣютъ по одному окончанію — какъ для абсолютнаго, такъ и для относительнаго падежа. Почему, я потомъ объясню. Пока разберемъ падежныя окончанія для dual. и plural. Веніаминова.

Именительный падежъ двойственнаго числа оканчивается на kix или gix, а множественнаго числа — на *n* или ñin, говоритъ Веніаминовъ. На самомъ дѣлѣ двойственное число имѣетъ единственный суффиксъ — *x*, а множественное число — *n* — какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ. Окончанія же kix (а не kik̇, какъ пишетъ Веніаминовъ) и ñin состоятъ изъ суффиксовъ двойственнаго (*x*) и множественнаго числа (*n*) и инфиксовъ ki и ñi, являющихся притяжательными элементами, относящимися къ объекту владѣнія. Напр.:

áda-x—два отца; adá-ki-x—его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ два отца
áda-n—отцы; adá-ñi-n—его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ отцы.

Дальше, въ окончаніи gix только *x* является суффиксомъ двойственнаго числа. Изъ примѣра на gix, который даетъ Веніаминовъ (singul. kannúx — сердце; dual. kannúgix), видно, что ему не было извѣстно, что kannúx употребляется вмѣсто kannúgiẋ, т. е. что gi въ dual. kannúgix относится къ основѣ, а не къ суффиксу.

Окончаніемъ дательнаго падежа, согласно Веніаминову, служитъ для dualis kin (напр. adakin = двумъ отцамъ), для pluralis nin (напр. adanïn = отцамъ) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. На самомъ дѣлѣ adákin означаетъ: «твои два отца», а формы adanïn вовсе нѣтъ. Очень можетъ быть, что непривычному слуху ádam-ñïn (о чемъ см. дальше) можетъ показаться какъ adanïn. Dativ. двойственнаго и множественнаго чиселъ образуется изъ относительной формы singularis съ прибавленіемъ личныхъ мѣстоименій: ïkin = имъ двоимъ и ñïn = имъ многимъ: ádam-ïkin = отца — имъ двоимъ, т. е. двумъ отцамъ; ádam-ñïn = отца — имъ многимъ, т. е. отцамъ.

Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ явствуетъ, почему въ dualis и pluralis нѣтъ особаго окончанія для относительнаго падежа. Морфологія языка считаетъ достаточнымъ выраженіе двойственности и множественности въ одномъ только постпозиціонномъ мѣстоименіи, оставивъ имя въ относительномъ падежѣ singularis. Хотя вмѣсто ádam-ïkin и ádam-ñïn можно сказать ádax-ïkin и ádan-ñin (когда имя, — ádax и ádan, — тоже поставлены въ двойственномъ или множественномъ числѣ), но первыя двѣ формы (ádam-ïkin и ádam-ñin) болѣе соотвѣтствуютъ духу языка. Эти именно формы главнымъ образомъ встрѣчаются въ фольклорныхъ текстахъ.

«Притяжательные падежи» Веніаминова. Мы видѣли, что нѣкоторые изъ притяжательныхъ элементовъ Веніаминовъ считалъ простыми падежными суффиксами. Такъ, adā (его, ихъ двоихъ, ихъ отецъ), adákix (его, ихъ двоихъ, ихъ два отца), adáñin (его, ихъ двоихъ, ихъ отцы) и adákin (твои два отца), по Веніаминову означаютъ: отецъ, два отца, отцы и двумъ отцамъ. Въ своемъ же отдѣлѣ о «притяжательныхъ падежахъ» (§§ 36—39) онъ даетъ только слѣдующіе примѣры на притяжательныя окончанія: ádañ — мой отецъ; adániñ — мои отцы; adān — твой отецъ; adáci — ваши отцы и adáñin — ихъ отцы. Другія формы скрываются подъ: «и проч.». Надо замѣтить, что тутъ окончаніе ñin правильно разсматривается какъ притяжательное, но раньше мы видѣли, что Веніаминовъ считалъ его также однимъ изъ окончаній для pluralis безъ притяжательнаго элемента.

Давъ *только* указанные выше примѣры для «притяжательныхъ падежей», Веніаминовъ дѣлитъ однако эти падежи (см. § 38) на: «одноличные», которые «употребляются тогда, когда одинъ предметъ или многіе относятся къ одному лицу»; «многоличные», которые «употребляются тогда, когда одинъ предметъ или многіе относятся къ многимъ лицамъ»; «безличные»,

которые «употребляются тогда когда въ русскомъ языкѣ должно сказать свой, свои». Подъ этой терминологіей, неясной за отсутствіемъ примѣровъ, надо понимать слѣдующее.

Во-первыхъ, три числа (singul., dual. и pluralis) могутъ относиться съ одной стороны къ объекту владѣнія, съ другой—къ владѣльцу. Все это должно быть выражено извѣстными грамматическими элементами. Во-вторыхъ, когда владѣльцемъ является 3-ье лицо, то въ притяжательномъ элементѣ объекта дѣйствія указывается принадлежность его дѣйствующему лицу или другому третьему лицу. Напр.: «Онъ привелъ *своего* сына» или «онъ привелъ *его* сына»; «онъ живетъ въ *своемъ* домѣ» или «онъ живетъ въ *его* домѣ». Когда мы употребляемъ мѣстоименіе «свой» и «свои» и т. д. вмѣсто личныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ, то оно только особо подчеркиваетъ или усиливаетъ принадлежность предмета. Но «я живу въ *своемъ* домѣ» и «я живу въ «*моемъ*» домѣ»—синонимы. «Свой» и «мой» указываютъ тутъ принадлежность «дома» одному и тому же лицу. Въ приведенныхъ же выше примѣрахъ съ третьимъ лицомъ «свой» и «его» относятъ владѣніе предметомъ къ разнымъ хозяевамъ. Вотъ это различіе имѣетъ свое грамматическое выраженіе и въ алеутскомъ языкѣ.

Анри и Пфицмайеръ различно отнеслись къ обработкѣ отдѣла Веніаминова о «притяжательныхъ падежахъ». Послѣдній (I, стр. 816), признавъ недостаточность матеріала, привелъ только то, что содержится у Веніаминова. Не такъ сдѣлалъ Анри. Онъ выбралъ изъ примѣровъ Веніаминова,—самихъ по себѣ часто неправильныхъ,—всѣ притяжательные элементы, относящіеся къ владѣльцу и объекту владѣнія, и недостающія формы построилъ самъ по аналогіи, скомбинировавъ притяжательные элементы съ окончаніями для чиселъ. Такимъ образомъ Анри составилъ (I, 445—446) сложную «таблицу теоретически вѣрную, хотя можетъ быть и ошибочную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (un paradigme théoriquement exact, mais peut-être défectueux en certains points)». Разумѣется, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ притяжательныхъ аффиксовъ, таблица въ цѣломъ представляетъ формы вымышленнаго языка, а не алеутскаго. Изъ 36 формъ таблицы только 6 болѣе или менѣе правильны. Искусственность ея еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Анри безъ всякихъ основаній ввелъ въ транскрипцію алеутскаго языка (вѣроятно по аналогіи съ эскимосскимъ нарѣчіемъ, описаннымъ Petitot) отсутствующіе въ немъ гласные звуки *e* (то вмѣсто *a*, то вмѣсто *i*) и *o* (вмѣсто *u*). Но къ этому я вернусь въ другомъ мѣстѣ. Для экономіи мѣста здѣсь я не буду приводить таблицу Анри. Интересующіеся найдутъ ее въ его работѣ (Статья I,

стр. 445—446). Но для исправленія таблицы Анри и для дополненія и исправленія Веніаминова я помѣщаю здѣсь полную таблицу притяжательныхъ формъ въ ихъ связи съ окончаніями для чиселъ. Для примѣра я беру то слово tânax, которое взялъ Анри. Tánax̔ означаетъ: земля, страна, родина, мѣстожительство, селеніе и также островъ.

Чтобы облегчить разборъ приводимыхъ въ таблицѣ формъ при ссылкѣ на нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, я отмѣчаю ихъ общей порядковой нумераціей. Кромѣ того, какъ это дѣлаетъ Анри, я отмѣчаю число объекта владѣнія при помощи Е, Д, М (единств., двойств., множеств.) и черезъ Е', Д', М' число владѣльца.

Первое лицо.

1. ЕЕ' tâna-ñ .... моя земля
2. ЕД' túman tâna-x .... насъ двоихъ земля
3. ЕМ' túman tâna-x .... наша земля

---

4. ДЕ' taná-ki-ñ .... мои двѣ земли
5. ДД' túman tâna-x .... насъ двоихъ двѣ земли
6. ДМ' túman tâna-x .... наши двѣ земли

---

7. МЕ' taná-ni-ñ .... мои земли
8. МД' túman tâna-n .... насъ двоихъ земли
9. ММ' túman tâna-n .... наши земли

Второе лицо.

10. ЕЕ' taná-n .... твоя земля
11. ЕД' taná-dix .... васъ двоихъ земля
12. ЕМ' taná-ci .... ваша земля

---

13. ДЕ' taná-ki-n .... твои двѣ земли
14. ДД' txïdix taná-dix .... васъ двоихъ двѣ земли
15. ДМ' txïci taná-dix .... ваши двѣ земли

---

16. МЕ' taná-txi-n .... твои земли
17. МД' txïdix taná-ci .... васъ двоихъ земли
18. ММ' txici taná-ci .... ваши земли

Третье лицо.

19. ЕЕ' (amán) taná...............(того) земля
20. ЕД' (amákux) taná.............(тѣхъ) двоихъ земля
21. ЕМ' (amákun) tanā.............(тѣхъ) многихъ земля

---

22. ДЕ' (amán) taná-kix..........(того) двѣ земли
23. ДД' (amákux) taná-kix........(тѣхъ) двоихъ двѣ земли
24. ДМ' (amákun) taná-kix........(тѣхъ) многихъ двѣ земли

---

25. МЕ' (amán) taná-ñin..........(того) земли
26. МД' (amákux) taná-ñin.......(тѣхъ) двоихъ земли
27. ММ' (amákun) tanáñin........(тѣхъ) многихъ земли

Возвратное третье лицо.

28. ЕЕ' taná-n..................онъ свою землю
29. ЕД' taná-dix................они двое свою землю
30. ЕМ' taná-ci..................они свою землю

---

31. ДЕ' taná-ki-n................онъ свои двѣ земли
32. ДД' txïdix taná-dix..........они двое свои двѣ земли
33. ДМ' txïci taná-dix...........они свои двѣ земли

---

34. МЕ' taná-txi-n..............онъ свои земли
35. МД' txïdix taná-ci...........они двое свои земли
36. ММ' txïci taná-ci............они свои земли.

Изъ этой таблицы можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Формы, заключающія въ себѣ элементы, указывающіе число какъ объекта владѣнія, такъ и владѣльца, отмѣчены номерами: 1, 4, 7, 10, 11, 12, 13, 16, 28, 29, 30, 31, 34. Всѣ онѣ образованы при помощи окончанія числа и сокращеннаго лично-притяжательнаго мѣстоименія.

Tánañ (1) = tánax' (земля, singul.) + tiñ (я и мой), при чемъ ẋti опущено.

Tanakiñ (4) состоитъ изъ tánañ съ инфиксомъ dualis ki отъ ïkin— имъ или ихъ двоихъ.

Tanániñ (7) состоитъ изъ tánan (земля plur.) и tiñ.

Tanán (10) = tánax' + txin (ты и твой).

Tanádix (11) = tánax̊ + txïdix (вы двое и вашъ).
Tanáci (12) = tánax̊ + txïci (вы и вашъ).
Tanákin (13) = tanãn съ инфиксомъ элемента dualis ki.
Tanátxin (16) = tánan (земли) + txin (ты и твой).

О номерахъ 28—31 и 34 см. дальше о формахъ возвратнаго третьяго числа.

2. Въ формахъ перваго и второго лица подъ №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 14, 15, 17 и 18 двойственное или множественное число владѣльца обозначено отдѣльно—лично-притяжательными мѣстоименіями: túman = мы и нашъ, txidix = вы двое и вашъ (двоихъ) и txici = вы и вашъ. При чемъ «мы двое» и «мы многіе» выражаются одной и той же формой túman. Весьма возможно, что отдѣльная форма для dualis перваго лица теперь утратилась. Мы не находимъ ея также у Веніаминова. Можно также допустить, что въ болѣе древній періодъ исторіи языка число владѣльца выражалось во всѣхъ формахъ инфиксомъ между основой объекта владѣнія и окончаніемъ для его числа или суффиксомъ. Одна такая форма сохранилась въ аткинскомъ діалектѣ. «Наша земля» по аткински будетъ: tanámas вмѣсто tïmas tánax̊. Надо замѣтить, что въ аткинскомъ діалектѣ окончаніемъ множественнаго числа служитъ не *n*, а *s*. Такъ, зéмли = tánas, а не tánan.

3. Во всѣхъ формахъ третьяго лица притяжательный элементъ указываетъ число только объекта владѣнія. Число владѣльца указывается его именемъ или замѣняющимъ его адвербіальнымъ мѣстоименіемъ въ относительномъ падежѣ. Въ таблицѣ я взялъ для примѣра адвербіальное мѣстоименіе áman = тотъ, который вдали, внѣ поля зрѣнія. Съ именемъ будетъ такъ:

angágim (относительный падежъ единственнаго числа отъ angágix̊) tanã, tanákix или tanãñin = земля, двѣ земли или земли человѣка. Однако по отношенію къ pluralis мѣстоименнаго владѣльца при singul. объекта владѣнія употребляется также старинная форма tanádin (= ихъ земля, вмѣсто amákun tanã), которая заключаетъ въ себѣ оба элемента.

angágix tanã, tanákix или tanãñin = земля, двѣ земли или земли двухъ людей.

angágin tanã, tanákix или tanãñin = земля, двѣ земли или земли людей.

Однако въ текстахъ встрѣчаются отступленія отъ этихъ правилъ, которыя я оставилъ не исправленными, хотя переводчики при указаніи мной на эти формы быстро соглашались, что онѣ неправильны. Весьма воз-

можно, что эти «неправильности» являются остаткомъ болѣе древняго ихъ употребленія. Такъ, напр.:

tayágum ayagáñin или tánam tayagúgan ayagáñin часто употребляются не въ смыслѣ: «жёны человѣка» или «жёны человѣка селенія», а въ значеніи: «жёны людей» или «жёны людей селенія». Tayágux̀ = человѣкъ, мужчина; ayágax̀ = женщина, жена. Точно такъ же встрѣчаются въ текстахъ такія формы, какъ, напр., lákix (отъ lax̀ — сынъ) не въ смыслѣ «его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ два сына», а въ смыслѣ «ихъ двоихъ сынъ», т. е., элементъ dualis ki относится не къ объекту владѣнія, а къ владѣльцу.

4. Какъ видно изъ таблицы, формы «возвратнаго» третьяго лица одинаковы съ формами второго лица. Номера 28—31 и 34 тѣ же, что 10—13 и 16. Дѣло въ томъ, что въ алеутскомъ языкѣ лично-притяжательныя мѣстоименія второго лица по отношенію къ третьему лицу являются возвратными. Txin = ты, тебя и твой по отношенію къ третьему лицу значитъ: себя, свой. Txidix = вы двое, васъ двоихъ и вашъ, и также: они двое себя и они двое свой, свои; txici = вы, васъ и вашъ, и также: они себя и они свой, свои. Исключеніе составляетъ дательный падежъ единственнаго и множественнаго числа. Такъ: ïmin = тебѣ, ïmci = вамъ и igïm = онъ себѣ (ему будетъ ñan), ïmdin (болѣе древняя форма ïmañ) — они себѣ. Въ двойственномъ числѣ одна и та же форма ïmdix = вамъ двоимъ и они двое себѣ. Но древняя форма (ïmax = они двое себѣ) тоже отлична отъ ïmdix.

Въ § 39 и въ примѣчаніи 16 (стр. 15) имѣется у Веніаминова ссылка на таблицу съ примѣрами притяжательныхъ падежей; но подобной таблицы нигдѣ въ грамматикѣ Веніаминова нѣтъ. На это обстоятельство указываютъ также какъ Pfizmaier (I, 816), такъ и Henri (I, 444). Отсутствіе обѣщанной таблицы тѣмъ болѣе досадно, что въ упомянутомъ уже § 39 Веніаминовъ говоритъ, не указывая примѣровъ, слѣдующее: «Притяжательныхъ падежей въ отношеніи къ вопросамъ два: именительный или общій и дательный; но въ нѣкоторыхъ числахъ и лицахъ имѣется и третій падежъ предложный или родительный, а потому для избѣжанія особеннаго постановленія правилъ и исключеній какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ томъ: какой падежъ употребляется вмѣсто предложнаго тамъ, гдѣ онаго не имѣется, — я во всѣхъ числахъ и лицахъ одноличныхъ и многоличныхъ положилъ въ примѣрѣ три падежа: именительный, дательный и предложный; а въ безличныхъ: винительный, дательный и предложный, потому что въ семъ случаѣ именительнаго не имѣется».

Что въ «безличныхъ притяжательныхъ падежахъ» нѣтъ именительнаго падежа, это понятно, потому что въ именительномъ ставится владѣлецъ, напр.:

Túkux̓ tanān ukúkux̓ = хозяинъ увидѣлъ свое селеніе. Но дѣло въ томъ, что въ алеутскомъ языкѣ винительный падежъ ничѣмъ не отличается отъ именительнаго. Что же касается дательнаго и предложнаго падежей, то неизвѣстно, что именно подъ ними подразумѣваетъ Веніаминовъ. Надо только сказать, что формы именъ съ притяжательными окончаніями имѣютъ кромѣ абсолютнаго или именительнаго падежа еще относительный или родительный падежъ и элементомъ послѣдняго служитъ извѣстный уже суффиксъ *m*. Въ притяжательныхъ формахъ *m* является однако въ большинствѣ случаевъ инфиксомъ, напр.:

adān (абсолютный падежъ) hwaĝákux̓ = твой отецъ сюда пришелъ.

adámin (относительный падежъ) talā́ hwaĝákux̓ = рабъ твоего отца сюда пришелъ, буквально = «твоего отца рабъ его сюда пришелъ». *i* между элементомъ относительнаго падежа *m* и притяжательнымъ окончаніемъ *n* вставляется для благозвучія.

Слѣдующіе номера таблицы съ притяжательными элементами остаются безъ измѣненій въ относительномъ падежѣ, т. е. онъ одинаковъ съ абсолютнымъ: 1, 4—9, 13, 16, 22—27, 31 и 34. Надо замѣтить, что совершенно непонятно, почему напримѣръ относительный падежъ отъ tanān (твоя земля) = tanámin, а отъ tánañ (моя земля) нельзя образовать tanámiñ, хотя образованія съ такимъ окончаніемъ обычны въ препозиціонныхъ мѣстоименіяхъ[1]. Напр., изъ ïlan — въ немъ первое лицо будетъ ilámiñ или ilïmiñ (во мнѣ), ilámin или ilïmin (въ тебѣ) и т. д. Нельзя также сказать, что форма tánamiñ утратилась только въ современной алеутской рѣчи. Она не сохранилась также въ образцахъ героическаго эпоса, языкъ котораго значительно отличается отъ разговорнаго. Настоящіе алеутскіе сказочники предпосылаютъ каждому сказыванію въ видѣ общаго заголовка: «tánañ ahwā́» = «работа моей земли», т. е. что это есть творчество страны, а не индивидуальное. Тутъ tánañ является формой относительнаго падежа.

Слѣдующіе номера таблицы получаютъ въ относительномъ падежѣ инфиксъ *m*: 10—12, 14, 15, 17, 18, и будемъ имѣть:

10 — tanámin . . . . твоей земли

11 — tanámdix . . . . вась двоихъ земли

---

[1] О препозиц. мѣстоименіяхъ см. мою статью: «Замѣтки о фонетич. и т. д.», стр. 1039.

12 — tanámci .... вашей земли
14 — txĭdix tanámdix .... васъ двоихъ двухъ земель
15 — txĭci tanámdix .... вашихъ двухъ земель
17 — txĭdix tanámci........... васъ двоихъ земель
18 — txĭci tanámci .... вашихъ земель

Надо еще прибавить, что форма tanádin (ихъ земля) тоже имѣетъ относительный падежъ tanamdin = ихъ земли.

m въ качествѣ суффикса принимаютъ номера 2, 3 и 28:

2 и 3 — túman tánam .... насъ двоихъ или нашей земли.
28 — tanâm............. онъ своей земли, напр.:

Túkux̓ tanâm tayagúñin ukúkux̓ = хозяинъ (также: вождь, глава, родоначальникъ, староста) увидѣлъ людей своего селенія.

Отлично отъ предыдущихъ формъ образуется относительный падежъ отъ номеровъ 19—21. Вмѣсто *m* они принимаютъ суффиксъ gan.

tanágan .... его, ихъ двоихъ, ихъ земли.

Въ связи съ «притяжательными падежами» Веніаминова я коснусь его примѣчанія 16[1]: «Ánax̓ мать и нѣкоторыя другія въ притяжательномъ одноличномъ единственнаго числа второго лица употребляются двояко: anaminán и anadaminán = твоей матери, здѣсь частица da есть та же, которая вставляется въ глаголъ (см. § 125) (и кажется должна употребляться тогда, когда говорится о неоднократныхъ дѣйствіяхъ, относящихся къ кому либо: но многіе употребляютъ безъ разбора)». По поводу содержанія этого примѣчанія надо сказать, что «твоей матери» будетъ: anámin-ñán (а не anaminán). Это обычное образованіе дательнаго падежа при помощи относит. падежа и личнаго мѣстоименія третьяго лица ñan, т. е. твоей матери ей. То же самое: anadámin-ñán, а не anadaminán. При чемъ частица da въ именахъ является уменьшительнымъ или ласкательнымъ элементомъ. Въ глагольныхъ формахъ da означаетъ многократность дѣйствія въ смыслѣ его повторяемости. Anámin-ñán можетъ иной разъ имѣть въ предложеніи значеніе не дательнаго падежа и ñán (ему) тогда будетъ указывать на другое, третье лицо. Напр.:

anámin-ñán qax agĭkux̓ = онъ далъ рыбу твоей матери, а anámin-ñán agikû = твоя мать ему его (или это, то) дала. Это форма глагола со включеннымъ объектомъ, когда субъектъ предложенія ставится въ относительномъ падежѣ (см. дальше: «глаголъ»).

---

[1] См. стр. 17. У Веніаминова есть два примѣчанія подъ номеромъ 16, очевидно по ошибкѣ. На одно изъ нихъ (со стр. 15) я уже указалъ выше.

«*Личные творительные падежи*». «Личные творительные или орудные падежи», говоритъ Веніаминовъ, «употребляются тогда, когда безличныя мѣстоименія слѣдуетъ употребить въ творительномъ падежѣ, напр. я, ты, онъ своей рукой (§ 38, п. 1).» Значитъ, «личные творительные падежи» заключаютъ въ себѣ какъ притяжательный, такъ и инструментальный элементъ. Эти «падежи» Веніаминовъ подробно разработалъ въ особой таблицѣ, которую я тутъ привожу, чтобы разобраться въ приведенныхъ въ ней формахъ.

Для удобства анализа приводимыхъ въ таблицѣ формъ, я отмѣчаю ихъ общей порядковой нумераціей.

Личные творительные падежи.

(По Веніаминову).

Единственное число орудія и владѣльца.

1. cáñán . . . . я своей рукой.
2. cánán . . . . ты » »
3. cánán или cánïn . . . . онъ » »

Двойственное число орудія и единственное число владѣльца.

4. cakiñán . . . . я своими обѣими руками
5. cakinán . . . . ты » » »
6. cakinán . . . . онъ » » »

Множественное число орудія и единственное число владѣльца.

7. cániñán . . . . я своими руками
8. catxinán . . . . ты » »
9. cátxinán . . . . онъ » »

Формы двойственнаго числа владѣльца отсутствуютъ (т. е. мы двое, вы двое, они двое своей, своими двумя или своими руками нельзя сказать).

Единственное число орудія и множественное число владѣльца.

10. cax̓ án . . . . мы своей рукой
11. canán . . . . вы » »
12. canán . . . . они » »

Двойственное число орудія и множественное число владѣльца.

13. cax ïn . . . . мы своими обѣими руками
14. cákinán . . . . вы » » »
15. cakïxin. . . . . они » » »

Множественное число орудія и владѣльца.

16. caĭn .... мы своими руками
17. cágiñán .... вы » »
18. cadinán .... они » »

Я расположилъ таблицу Веніаминова въ болѣе удобномъ видѣ для обзора, чѣмъ это сдѣлано у него. Приступая къ ея анализу, надо прежде всего сказать, что ни одна изъ заключающихся въ ней формъ не содержитъ какого-либо элемента творительнаго падежа или орудія, но притяжательный элементъ почти всѣ имѣютъ. Разберемъ ихъ по порядку.

1. Cañ-ñán (а не cáñán какъ у Веніаминова) означаетъ: моя рука ему (а не я своей рукой), напр.: Cañ-ñán agikúqiñ = я подалъ ему свою руку.

2, 3 11 и 12. Cáñán Веніаминова повидимому является cān-ñán (2) = ты свою руку или онъ свою руку ему, напр.:

cān-ñán agikúx̌ t̓xin = ты подалъ ему свою руку и
cān-ñán agíkux̌ = онъ » » » »

Или: cā-ñán (3) = его рука ему.

3 и 16. Cáñĭn таблицы можетъ соотвѣтствовать: a) cā-ñin = его рука имъ; b) cān-ñĭn = ты или онъ свою руку имъ, или наконецъ c) cañ-ñin = я свою руку имъ.

4. Cakiñán таблицы, т. е. cákiñ-ñan означаетъ мои обѣ руки ему.

5, 6 и 14. Cakinán таблицы повидимому есть cákin-ñán, что означаетъ: ты или онъ свои обѣ руки ему.

7. Cániñán таблицы, т. е. cániñ-ñan означаетъ: мои руки ему.

8 и 9. Cátxinán таблицы, повидимому есть: cát̓xin-ñán, что означаетъ: ты или онъ свои руки ему.

10. Cax̌án таблицы можетъ быть только cax-ñán = рука (безъ притяжательнаго элемента) ему.

13. Cax̌ĭn таблицы можетъ быть только cax̌-ñĭn = рука (безъ притяжательнаго элемента) имъ.

15. Cakixĭn таблицы, повидимому есть cákix-ñĭn, что означаетъ: его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ обѣ руки имъ.

17. Cágiñán таблицы можетъ быть только cágin-ñan. Cágin (форма рѣдко употребляющаяся) есть pluralis отъ cágan (относительный падежъ единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ) — его руки или изъ его руки. Cágin = изъ ихъ руки (т. е. plural. относится къ владѣльцу). Изъ cágin-ñán можно составить такое предложеніе:

Cágin-ñán agikū́ (или agikúñin) = ихъ рука ему это (или эти) дала или изъ ихъ руки ему ихъ дача (или дачи).

18. Cadinân таблицы можетъ быть cádix-ñan = васъ двоихъ рука ему, или cádin-ñán = ихъ рука ему.

Таково именно должно быть значеніе всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ въ таблицѣ Веніаминова. Но въ предѣлахъ этого значенія неправильно утвержденіе таблицы, что мѣстоименная приставка (по пониманію Веніаминова — элементъ числа владѣльца) не употребляется въ двойственномъ числѣ, ибо всѣ указанныя въ таблицѣ формы саx̃ (рука) можно соединить съ ĭkin = имъ двоимъ. Напр.: сах -ĭkin, cañ-ĭkin, cān-ĭkin, cā-ĭkin и т. д. = рука имъ двоимъ, моя рука имъ двоимъ, твоя рука имъ двоимъ, его рука имъ двоимъ и т. д.

Кромѣ того, по образцу этой таблицы можно составить еще множество другихъ, если использовать всѣ именные притяжательные элементы, всѣ формы относительнаго падежа и dativus всѣхъ личныхъ мѣстоименій. Напр.: cákin-nuñ, cákin-ikin и т. д. = твои обѣ руки мнѣ, имъ двоимъ и т. д. или cádix-nuñ, túman-ñin, ñan, ĭkin, ĭmax, ñin и т. д., т. е. васъ двоихъ рука мнѣ, намъ, ему, имъ двоимъ, себѣ, имъ и т. д., или cañin-nuñ, ĭmin, ñan, ĭkin, ñin, т. е. ихъ руки мнѣ, тебѣ, ему, имъ двоимъ, имъ и т. д.

Во всѣхъ приведенныхъ какъ мной, такъ и таблицей Веніаминова примѣрахъ собственно-«орудного» элемента нѣтъ. Спрашивается, какъ Веніаминовъ, при его значительныхъ познаніяхъ въ алеутскомъ языкѣ, могъ такъ ошибаться. Дѣло въ томъ, что dativus личнаго мѣстоименія всѣхъ трехъ чиселъ, но только третьяго лица (ñan, ĭkin, ñin = ему, имъ двоимъ, имъ многимъ), если самъ по себѣ не имѣетъ значенія элемента instrumentalis, то онъ служитъ вспомогательнымъ средствомъ для его выраженія, когда въ предложеніи на лицо прямой объектъ дѣйствія. Но дѣйствительный элементъ орудія въ алеутскомъ языкѣ входитъ какъ инфиксъ въ переходящій глаголъ, а не въ имя, служащее орудіемъ дѣйствія. Элементомъ орудія является частица *sa* или *si* и соединяется съ глаголомъ слѣдующимъ образомъ:

sukúqiñ = я беру (или сейчасъ взялъ)
sū-sa-kúqiñ = я этимъ (или чѣмъ нибудь) беру
cañ sū-sa-kúqiñ = я беру своей рукой, буквально: моя рука я ею беру.

Но когда называется взятый предметъ, т. е. прямое дополненіе, то оно ставится передъ орудіемъ, а послѣ послѣдняго dativ. личнаго мѣсто-

именія 3-го лица, которое относится не къ орудію, а къ объекту дѣйствія и съ нимъ согласуется въ числѣ. Напр.:

1. Qax̂ cáñ-ñán sūsakúqiñ = я беру рыбу (одну) своей рукой
2. Qax cáñ-ïkin sūsakúqiñ = я беру двѣ рыбы своей рукой
3. Qan cáñ-ñïn sūsakúqin = я беру много рыбъ своей рукой

буквально эти примѣры слѣдуетъ перевести:

1. Рыбу моя рука ее (т. е. рыбу) беру ею (т. е. рукой) я
2. Двѣ рыбы » обѣихъ » » »
3. Много рыбъ » ихъ » » »

Такимъ образомъ *sa* въ глаголахъ относится къ орудію (cañ), а ñan къ прямому дополненію (qax̂). Необходимо тутъ прибавить, что дательный падежъ личныхъ мѣстоименій: ñan, ïkin, ñin замѣняетъ въ этихъ примѣрахъ, какъ часто и при глаголахъ, отсутствующій винительный падежъ. Дѣло въ томъ, что въ именахъ абсолютный падежъ является именительно-винительнымъ, а въ личныхъ мѣстоименіяхъ 3-го лица отсутствуетъ абсолютный падежъ, ибо въ этомъ падежѣ для 3-го лица мѣстоименіе комбинируется съ адвербіальнымъ элементомъ, указывающимъ разстояніе 3-го лица отъ говорящаго лица. Напр. áman (абсолютный падежъ) и amán (относительный падежъ) = онъ, который вдали, внѣ поля зрѣнія; ïñan (абсолютный падежъ) и iñán (относительный падежъ) = онъ, который вдали, но въ полѣ зрѣнія[1]).

Элементъ *sa* выполняетъ функцію instrumentalis также и въ страдательныхъ формахъ глаголовъ. Напр.:

nux̂ anúkux̂ = онъ бросилъ камень
sax̂ nux̂-ñán anūsákux̂ = онъ бросилъ камень въ птицу.

Теперь возьмемъ одну изъ страдательныхъ формъ основы ánu.

nux̂ anu-lgá-kux̂ = камень бросили или брошенъ
sax̂ nux̂-ñán anulgāsákux̂ = камень бросили (или брошенъ) въ птицу.

Въ именахъ элементомъ орудія вмѣсто *sa* употребляется *si* и въ этомъ случаѣ мѣняется значеніе слова, напр.

túga = основа глагола «бить» и имени «битье». Túgax̂ = битье; tugá-ku-x̂ = онъ бьетъ; tugā-sá-kux̂ = онъ этимъ бьетъ; tugá-si-x̂ = коло-

[1] См. статью автора: «Замѣтки о фонет. и структ. основахъ алеутскаго языка». ИАН 1912, 1038.

тушка, т. е. орудіе, чѣмъ бьютъ. Или: изъ основы asúga = копать и копанье получимъ — asúgax̃ = яма и asugásix̃ = лопата, т. е. орудіе для копанья.

При помощи инструментальнаго элемента *sa* непереходящіе глаголы могутъ быть обращаемы въ переходящіе. Напр.:

hwaganáqiñ = я сюда пришелъ и

ádañ hwagā-sa-náqiñ = я привелъ сюда своего отца, т. е. я пришелъ сюда со своимъ отцомъ.

Но это все-таки не комитативная форма. Послѣдняя составляется изъ *a*—основы глагола «быть», и частицы *si*, образуя причастную форму ásix или ásik = будучи съ (кѣмъ-нибудь), напр.:

ádañ ásix hwaganáqiñ = я пришелъ сюда (будучи) со своимъ отцомъ или: Imán cikidán ásix angagĭnax' = Иванъ жилъ со своимъ шуриномъ. Буквально: Иванъ, со своимъ шуриномъ будучи, жилъ.

Вотъ какъ своеобразно образовываются въ алеутскомъ языкѣ формы instrumentalis и comitativus и какъ Веніаминовъ безъ «оруднаго» элемента составилъ таблицу «орудныхъ падежей».

Объ алеутскомъ глаголѣ, — наиболѣе важномъ въ типологическомъ отношеніи отдѣлѣ алеутской грамматики, — я буду говорить въ слѣдующей статьѣ.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Алеутскій языкъ въ освѣщеніи грамматики Веніаминова.

В. И. Іохельсона.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 18 сентября 1918 года).

II*.

Измѣненіе глагола.

Алеутскій глаголъ отличается особымъ обиліемъ формъ и сложностью измѣненій, но въ эту сложность Веніаминовъ внесъ большую путаницу; съ другой стороны, многія формы ускользнули отъ его вниманія. Въ предѣлахъ этой статьи я не въ состояніи подвергнуть обзору все то, что Веніаминовъ приводитъ о морфологическихъ особенностяхъ алеутскаго глагола, ибо анализъ и исправленіе его ошибокъ должны были бы составить обширную работу, далеко выходящую за допущенные «Извѣстіями» предѣлы. Кромѣ того, такая болѣе или менѣе полная работа возможна будетъ только послѣ тщательнаго анализа обрабатываемыхъ мной теперь текстовъ. Поэтому я ограничусь тутъ разборомъ и исправленіемъ измѣненій одного только изъявительнаго наклоненія; но для пониманія морфологіи алеутскаго языка это наиболѣе существенный отдѣлъ алеутской грамматики. Такимъ образомъ я оставлю пока безъ разсмотрѣнія многочисленныя формы повелительнаго, условнаго, сослагательнаго и др. наклоненій и образованіе причастій, дѣепричастій, вопросительныхъ, отрицательныхъ, supinum и др. формъ.

* Главу I см. ИРАН 1919, 133—154.

Мнѣ придется однако затрагивать эти формы въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая изъ нихъ Веніаминовымъ неправильно приведена, какъ одна изъ формъ изъявительнаго наклоненія.

Въ § 69 своей грамматики Веніаминовъ говоритъ, что «каждый глаголъ въ одномъ только дѣйствительномъ залогѣ, выключая причастій и нѣсколькихъ отрицательныхъ окончаній, можетъ имѣть больше 400 измѣненій». Если сосчитать всѣ грамматическіе элементы, которые всякая глагольная основа способна агглютинировать, то возможно, что получится такое число; но тѣ же элементы входятъ и въ глаголы другихъ залоговъ. Изъ предисловія Веніаминова видно (стр. IX), что онъ правильно понималъ, что каждая вставка въ глаголъ имѣетъ свое значеніе, однако о состояніи языка въ его время онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Нельзя дать полнаго понятія о значеніи всѣхъ и каждой изъ таковыхъ вставныхъ частицъ, и никто изъ нынѣшнихъ алеутъ и даже стариковъ не умѣетъ дать отчета, для чего онъ употребляетъ нѣкоторыя частицы» (стр. VIII). Онъ возвращается къ этой мысли на стр. 31 и даетъ примѣръ перевода алеутами различныхъ формъ однимъ русскимъ словомъ. Такъ: «я взялъ» будетъ — «súkuñ, súqañ, sulítiñ, sunáqiñ и проч.». Разумѣется, что всѣ эти формы, даже и при теперешнемъ состояніи языка, алеуты понимаютъ различно. Это именно слѣдующія формы со слѣдующимъ значеніемъ:

Sú-ku-ñ (1 л. ед. ч. настояще-прошедшаго времени со включеннымъ объектомъ ед. числа) = я его взялъ (сейчасъ).

Súqañ (1 л. ед. ч. давно-прошедшаго времени со включеннымъ объектомъ ед. числа) = я его взялъ (давно).

Sulítiñ (вопросительная форма безъ инкорпораціи). Qax̊ sulítiñ? = я рыбу взялъ? Въ повѣствовательной рѣчи эта форма замѣняетъ наше придаточное предложеніе, напр. Imán qax̊ sulítiñ istákux̊ = Иванъ сказалъ, что я взялъ рыбу.

Su-ná-qi-ñ (1 л. ед. ч. давно-прошедшаго времени безъ инкорпораціи) = я взялъ (давно). Qax̊ sunáqiñ — я рыбу взялъ.

Мнѣніе Веніаминова о безразличномъ употребленіи алеутами тѣхъ или другихъ глагольныхъ формъ можно объяснить только тѣмъ, что его переводчики не могли по-русски дать точныхъ переводовъ этихъ формъ. Во время анализа текстовъ при помощи своихъ переводчиковъ мнѣ часто на вопросъ о значеніи различныхъ элементовъ при одной и той же основѣ приходилось получать отъ нихъ отвѣтъ: «Это все равно», и различные оттѣнки дѣйствія переводились по-русски, — за отсутствіемъ въ русскомъ

языкѣ соотвѣтственныхъ формъ, — одной и той же формой. Въ такихъ случаяхъ настаивать на объясненіи не имѣетъ смысла. Приходится отмѣчать невыясненныя формы и возвращаться къ нимъ въ другое время, пока переводчикъ не догадается, какъ выразить разницу между ними. Ошибки Веніаминова вытекаютъ, повидимому, изъ того, что значеніе многихъ грамматическихъ элементовъ осталось для него невыясненнымъ. Но самая крупная его ошибка заключается въ томъ, что въ измѣненіяхъ глаголовъ онъ просмотрѣлъ формы со включеннымъ объектомъ, разсматривая ихъ какъ сокращенныя окончанія формъ безъ включеннаго объекта или приписывая имъ значеніе отдѣльныхъ временъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору глагольныхъ формъ и примѣровъ, приводимыхъ Веніаминовымъ, я хочу дать краткую характеристику сущности измѣненій алеутскаго глагола въ изъявительномъ наклоненіи.

Глагольныя основы въ языкѣ тѣ же, что и именныя. Напр. qa — основа глагола *ѣсть*, имени *ѣда* и также имени *рыба* (какъ главная ѣда алеутовъ). Словопроизводство алеутскаго глагола изъ основы, какъ главной идеи, совершается при помощи процесса агглютинаціи, т. е. посредствомъ спайки съ основой различныхъ частицъ или грамматическихъ элементовъ, выражающихъ побочныя идеи. Поскольку этотъ процессъ выражается въ стремленіи глагола изъ слова стать предложеніемъ онъ является полисинтетическимъ. Когда при этомъ глаголъ включаетъ въ себя объектъ дѣйствія (номинальный или прономинальный, прямой или косвенный), процессъ этотъ становится инкорпоративнымъ. На этихъ трехъ принципахъ основано главнымъ образомъ какъ строеніе глагола, такъ и словопроизводство алеутскаго языка вообще. Морфологическій процессъ измѣненія глагола затѣмъ состоитъ въ томъ, что къ основѣ суффигируются личныя окончанія и что между основой и личными окончаніями инфиксируются грамматическіе элементы, выражающіе идеи времени, наклоненія, залога, вида, отрицанія, интенсивности, скорости, медленности и многихъ другихъ оттѣнковъ дѣйствія, и даже атрибутивные элементы, относящіеся къ дѣйствующему лицу. Такъ какъ почти всѣ грамматическіе элементы, входящіе въ глаголъ, могутъ входить также и въ словопроизводство имени, то формальнаго различія между именемъ и глаголомъ нѣтъ. Особенно это можно сказать относительно инкорпоративной формы глагола, имѣющей въ окончаніяхъ притяжательные элементы именъ. Глаголъ поэтому опредѣляется въ предложеніи главнымъ образомъ не своей формой, а синтаксически, т. е. своей предикативной функціей, и мѣстомъ, занимаемымъ въ предложеніи.

Принимая во вниманіе сказанное, я вмѣсто таблицъ разныхъ спряженій дамъ прежде всего личныя окончанія обѣихъ глагольныхъ формъ (безъ включеннаго объекта и со включеннымъ объектомъ) и укажу для примѣра нѣкоторые изъ многочисленныхъ грамматическихъ элементовъ, инфиксируемыхъ между основой и личными окончаніями.

Основа и личныя окончанія неинкорпоративной формы глаголовъ.

	Singul.	Dual.	Plural.
1 л.	qa — qiñ (= x̛ + tiñ)	qa — n	qa — n
2 л.	qa — x̛ + txin	qa — x̛ + txidix	qa — x̛ + txici
3 л.	qa — x̛	qa — x	qa — n

Мы видимъ изъ этой таблицы, что личныя окончанія 1-го и 2-го лица singul. и 2-го л. dual. и plur. (tiñ — я и мой; txin — ты и твой; txidix — вы двое и вашъ; txíci — вы и вашъ) суть лично-притяжательныя мѣстоименія, которыя суффигируются къ окончанію 3-го лица singul.—x̛, окончанію, служащему въ именахъ, какъ мы видѣли раньше[1], суффиксомъ абсолютнаго падежа. Такъ qax̛ означаетъ «ѣда» (и въ смыслѣ объекта и въ смыслѣ процесса ѣды). Что такое представляетъ собой x̛, я не могу сказать. Весьма возможно, что x̛ есть сокращенный остатокъ исчезнувшаго изъ употребленія личнаго мѣстоименія онъ, безъ адвербіальнаго элемента[2]. То же самое относится къ суффиксамъ 3-го лица dualis (*x*) и pluralis (*n*). Суффиксъ же *n* въ первомъ л. dual. и plural., повидимому, есть сокращенное túman — мы, нашъ!

Теперь нужно только знать значеніе грамматическихъ элементовъ, которые могутъ быть поставлены между основой и личнымъ окончаніемъ, и порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ, чтобы всѣ громоздкія таблицы спряженій, столь затрудняющія изученіе всякаго языка, оказались излишними. Такъ, ku указываетъ дѣйствіе совершающееся или только-что совершенное и является элементомъ настояще-прошедшаго времени; na — элементъ давнопрошедшаго; lagana — близкаго прошедшаго; qila — (отъ qilax̛ — утро) — близкаго будущаго; dukaku — (въ которомъ находится также элементъ ku настояще-прошедшаго времени) неопредѣленнаго будущаго; qada — прекращеніе дѣйствія; qali — inchoativ.; ka — potential.; tu — optativ.; li — iterativ. (въ смыслѣ «еще разъ»); guta — iterativ. (въ смыслѣ «опять»); da — durativ.;

[1] См. раньше, гл. I, ИРАН 1919, 138.

[2] См. В. И. Іохельсонъ. «Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка». ИРАН 1912, 1038.

gusali — continuativ.; la — послѣдовательная повторяемость дѣйствія въ теченіи опредѣленнаго времени и по отношенію къ одному классу объектовъ; ta — limitativ. (ограниченность времени); lga, la, ga, gi, ci и sxa — элементы страдательныхъ формъ; cxi — causativ.; da — ласкательный элементъ по отношенію къ дѣйствующему лицу; námku (отъ námkux̊ — дьяволъ) — презрительный элементъ по отношенію къ дѣйствующему лицу.

Ограничусь тутъ указанными элементами и дамъ нѣсколько примѣровъ ихъ примѣненія.

1. qá-ku-x̊, qa-lagána-x̊, qá-na-x̊, qa-qiláku-x̊, qa-dúka-ku-x̊ = онъ ѣстъ, недавно ѣлъ, ѣлъ, скоро будетъ ѣсть, будетъ ѣсть. При этихъ формахъ объектъ ѣды долженъ быть названъ.

2. qa-lga-li-ká-ku-x̊ — ѣсть его уже теперь можно.

3. qa-qali-guta-sū-namkú-na-x̊ — ѣсть началъ опять скоро мерзавецъ онъ.

4. amānu-guta-masu-dúkaku-x̊ — туда итти опять можетъ быть будетъ онъ.

5. iqyax̊sī-guta-sigá-ka-ku-x̊ — байдарку дѣлать опять старательно (или крѣпко) можетъ онъ.

6. amānu-tu-x̊-tagali-laká-qiñ tága amānu-cxi-sxa-kú-qiñ — хотя я вовсе не желаю туда итти, однако меня заставляютъ туда итти.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы видимъ, какъ различные грамматическіе элементы вставляются между основой и личнымъ окончаніемъ. Въ примѣрахъ 2—6, образующихъ настоящія слова-предложенія, глагольная основа въ началѣ и личное окончаніе въ концѣ являются достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ дѣйствительнымъ полисинтетическимъ процессомъ, въ которомъ всѣ элементы составляютъ части одного морфологическаго цѣлаго. Въ примѣрѣ 5 имѣется сверхъ того инкорпорація именного прямого дополненія (лодка).

Однако и въ алеутскомъ языкѣ бываютъ случаи, правда весьма немногіе, когда грамматическіе элементы находятся внѣ предѣловъ полисинтетической единицы. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ элементъ отрицанія úlux ставится послѣ личнаго окончанія или txin — себя, какъ элементъ возвратнаго вида, ставится передъ основой. Кромѣ того, какъ увидимъ дальше, въ алеутскомъ глаголѣ имѣются нѣкоторыя сложныя времена, образующіяся при помощи вспомогательнаго глагола, какъ въ флексивныхъ языкахъ.

Основа и личныя окончанія инкорпоративной формы глаголовъ.

Число дѣйствующаго лица.	Число объекта дѣйствія. Singul.	Dual.	Plural.
1 л. Singul.	qa—ñ	qa—kiñ	qa—niñ
2 л. Singul.	qa—n	qa—kin	qa—txin
3 л. Singul. » Dual. » Plural.	qa—a (= qā)	qa—kix	qa—ñin

Изъ этой таблицы мы видимъ, что окончаніями инкорпоративнаго спряженія формально являются притяжательныя окончанія именъ (см. статью I, стр. 114). Глагольными формами они являются только въ функціональномъ смыслѣ, въ пониманіи говорящаго алеута. Далѣе, въ этой таблицѣ отсутствуютъ формы для dual. и plural. дѣйствующаго лица. Можетъ быть эти формы теперь утратились. Отсутствіе формъ dualis и plural. 1-го лица дѣйств. лица при всякомъ числѣ объектовъ дѣйствія и dualis и plural. 2-го лица при dualis и plural. объектовъ дѣйствія объясняется таблицей притяжательныхъ формъ именъ (см. статью I, стр. 144). Но согласно этой таблицѣ формы dualis и plural. дѣйств. лица при singul. объекта дѣйствія должны были бы быть:

qá — dix и qá — ci

На самомъ дѣлѣ эти окончанія въ глаголахъ являются причастными формами, а не формами инкорпоративнаго спряженія. Напр.:

Itxáyax qanádix asxāñnáqiñ — оленя, котораго вы оба ѣли, я убилъ.

Между основой и окончаніемъ инкорпоративнаго спряженія могутъ быть инфиксированы различные грамматическіе элементы, какъ въ неинкорпоративномъ спряженіи. Напр.:

1. Úlux̊ qa-tu-kú-qiñ (неинкорпор. ф.) — я желаю ѣсть мясо. Qa-tú-ku-ñ (инкорпор. ф.) — я желаю его (т. е. мясо) ѣсть. Формально можно перевести вторую форму: «моя теперешняя желанная пища».

2. Úlax̊ agu-kā-guta-kú-x-txin (неинкорпор. ф.) — ты въ состояніи еще разъ сдѣлать домъ.

Agu-kā-guta-kú-n (инкорпор. ф.) — ты въ состояніи еще разъ его (домъ) сдѣлать.

Бываетъ, что такимъ же образомъ глаголъ инкорпорируетъ косвенное дополненіе, напр.:

3. Agásix' Imán-ñan agú-kú-qiñ (инкорпор. ф.) — я сдѣлалъ подарокъ Ивану.

Agasix' ñan agú-ku-ñ (инкорпор. ф.) — я ему сдѣлалъ подарокъ.

Въ данномъ случаѣ инкорпорируется имя, хотя мѣстоименіе ñan налицо.

На свойствѣ глаголовъ включать въ себя косвенныя дополненія основаны инкорпоративныя формы непереходящихъ глаголовъ. Напр.:

4. Ilúlam ílan angagí-ku-x' (неинкорпор. ф.) — онъ живетъ въ Уналашкѣ.

Ilan angagíkux' — онъ живетъ въ немъ (т. е. въ Уналашкѣ).

5. Núgim kúgan uñuci-kú-qiñ (неинкорпор. ф.) — я сижу на камнѣ.

Kúgan uñucí-ku-ñ (инкорпор. ф.) — я сижу на немъ.

Изъ всѣхъ примѣровъ со включеннымъ объектомъ мы видимъ, что особаго грамматическаго элемента для этой формы нѣтъ. Наоборотъ окончанія инкорпоративной формы являются сокращенными личными окончаніями, какъ въ притяжательныхъ окончаніяхъ именъ.

Давъ представленіе о морфологическихъ основахъ измѣненія алеутскаго глагола, мы можемъ теперь приступить къ разбору глагольныхъ формъ Веніаминова. Я буду при этомъ приводить только положительныя формы изъявительнаго наклоненія.

Веніаминовъ приводитъ для изъявительнаго наклоненія въ § 76 шесть временъ: 1) настоящее (съ двумя окончаніями — полнымъ и неполнымъ), 2) прошедшее неопредѣленное, 3) прошедшее совершенное, 4) будущее неопредѣленное, 5) будущее многократное и 6) будущее совершенное. Но въ § 77 онъ къ предыдущимъ шести прибавляетъ еще четыре «сложныхъ» времени: 7) настоящее, 8) преходящее сложное, 9) давно-прошедшее и 10) будущее.

Почему Веніаминовъ называетъ послѣднія четыре времени (7—10) сложными, онъ не объясняетъ. Можно было бы назвать сложными тѣ времена, которыя образуются при помощи вспомогательныхъ глаголовъ, но въ такомъ случаѣ, какъ увидимъ дальше, время, называемое Веніаминовымъ «будущимъ многократнымъ» (5), будетъ сложнымъ, а преходящее сложное (8) — простымъ.

Прежде чѣмъ подвергнуть анализу «времена» Веніаминова, необходимо, для удобства оріентаціи, указать основныя времена, какія, по моему пониманію, въ дѣйствительности имѣются въ алеутскомъ языкѣ.

Такихъ основныхъ временъ шесть. Я говорю «основныя» времена, потому что кромѣ нижеуказанныхъ есть еще нѣсколько другихъ грамматическихъ элементовъ, указывающихъ на степень близости или отдаленности дѣйствія въ прошедшемъ или будущемъ отъ момента повѣствованія о немъ. Но послѣдніе элементы являются или локально-діалектическими, употребляющимися на одномъ какомъ-нибудь островѣ, или рѣдко встрѣчающимися. Эти шесть основныхъ временъ будутъ:

1. Настояще-прошедшее.
2. Недавнее или близкое прошедшее.
3. Давно-прошедшее время.
4. Будущее неопредѣленное.
5. Близкое будущее.
6. Далекое будущее.

Каждое изъ этихъ временъ имѣетъ двѣ формы: безъ включеннаго объекта и со включеннымъ объектомъ, т. е. неинкорпоративную и инкорпоративную формы.

Далекое будущее (6) является сложнымъ временемъ, образуясь при помощи вспомогательнаго глагола, а близкое будущее можетъ быть простымъ и сложнымъ.

О настоящемъ времени Веніаминова.

Обратимся теперь къ «временамъ» Веніаминова. Его настоящее время (1) соотвѣтствуетъ тому времени, которое я называю настояще-прошедшимъ, ибо оно указываетъ дѣйствіе въ процессѣ его совершенія или только-что совершеннымъ. Въ повѣствовательной рѣчи оно нерѣдко употребляется вмѣсто давно-прошедшаго. Элементомъ этого времени является частица ku, вставляемая между основой и личнымъ окончаніемъ. Но то, что Веніаминовъ называетъ «полнымъ» и «сокращеннымъ» окончаніемъ этого времени, въ дѣйствительности суть неинкорпоративная и инкорпоративная форма. Для сравненія приведу свою и Веніаминова таблицу окончаній этого времени, при чемъ для примѣра я возьму основу глагола (su — брать), взятаго Веніаминовымъ.

Неинкорпоративная форма.

	Singul.	Dual.	Plural.
1 л.	Su-kú-qin	Sú-ku-n	Sú-ku-n
2 л.	Su-kú-x̃-txin	Su-ku-x-txídix	Su-ku-x̃-txíci
3 л.	sú-ku-x̃	sú-ku-x	sú-ku-n

Инкорпоративная форма.

	Число включеннаго объекта.		
	Singul.	Dual.	Plural.
1 л. Singul.	sú-ku-ñ	su-kú-ki-ñ	su-kú-ni-ñ
2 л. Singul.	su-kú̆-n	su-kú-ki-n	su-kú-txin
3 л. всѣхъ чиселъ	su-kú̆	su-kú-ki-x	su-kú-ñin

Объ отсутствіи формъ dual. и plural. для 1-го и 2-го лица см. раньше, стр. 292. Употребляются правда въ dual. и plural. 2-го лица формы su-kú-dix и su-kú-ci, но не въ смыслѣ: «вы оба или вы многіе его взяли», а въ значеніи причастій: «взятое вами двумя или вами». Формы же su-ku-kí-dix, su-ku-ní-dix, su-ku-kí-ci и su-ku-ní-ci не употребляются.

Веніаминовъ для своего «настоящаго времени» въ текстѣ (§ 76 и 82) приводитъ примѣры только для перваго и второго лица: su-kú-qi-ñ и su-kú-x̌-txin какъ «полныя» окончанія, и sú-ku-ñ и su-kú-n какъ «сокращенныя», но когда именно тѣ или другія окончанія употребляются, онъ не говоритъ.

Но въ приложенной въ концѣ грамматики таблицѣ I окончаній «дѣйствительнаго залога» Веніаминовъ даетъ слѣдующія окончанія для «настоящаго времени положительной формы»:

		1-ое лицо.	2-ое лицо.	3-ье лицо.
Ед. ч.	полное оконч.	ku-qiñ	kux-txin	ku-x̌
	сокращ. »	ku-ñ	ku-n	ku и kum
Дв. ч.	полное »	ku-kix	kux̌-txidix	ku-kix
	сокращ. »		нѣтъ	
Мн. ч.	полное »	ku-niñ	kux̌-txici	ku-ñin
	сокращ. »	ku-n	ku-ci	ku-n и kumañ

Разберемъ приведенныя въ этой таблицѣ окончанія. Я уже говорилъ объ окончаніяхъ Веніаминова для перваго лица единств. числа, что kuqiñ есть окончаніе неинкорпоративной формы (а не «полное»), а kuñ — окончаніе инкорпоративной формы (а не «сокращенное»). То же самое можно сказать объ окончаніяхъ его таблицы для 2-го и 3-го лица ед. ч. kux̌txin и kun, kux̌ и ku (собственно kŭ). Что оба эти окончанія имѣютъ различныя функціи, видно изъ употребленія ихъ въ рѣчи въ связи съ субъектомъ и объектомъ дѣйствія. Предикату съ первымъ, т. е. неинкорпоратив-

вымъ окончаніемъ (по Веніаминову «полнымъ») непосредственно предшествуетъ дополненіе (прямое или косвенное) и подлежащее ставится въ абсолютномъ (или именительномъ) падежѣ. Напр.:

Angágix̊ qax̊, qax или qan súkux̊ — человѣкъ взялъ рыбу, двѣ рыбы или много рыбъ.

При сказуемомъ со вторымъ, т. е. инкорпоративнымъ окончаніемъ (по Веніаминову «сокращеннымъ») объектъ, поглощенный глаголомъ, отсутствуетъ и подлежащее ставится въ относительномъ (или родительномъ) падежѣ. Напр.:

Angágim sukŭ, sukúkix или sukúñin — человѣкъ взялъ ее (рыбу), ихъ двоихъ или ихъ многихъ.

Формально можно перевести этотъ примѣръ: человѣка его теперешнее одно взятіе, два взятія, много взятій. Такимъ образомъ объясняется употребленіе подлежащаго въ косвенномъ падежѣ. Въ этомъ капитальномъ вопросѣ строенія алеутскаго языка Веніаминовъ не разобрался. Далѣе:

«Полное» окончаніе Веніаминова для 1-го и 3-го лица dualis (kukix) есть инкорпоративное окончаніе (т. е. «сокращенное») 3-го лица (см. мою таблицу). Окончаніе 2-го лица dualis (kux̊-txidix) правильно, а— 1-го и 3-го лица, какъ видно изъ предыдущаго, будутъ: kun и kux. Что же касается отсутствующихъ въ таблицѣ «сокращенныхъ», т. е. инкорпоративныхъ формъ dualis, то они будутъ: 1. kukiñ, 2. kukin и 3. kukix.

Въ окончаніяхъ, приводимыхъ Веніаминовымъ для pluralis, мы видимъ ту же путаницу, какъ въ окончаніяхъ для dualis. Такъ, «полныя» окончанія 1-го и 3-го лица (kuniñ и kuñin) на самомъ дѣлѣ являются окончаніями инкорпоративной формы: kuniñ — 1 лицо singul. субъекта и plural. включеннаго объекта; kuñin — plural. объекта при 3-мъ лицѣ субъекта (во всѣхъ 3-хъ числахъ). Наоборотъ «сокращенныя» окончанія Веніаминова (kun) 1-го и 3-го лица pluralis суть соотвѣтственныя неинкорпоративныя (т. е. полныя) окончанія. «Полное» окончаніе kux txici снова правильно. «Сокращенное» окончаніе 2-го лица pluralis kuci образовано правильно, но употребляется теперь какъ причастная форма (см. раньше, стр. 292).

Остается еще разобрать два окончанія, а именно вторыя «сокращенныя» окончанія 3-го числа singul. и plural. kum и kúmañ. Веніаминовъ называетъ ихъ «притяжательно-безличными» окончаніями, «означающими дѣйствіе третьяго лица, собственно къ нему относящееся или въ его пользу, и часто подразумѣвается свой или себѣ» (§ 72). Къ сожалѣнію на окончаніе kum у Веніаминова примѣра нѣтъ, а между тѣмъ kum есть суффиксъ одной изъ

дѣепричастныхъ формъ съ элементомъ 3-го лица единств. числа и употребляется тогда, когда въ обоихъ дѣйствіяхъ, главномъ и побочномъ, дѣйствующимъ лицомъ является одно и то же третье лицо. Напр.:

qax̓ súkum qákux'— взявши рыбу, онъ съѣлъ (ее). Другая форма употребляется, когда субъекты обоихъ дѣйствій — разныя лица. Напр.:

qax̓ súkux̓-ñán úlam-ílan uñucináqiñ или uñucinax̓ = когда онъ взялъ рыбу, я сидѣлъ въ домѣ, или онъ (другое 3-е л.) сидѣлъ. Частица kum какъ префиксъ (одна изъ рѣдкихъ формъ алеутскаго словопроизводства) образуетъ одну изъ формъ сослагательнаго наклоненія. Напр.:

Txin águñ kum-amānulakáqiñ — еслибъ я былъ ты, я бы туда не пошелъ.

Частица kūm является 3-мъ лицомъ singul. препозиціоннаго мѣстоименія kúgan — на немъ, съ возвратнымъ элементомъ. Напр.:

a'gūn kūm cúkux̓ — ношу свою онъ на себѣ привязалъ, или надѣлъ (на спину).

Частицу mañ Веніаминовъ правильно разсматриваетъ, какъ «означающую дѣйствіе 3-го лица, къ нему собственно относящееся», ибо она заключаетъ въ себѣ возвратный элементъ, но форма эта старинная, теперь не встрѣчающаяся (вмѣсто нея употребляется din) и имѣетъ скорѣе значеніе дѣепричастія. Напр.:

Angágin qan sukúmañ (теперь: sukúdin) māsálix qákun — люди, взявши рыбу для себя, и потому (ее) ѣдятъ.

О простыхъ прошедшихъ временахъ Веніаминова.

Два времени Веніаминова: «прошедшее неопредѣленное» и «прошедшее совершенное» необходимо разобрать совмѣстно, ибо они являются не отдѣльными временами, а формами (безъ включеннаго объекта и со включеннымъ объектомъ) одного и того же «давно-прошедшаго времени». Поэтому, прежде чѣмъ привести окончанія изъ таблицы Веніаминова для указанныхъ временъ, я помѣщу тутъ таблицу окончаній неинкорпоративной и инкорпоративной формъ моего «давно-прошедшаго времени». Въ настоящемъ времени инкорпоративная форма отличается отъ неинкорпоративной только сокращенными личными окончаніями, сохраняя одинъ и тотъ же элементъ ku; въ давно-прошедшемъ времени каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свой отдѣльный грамматическій элементъ: неинкорпоративная форма принимаетъ частицу na, инкорпоративная — qa.

Неинкорпоративная форма давно-прошедшаго времени.

	Singul.	Dual.	Plural.
1 л.	su-ná-qiñ	sú-na-n	sú-na-n
2 л.	su-ná-x̓-txin	su-na-x̕-txídix	su-na-x̕-txíci
3 л.	sú-na-x	sú-na-x	sú-na-n

Инкорпоративная форма давно-прошедшаго времени.

	Число включеннаго объекта.		
	Singul.	Dual.	Plural.
1 л. Singul.	sú-qa-ñ	su-qá-ki-ñ	su-qá-ni-ñ
2 л. »	su-qā́-n	su-qá-ki-n	su-qá-txin
3 л. всѣхъ числъ	suqā́	su-qá-kix	su-qá-ñin

Приведу для этого времени тотъ же примѣръ, который я привелъ для настоящаго времени.

Angágix̕ qax̕, qax или qan súnax̕ — человѣкъ взялъ (давно) рыбу, двѣ рыбы или много рыбъ.

Angágim suqā́, suqákix, suqáñin — человѣкъ взялъ ее (рыбу), ихъ двоихъ или ихъ многихъ.

Объ окончаніяхъ su-qá-dix и su-qá-ci см. раньше (стр. 295) сказанное о su-kú-dix и su-kú-ci.

Окончанія «прошедшаго неопредѣленнаго» времени Веніаминова.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1 л.	naqiñ	nakik	naniñ и nan
2 л.	naxtxin	naxtxidiñ	ñaxtxici и naci
3 л.	nax и nam	nakik	nañin, nan и namañ

Окончанія «прошедшаго совершеннаго» времени Веніаминова.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1 л.	qañ	qax и kix	qaniñ и qan
2 л.	qan	qaxtxidix	qaxtxici и qaci
3 л.	qa и qagim	qax и kix	qañin, kin и kimañ

Сопоставляя таблицы двухъ прошедшихъ временъ Веніаминова съ моими таблицами по двумъ формамъ давно-прошедшаго времени, мы видимъ

прежде всего совпаденіе грамматическихъ элементовъ na и qa, которые Веніаминовъ разсматриваетъ какъ элементы отдѣльныхъ временъ, а не двухъ формъ одного и того же времени. Кромѣ того, если въ «настоящемъ времени» Веніаминовъ, какъ мы видѣли, смѣшалъ окончанія неинкорпоративной и инкорпоративной формъ, то въ каждомъ изъ своихъ прошедшихъ временъ Веніаминовъ смѣшалъ окончанія неинкорпоративной или инкорпоративной формъ съ окончаніями причастныхъ или другихъ формъ. Разберемъ въ отдѣльности каждую изъ его таблицъ.

Три окончанія ед. ч. «прошедшаго неопр. времени» Веніаминова (naqiñ, nax̊txin и nax̊) совпадаютъ съ моими окончаніями давно-прошедшаго времени неинкорпоративной формы. Что же касается второго окончанія 3-го лица ед. ч. nam, которое Веніаминовъ считаетъ притяжательнымъ элементомъ, то это окончаніе относительнаго падежа причастія.

Окончанія Веніаминова для 1-го и 3-го лица dualis nákik (весьма возможно, что это опечатка вм. nakix) есть на самомъ дѣлѣ причастная форма 3-го лица dualis. Напр.:

Qax̊ sunákix káma? — гдѣ взятая ими двумя рыба?

Окончаніе Веніаминова naxtxidiñ является несомнѣнно опечаткой вмѣсто nax̊txidix, что совпадаетъ съ моимъ окончаніемъ 2-го л. dualis. Изъ окончаній Веніаминова для множ. ч.: nan, naxtxici и nan совпадаютъ съ моими окончаніями неинкорпоративной формы; но — naniñ, naci и nañin суть причастныя формы. Напр.:

Qan sunámiñ qákun — они ѣдятъ рыбы, которыя я взялъ.
Qax̊ sunáci nuñ agáci — дайте мнѣ взятую вами рыбу.
Qax̊ sunáñin ukúda — посмотри рыбу, которую они взяли.

Нѣсколько сложнѣе разборъ окончаній «прошедшаго совершеннаго времени» Веніаминова. Окончанія: qañ, qan (т. е. qān), qa (т. е. qā), qaniñ и qañin хотя и совпадаютъ съ окончаніями моей таблицы, но Веніаминовъ не придаетъ имъ значенія инкорпоративной формы. Объ окончаніи qagim (по Вен. 3 л. singul. съ притяжат. элементомъ) надо сказать, что gim дѣепричастная форма прошедшаго времени съ элементомъ 3-го л. singul. Напр.:

Qax̊ qāgím asxánax̊ — Когда онъ поѣлъ (или поѣвши) рыбу, онъ умеръ. Но, чтобы можно было сказать qāqagím, т. е. чтобъ gím соединялось съ элементомъ давно-прошедшаго времени инкорпоративной формы qa, я не знаю. Такого примѣра я въ своихъ записяхъ не могъ найти. Конечно, тогда прямое дополненіе должно было бы быть опущено.

Для 1-го и 3-го лица dualis Веніаминовъ даетъ два окончанія qax и kix, совершенно различныя по значенію; qax можетъ быть dualis имени съ элементомъ давно-прошедшаго времени. Напр., úlax̔ — домъ: uláqax — прежній домъ или то, что когда то было жилищемъ; uláqax — два прежнихъ дома. Окончаніе же kix указываетъ на dualis включеннаго объекта 3-го лица, но не заключаетъ въ себѣ элемента времени. Но если ему предшествуетъ qa, то получимъ qakix (см. въ моей таблицѣ). Окончаніе Веніаминова для 2-го л. dualis qax̔txídix (т. е. соединеніе элемента инкорпоративной формы qa съ личнымъ окончаніемъ неинкорпоративной формы txídix, комбинація невозможная. Можетъ быть qadix, но это окончаніе причастія. Напр.:

Íqyax suqádix tañtúkux̔ — байдарка, которую вы оба взяли, имѣетъ течь.

Изъ окончаній pluralis я уже указалъ на qaniñ и qañin какъ на соотвѣтствующія моимъ. Разберемъ остальныя. qan есть pluralis именной формы: uláqan—прежніе дома; qax̔txici — такая же невозможная комбинація какъ qax̔txidix; qáci — окончаніе причастія 2-го л. pluralis. Напр.:

Íqyaxʻ suqáci tañtúkux̔ — взятая вами байдарка течетъ.

Kin — состоитъ изъ ki (dualis поглащеннаго объекта) и *n* (окончаніе: 2-го л. singul.), но не заключаетъ въ себѣ элемента времени; kimañ состоитъ изъ ki (dualis поглащеннаго объекта) и возвратнаго элемента 3-го л. pluralis mañ (см. раньше, стр. 297).

Итакъ, мы видимъ, что два прошедшихъ времени Веніаминова составляютъ двѣ формы одного и того же времени. Но съ другой стороны онъ не обратилъ вниманія на часто употребляемое алеутами время, называемое мной «близко-прошедшимъ» или «недавнимъ». Это время тоже имѣетъ двѣ формы: безъ включеннаго и со включеннымъ объектомъ. Послѣдняя форма впрочемъ, предшествуя другому глаголу, имѣетъ значеніе причастія. Элементомъ этого времени, означающимъ дѣйствіе, совершившееся въ тотъ же день или наканунѣ разсказа о немъ, служитъ частица lagana.

Неинкорпоративная форма близко-прошедшаго времени.

	Singul.		Dual.		Plural.	
1 л.	su-laganá-qiñ		su-lagána-n		su-lagána-n	
2 л.	»	-x̔txin	»	-xtxidix	»	-x̔txici
3 л.	»	-xʻ	»	-x	»	-n

Инкорпоративная и причастная форма близко-прошедшаго времени.

		Число включеннаго объекта.		
		Singul.	Dual.	Plural.
1 л.	Singul.	su-lagána-ñ	su-laganá-kiñ	su-laganá-niñ
2 л.	»	su-laganá-n	» -kin	» -txin
3 л.	всѣхъ чиселъ	su-laganá	» -kix	» -ñin

Примѣры на указанныя три формы.

1. Angágix qax̑ su-lagána-x̑ — человѣкъ взялъ (недавно) рыбу.
2. Angágim su-laganá — человѣкъ ее взялъ.
3. Angágim qax̑ sulagánañ qakú — человѣкъ взятую мной рыбу съѣлъ (ее).

Будущія времена Веніаминова.

Перейду къ формамъ будущаго времени.

Будущее неопредѣленное. «Будущее неопредѣленное» Веніаминова совпадаетъ съ моимъ будущимъ неопредѣленнымъ. Элементомъ этого времени является частица dukaku, т. е. къ элементу настоящаго времени ku прибавляется duka. Но, т. к. частица ka обыкновенно является элементомъ potentialis, то возможно, что элементомъ будущаго времени собственно есть du и значеніе dukaku будетъ такимъ образомъ: «должно или возможно совершиться въ будущемъ», безъ указанія степени отдаленности этого будущаго времени.

По отношенію къ сказанному объ этомъ времени Веніаминовымъ (стр. 38) прежде всего слѣдуетъ сдѣлать тотъ коррективъ, который я сдѣлалъ по отношенію къ настоящему времени. Именно: то, что Веніаминовъ считаетъ полными и сокращенными окончаніями, есть двѣ формы этого времени — неинкорпоративная и инкорпоративная.

Хотя личныя окончанія этого времени тѣ же, что окончанія разсмотрѣнныхъ уже временъ, я для ясности приведу свои и Веніаминова таблицы.

Неинкорпоративная форма неопредѣленнаго будущаго времени.

	Singul.	Dual.	Plural.
1 л.	su-dúkaku-qiñ	su-dúkaku-n	su-dúkaku-n
2 л.	su-dúkaku-x̑-txin	su-dúkaku-x-txidix	su-dúkaku-x̑-txici
3 л.	su-dúkaku-x̑	su-dúkaku-x	su-dúkaku-n

Инкорпоративная форма неопредѣленнаго времени.

	Число включеннаго объекта.		
	Singul.	Dual.	Plural.
1 л. Singul.	su-dúkaku-n̆	su-dúkaku-kin̆	su-dúkaku-nin̆
2 л. »	su-dúkaku-n	su-dúkaku-kin	su-dúkaku-txin
3 л. всѣхъ чиселъ	su-dúkakú	su-dúkaku-kix	su-dúkaku-n̆in

Неопредѣленное будущее время по таблицѣ Веніаминова.

		1-ое лицо.	2-ое лицо.	3-ье лицо.
Ед. ч.	полное оконч.	dúkaku-qin̆	dúkaku ẋ-txin	dúkaku-ẋ
	сокращен. »	dúkaku-n̆	dúkakú-n	dukakú
	съ притяж. элементомъ			dúkakum
Дв. ч.	полное оконч.	dukaku-kik	dukakuẋ-txidik	dukaku-kik
	сокращен. »		нѣтъ	
Мн. ч.	полное »	dukaku-nin̆	dúkakuẋ-txíci	dukaku-n̆in
	сокращен. »	dukaku-n	dukaku-ci	»
	съ притяжат. элементомъ			dúkaḳu-man̆

Послѣ того, что я говорилъ выше (стр. 294—297) объ окончаніяхъ Веніаминова для «настоящаго времени», было бы излишне вдаваться въ разборъ приведенной тутъ таблицы, ибо все, что сказано выше о «настоящемъ времени», относится также къ «будущему неопредѣленному».

«*Будущее многократное*». Названіе Веніаминовымъ времени «многократнымъ» неправильно уже потому, что этимъ терминомъ обозначаютъ видовую, а не темпоральную грамматическую категорію. Для выраженія различныхъ оттѣнковъ многократности дѣйствія, какъ повторяемость, правильная интервальность, продолжительность, постоянство и т. д., имѣются различные инфиксирующіеся элементы. Но ни одного изъ этихъ элементовъ въ «будущемъ многократномъ» Веніаминова нѣтъ. На самомъ дѣлѣ то, что Веніаминовъ называетъ «будущимъ многократнымъ», есть отдаленное будущее (неопредѣленное). Время это сложное образующееся изъ супина съ личными окончаніями и нарѣчія águan (употребляющагося въ двухъ значеніяхъ: «скоро» и также «потомъ»), принимающаго глагольныя окончанія и являющагося такимъ образомъ вспомогательнымъ глаголомъ. Это время, какъ и всѣ другія, имѣетъ двѣ формы: со включеннымъ и безъ включеннаго объекта, въ чемъ Веніаминовъ не разобрался. Приведу тутъ таблицы обѣихъ формъ.

Неинкорпоративная форма отдаленнаго будущаго времени.

	Singul.					
1 л. súñan	agnáqiñ	я возьму	(потомъ, когда-нибудь).			
2 л. súmin	agnáx̊txin	ты возьмешь	»	»	»	
3 л. súgan	ágnax̊	онъ возметъ	»	»	»	
	Dual.					
1 л. súgin	ágnan	мы двое возьмемъ	»	»	»	
2 л. súmdix	agnax̊txídix	вы двое возьмете	»	»	»	
3 л. súx̊kin	ágnax	они двое возьмутъ	»	»	»	
	Plural.					
1 л. súgin	ágnan	мы возьмемъ	»	»	»	
2 л. súmci	agnax̊txíci	вы возьмете	»	»	»	
3 л. súgin	ágnan	они возьмутъ	»	»	»	

Буквальный переводъ приведенныхъ въ этой таблицѣ формъ супина будетъ: súñan — чтобы я взялъ или мнѣ взять; súmin — чтобы ты взялъ или тебѣ взять; súgan — чтобы онъ взялъ или ему взять и т. д. Такимъ образомъ súñan agnáqiñ значитъ буквально: чтобъ я взялъ потомъ я, или чтобы мнѣ взять потомъ я (есть) и т. д.

Въ инкорпоративной формѣ измѣненія (сравнительно съ неинкорпоративной формой) происходятъ или въ одномъ только вспомогательномъ глаголѣ, а супинъ основного глагола остается безъ измѣненія, или измѣняются обѣ части сложнаго времени.

Инкорпоративная форма отдаленнаго будущаго.

Число включеннаго объекта.	Число дѣйствующаго лица.		
	1 лицо Singularis.		
Singul.	súñan	(или sukáñan)	áqañ — я его возьму
Dual.	»	(или sukíñin)	aqákiñ — я ихъ двоихъ возьму
Plural.	»	(»)	aqániñ — я ихъ возьму
	2 лицо Singularis.		
Singul.	súmin	(или sukámin)	aqân — ты его возьмешь
Dual.	»	(или sukímin)	aqákin — ты ихъ двоихъ возмешь
Plural.	»	(»)	aqátxin — ты ихъ возьмешь

3 лицо Singularis.

Singul.	súgan (или sukágan)	aqá —	онъ возьметъ	его
Dual.	» »	aqákix —	» »	ихъ двоихъ
Plural.	» »	aqañin —	» »	ихъ многихъ

3 лицо Dualis.

Singul.	súxᶜkin (или sukígin)	aqá —	они двое возьмутъ	его
Dual.	» »	aqákix —	» » »	ихъ двоихъ
Plural.	» »	aqáñin —	» » »	ихъ многихъ

3 лицо Pluralis.

Singul.	súgin (или sukígin)	aqá —	они возьмутъ	его
Dual.	» »	aqákix —	» »	ихъ двоихъ
Plural.	» »	aqáñin —	» »	ихъ многихъ.

Если возьмемъ теперь таблицу Веніаминова, то увидимъ, что окончанія инкорпоративной формы въ ней отсутствуютъ и что его окончанія состоятъ отчасти изъ окончаній неинкорпоративной формы или же причастій.

Окончанія «будущаго многократнаго» времени Веніаминова.

	Единств. ч.	Двойств. ч.	Множ. ч.
1 л.	súñan agnaqiñ	súgan agnákix (или ágnax)	súgin ágnan
2 л.	súmin agnáxᶜtxin	súmdix agnaxᶜtxídixᶜ	súmci agnaxᶜtxíci
3 л.	súgan ágnaxᶜ	súgan agnákix	súgin agnáñin

Итакъ: 1, 2 и 3 лицо ед. ч., 2 л. двойств. ч. и 1 и 2 лицо множеств. числа суть окончанія неинкорпоративной формы отдаленнаго будущаго, какъ я ихъ далъ въ своей таблицѣ. 3 лицо множ. числа súgin agnáñin есть причастная форма, но какъ причастіе оно указываетъ не отдаленное, а близкое будущее время. Напр.:

Súgin agnáñin hwāgasáda — то, что они возьмутъ (скоро или сейчасъ), привези сюда.

Такимъ же образомъ причастными формами будутъ: súñan ágnañ и другія соотвѣтственныя окончанія вспомогательнаго глагола. Напр.:

sluxᶜ axsxagún íqyaxᶜ súñan agnáqiñ (глагольная форма) = годъ когда пройдетъ (т. е. черезъ годъ), байдарку я возьму.

íqyaxᶜ súñan ágnañ unkída (причастная форма) = байдарку, которую я возьму (сейчасъ), опрокинь.

Поэтому также окончаніе súgan agnákix (1 и 3 лицо двойств. ч.), тоже представляетъ причастную форму. Напр.:

súgan agnákix ukúda — тѣ двѣ (вещи), которыя онъ возьметъ (сейчасъ), посмотри.

По отношенію къ этому спряженію надо указать еще на двѣ ошибки Веніаминова. На стр. 39 онъ разсматриваетъ súñan какъ неопредѣленное наклоненіе (между прочимъ, отсутствующее въ алеутскомъ языкѣ) и agnáqiñ какъ будущее время глагола akúqiñ я есмь (основа этого глагола — *a*). О súñan я уже говорилъ выше, что это supinum съ личнымъ окончаніемъ, — дальше увидимъ, что эта форма употребляется также какъ близкое будущее время. Объ agnáqiñ я говорилъ, что оно происходитъ отъ нарѣчія ágnan — потомъ, но весьма возможно, что обѣ эти формы связаны съ глагольной основой, но не съ *a* (быть), а съ ága. Aga имѣетъ очень много значеній и между прочимъ выражаетъ идею: отложить, оставить. Изъ этой основы 1 лицо давно-прошедшаго времени будетъ aganáqiñ (неинкорпоративная форма) и agáqañ (инкорпоративная форма). Но въ текстахъ это время встрѣчается больше съ выпаденіемъ *a*: agnáqiñ и áx̊qañ. Въ послѣднемъ g переходитъ передъ *q* въ *x̊*. Такимъ образомъ возможно, что вспомогательными глаголами обѣихъ формъ отдаленнаго будущаго времени служатъ обѣ формы давно-прошедшаго времени глагола ága. Тогда qax̊ súñan agnáqiñ и súñan (или sukáñan) áx̊qañ означаютъ: «брать рыбу я отложилъ» и «брать ее я отложилъ». Если это такъ, то во всѣхъ формахъ вспомогательнаго глагола въ таблицѣ инкорпоративной формы необходимо передъ *q* вставить x̊: ax̊qákiñ, ax̊qániñ, ax̊qán и т. д. Выводъ о происхожденіи вспомогательнаго глагола отдаленнаго будущаго изъ ága подтверждается еще тѣмъ, что для сложнаго близкаго будущаго времени, какъ увидимъ дальше, вспомогательнымъ глаголомъ служатъ формы настоящаго времени глагола ága: agikúqiñ и т. д. Какъ это для меня теперь не ясно, я тѣмъ не менѣе, впредь до окончательнаго выясненія вопроса изъ анализа текстовъ, оставилъ въ таблицѣ начертаніе вспомогательнаго глагола áqañ, какъ оно имѣлось въ моихъ «полевыхъ» записяхъ, а не áx̊qañ и т. д.

Теперь разсмотримъ «будущее совершенное время» Веніаминова. Но прежде чѣмъ къ нему перейти, необходимо привести формы будущаго времени, которыя я называю «близкимъ будущимъ», ибо тогда ясны будутъ ошибки Веніаминова по отношенію къ своему «будущему совершенному времени».

Близкое будущее время. Близкое будущее время показываетъ дѣйствіе, которое должно совершиться сейчасъ. Оно можетъ быть простымъ, безъ

вспомогательнаго глагола, или сложнымъ временемъ — со вспомогательнымъ глаголомъ. Въ первомъ случаѣ близкое будущее замѣняетъ извѣстная уже намъ форма супинъ, въ другомъ — этотъ супинъ соединяется съ настоящимъ временемъ глагола ág̣a, значеніе котораго уже дано выше. Это время тоже имѣетъ двѣ формы: съ отдѣльнымъ и со включеннымъ объектомъ.

Неинкорпоративная форма близкаго будущаго.

Простая форма. Сложная форма.

Singularis.

1 л.	súñan	;	súñan ag̣ikúqiñ	— я сейчасъ возьму
2 л.	súmin	;	súmin ag̣ikúx̒txin	— ты » возьмешь
3 л.	súg̣an	;	súg̣an ag̣íkux̒	— онъ » возьметъ

Dualis.

1 л.	súg̣in	;	súg̣in ag̣íkun	— мы двое сейчасъ возьмемъ
2 л.	súmdix	;	súmdix ag̣ikux̒txídix	— вы » » возьмете
3 л.	súx̒kin	;	súx̒kin ag̣íkux	— они » » возьмутъ

Pluralis.

1 л.	súg̣in	;	súg̣in ag̣íkun	— мы (многіе) сейчасъ возьмемъ
2 л.	súmci	;	súmci ag̣ikux̒txíci	— вы » » возьмете
3 л.	súg̣in	;	súg̣in ag̣íkun	— они » » возьмутъ

Инкорпоративная форма близкаго будущаго.

1-ое лицо singularis.

Простая форма. Сложная форма.

sukáñan; sukáñan (или súñan) ag̣íkuñ — я его сейчасъ возьму.
sukíñix; sukíñix (или súñan) ag̣ikúkiñ — » ихъ двоихъ сейчасъ возьму.
sukíñin; sukíñin (или súñan) ag̣ikúniñ — » » многихъ » »

2-ое лицо singularis.

sukámin; sukámin (или súmin) ag̣ikún — ты его сейчасъ возьмешь.
sukímin; sukímin (или súmin) ag̣ikúkin — » ихъ двоихъ » »
sukímin, sukímin (или súmin) ag̣ikútxin — » ихъ многихъ » »

3-е лицо singularis.

sukágan; sukágan (или súgan) agikŭ́ — онъ его сейчасъ возьметъ
» ; » » agikúkix — » ихъ двоихъ » »
» ; » » agikúñin — » ихъ многихъ » »

3-е лицо dualis.

sukígin; sukígin (или súx̒kin) agikŭ — они двое его сейчасъ возьмутъ
» ; » » agikúkix — » » ихъ двоихъ » »
» ; » » agikúñin — » » ихъ многихъ » »

3-е лицо pluralis.

sukígin; sukígin (или súgin) agikŭ — они многіе его сейчасъ возьмутъ
» ; » » agikúkix — » » ихъ двоихъ » »
» ; » » agikúñin — » » ихъ многихъ » »

Приведу примѣры на обѣ формы близкаго будущаго:

Kalíkax̒ súñan или kalíkax̒ súñan agikúqiñ — я книгу сейчасъ возьму.
Sukáñan или sukáñan (также súñan) agíkuñ — я ее сейчасъ возьму.

Показавъ измѣненія будущаго времени, которое я называю «близкимъ», я могу перейти теперь къ «будущему совершенному времени» Веніаминова. Онъ не даетъ болѣе подробнаго объясненія значенія этого времени. Въ текстѣ (стр. 35) онъ даетъ одинъ примѣръ suqáñan, который онъ переводитъ: «возьму», а въ таблицѣ онъ приводитъ слѣдующія окончанія по лицамъ и числамъ:

Окончанія «будущаго совершеннаго времени» Веніаминова.

	Ед. ч.	Дв. ч.	
1 лицо	qañan	qax̒kin	qagin
2 »	qamin	qamdix	qamci
3 »	qagan	qax̒kin	qagin

Такъ какъ такихъ окончаній въ измѣненіяхъ изъявительнаго наклоненія нѣтъ, то я допускаю, что Веніаминовъ ошибочно написалъ звукъ *q*

(по его транскрипціи k̕) вмѣсто k и тогда мы бы отчасти получили инкорпоративную форму моего «близкаго будущаго времени», ибо только 1, 2, 3 л. singul. субъекта при singul. объекта (su-káñan, su-kámin, su-kágan) соотвѣтствовали бы моей таблицѣ. Остальныя же его окончанія являются причастными формами.

Разсмотримъ теперь другія «сложныя времена» Веніаминова, окончанія которыхъ не вошли въ его таблицу и для которыхъ онъ даетъ примѣры въ текстѣ (§ 77, п. 1—4) только по отдѣльнымъ лицамъ.

Настоящее сложное время Веніаминова. Это время «составляется черезъ неокончательное наклоненіе съ помощью вспомогательнаго глагола agíkuñ—имѣю, напр. súñan agíkuñ—беру или имѣю взять, súmin agíkūn—беретъ и проч.». Но во-первыхъ suñan и súmin не есть неокончательное наклоненіе (см. выше, стр. 303), котораго нѣтъ въ алеутскомъ языкѣ, ибо одна и та же группа звуковъ служитъ какъ глагольной, такъ и именной основой. Во вторыхъ, agíkuñ и agikūn не значатъ: имѣю, имѣешь, а происходятъ изъ основы áġa (въ значеніи: отложить, оставить) и являются инкорпоративной формой настояще-прошедшаго времени: «я его оставляю или оставилъ», «ты его оставляешь или оставилъ». Какъ вспомогательный глаголъ эти формы (см. выше) входятъ въ образованіе инкорпоративной формы того времени, которое я называю «близкимъ будущимъ».

Преходящее сложное время Веніаминова. Время, которое Веніаминовъ называетъ «преходящимъ сложнымъ», прежде всего не является сложнымъ, ибо частица sagu (или asagu), его характеризующая, не есть вспомогательный глаголъ, а инфиксъ. Это адвербіальная частица «недавно», неопредѣленно ограничивающая отдаленность дѣйствія въ прошломъ. Примѣръ Веніаминова sūsagúkuñ надо перевести — я недавно его взялъ. Если считать это отдѣльнымъ временемъ, то надо будетъ считать временами много другихъ формъ съ адвербіальными инфиксами.

Давно-прошедшее время Веніаминова. Объ этомъ времени можно сказать то же самое, что я сказалъ по поводу предыдущаго. Согласно Веніаминову это время составляется изъ его «прошедшаго совершеннаго» (см. раньше, стр. 298) времени и «частицъ yaki, yuku или нарѣчія unugūlux̕—давно. Примѣръ онъ даетъ только на нарѣчіе: unugúlux súqañ—давно я бралъ». Но такъ какъ súqañ инкорпоративная форма давно-прошедшаго времени, то переводъ этихъ двухъ отдѣльныхъ словъ будетъ: давно я его взялъ. Yuku или yaku адвербіальная частица, входящая въ глаголъ въ качествѣ инфикса со значеніемъ: «долго». Напр.:

kalíkax̕ ukū-yuka-lakáqiñ — письма я долго не получалъ.

Разумѣется это нельзя разсматривать какъ особое время. Элементовъ со сходнымъ и родственнымъ значеніемъ весьма много. Приведу нѣкоторые изъ нихъ: gusa и gusali — всегда; ta — на время; ma — наконецъ; lị — долго; tasada — крѣпко (съ выдержкой); txada — уже, и т. д. Напр.:

cān sū-sa-gusá-da — своей рукой ты всегда бери.

kúgan uñucī-gusali-kū́ — на этомъ (мѣстѣ) онъ всегда или постоянно сидѣлъ.

qígnax̔ ani-ta-kúqiñ — огонь я на время зажегъ.

asxā-má-kux̔ — наконецъ онъ умеръ.

ax̔a-lí-kun — они долго плясали.

uñucī-tasáda-da — крѣпко сиди.

uñucī-txada-kúqiñ — я уже сѣлъ.

Будущее сложное время Веніаминова. Это время, по Веніаминову «состоитъ изъ причастія прош. неопредѣленнаго и глагола adúkakuñ, а въ сложеніи dúkakuñ». Но то, что Веніаминовъ считаетъ «временемъ» есть наклоненіе. Это conativum, имѣющее и другія времена и обѣ формы: инкорпоративную и неинкорпоративную. Напр.:

qax̔ súnax̔dúkakuqiñ — рыбу я постараюсь взять. Буквально: я буду берущимъ рыбу.

súnax̔dúkakuñ — я постараюсь ее взять.

súnax̔náqiñ — я старался взять. } Неинкорпоративная форма.
súnax̔kúqiñ — я стараюсь взять. }

Послѣ разсмотрѣнія на опредѣленныхъ примѣрахъ формъ изъявительнаго наклоненія алеутскаго глагола надо еще сказать, что личныя окончанія и темпоральные элементы одинаковы для глаголовъ всѣхъ залоговъ и отдѣльныя таблицы спряженій дѣйствительныхъ, страдательныхъ, среднихъ и другихъ глаголовъ излишни. Переходящіе и непереходящіе глаголы отличаются между собой только по значенію, а не по формѣ. Въ предложеніи они отличаются тѣмъ, что v. transitiva имѣютъ передъ собой прямой объектъ а intransitiva — косвенный.

Страдательный залогъ отличается отъ дѣйствительнаго только спеціальными инфиксами (lga или sxa, gị, ga, la, ci), выражающими различные оттѣнки дѣйствія. Напр.:

su-lgá-ku-x̔ — его берутъ или взяли (сейчасъ).

su-gí-ku-x — онъ взятъ.

sū-lá-ku-x̔ — его этимъ (орудіе) берутъ.

su-gá-kux̔ — его держатъ; его употребляютъ (для чего-нибудь),

su-cí-kux̔ — его надо взять.

ina-sxá-ku-x̔ — его кончаютъ или кончили.

Возвратный залогъ отличается возвратнымъ мѣстоименіемъ txin — себя, предшествующимъ основѣ.

Взаимный и коллективный залоги выражаются особыми инфиксами. Во всемъ остальномъ спряженія всѣхъ залоговъ одинаковы.

Но кромѣ отдѣльныхъ спряженій по залогамъ[1] Веніаминовъ различаетъ еще два спряженія въ зависимости отъ окончанія 2 л. ед. ч. настоящаго времени повелительнаго наклоненія, окончанія, которое Веніаминовъ, повидимому, считаетъ основной формой. Это необходимо выяснить. Дѣйствительно, 2-е лицо singul. настоящаго времени повелительнаго наклоненія оканчивается нерѣдко вмѣсто da на ca. Послѣднее окончаніе является при основѣ, оканчивающейся на *t*. При помощи *t* нерѣдко непереходящій глаголъ обращается въ переходящій. Напр.:

ína основа глагола «кончаться»; ínat — «кончать»

ásxa » » «умереть»; ásxat — «убить».

Иной разъ элементъ *t* измѣняетъ значеніе глагола, но не залогъ, такъ что какъ v. transitiva, такъ и intransitiva могутъ имѣть въ основѣ *t*. Напр.:

uñúci — основа глагола «сидѣть»; úñut — «садиться»

i — » » «звать» и it — «выходить», «падать сверху», «говорить», «вырости».

Суффиксомъ 2 л. singul., настоящ. вр. повелит. наклоненія служитъ da. Напр.: sú-da — возьми. Но если конечнымъ звукомъ основы служитъ *t* то da сливается съ нимъ (t + da) въ că съ удлиненіемъ а и переходомъ на него ударенія. Напр.: inacắ — кончай; asxacắ — убей; uñucắ — садись; icắ — выходи, вмѣсто: inátda, asxátda, uñútda и ítda. Въ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ такихъ глаголовъ *t* основы способенъ переходить въ другіе согласные звуки. Личныя же окончанія и темпоральные элементы тѣ же, что въ другихъ глаголахъ. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ временахъ *t* переходитъ въ *s*, *n* (= *n* съ усиленной назализаціей) или *d*. Для указанія этихъ измѣненій я приведу здѣсь два примѣра (на переходящій и непереходящій глаголъ) на первое лицо singularis по двумъ формамъ (неинкорпоративной и инкорпоративной) и всѣмъ временамъ. Возьмемъ основы inat — кончать и it — выходить.

---

[1] Я уже указывалъ въ ст. I (стр. 134), что къ грамматикѣ Веніаминова приложены двѣ таблицы спряженій: глаголовъ дѣйствит. залога и глаголовъ средняго залога (на самомъ дѣлѣ страдательнаго залога) и что обѣщанная въ текстѣ 3-ья таблица отсутствуетъ.

		Неинкорпоративная форма.	*Инкорпоративная форма.*
Настояще-прошедшее время		inati-kú-qiñ	inatí-ku-ñ
		iti-kú-qiñ	ití-ku-ñ
Близко-прошедшее время		ina-sā-g̣aná-qiñ	ina-sā-g̣ána-ñ
		i-sā-g̣aná-qiñ	i-sā-g̣ána-ñ
Давно-прошедшее время		ina-n̊-ná-qiñ	inát-xa-ñ
		i-n̊-ná-qiñ	ít-xa-ñ
Будущее неопредѣленное вр.		ina-dū́-kaku-qiñ	ina-dū́-kaku-ñ
		i-dū́-kaku-qiñ	i-dū́-kaku-ñ
Скорое будущее время.		ina-sá-ñan	ina-sa-káñan
		i-sá-ñan	i-sa-káñan

Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, что *t* остается безъ измѣненія въ обѣихъ формахъ настояще-прошедшаго времени и въ инкорпоративной формѣ давно-прошедшаго времени. Въ первомъ случаѣ между *t* и ku вставляется *i*, во второмъ — послѣ *t* звукъ *q* переходитъ въ *x* (вмѣсто inátqañ имѣемъ inátxañ).

t переходитъ въ *n̊* (передъ *n*) въ неинкорпоративной формѣ давно-прошедшаго времени (вм. inat-náqiñ имѣемъ inan̊-naqiñ). Надо прибавить, что у нѣкоторыхъ лицъ я слышалъ вмѣсто *n* звукъ *t̃* (носовой *t*), а въ аткинскомъ діалектѣ *t* передъ *n* остается безъ измѣненія.

t переходитъ въ sa въ скоромъ будущемъ времени (вмѣсто inát-ñan имѣемъ: inasá-ñan).

t переходитъ вмѣстѣ съ la инфикса въ sa въ близко-прошедшемъ времени (вмѣсто inat-lag̣aná-qiñ имѣемъ ina-sā-g̣aná-qiñ).

t переходитъ вмѣстѣ съ du инфикса въ dū въ будущемъ неопредѣленномъ времени (вмѣсто inat-dúkaku-qiñ мы имѣемъ ina-dū-kakú-qiñ).

Что *t* переходитъ въ *d* передъ мягкими согласными, это еще видно при образованіи переходящаго глагола изъ непереходящаго при помощи инструментальнаго элемента (см. выше, ст. I стр. 154) sa. Такъ напр.:

iti-kú-qiñ — я вышелъ.

idū-sa-kú-qiñ — я вынесъ или вывелъ (вмѣсто — it-sa-ku-qiñ или itī-sa-kú-qiñ).

Вотъ тѣ измѣненія, которыя отличаютъ глаголы съ окончаніемъ въ повелит. накл. настоящаго времени, 2-го л. singul. на cā, отъ другихъ

глаголовъ. Но, какъ я уже указалъ выше, личныя окончанія и темпоральные элементы (за исключеніемъ 2-хъ случаевъ слiянія послѣднихъ съ согласной основы *t*) тѣ же, что въ измѣненiяхъ другихъ глаголовъ и потому мы не можемъ говорить о двухъ спряженiяхъ. Поэтому также я не займусь особо исправленiемъ окончанiй второго спряженiя Веніаминова, указанныхъ въ его таблицахъ. Ошибки его тѣ же, что въ 1-мъ спряженiи, мной разобранномъ.

Къ вопросу объ образованiи временъ въ алеутскомъ глаголѣ слѣдуетъ еще прибавить, что имѣется форма изъявительнаго наклоненiя, въ которой темпоральный элементъ отсутствуетъ. Когда непереходящiй глаголъ выражаетъ какое-либо перманентное состоянiе или свойство предмета, группы предметовъ или вида, или когда переходящiй глаголъ показываетъ длительное дѣйствiе, характерное для субъекта или объекта, то вмѣсто грамматическаго элемента времени (ku, na, qa, dukaku и т. д.) употребляютъ континюативный элементъ da. Напр.:

1. Птица летитъ или летѣла = sax̑ igá-ku-x̑ или igá-na-x̑
   » летаетъ (вообще) = sax̑ igá-da-x̑.
2. Я ѣмъ (сейчасъ) рыбу = qax̑ qa-kú-qiñ
   я часто (или постоянно) ѣмъ рыбу = qax̑ qa-da-kú-qiñ
   я питаюсь рыбой = qax̑ qa-dá-qiñ
   я ею питаюсь = qá-da-ñ.
3. Я живу (теперь) въ Уналашкѣ-Slúlam ilan angagi-kú-qiñ
   » » (вообще) » » » » angagi-dá-qiñ.

Въ связи съ таблицами спряженiй Веніаминова, я хочу указать также на неправильное дѣленiе имъ глаголовъ на залоги по ихъ значенiю. Говоря, что залоговъ три (дѣйствит., среднiй и страдат.), Веніаминовъ даетъ имъ слѣдующiя опредѣленiя (§ 78).

«*Дѣйствительный* означаетъ простое дѣйствiе лица или вещи, не относящееся на другого, напр. súqañ — взялъ, ayigátxa — шелъ, agúnax — родилъ». Такое опредѣленiе не соотвѣтствуетъ ни русскому дѣйствит. залогу, выражающему дѣйствiе, переходящее на другой предметъ, и стало быть идентифицирующемуся съ transitivum, ни съ его значенiемъ въ латинской грамматикѣ, которая при дѣленiи глаголовъ на залоги принимаетъ во вниманiе не значенiе глагола (какъ русская грамматика), а его форму, и потому латинскiй activum обнимаетъ всѣ наши залоги, кромѣ страдательнаго. Въ латинскомъ языкѣ verba transitiva не покрываютъ verba activa. Въ алеутскомъ языкѣ при дѣленiи глаголовъ на залоги надо (какъ и въ русск. яз.)

принимать во вниманіе только ихъ значеніе, и потому алеутскій дѣйствит. залогъ долженъ соотвѣтствовать русскому. Во избѣжаніе недоразумѣній алеутскій глаголъ въ отношеніи къ залогамъ лучше всего дѣлить на transitiva, intransitiva и passiva, также на reflexiva, reciproca и collectiva. Возвратившись къ примѣрамъ Веніаминова, мы видимъ, что два изъ нихъ: súqañ (я взялъ его, а не «взялъ») и agúnax̊ (онъ родилъ или сдѣлалъ) — переходящіе глаголы, а третій: ayigátxa — непереходящій, между прочимъ формы ayigátxa — нѣтъ, можетъ быть ayigáxta (supin. съ элементомъ 3-го лица singul.) — чтобы онъ шелъ или итти ему.

«Средній или относительный», говоритъ Веніаминовъ, «означаетъ дѣйствіе лица на какое-нибудь лицо или вещь». Такое опредѣленіе могло бы относиться къ дѣйствію переходящему; но примѣры, которые даетъ Веніаминовъ всѣ v. passiva: «sulgáqañ — меня взяли, sugíqañ — тоже меня взяли (но какъ бы руками), agulgánax̊ — его родили, inasxaqā̂n — тебя кончили». Относительно этихъ примѣровъ надо еще замѣтить слѣдующее. Разница между формами sú-lga и sú-g̑i заключается въ томъ, что первая показываетъ незаконченное дѣйствіе, а второе законченное. Напр.:

Su-lgá-ku-x̊ — его взяли (имѣется въ виду моментъ взятія)
su-g̑í-ku-x̊ — онъ взятъ (» » » » послѣ взятія).

agulgánax̊ — причастная форма — «рожденный»; его родили будетъ agulgáqax̊. Sulgáqañ, sugíqañ и inasxaqā̂n — инкорпоративныя формы. Страдательные глаголы инкорпорируютъ (какъ и intransitiva) косвенное дополненіе, ибо субъектъ дѣйствія безличенъ, а страдающее лицо является прямымъ дополненіемъ, съ которымъ личное окончаніе согласуется въ числѣ. Напр.:

úlam ílan sulgakúqiñ — меня взяли въ домъ
ílan sulgákuñ — меня взяли въ него (т. е. въ домъ).

«Страдательный (залогъ)», говоритъ Веніаминовъ, «показываетъ вмѣстѣ и дѣйствіе и страданіе одного и того же лица или вещи, которое въ русскомъ языкѣ выражается черезъ сокращенное мѣстоименіе *ся*. Напр.: txin-súnax̊ — взялся, txin-agúnax — родился». Изъ этого видно, что страдательнымъ залогомъ онъ считаетъ тѣ формы средняго (т. е. непереходящаго глагола), которыя образуются изъ дѣйствительнаго при помощи прибавки возвратнаго мѣстоименія *себя*, какъ въ славянскихъ языкахъ. Но примѣръ txin-súnax̊ не средній, а возвратный глаголъ — «онъ самъ себя взялъ». Txin súnax̊ (безъ тире) означаетъ: тебя онъ взялъ. Такимъ

же образомъ txin agúnax̌ = тебя она родила и родившая тебя или твоя мать, а txin-agúnax̌ — родился [1].

Послѣ критическаго разбора наиболѣе важной части алеутской грамматики Веніаминова невольно является вопросъ, каковъ же долженъ быть при такомъ пониманіи языка его алеутскій переводъ молитвъ, проповѣдей и евангелія [2]. Разумѣется переводъ этотъ не только не соотвѣтствуетъ духу алеутскаго языка, но мѣстами настолько неправиленъ, что является непонятнымъ для алеута. Къ анализу алеутскихъ переводовъ Веніаминова я еще вернусь послѣ обработки своихъ текстовъ. Но теперь замѣчу, что переводы его все-таки менѣе плохи, чѣмъ можно было ожидать, исходя изъ правилъ его грамматики. Объясняю я это обстоятельство вліяніемъ помогавшихъ ему переводчиковъ-алеутовъ, которые не могли допустить грубаго искаженія своего языка, поскольку они сами понимали переводимое.

Веніаминовъ въ предисловіи (стр. I) къ своей грамматикѣ предсказывалъ, что алеуты «навѣрное не въ долгомъ времени совсѣмъ оставятъ свой языкъ». И дѣйствительно, русѣніе алеутовъ со времени Веніаминова пошло такъ быстро, что, не будь Аляска вмѣстѣ съ Алеутскими островами продана Россіей въ 1867 г. Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, алеутскій языкъ давно бы прекратилъ свое существованіе и былъ бы замѣненъ русскимъ. Но американцы послѣ пріобрѣтенія Аляски долго предоставляли алеутовъ самимъ себѣ. Русское вліяніе прекратилось, а американское не начиналось. Алеуты постепенно забыли русскій языкъ и снова вернулись къ языку своихъ предковъ. Такимъ образомъ языкъ сохранился въ старомъ поколѣніи алеутовъ до нашихъ дней. Только въ теченіе 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія правительство Соединенныхъ Штатовъ обратило вниманіе на просвѣщеніе алеутовъ.

---

[1] Интересно, что въ изложеніи грамматики Веніаминова Pfizmaier (ст. I, стр. 832). слѣдуетъ въ описаніи залоговъ Веніаминову, а Henry (ст. II, стр. 15) правильно называетъ voix passive тѣ формы, которыя Веніаминовъ считаетъ среднимъ залогомъ и наоборотъ.

[2] Укажу тутъ извѣстныя мнѣ изданія переводовъ Веніаминова:

1. Указаніе пути въ царствіе небесное. Поученіе на алеутско-лисьевскомъ языкѣ, сочиненное священ. Іоанномъ Веніаминовымъ. Москва, въ Синодальной типографіи 1840, стр. 114. Переиздано въ 1899 г.

2. Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и краткій христіанскій катехизисъ съ русскаго на алеутско-лисьевскій перевелъ свящ. І. Веніаминовъ въ 1827 г. и въ 1837 г. исправилъ; а священникъ Іаковъ Нецвѣтовъ, разсматривая оныя своими поясненіями сдѣлалъ ихъ понятными и для атхинцевъ, имѣющихъ свое нарѣчіе. Санктпетербургъ въ Синодальной типографіи 1840 г. стр. 104+51. Переиздано въ 1893 г.

3. Господа нашего Іисуса Христа Евангеліе, написанное апостоломъ Матѳеемъ. Съ русскаго языка перевелъ свящ. І. Веніаминовъ (и т. д. какъ въ предыдущемъ) 1840 г., стр. 237+21 (Евангеліе, читаемое въ первый день святыя пасхи). Переиздано въ 1896 г.

Хотя и теперь еще не на всѣхъ островахъ имѣются американскія школы, но молодое поколѣніе алеутовъ уже плохо знаетъ родной языкъ и не далеко время, когда его окончательно замѣнитъ другой культурный языкъ — англійскій. Поэтому практическаго значенія исправленіе грамматики и переводовъ Веніаминова и работа по алеутскому языку вообще не имѣетъ. Но тѣмъ важнѣй для науки — въ интересахъ этнологіи и лингвистики — сохраненіе исчезающей формы человѣческой рѣчи и творчества. Пусть алеутскій языкъ не раздѣлитъ участи исчезнувшихъ языковъ нѣкоторыхъ южно-сибирскихъ народностей, изученіе которыхъ было упущено въ свое время и значеніе которыхъ было бы необходимо для рѣшенія финно-угорской и другихъ этнологическихъ проблемъ Сибири.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 19 марта 1919 г.).

XI.

1. h. borot «прокаженный» и г. borot-ı «бѣшенный; гнѣвный; злой; лукавый; больной» || a. г. a-mrız+eb-ul-ı «разъяренный» || b. г. braz-ı «бѣшенство»; — 2. арм.-h. qayl «шагъ» || qel-va «попирать ногами» и г. gwale «ходить»; — 3. арм.-h. d̦ağq-el > d̦aq-el «удариться» || h. d̦aqd̦aq-el «ломать, крошить» и г. d̦aq+eb-a «удариться» || || ч. on-d̦aq-u «бить, колотить»; арм. ţaq-el || h. ţeğq-el и г. ţeq-a; арм. traq-el и м. terq || ч. troq;—4. h. erkır ƥaganel «бить [челомъ] землю» > «поклоняться», «цѣловать» и г. ϑav-kwanıs-ϑema-y «головою землю бить» > «поклоняться».

1. На связь h. borot съ г. borot-ı настойчиво обращаютъ вниманіе всѣ лексикографы, начиная съ мыхитаристовъ, составителей Большого Армянскаго словаря (Венеція 1836), и Чубинова, автора Грузинскаго словаря (Петроградъ 1840), вплоть до яфетидолога І. А. Кипшидзе, занесшаго грузинское слово borot-ı *злой* въ древнегрузинско-русскій словарь *Грузинской древнелитературной хрестоматіи* (Петроградъ 1918).

Между тѣмъ армянское прилагательное borot *прокаженный* случайно созвучно съ г. borot-ı *бѣшенный*, *злой* и т. д., разъ оно происходитъ отъ слова арм. bor *чесотка* съ помощью суффикса -ot, какъ отъ арм. qos *чесотка*, *паршь* въ ново-армянскомъ qos-ot *чесоточный*, при этомъ слово qos представлено еще разновидностью qor- въ основѣ наличнаго и въ древнелитературномъ языкѣ армянъ глагола qor-em *чешу*, а въ современной народной ихъ рѣчи и самостоятельно въ выраженіи qor gal *чесаться*, букв. «приходить въ *чесаніе* > *чесотку*». Въ то же время bor || [*gor >] qor это два вида одного и того же слова, распредѣляемые между hайскимъ и армян-

скимъ такъ же, какъ въ грузинскомъ—1. burka || gurka *косточка*, 2. bodal || *godal < kodal *стрѣла*, 3. brtkıl || grtkıl < prtkıl || krtkıl *блоха* и т. п. Такія парныя слова являются вкладомъ двухъ фонетическихъ теченій, характеризуемыхъ закономъ о перебоѣ по послѣдующей, предусматривающей и историческое развитіе формулѣ: p || k > b || g > φ || q.

И всетаки мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, что между h. bor-ot *прокаженный* и др.-л. г. borot *злой* нѣтъ генетической связи, если особенно въ bor || qor — остатокъ стянутой формы спирантной разновидности *borˁ, двойникъ полногласнаго *boroˁ.

Слово представляетъ независимо отъ звуковой стороны особый интересъ семасіологическій.

Семасически хайскому слову borot у грузинъ въ древнелитературномъ языкѣ соотвѣтствуетъ то spet-ak *бѣлый* (*Исх.* 4,6)[1], то keϑr-o-van *прокаженный* (*Лев.* 13,44; 14,1, *Мθ* 26,6). Послѣднее слово, также прилагательное, имѣетъ параллельную форму keϑr-ı-an-ı, и оба они произведены съ помощью двухъ разновидностей одного и того же суффикса, нѣкогда означавшаго «сынъ» (-van || -⌜v⌝an), отъ имени существительнаго keϑ-+-r-ı *проказа*[2]. Въ свою очередь отъ keϑrovan-ı *прокаженный* произведено слово въ формѣ отвлеченнаго понятія—keϑrovan-+-eb-a-y, обыкновенно въ армянской версіи передаваемое словомъ borotuϑıwn (*Лев.* 13, 8, 9, 11, 15, *Мθ* 8, 3), но иногда ему соотвѣтствуетъ въ грузинской версіи sı-spetak-e *бѣлизна* (*Лев.* 13, 12, 13).

Однако и основа самого простого вида существительнаго keϑr — производная съ помощью образовательной частицы -r. Показатель множественности по происхожденію, функціально эта образовательная частица -r есть суффиксъ для производства какъ прилагательнаго отъ сущ. имени, напр. ϑeϑ-r «бѣлый» отъ *ϑeϑ- || м. ϑuϑ-a *луна*, такъ существительнаго отъ глагольной основы, напр. г. ked-r *сторона* отъ ked-, resp. keda- (ср. ked-el или ked-ar-o)[3], qwed-r *удѣлъ, судьба* отъ qwd и т. п. Чистая основа keϑ-, такъ же глагольная, и означаетъ *быть бѣлымъ, бѣлизна*; въ ней разновидность съ грузинской перегласовкой мегрело-чанской основы kaϑ-: ч. a-kaϑ-en koϑ-ıs *человѣкъ сѣдѣетъ*, букв. по первоначальному моему пред-

---

[1] *Лев.* 13,13 и въ арм. версіи вм. borot читается еще spıt-ak въ соотвѣтствіи г. spet-ak, но здѣсь таково чтеніе («бѣлый») и въ сир. (ܚܘܪܐ), и въ греч. (λευκός), и евр. (לָבָן) текстахъ.

[2] О происхожденіи гласнаго -o- || -ı-, кажущагося соединительнымъ, рѣчь будетъ особо.

[3] Н. Марръ, *Неизданный источникъ исторіи Кавказскаго міра*, ИРАН 1917, 317.

положенію[1] — «у человѣка (волосъ, голова) *бѣлѣетъ*», иногда и съ прибавленіемъ синонимнаго слова «бѣлый», въ чанскомъ — qшe > qϑe || q̇ϑe, въ мегрельскомъ — ϑe, что однако можетъ означать не только «бѣлый», но и «бѣлизна», «сѣдина», судя по употребленію слова у грузинъ, заимствовавшихъ его съ естественной для нихъ замѣной ϑ, звука шипящаго порядка, эквивалентомъ свистящаго ряда — ϑ: qϑe. По аналогіи съ другими именами, какъ существительными, такъ прилагательными, въ грузинскомъ слово получило наростъ въ видѣ префикса m-, и грузинскій лексикографъ Ч² въ этой формѣ и приводитъ его, при этомъ съ замѣной архаичнаго q (ჴ) вульгарнымъ q̇ (ხ) — m-q̇ϑe, толкуется же оно у него такъ: «ჭაღარა შერეული [= съ примѣсью сѣдины, съ просѣдью,] сѣдой, Dareḍ. 2—147; Rusud. 562; I Qarϑl. 273». Въ рукописяхъ памятниковъ свѣтской литературы его встрѣчаемъ и съ позднѣйшей перестановкой огласовки, какъ можетъ показаться, своего рода искаженіемъ — m-q̇eϑ, когда оно по созвучію совершенно совпадаетъ со словомъ «звѣрь» — др.-л. m-qeϑ, вульг. m-q̇eϑ, и въ такой формѣ оно читается, напр., въ Rusudaniani не разъ, но по крайней мѣрѣ три раза[2]: 1) Rs, I, 10: მოეგებნა დიდი ჯარი მხეც შერეული კაცი «вышла навстрѣчу большая толпа (|| большое войско) людей *съ просѣдью* (mq̇eϑ шereul-ı «съ примѣшанной *сѣдиною*»)», 2) ib.: სრულა ბერთა ჯარი ახლდა არა რომე არცა ყმა კაცი ერია და არც მხეც შერეული, სრულიად ბერნი მიკრილნი კაცნი იახლნენ «сопровождало войско цѣликомъ изъ старцевъ, не было примѣшано къ нему ни отрока, ни кого либо *съ просѣдью* (mq̇eϑ шereul-ı), одни пожилые (mikril-n-ı) старики были при немъ», 3) IV, 1: მხეც შერეული კაცი შეიქმნა და არცა ვაჟი და არცა ქალი ჰყვანდა «онъ сталъ человѣкомъ съ просѣдью (mq̇eϑ шereul-ı kaϑ-ı), между тѣмъ у него не было еще ни сына, ни дочери». Mq̇eϑ, resp. mqϑe у грузинъ означало спеціально «просѣдь», болѣе того «просѣдь лишь *въ бородѣ*», судя по толкованію производнаго отъ него слова грузинскими лексикографами: по Орб. — m-qϑo-ʿvaʾn-ı значитъ «старикъ съ бѣлой бородою»[3], по Ч² — «сѣдой», но особо у

---

[1] См. ниже ц. с., стр. 398.

[2] Примѣры беру, какъ они зарегистрованы еще въ 1889-мъ году въ неизданной части медальной моей студенческой работы — «*Грузинскія повѣствовательныя произведенія XI-го и XII-го вѣка, писанныя прозою*», именно въ Приложеніи III-мъ, озаглавленномъ: «Списокъ словъ и выраженій, существующими словарями этимологически невѣрно объясняемыхъ, иначе [превратно] понимаемыхъ или совершенно опущенныхъ, составленный къ четыремъ повѣстямъ — Wis-Ramiani, Amiran-Dareḍaniani, Rusudaniani и Dilariani».

[3] Орб. ссылается на Сирах. 6, гдѣ по Московскому изданію лишь въ 18-мъ стихѣ находимъ, да и тамъ не mqϑovan-ı, а производное отъ него mqϑovanebay въ выраженіи ვიდრე მხცოვანებამდე vidre mqϑovan+eb-a-m+de въ соотвѣтствіе греч. ἕως πολιῶν *до сѣдинъ*, арм. մինչև ի ծերութիւն minϑew ı ṫeruϑiwn *до старости*.

Ч² mqϑovn-ı[1]. Послѣднее чтеніе съ его толкованіемъ «бодрый»—результатъ недоразумѣнія: въ одѣ Тамары у «Чахр. 73», въ нашемъ изданіи VII, 16,2, надлежитъ читать не mqϑovn-ı, какого слова вовсе не существуетъ въ литературѣ, а mϑqovn-ı (მცხოვნ-ი) *оживляющій, спасающій, воскресающій* и т. п.

Каковы бы ни были специальныя употребленія слова у грузинъ, спору не подлежитъ, что оно вообще значитъ «сѣдой > бѣлый; сѣдина > бѣлизна». И подходя со стороны такихъ выраженій, какъ mqeϑ, resp. mqϑe шereul-ı «*примѣшанный* сѣдиной», и чанское выраженіе qϑe-kaϑerı koϑ-ı *сѣдой человѣкъ* иначе и нельзя понять, какъ «человѣкъ съ *примѣсью* бѣлизны, resp. сѣдины», т. е. ч. kaϑerı, какъ шereulı въ грузинскомъ, можетъ быть понято лишь какъ «примѣшанный» > «съ примѣсью» || «съ вкрапленіемъ», равно kaϑ-u-a въ мегрельскомъ, какъ «примѣшиваніе», a-kaϑ-en въ чанскомъ — «*примѣшивается* у него» || «вкрапленъ у него», и всетаки мнѣ представляется неосторожностью, особенно теперь утвержденіе І. А. Кипшидзе въ его мегрело-русскомъ словарѣ (s. v. კათ): «само собою отпадаетъ поэтому и семасіологическое сравненіе კათ [kaϑ] съ арм.-һайскимъ კათ [kaϑ] || կաթն [kaϑ-ən] *молоко*», что̀ допускалось мною въ работѣ *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ* (стр. 39). Однако нормы развитія семасики въ яфетическихъ языкахъ только теперь начинаютъ намѣчаться въ путяхъ, независимыхъ отъ нашихъ индивидуальныхъ воспріятій то анахронистическихъ, то лишь мѣстно-обоснованныхъ и всегда вытекающихъ изъ построеній на логической ассоціаціи мыслей (> понятій) и менѣе всего на психической ассоціаціи образовъ (> представленій), факторѣ первостепенной важности въ лексическомъ первотворчествѣ всякой рѣчи, особенно же въ яфетическихъ языкахъ, плотно насыщенныхъ пережитками первобытности. Во всякомъ случаѣ въ keϑ-, основѣ древнеарм. keϑ-r *проказа*, использованной и въ значеніи *бѣлизны*[2], фонетически грузинскому комплексу keϑ- иного соотвѣтствія по отвлеченной закономѣрности и нельзя указывать въ языкахъ шипящей группы, какъ kaϑ-, и если даже признаемъ уже установленнымъ, что такой терминъ не сохранился въ извѣстныхъ

[1] У Ч² это слово выдѣляется въ особое гнѣздо (mqϑovan-i, mqϑovn-ı) и толкуется прилагательнымъ «бодрый» съ ссылкой на «Чахр. 73».

[2] См. выше, стр. 396, гдѣ keϑrovanı *прокаженный* замѣненъ въ соотвѣтствіи хайскому borot *прокаженный* прилагательнымъ spet-ak *бѣлый*, что̀ впрочемъ появляется разъ и въ армянскомъ чтеніи соотвѣтственнаго библейскаго стиха, понятно, въ армянской формѣ spitak (и здѣсь и другія версіи вторятъ чтенію «бѣлый»), а терминъ keϑrovn + eb-a-y *проказа* замѣненъ словомъ sı-spetak-e *бѣлизна*.

намъ лексическихъ матеріалахъ указанной группы, то нельзя не остановиться на сродствѣ той же основы kеϑ-, собственно ḳеϑ-, означающей и *бѣлизну*, и *проказу*, съ основой г. q̇еϑ̇ > q̇ϑ̇е, др.-лит. q̣ϑ̇е, безспорно стоящей въ связи съ ч̔. q̣ϑ̣е > qϑ̣е *бѣлый*; болѣе того, это его лишь модифицированная, согласно природѣ произносительныхъ органовъ племени съ языкомъ свистящаго типа, разновидность, и всѣ эти разновидности (ч̔. q̣ϑ̣е > qϑ̣е ‖ г. q̣ϑ̇е (вульг. q̣ϑ̇е) < г. q̣еϑ̇ (вульг. q̇еϑ̇), восходя черезъ архетипы *q̣еуϑ̣ > *qеуϑ̣ къ прототипу *q̣еrϑ < qеrϑ, выводятъ насъ изъ круга языковъ сибилянтной вѣтви въ спирантные языки и по огласовкѣ (е) и по составу коренныхъ согласныхъ, при чемъ по словамъ съ той же основой, наличнымъ въ языкахъ сибилянтной вѣтви, основа означала, какъ наблюдаемъ то и съ kеϑ-, не только *бѣлизну*, но и *паршь*, *коросту* [>*проказу*]: я имѣю въ виду г. qеϑ̇ (>*qеуϑ̇ < qеrϑ̇) *паршь, шолуди*, г. qеϑ̇-еd, да и qеϑ̇ *чешуя* и т. п., равно г. qеrt-l-ı *перхота*, *чешуя*, м. qеrϑ̇-а ‖ qırϑ̇-а > qərϑ̇-а *перхоть*, *паршь*, *чешуя*, г. qеrϑ̇-l-ı *чешуя* (Беридзе, *Глосс.*, s. v:) и ихъ многочисленныя семасически еще болѣе дифференцированныя, чѣмъ фонетически, разновидности, выходящія за предѣлы интересовъ настоящей замѣтки.

И все-таки нѣтъ пока основанія дѣлать выводъ, какъ то вытекаетъ по всѣмъ фактическимъ видимостямъ изъ сопоставляемыхъ матеріаловъ, что значеніе «проказа» представляетъ второобразное явленіе, развившееся изъ понятія о *бѣлизнѣ*, какъ и того меньше могли бы мы настаивать на происхожденіе отвлеченнаго значенія *бѣлизны* отъ конкретнаго значенія того же слова — «короста», «шолудь», «паршь», «проказа». Чтобы свести весь чрезвычайно сложный семасіологическій вопросъ объ изначальномъ значеніи къ дѣлу, хотя и трудному, но все-таки простому—выбору между двумя понятіями, надо признать ихъ созданіями соціально-культурнаго періода народной жизни, а не этно-культурнаго, когда слова возникали въ результатѣ инстинктивнаго природно-психическаго (анимистическаго, религіознаго или эстетическаго) воспріятія міра, а не рефлективнаго культурно-историческаго (философскаго или научнаго). А въ тѣ протоисторическія, если не первобытныя, времена и проказу и бѣлизну люди воспринимали не матеріалистически, какъ то мы судимъ нынѣ, исходя изъ осознанныхъ фактическихъ видимостей, какъ отъ реальностей, а психически, инстинктивно одухотворяя явленія и видя въ нихъ не проявленіе непостижимыхъ силъ, а сами эти силы, божества, и лишь олицетвореніе ихъ въ видимыхъ, вообще ощущаемыхъ формахъ.

Только доработавъ эту вообще мало освѣщенную сторону лингвистики

въ области нашихъ яфетическихъ языковъ, мы могли бы имѣть опору для рѣшенія вопроса и по существу о той или иной связи h. bor-ot *прокаженный* и г. др.-л. borot *злой*.

Грузинское слово borot во всякомъ случаѣ не содержитъ въ себѣ вовсе суффикса -ot: это трехсогласный корень brt. Звуча въ Им. падежѣ borot-i, и въ Неоформленномъ — borot, въ древнелитературномъ у грузинъ слово означаетъ «лукавый»[1], «злой», а въ живой рѣчи — «злобный», «порочный», отсюда ga-borot+eb-ul-i «озлобленный», «разъяренный», «взбѣшенный»[2]. Любопытна эта нѣкоторая разница въ оттѣнкахъ самого грузинскаго въ зависимости отъ того, находимъ ли слово въ древнелитературномъ употребленіи или слышимъ въ живой рѣчи и читаемъ въ новомъ литературномъ памятникѣ. Явленіе свидѣтельствуетъ о двухъ путяхъ усвоенія, хотя и изъ одного источника. Источникъ же опредѣляется формою слова — полногласіемъ (qomon) съ групповой діалектической перегласовкой (a—a > o—o): это — шипящая группа языковъ, т. е. чанскій (лазскій), мегрельскій или какой либо скрещенный съ однимъ изъ нихъ языкъ яфетической семьи языковъ, въ родѣ сванскаго, культурно-исторически могшій служить посредникомъ. Весьма вѣроятно, что это именно сванскій языкъ, прежде всего древній гибридный его представитель съ гибриднымъ названіемъ — «со^{г}н^{1}-ме^{г}с^{1}хскій», по крайней мѣрѣ поскольку рѣчь идетъ о древнелитературномъ грузинскомъ borot со значеніемъ «лукавый», «злой». Со^{г}н^{1}-ме^{г}с^{1}хская рѣчь это первооснова въ языкѣ св. Писанія грузинъ[3].

a) Въ грузинскомъ корень имѣемъ еще въ двухъ формахъ отъ его вида по природѣ свистящей группы — mrz > brz:

---

[1] Въ молитвѣ господней (Мо 6,13): აჳსენ ჩუენ ბოროტისა-გან «избави насъ отъ *лукаваго* (borotisa-gan)», гдѣ впрочемъ и сирійское (ܡܢ ܒܝܫܐ), и армянское (ի չարէն), и греческое (ἀπὸ τοῦ πονηροῦ) чтеніе поддерживаетъ г. borot въ его значеніи «злой». Грузинскіе лексикографы поддерживаютъ то же большинствомъ указываемыхъ ими значеній (Орб. «злой» «злодѣй» съ ссылкой на *Исх.* 5,20, Ч^{2} «злой, злобный; вредный, пагубный, порочный, нечестивый»), но Ч^{2} придаетъ слову значеніе *лукавства*, *хитрости* въ выраженіи ბოროტის ხმევა «употреблять *хитрость*».

2 Ч^{2} ga-borot+eb-a толкуетъ «озлоблять, причинять вредъ».

[3] Попутно регистрирую еще одинъ характерный примѣръ слова сванскаго (сонскаго) происхожденія, именно со^{г}н^{1}-ме^{г}с^{1}хскаго (въ современномъ сванскомъ въ горахъ Большого Кавказа на верховьяхъ Энгура и Цхенис-цхала = Лаших'а его нѣтъ): это amrĝwe *многочисленный* (графич. amrĝue ამრგუე *Исх.* 1,7, въ *Хрестоматіи* I. А. Кипшидзе въ рубрикѣ буквы ა, какъ цѣльное слово), слово составное изъ иранскаго, resp. арм. amr- *число* вм. hamr (<amar <hamar, ср. др.-л. груз. amar-i *число*, u-amr-av-i *безчисленный*, арм. hamr-el < hamar-el *считать*) и ĝwe = св. qway *много*.

1. Въ формѣ прилагательнаго, собственно причастія страдательнаго залога — qmin — имѣемъ основу mrız [«гнѣвный»] въ составѣ др.-л. грузинскаго a-mrız-ı-eb-ul-ı «разъяренный»[1].

2. Въ именной формѣ qman отъ народной (m > b) разновидности того же корня — brz: г. braz-ı [«одержимость *бѣсомъ*»,] *бѣшенство*, отсюда *бѣшенный, вспыльчивый*, г. ga-braz-ı-eb-ul-ı *взбѣшенный*. Имя существительное braz-ı, быть можетъ означаетъ не отвлеченное понятіе «бѣшенство»[2], а лицо — «бѣсъ», въ связи съ чѣмъ стало бы болѣе яснымъ народное образное выраженіе braz-i mouvıda «къ нему пришелъ [бѣсъ] braz», въ значеніи — «онъ взбѣсился»[3]. Для нашего восприятія даннаго выраженія еще болѣе благопріятна другая редакція, съ постановкой braz-ı во мн. числѣ, также народная, на которую обратилъ мое вниманіе студентъ Амирханянъ, именно braz-eb-ı mouvıda «къ нему пришли [бѣсы] braz'ы».

Чтобы освоиться съ естественностью раскрываемаго разнообразія значенія корня иногда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, надо усвоить народное міровоззрѣніе, тождественное у яфетидовъ и современныхъ съ ними семитовъ, въ частности въ Палестинѣ, какъ оно явствуетъ изъ мѣстной живой старины, попутно отразившейся въ Евангеліи, безразлично къ какой бы эпохѣ ни относить его редакцію, хотя бы ко II-му вѣку по Р. Х.: всякій аффектъ, равно болѣзнь, есть навожденіе діавола, или ангела, resp. божества, болѣе того — непосредственное вхожденіе его въ человѣка, одержимость имъ[4].

Исцѣляя больныхъ, разслабленныхъ, прокаженныхъ, наравнѣ съ одержимыми бѣсомъ, Христосъ въ представленіи народа, современнаго Ему или редакторамъ евангельскихъ текстовъ, одинаково изгонялъ бѣсовъ. Одержимость бѣсомъ и заклинанія въ Евангеліи получаютъ широкое распростра-

---

[1] *Мудрость Балавара*, перев. И. Джавахова, стр. 12,29 (ЗВО, XI, 1897). І. Кипшидзе, *Грузинская древнел. хрестом.*, стр. 35,3 и словарь s. v. Ч[2] ამჲზა amreza «нахмуриться».

[2] Орб. «сильное бѣшенство», Ч[2] «бѣшенство, ярость, неистовство».

[3] Естественно вспомнить г. gul-ı mouvıda «къ нему пришло сердце» въ значеніи «онъ разгнѣвался», «онъ разсердился» (ср. и арм. sərtə-mteaə). Впрочемъ правда ли хотя бы въ этомъ выраженіи у грузинъ gul-ı должно быть понято въ наличномъ значеніи «сердце», а не въ иномъ, быть можетъ, также отожествимомъ съ бѣсомъ или ангеломъ, resp. божествомъ соотвѣтственнаго аффекта, происходящимъ отъ «первоначальнаго» значенія [«ходить», «двигаться»] того же корня — gwl?

[4] См. цитованную ниже работу J. Weiss'a, стр. 411, 36-39, 413 и далѣе.

неніе, какъ то разъясняется и историками христіанской церкви[1]. Въ числѣ немощей, объясняемыхъ здѣсь одержимостью, проказа не называется, но въ сохранившемся лишь по-сирійски посланіи Псевдо-Климента *О дѣвственности* (I, 12) леченіе заклинаніями предполагается вообще для больныхъ (Migne, *PG*, I, 407 сл., причемъ именно сирійскій текстъ, 411,5,6): одинаково изгоняются изъ нихъ бѣсы[2]. Всякіе больные наравнѣ съ грѣшниками мыслились «предоставленными темнымъ силамъ»[3]. Даже укусы разсматривались въ ранне-христіанской средѣ какъ дѣянія бѣсовъ или злыхъ духовъ, почему, какъ пишетъ Тертуліанъ, христіане укушенную ногу между прочимъ «осѣняли крестнымъ знаменіемъ и заговорами»[4], т. е. изгоняли бѣсовъ. «Бѣсы», по представленію именно самого Тертуліана[5], «причиняютъ плоти болѣзни и злоключенія всякаго рода, а душѣ — чрезвычайныя, сильныя потрясенія, внезапно разражающіяся». Этотъ демонологическій элементъ въ Евангеліи есть цѣликомъ народно-психологическое явленіе, вкладъ живой восточной передне-азіатской старины[6]. Harnack удостовѣряетъ то же самое, но лишь съ культурно-историческимъ воспріятіемъ фактовъ, когда онъ пишетъ: «во II-мъ вѣкѣ вѣра въ демоновъ изъ темныхъ ниж-

---

[1] Harnack, *Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten.* Zweite neu durcharbeitete Auflage, I. Лейпцигъ 1906, стр. 112—113 сл. Существа дѣла съ нашей точки зрѣнія не касается, когда Harnack предупреждаетъ (ц. с., стр. 114): «Церковь провела незыблемую межу (eine feste Grenze) между заклинателями, дѣйствовавшими во имя Христа, и языческими магами, чародѣями и т. п.». Церковь провела эту «твердую границу», какъ нынѣ проводимъ мы «твердыя цѣны», но народъ не проводилъ и не думалъ, болѣе того — психологически не способенъ былъ ее проводить. Еще вопросъ, такъ ли проводилъ эту «твердую межу» Оригенъ, на котораго ссылается Harnack (ц. м., прим. 4), какъ то понимаетъ самъ Harnack. По P. Mehlhorn'у въ Іудеѣ времени Христа было распространено въ народѣ это вѣрованіе, и самъ Христосъ раздѣлялъ его (*Wahrheit und Dichtung im Leben Jesu*, Aus Natur und Geisteswelt. Sammlung wissenschaftlich-gemeinverständlicher Darstellungen. 137 Bändchen, Лейпцигъ 1906, стр. 51): «Auch Jesus teilte als Kind seiner Zeit unbefangen diese Ansicht vom Dasein und der Wirksamkeit eines Reiches böser Geister». См. ниже, стр. 413, привѣсокъ.

[2] Ц. с., стр. 121—122. Harnack напрасно ограничиваетъ кругъ имѣющихся въ виду *больныхъ*, сопровождая это прилагательное словомъ «одержимые»—«die Kranken (besessenen)», ц. с., стр. 115. Къ нему же примыкаетъ H. Weinel, *Die Wirkungen des Geistes und der Geister im nachapostolischen Zeitalter bis auf Irinäus*, Тюбингенъ 1898, стр. 7 («mancherlei Krankheiten», «der Wahnsinnige hat einen Dämon in sich, der Hysterische und der Epileptische sind besessen»).

[3] Ц. с., стр. 89.

[4] Tertullianus, Scorpiace 1, по Harnack'у, ц. с., стр. 107.

[5] *Apologeticus*, гл. 23 сл. = Harnack, ц. с., стр. 119.

[6] Демонологія выступаетъ этнографически богато и ярко, какъ будто лишь у Марка, но она далеко не чужда и Матѳею; наоборотъ, въ немъ сила сатаны представлена по существу примитивнѣе: онъ властенъ надъ Іисусомъ (A. Merx, *Die vier Kanonischen Evangelien nach ihrem ältesten bekannten Texte*, Берлинъ 1905, II, 2, стр. 174).

нихъ слоевъ прорывается въ верхніе, даже въ литературу»[1]. Здѣсь въ характеристикѣ Тертуліана явленіе можетъ представляться чисто культурно-историческимъ и сложившимся въ соотвѣтственной средѣ изъ «элементовъ», какъ то рисуетъ себѣ Harnack, «греко-римскихъ и іудеохристіанскихъ»[2]. При этомъ кругозорѣ протестантскій историкъ христіанской церкви правъ съ своей точки зрѣнія и тогда, когда онъ пишетъ: «Въ вѣрѣ бѣсовъ, овладѣвшей христіанскимъ міромъ во II-мъ и III-мъ вѣкахъ, легко указать черты, накладывающія на нее печать реакціоннаго явленія, угрожавшаго культурѣ»[3]. Но реально-исторически это возрожденіе живого, еще не заглохшаго Востока[4]: это не натискъ обреченныхъ, чтобы вернуть себѣ старое утраченное мѣсто, а порывъ народной жизни Востока отвоевать новое мѣсто въ высшихъ культурныхъ кругахъ, это тяга этно-культурныхъ явленій, прежде всего восточныхъ, въ міровую культурно-историческую среду эпохи ранняго христіанства. Позднѣе съ такой же тягой народныхъ вѣрованій на Востокѣ возникаетъ международная синкретическая религія (манихейство) и міровая національная религія «подвергшагося внезапно душевному потрясенію» (исламъ), и все это съ народно-психологическими корнями демонологіи, уходящими въ глубь коренныхъ народныхъ слоевъ Передней Азіи, хотя менѣе всего какъ будто въ населеніи Іудеи[5]. Въ восточныхъ вліяніяхъ, вызывавшихъ особый уклонъ въ развитіи этого явленія, едва ли есть возможность отстоять преимущественное значеніе за египетскимъ и выдѣлять рядомъ съ нимъ лишь персидское, какъ это дѣлается

---

[1] *Medicinisches*, стр. 108=*Mission*², I, стр. 111.

[2] *Medicinisches*, стр. 115=*Mission*², I, стр. 118.

[3] *Medicinisches*, стр. 115=*Mission*², I, стр. 117 сл.

[4] Любопытно, что и Harnack готовъ признать по своему положительную сторону въ этомъ «реакціонномъ» явленіи, дѣлая слѣдующую оговорку (*Medicinisches*, стр. 115=*Mission*², стр. 117—118): «Однако не слѣдуетъ забывать, что вѣра въ бѣсовъ въ зернѣ таила извѣстный моральный и потому также духовный прогрессъ: это способность чуять зло и признаніе могущества грѣховъ и ихъ господства въ мірѣ».

[5] Впрочемъ и въ этой частности территоріальнаго характера вопроса не рѣшаетъ то констатируемое Harnack'омъ положеніе, что вѣра въ дѣйствительность бѣсовъ у іудеевъ развилась сравнительно поздно, поскольку она выступаетъ въ новѣйшихъ греческихъ частяхъ Ветхаго Завѣта, въ Новомъ Завѣтѣ и писаніяхъ императорскаго времени, когда она достигла полнаго расцвѣта (I. Флавій, *Antiq.* VIII, 2. 5, см. Harnack, *Medicinisches*, стр. 107). Развитіе любопытнаго явленія въ еврейской письменности можетъ свидѣтельствовать лишь о соотвѣтственно позднемъ ея контактѣ съ народно-психологической средой. «Около того же времени стала брать верхъ вѣра въ бѣсовъ и у грековъ и римлянъ, при чемъ однако неизвѣстно, какъ она возникла у нихъ» (ц. м.). И Harnack'у представляется «въ высшей степени неправдоподобнымъ возводить ее въ той формѣ, въ какой она проявлялась во II-мъ вѣкѣ, просто-напросто къ іудейскому или только христіанскому вліянію» (ц. м.).

по разъ установленному шаблону[1], развѣ подъ персидскимъ понимать именно вообще переднеазіатское[2], отнюдь не исключительное иранское[3]. Особенно намъ необходимо такое строго реальное отношеніе къ этническимъ терминамъ, когда вопросы разсматриваемъ въ плоскости этнологіи. Harnack также возводитъ кое-что изъ новозавѣтныхъ матеріаловъ къ «наивному народному творчеству», такъ въ частности разсказъ о болѣзни Іуды. Но этнографическій, да и этнологическій подходъ вообще къ новозавѣтнымъ сказочнымъ элементамъ отъ соотвѣтственныхъ переднеазіатскихъ матеріаловъ, быть можетъ, далъ бы разгадку нѣкоторыхъ чудесныхъ исцѣленій, съ которыми современное толкованіе попадаетъ въ тупикъ[4]. Разумѣется, пришлось бы работать уже съ учетомъ осадка изначальнаго яфетидизма, наличнаго на днѣ переднеазіатскихъ матеріаловъ[5].

Въ армяно-грузинскомъ этническомъ районѣ требуетъ выясненія взаимоотношеніе терминовъ г. eшmak (< heшmak || св. heшmä < heшmay || yeшmay) *діаволъ* и г. ɋaшm *малярійная зараза*: по-грузински, такъ, напр. въ Гуріи, da-ɋaшma понимаютъ въ смыслѣ «его постигла малярія», но это пониманіе современное термина, означающаго — «его посѣтилъ или постигъ [бѣсъ] ɋaшm»; по-хайски, т. е. въ древнелитературномъ армянскомъ haшm-andam значитъ «увѣчный, уродъ», буквально — «съ [бѣсомъ]

---

[1] Harnack, *Medicinisches*, стр. 107=*Mission*[2], I, стр. 110.

[2] О переднеазіатскомъ происхожденіи увлеченія колдовствомъ на Западѣ въ эту эпоху см. H. Weinel, ц. с., стр. 9—10; тамъ же, стр. 7, а также у J. Weiss'a, *Dämonische* (Realencyklopädie für protest. Theol. und Kirche, IV, 1897, стр. 416—419) объ источникѣ христіанской демонологіи—народныхъ вѣрованіяхъ, ихъ распространеніи въ современныхъ образованныхъ кругахъ и ихъ связи съ первобытной культурою.

[3] Въ этомъ отношеніи предстоитъ пересмотръ употребленія «персъ» въ самихъ источникахъ, да и—другихъ также «міровыхъ» ходячихъ племенныхъ названій. Надо сосчитаться съ тѣмъ, что и европейскіе, и восточные писатели склонны были обобщать отдѣльныя, болѣе популярныя этническія названія и охотно употребляли ихъ въ родовомъ значеніи—въ смыслѣ вообще извѣстнаго имъ восточнаго или азіатскаго, т. е. въ смыслѣ нашего термина «переднеазіатскій». Есть длинный рядъ случаевъ, когда на этомъ основаніи одно племенное названіе и позднѣе переносится на другое племя, «персидское» на армянское, «армянское» на грузинское и т. п. Конкретно интересно въ IV-мъ вѣкѣ такое распространительное употребленіе термина «сиріецъ»: Либаній всѣхъ, происходившихъ изъ восточной діоцезы, называлъ сирійцами (см. Seek, *Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet*, Лейпцигъ 1916, T. und Unters. № F, XV, B. I, 2 Heft, стр. 91, прим. 1, равно стр. 69, прим. 1).

[4] Harnack, *Medicinisches*, стр. 110.

[5] Вопросъ этотъ сложный, но реальный. Онъ сплетается съ яфетическимъ происхожденіемъ термина «сатана», носитель котораго, иногда величаемый и Вельзевуломъ, возглавлялъ бѣсовъ, легіонъ ихъ, и съ яфетическимъ представленіемъ о многочастичности божества, этнографически наличнымъ до нашихъ дней въ религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ.

haшm'омъ въ членахъ». Когда я былъ мальчикомъ, про больного малярiею говорили въ Гурiи: ujmuri шeqwda «съ нимъ встрѣтился (его постигъ, въ него вошелъ) ujmur», нечистая сила, называемая предохранительно описательнымъ выраженiемъ, ибо u-jm-ur собственно значитъ «не въ часъ», «не во времени»[1]. И въ наши дни, когда заболѣваютъ корью или оспою у яфетическихъ народовъ, напр. въ Грузiи, кругомъ говорятъ уже въ стилѣ феодальной сословной рѣчи, что «изволили прибыть господа» — (batoneбi mobďanda), при появленiи явныхъ признаковъ болѣзни про пацiента выражаются: «у него изволили появиться господа» — batoneбi daubďanda. Эти господа — «ангелы» (angelozeбi), т. е. подъ греческимъ христiанскимъ названiемъ это тѣ же бѣсы или боги языческiе аффектовъ и болѣзней, и близкiе, родные и знакомые, принимаютъ мѣры умилостивить этихъ господъ посѣтителей, боговъ, по сей день народно не «бѣсовъ», а — «ангеловъ», и заставить ихъ уйти. Умилостивляютъ ихъ цвѣтами, фiалками, благовонiемъ, розовой водою, пѣнiемъ, игрой музыкальной и т. п. Сказывается ли въ обрядѣ умилостивленiя разность аффектовъ и болѣзней, разность, слѣдовательно, боговъ (вѣроятно — да), интересно прослѣдить, но одинъ богъ (ангелъ, бѣсъ) порождалъ, несомнѣнно, рядъ различныхъ болѣзней, или аффектовъ, и это явленiе наблюдается въ нашемъ случаѣ, когда «одержимость бѣсомъ», собственно «вхожденiе бога», или «посѣщенiе богомъ» проявляется разнообразными аффектами, начиная если не отъ проказы, то отъ бѣшенства и доходя до злобы и лукавства, смотря по средѣ, простонародной, пережиточно языческой, или знатной, сначала иранско-, затѣмъ христiанско-религiозной, всегда феодально-церковной, въ которой происходило новотворчество въ семасикѣ того или иного изъ современныхъ письменныхъ яфетическихъ языковъ Кавказа. Изъ нихъ-то, т. е. изъ яфетическихъ языковъ, и письменныхъ и еще болѣе безписьменныхъ, и приходится теперь собирать многообразныя разсыпанныя по различной племенной или соцiальной средѣ населенiя Кавказа значенiя — кстати сказать, работа отнюдь не исчерпываемая нашею настоящей очередной замѣткой по яфетическимъ элементамъ въ языкахъ Арменiи, — чтобы возстановить цѣлостную картину семасическаго развитiя корня brt || mrz>brz у яфетидовъ[2].

---

[1] Яфетическимъ представленiемъ о вхожденiи дiавола (г. ешшak-ı) въ человѣка поддерживалось и неискаженное воспрiятiе евангельскаго чтенiя, первоначальнаго, Iн 13,2 (ср. и Iн 13,27) — «дiаволъ вошедшъ былъ (шesrul iКo) въ его сердце», какъ то на лицѣ въ M, тогда какъ Haďiш'ская рукопись даетъ LXX — eшmaksa шϑaegdo (ср. βεβληκότος) gulsa ϑwssa «дiаволомъ было (раньше = давнопрош.) заброшено въ *свое* (см. А. Merx, ц. с., III, стр. 357) сердце».

[2] Ясно, что въ t перваго вида brt имѣемъ дессибилованный звукъ: для свистящей

Войдетъ ли въ рамки этой картины какъ органическая часть и h. bor-ot *прокаженный*, это покажетъ дальнѣйшее исчерпывающее выявленіе всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, не только фонетическихъ и морфологическихъ, но и семасическихъ, при томъ послѣднихъ въ народно-психологическомъ восприятіи первобытной этно-культурной среды[1].

И если бы оказалась такая генетическая связь между г. др.-л. borot *злой* и h. bor-ot *прокаженный*, собственно основой послѣдняго bor-, то фонетическимъ путемъ единственнымъ было бы установленіе исторіи bor-< *borƨ || *borш, стянутой разновидности полногласнаго прототипа *boroƨ || *boroш, двойника по шипящей группѣ слова braz.

Тогда, по исчерпывающей проработкѣ яфетическихъ и яфетидоидныхъ матеріаловъ, можно будетъ заняться и детальнымъ изслѣдованіемъ вопроса о соотношеніяхъ этого яфетическаго корня съ семитическимъ mrḏ || mrẕ, вульг. mrz (арб. مريض marīḏ *больной*, сир. marẕā) и brṣ (арб. برص baraṣ *проказа*, сир. ܟܘܪܣܝܬܐ *паршь*).

Пока же изъ семитическихъ матеріаловъ укажу лишь на то, что и тамъ терминъ «проказа», также выражающій эту злокачественную *бѣлую* сыпь, напр., евр. צָרַעַת, сами семитологи производятъ не отъ корня, означающаго *бѣлизну*, а отъ глагола, отъ котораго вмѣстѣ съ этимъ евр. терминомъ происходитъ его арабскій фонетическій эквивалентъ صَرْع, означающій однако *эпилепсію*, и обѣ болѣзни и семитологи толкуютъ опять-таки какъ божье наказаніе, хотя затѣмъ все-таки въ семасическомъ обоснованіи ему ищутъ объясненія по реалистической психологіи нашей современности и находятъ его въ арабскомъ значеніи глагола صرع—«повергнуть на земь», «сразить».

группы обязателенъ звукъ ряда i > ǐ > ə (bri и т. п.), но въ языкахъ этой группы и г шипящихъ языковъ долженъ быть представленъ звукомъ инымъ, именно l, слѣдовательно корень долженъ звучать bli и т. п. Есть чѣмъ подкрѣпить и эту фактически и теоретически возстанавливаемую разновидность, но сейчасъ мы сосредоточиваемъ вниманіе на видѣ съ r, отголоскомъ гибридизаціи фонетическихъ нормъ шипящей группы со свистящей.

[1] Въ обслѣдованіи придется прихватить h. uruk *прокаженный*, h. godı *калька, паршивый, прокаженный* и, пожалуй, еще gonḍ, слово хайское, во всякомъ случаѣ арм. др.-л. gonḍ *калька, паршивый, прокаженный*, основу глагола gonḍanal *становиться калькой, заболѣвать паршью, проказой* и г. gonḍ-ı и литературно со значеніемъ по Ч «уродъ», «калѣка», по Орб. «съ разрушенной плотью» (qorə darǧveul-ı) и народно по-гурійски — «больной», «скверный» «дурной».

2. Арм. qayl (< *gayl) *шагъ (< нога)*, имѣющее двойника въ аварскомъ gal-ı *шагъ*[1], по-армянски звучитъ и qel- (< *geyl) въ составѣ глагола qel-el || qayl-el *шагать, ходить*, и эта основа qel- налицо въ г. ṫamo-qel-va *притоптать, затоптать*, равно *походя, растоптать*, наличномъ у Шоты (Кч 588,4):

სწადდა, მაგრა ვეღარა ჰქმნეს ჩემი ზედა წამოქელვა
«Они желали, но не могли *попутно затоптать* насъ».

Происхожденіе основы арм.-h. qayl, равно ав. gal-ı нынѣ выясняется въ связи съ г. др.-л. gwal- (аор. 2 л.=пов., графически gual-e *ходи, иди, ступай*), и исторія ихъ, особенно основы gwal- отъ корня gwl (|| gyl)< спир. ʳhˡvl || svl *ходить* насъ займетъ особо (сюда и м. qil-uva || n-qil-ua *бродить, ходить*, ср. арм. qel-el *ходить*). Основы г. gwal- || h. *gayl > qayl находятся въ соотношеніяхъ основъ q̇wal- || q̇ayl-ən < q̇ayl-an, наличныхъ первая въ усвоенномъ древней Русью названіи Каспійскаго моря — «Хвалынское», вторая — въ h. q̇aylən-dur-q, использованномъ у историка Егишэ (I, Москва, стр. 17,15—16, VIII, стр. 178,1) въ качествѣ названія одного изъ народовъ, жившихъ у Каспійскаго моря съ сѣвера и на западѣ въ сторону Чечни и Кабарды.

Я спѣшу отмѣтить пока лишь самый фактъ связи h. qayl съ г. gwal-e, такъ какъ съ нимъ отпадаетъ объясненіе этого же г. gwale, данное мною въ *Замѣткахъ по текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ армянъ и грузинъ*[2], и устраняется необходимость признать объективный префиксъ g использованнымъ въ качествѣ субъективнаго: начальный звукъ g въ словѣ коренной, и если есть въ немъ какой-либо архаизмъ, то это архаизмъ не морфологическій изъ эпохи, когда «объективныя и субъективныя частицы не были дифференцированы», а архаизмъ полноты состава коренныхъ, спасенной въ корнѣ спирантнаго вида (hvl) подъемомъ спиранта h въ звонкій g, первоначально сложный звукъ (африкатъ) ǧ, сильный согласный: *ǧwl > gwl.

3. Основа ḍaq̇ со значеніемъ «ударъ» налична у армянъ въ формѣ простой — ḍaq̇-el *ударить, поразить, сокрушить* и удвоенной — ḍaq̇ḍaq̇-el *сокрушить, крошить*[3]. У грузинъ отъ той же основы имѣемъ отыменный

---

[1] Н. Марръ, *Непочатый источникъ исторіи Кавказскаго міра*, ИРАН 1917, стр. 323, прим. 1.

[2] § 37 (ХВ, II, стр. 273).

[3] Иногда глаголъ съ удвоенной основой пишется ḍaǧḍaq̇-el, точно съ чередованіемъ средняго q̇ со звонкимъ ǧ, а въ глаголѣ съ простой основой наблюдаемъ совмѣстное появле-

глаголъ ше-d̬aq̇-eb-a въ значеніи «столкнуться съ кѣмъ-либо или съ чѣмъ-либо». Это народное грузинское слово, по всей видимости месхскаго говора, и въ качествѣ такого элемента оно появляется у Шоты изъ Руставa въ стихѣ (Кч 597,3):

ფიცხლა ზედა შევეყარე, მათ დაიწყეს ამოდ ცურვა
«Живо столкнулся я съ ними, они начали плавно удаляться»[1].

Можно бы думать, что Шота тутъ пользуется народнымъ месхскимъ достояніемъ, идущимъ изъ армянскаго источника: дѣйствительно, у армянской основы съ грузинской не созвучіе лишь, а полное и семасическое и фонетическое тожество — d̬aq̇-[2]. Возможно, что такое движеніе слова въ самой народной средѣ, именно отъ армянъ черезъ месховъ къ грузинамъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и въ этомъ смыслѣ слово можетъ относиться къ тѣмъ армянскимъ элементамъ въ лексической сокровищницѣ Шоты, которые прошли въ его твореніе съ месхской народной струей[3].

И тѣмъ не менѣе d̬aq̇ есть яфетическое по происхожденію слово корня d̬q̇ [< *d̬rq̇], и по формѣ (огласовка «a») и по качеству перваго коренного (d̬) принадлежащее шипящей группѣ: изъ шипящихъ языковъ основу эту сохранилъ чанскій въ составѣ on-d̬aq̇-u *бить, колотить*, 1-е лицо н. в. b-d̬aq̇-uφ, аор. m-d̬aq̇-ı.

Къ первоисточнику шипящей группы можетъ быть отнесенъ глаголъ отъ того же корня съ десспилованнымъ глухимъ t въ качествѣ перваго коренного — tak (м. tak-aφ-a *броситься, наброситься, сразиться*): г. ше-e-taka *«напалъ* на него», *«столкнулся* съ нимъ», хотя та же разновидность корня tk народно имѣется въ грузинской рѣчи и съ родной огласовкой свистящей группы (e): ше-e-teka. Наличный опять въ грузинскомъ эквивалентъ гла-

---

ніе одновременно обоихъ звуковъ и ğ, и q̇. Требуется по рукописямъ прослѣдить, насколько въ этихъ подробностяхъ правописанія имѣемъ безспорное преданіе о реальной вполнѣ закономѣрной исторіи группы ğq̇ (< rq̇) > q̇ въ языкахъ Арменіи. Звукъ ğ, и въ нашей группѣ, и независимо, даже между гласными, равно въ паузѣ является перерожденіемъ r, такъ что, разъ указанное рукописное преданіе будетъ установлено, мы получимъ развитіе занимающей насъ основы въ послѣдовательности *d̬arq̇- > d̬ağq̇- > d̬aq̇ (изъ d̬aq̇̇ по ассимиляціи ğq̇ въ q̇q̇). Архетипъ же *d̬arq̇ поддержитъ ту первичную трехсогласность корня, которая выявляется и другими его разновидностями, въ частности яфетическими (см. ниже, стр. 409 сл.).

[1] ამოდ ცურვა букв. «пріятно плыть».

[2] Въ народной грузинской средѣ, имерской, образованное отъ этой основы прич. mo-d̬aq̇-ul-ı означаетъ въ приложеніи къ *вину*—«порченное»: mod̬aq̇ulı ğvıno *порченное вино*, букв. «разбитое», «сломанное» (ср. moteq̇ıl-ı).

[3] Н. Марръ, *Грузинская поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Руставa и новая культурно-историческая проблема*, ИРАН 1917, 444 сл.

гола съ природно грузинской огласовкой звучитъ teqa *ломалъ, билъ* (аор. III породы — g̃a-tk-da), съ ассибиляціею же свистящей природы — ϑəq-v-a *бить, дробить* (зерно гомъ [g̃om-ı]), отсюда sa-ϑeq-v-el-ı, сооруженіе для молотьбы злака гома. Ни *teq-a, ни *ďeq-a, т. е. безукоризненно точнаго эквивалента занявшаго насъ ḓaq-, грузинскій языкъ не сохранилъ[1]. Формы *teqa, да и *ďeqa сохранены лишь съ подмѣной первыхъ коренныхъ (t, ď) эквивалентами шипящей группы (ṭ, ḓ), первая и въ др.-литературномъ языкѣ ṭeq-a, и въ живой рѣчи ṭeq-a со значеніемъ «громовый *ударъ*», «трескъ», вторая лишь въ живой «вульгарной» рѣчи — da-e-ḓeqa *сшибся съ нимъ*. Это, замѣтимъ попутно, примѣры для приращенія «случаевъ» изъ грузинской рѣчи, представительницы свистящей группы, по гибридизаціи языковой природы.

Языки шипящей группы въ эквивалентахъ перечисленныхъ грузинскихъ словъ даютъ разновидности все той же основы ḓaq- съ гаммой перерожденія перваго коренного на различныхъ ступеняхъ развитія: ṭ (> t) > ḓ > ϑ, именно:

a) taq- (ч. o-taq-u || м. taq-u-a)[2] *ломать, разбивать, раскалывать;*

b) ϑaq-: ч. on-ϑaq-ul-e, въ фонетическомъ и морфологическомъ, равно въ матеріально лексическомъ соотвѣтствіи г. sa-ϑeq-vel-ı, но не въ семасическомъ, такъ какъ чанское слово означаетъ не «сооруженіе, resp. посудину *для молотьбы* гома (g̃om-ı)», а глиняный сосудъ *для сбиванія* остатка кислаго молока || для приготовленія *пахтанья*»[3];

---

[1] Можно бы думать, что съ нашею основою стоятъ въ связи tiq-l-ı *ляганіе*, букв. «*ударъ* ногой» и u-tik-av-a «онъ *толкнулъ* его локтемъ», съ первымъ кореннымъ по шипящей группѣ u-ḓik-av-a (м. ḓik-aφ-a *толкать*, г. др.-л. ḓik-m-a *натискъ, напоръ* войска), но и въ значеніи обоихъ глаголовъ слишкомъ ярко выступаетъ связь съ членами тѣла, перваго съ *ногой*, второго съ *рукою* или *локтемъ*, чтобы не считать необходимымъ первоначально выяснить связь и tiql-ı (|| *tiqn-ı), resp. tiıq-ı *ляганіе*, «ударъ *ногой*» (*Зам. по текстамъ св. Писанія*, § 35, XB, II, стр. 277) съ thnk-ı «ляганіе обоими *ногами*», и г. ḓik-av-eba || м. ḓik-aφ-a «толкать *локтемъ*» съ mu-ḓluk-un-ı > mu-ḓlug-un-ı толчекъ || ударъ *локтемъ*, ḓlıkv-ı > ḓlıqv-ı (Беридзе, *Глосс.*, s. v.) idem. Это насъ завело бы сейчасъ, къ тому же, далеко въ сторону, съ исторіею, во-первыхъ группы ḓl, напоминающей лезгинскій рядъ ţ > ϑ въ чередованіи съ ḓ и, во-вторыхъ, и одинокаго ḓ въ чередованіи съ b, г. ḓlıkv-ı (>ḓlıqv-ı) || blıkv-ı, что могло бы дать основаніе возникнуть вопросу и о сродствѣ основъ ḓaq- < ḓag̃q и baq- < bag̃q- (h. bag̃q-el *бить*, baq<baq-el>babaq-el *колотить*, ч. baq-uφ *бью, молочу*, м. baq-aφ-a *бить, ударять* и др.).

[2] См. ниже.

[3] У мегреловъ «*молотильное* корыто», равно «сарайчикъ съ деревянной посудиной *для молотьбы* гом-и» называется o-ϑam-ur-ı, матеріальнымъ эквивалентомъ г. sa-ϑem-el-ı «въ чемъ или чѣмъ бьютъ» отъ глагола г. ϑem-a *бить*; у чановъ то же o-ϑam-ur-e > o-ϑam-r-e || on-ϑam-ur-e «корыто *для выбиванія* зеренъ бросаемыхъ въ него кукурузныхъ початокъ». Въ

c) ту же основу мы еще раньше ожидали бы съ глухимъ начальнымъ согласнымъ въ видѣ ṭaq-, чего сами языки шипящей группы не сохранили, если къ ней не возводить термина ma-ṭaq-el-a видъ ружья, буквально въ такомъ случаѣ — «орудіе *для взрыва*», и съ перерожденіемъ огласовки имѣемъ лишь въ г. ṭeq-a *гремѣть*, какъ то показано выше. Однако эту разновидность въ подлинной формѣ ṭaq- > ṭaq- и находимъ усвоенной армянскимъ языкомъ въ основѣ глагола ṭaq-el *ударить*, *треснуть*, *лопнуть* въ народномъ выраженіи amp ṭaq-eϑ «молнія ударила», букв. «облако *треснуло* > *лопнуло*»[1]; ее же имѣемъ и въ грузинскомъ taq-un-i *ударъ* по чему либо.

Еще болѣе поучительна сохранность ṭaq- въ составѣ грузинскаго удвоеннаго слова ṭaqa-ṭuq-i *разламываніе въ дребезги*, *трещаніе* (сырыхъ дровъ при горѣніи), построеннаго по типу повторенныхъ основъ, съ обычной перегласовкой a>u, наблюдаемой въ такихъ армянскихъ образованіяхъ какъ qarnqurn и т. п. Представлена у грузинъ та же разновидность и въ формѣ слова ṭaq-un-i «*ударъ* || *стуканіе* стакановъ во время тостовъ», «чоканіе».

d) Въ мегрельскомъ однако рядомъ съ taq̦-u-a появляются, да, пожалуй, теперь чаще употребительны, во всякомъ случаѣ въ сенакскомъ уѣздѣ, terq || tirq > triq. Объясненіе самихъ формъ принадлежитъ исторіи мегрельскаго языка, гибридизаціи его морфологическихъ нормъ на почвѣ тѣснаго общенія мегрельскаго племени съ грузинскимъ, что же касается особаго состава коренныхъ, именно излишка въ немъ плавнаго r, то онъ — повидимому, первоначальный, и архетипъ основы въ этомъ полномъ видѣ (triq) долженъ бы звучать по шипящей группѣ — traq- > traq- (ср. съ діалектической перегласовкой troq- въ ч. b-troq-um *ломаюсь* и опять съ утратой r — toq въ м. toq-u-a *бить, ударять*): и ее, эту архетипную основу, имѣемъ въ арм. глаголѣ traq-el *лопнуть*, *разрываться* съ произношеніемъ и toraq-el, даже безъ армянской перестановки группы согл. + гласн. въ группу гласн. + согл. при стеченіи въ началѣ двухъ согласныхъ. Этотъ глаголъ смѣняетъ и ṭaq-el въ приведенномъ уже выше выраженіи amp ṭaq-eϑ, ибо народно же говорятъ и amp traq-eϑ «молнія *ударила*», букв. «облако *треснуло* || *лопнуло* || *разорвалось*».

Гуріи съ ея окартвеленнымъ изъ мегреловъ населеніемъ ϑa-mur-i значитъ то же, что у мегреловъ, слѣдовательно, то же, что г. sa-ϑeq-vel-i.

[1] Выраженіе обычно для студ. Алиханяна, происходящаго изъ тифлисской армянской среды. Было бы желательно прослѣдить и выраженіе въ цѣлости, и разновидности самого глагола по діалектамъ.

Сюда же относится основа trak со значеніемъ *бить*, *ударять*, *колотить*, *болтать*, наличная въ грузинскомъ глаголѣ trak-un-ı *болтать* (языкомъ).

Плавный r первоначально присущъ былъ корню и въ формѣ, относящейся къ гибриднымъ, усвоенной грузинскимъ и наличной въ немъ въ видѣ ṭeq-a: къ архетипу ея ṭerq- устанавливается восходящимъ въ языкахъ Арменіи h. teğq-el *разорвать*, *трескаться* и т. п.

Первичный составъ корня trk > [trg >] trq (съ аспираціею trq̇) вызываетъ на сопоставленіе этого яфетическаго слова съ семитическимъ: ṭrḳ — طرق ṭaraka *поразилъ*[1].

4. Мегрело-чанское происхожденіе выясняется и у феодальнаго термина a-ϑak̇wan-a.

Грузинскій царь Георгій, читаемъ въ Qarϑlıs-ϑq̇ovreba, «пожаловалъ городъ Ани своему же соотечественнику и заставилъ его поклониться какъ вассалъ»[2].

Въ данномъ случаѣ рѣчь будетъ объ усвоеніи яфетическаго термина не въ физической, звуковой его части, а въ психической, о построеніи изъ другихъ матеріально, но изъ тѣхъ же по значенію средствъ опредѣленнаго выраженія, требуемаго для соціально-культурной и, еще раньше, для этно-культурной жизни.

Усвоенія этого порядка изъ яфетическихъ языковъ въ языкахъ Арменіи, иногда быть можетъ, лишь случаи сродства психическаго воспріятія

---

[1] Это тотъ именно корень, производное отъ котораго maṭraḳ *нагайка*, *плеть*, на лицо во многихъ яфетическихъ языкахъ Кавказа уже въ качествѣ, казалось бы, заимствованія изъ арабскаго (miṭraḳ) — съ болѣе раннимъ произношеніемъ коренныхъ въ армянскомъ — mətrak (< miṭraḳ), съ позднѣйшимъ въ грузинскомъ — maϑraq̇-ı. Любопытно, что арм. mətrak находится въ армянской версіи Библіи, признаваемой памятникомъ V-го вѣка, притомъ въ той ея книгѣ, которая была переведена по преданію въ числѣ первыхъ (*Притчи* 26,3). Въ грузинскомъ текстѣ въ значеніи *плети* здѣсь же читается šolt-ı *ремень*, терминъ одновременно и древнелитературный, въ частности культовый, и народный живой (Н. Марръ, *Надпись Епифанія, католикоса Грузіи* (изъ раскопокъ въ Ани 1910 г.), ИРАН 1910, стр. 1436), но это по версіи Московскаго изданія (М), въ Ошкской же версіи (О) — несуразный варіантъ ტანჯვაჲ tandvay *мученіе*, по всей видимости, искаженіе опять общаго съ армянскимъ древнелитературнаго tadgan-ᴦak¹-ı: Орб. tadganala; Ч² tadagan-ı, tadgan-ı || h. taṭkın-ak *плеть*, *бичъ* (см. также рецензію мою на *S. Romain le Néomartyr* P. Peeters'a, ЗВО, XXI, стр. 4, а). Этотъ терминъ также связывается, какъ мнѣ извѣстно изъ личной бесѣды, I. А. Орбели съ арабами, собственно съ этническимъ ихъ названіемъ у армянъ — taṭık, но mətrak, надо думать, позднѣйшій вкладъ арабскаго вліянія въ армянскую версію стиха, гдѣ кстати въ значеніи *лошади* вм. архаичнаго древнел. crivar читается ǰi.

[2] Изд. Brosset, стр. 271,311: შემდგომად მისა გიორგი ანისი თჳსსავე შემამულეს და აიძულა თჳსისა თა-ვისა ყმად.

явленій у армянъ и грузинъ, независимое отъ яфетидизма, многочисленны. Ихъ желательно особо собрать и классифицировать. Опять таки у Шоты не мало случаевъ, хотя бы — ṫurıl-ı *тонкій* въ значеніи «подробный», какъ у армянъ man-ər, напр. 593,2 (изд. Кч):

უფროჲს წურილად გიამბობ თუ ჟამი ჩუენ გუექონების
«Болѣе подробно (ṫwrılad) еще разскажу тебѣ,
если будетъ у насъ время»[1].

Aϑak̇wana, графически — aϑak̇uana, представляетъ собою III-ю породу д. залога глагола — eϑak̇wana, позднѣйшей народной разновидности древнелитературнаго термина, означающаго «билъ челомъ», буквально — «головой землю ударилъ» — ϑak̇wanıs sϑa или архаично ϑav k̇wanıs sϑa.

Исчезновеніе v въ ϑav *голова* комбинаторное ли, при стеченіи съ согласнымъ, или независимое, это вопросъ. Есть нѣкоторые показатели того, что ϑav *голова* и самостоятельно появлялось съ утратой v въ видѣ ϑa[2]. Въ такомъ видѣ его приходилось слышать въ живой рѣчи также въ составномъ ϑanamdvıl (изъ ϑav-namdvıl) «*самый* дѣйствительный».

Архаичное произношеніе слова въ памятникахъ церковной литературы ϑav-k̇wanıs (графич. -k̇uanıs) sϑa. Въ этомъ древнелитературномъ выраженіи вскрывается доказательство его не природно грузинскаго происхожденія: ни Д. падежъ на -ı-ı-s⌜a⌝, ни группа wa внутри основы не объяснимы на грузинской почвѣ. При чисто-грузинскомъ составѣ слово должно бы звучать k̇anas, а все выраженіе съ нимъ — ϑa⌜v⌝ k̇ana-s⌜a⌝ sϑa. Признакъ грузинскаго въ этомъ словѣ лишь раздвоеніе wa вм. o: въ остальномъ это со⌜н⌝-ме⌜с⌝хское слово k̇on-ı изъ слоя шипящей группы (ч. k̇on-a > ʕon-a > on-a, м. ʕon-a, въ MZ съ раздвоеніемъ — ƹwan-a), и Д. падежъ по шипящей группѣ, съ наращеннымъ въ основѣ именнымъ окончаніемъ (ı), долженъ былъ звучать и звучитъ въ нашемъ выраженіи k̇on-ı-ı-s > k̇wan-ı-ı-s. Терминъ до-картскій, иверской эпохи, восходящій къ діалекту шипящей группы или его слою въ мѣшаномъ съ нимъ языкѣ, напр., со⌜н⌝-ме⌜с⌝х-

---

[1] Кстати, въ значеніи первичномъ «мелкій» г. ṫwrıl-ı сочеталось у грузинъ съ основою, общею съ арм.-h. man-ər, что дало составной видъ ṫwrıl-man-ı *мелочь*, случай той уже матеріальной гибридизаціи армянскаго съ грузинскимъ, которая иллюстрирована мною на примѣрѣ съ karabak- изъ Шоты (*Грузинская поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Руставa и новая культурно-историческая проблема*, ИРАН 1917, 444—445).

[2] Такъ у Шоты изъ Руставa (Кч 445,1), см. подробнѣе въ печатающейся работѣ моей о надписи Сардура II изъ Ванской экспедиціи 1916 г.

скомъ, въ которомъ слово не имѣло огласовки женскаго окончанія (-а) и звучало kon-i, съ раздвоеніемъ o > wa — kwan-i, и выраженіе ϑav kwanis sϑa означало «голов⌈ою⌉ землю ударилъ», и то же выраженіе мы видимъ воспроизведеннымъ съ пропущенной, но подразумѣваемой частью — «головой» — въ хайскомъ erkir epag, что̀ отнюдь не исходитъ изъ «лобызанія земли», получивъ такое значеніе впослѣдствіи вмѣстѣ съ другими его значеніями, какъ то «поклоняться», «обожать».

Привѣсокъ.

Къ положенію дѣла, отмѣчаемому мною на стр. 402 въ прим. 4 по демонологіи въ Евангеліи, любопытную параллель даетъ, по любезному устному указанію С. Ф. Ольденбурга, буддизмъ въ Индіи и другихъ странахъ: съ одной стороны масса заклинателей, очень древнихъ, съ другой — монахи, часто становящіеся, явно, на мѣстѣ старыхъ заклинателей и кудесниковъ и, воспринимая старое (народное), упорядочивавшіе его. И здѣсь имѣются попытки проведенія граней между двумя теченіями. И здѣсь, однако, для правильнаго освѣщенія недостаточенъ культурно-историческій анализъ, необходима работа этнологическая съ этно-культурнымъ подходомъ. Такъ то демонизмъ есть общее явленіе не только территоріально, но и хронологически: «вплоть до половины XIX-го вѣка старая теорія демонизма имѣла чрезмѣрно большое вліяніе на нашу [европейскую] терапевтику. На болѣзнь все еще смотрѣли какъ на существо, которое надлежало изгонять изъ тѣла пацiента болѣе или менѣе сильными или прогоняющими (repulsive) средствами. Это недовѣріе инстинкту въ болѣзни исходитъ не отъ медиковъ, а отъ священства (is not medical, but priesterly)» [1]. Тотъ же этно-культурный подходъ еще въ бо̀льшей степени необходимъ для выясненія происхожденія сродныхъ явленій въ аріизованной части Передней Азіи, напр. ученія Авесты о вредителяхъ въ Иранѣ. Въ связи съ этимъ, однако, предварительно должны быть изучены многочисленныя заклинанія яфетическаго міра, пока даже неизданныя, но наличныя и въ рукописныхъ

[1] Woods Hutchinson, *The holiness of instinct* (The Monist, 1896, VI, № 4), стр. 493.

собраніяхъ. Вообще въ вопросѣ объ общихъ явленіяхъ иранской, даже древнѣйшей, съ народными вѣрованіями яфетическихъ народовъ и племенъ, въ частности, напр., хевсуровъ, надо быть осторожнымъ и не торопиться рѣшеніемъ по шаблону возведенія всего на Кавказѣ къ маздеизму, какъ это дѣлалось при совершенно иномъ научномъ горизонтѣ Ковалевскимъ[1], или къ Моисееву закону[2].

---

[1] *Законъ и обычай на Кавказѣ*, стр. 92—97.

[2] Wilke, *Religiöse Gebräuche der Chewsuren*, ср. И. Джаваховъ, Виз. Вр., 1907, XI, отд. отт., стр. 2.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Коптскія рукописи Азіатскаго Музея Россійской Академіи Наукъ.

Б. А. Тураева.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 января 1919 года).

Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ обладаетъ шестью коптскими рукописями — книгами и четырмя, сохранившимися въ видѣ отдѣльныхъ листковъ. Изъ нихъ №№ 1—3 нашего описанія поступили въ 1837 изъ наслѣдства гр. Сухтелена; онѣ снабжены ex-libris прежняго владѣльца съ гербомъ его рода; кромѣ того на нихъ имѣются арабскія приписки о прежней принадлежности уніатскому копто-эѳіопскому подворью Св. Стефана въ Ватиканѣ, куда онѣ были пожертвованы нѣкоимъ Nessim Abou Bescharit El Niccaseh; на листкахъ приклеены къ смежнымъ страницамъ французскіе переводы приписокъ. №№ 4—8 пріобрѣтены у покойнаго А. И. Пападопула-Керамевса въ 1897 г., наконецъ №№ 9—10 поступили среди бумагъ покойнаго О. Э. Лемма.

Рукописи сухтеленовской коллекціи перечислены въ трудѣ Дорна[1], затѣмъ двѣ изъ нихъ описаны вкратцѣ и отчасти О. Э. Леммомъ[2]; пріобрѣтенныя у А. И. Пападопула-Керамевса вкратцѣ описаны мною немедленно послѣ ихъ поступленія[3].

---

[1] Das Asiatische Museum, 17, 114. Другія рукописи той же коллекціи поступили въ Институтъ Восточныхъ Языковъ при Мин. Иностр. Дѣлъ и описаны въ Collections Scientifiques VI, 113—127.

[2] Corpus Script. Christ. Oriental. Script. Coptici, II, IV, 11—12 (въ письмѣ къ Leipoldt'y).

[3] Протоколъ Имп. Акад. Наукъ 7 мая 1897.

Всѣ рукописи на бохейрскомъ діалектѣ, всѣ богослужебнаго назначенія и поздняго происхожденія. За помощь при объясненіи арабскихъ частей рукописей приношу усердную благодарность глубокоуважаемому И. Ю. Крачковскому.

1.

Бумага. 22 X 17 см. 230 л. (1-й и 230 не записаны) по 13 (б. ч.) строкъ. Листы перенумерованы на v., отъ ⲁ̄ до ⲥⲡⲍ̄, но въ нѣсколькихъ случаяхъ два листа получили одну и ту же цифру. Письмо позднее; небрежное. Ороографія неправильная. Переплетъ европейскій — картонъ, обернутый въ бѣлую кожу. На обратной сторонѣ верхней крышки переплета поставлено краснымъ черниломъ № 4 и на приклеенномъ кускѣ бумаги написано: Livre de priéres pour les différentes fêtes Chrétiennes de l'année. — Ce manuscript a appartenu au Couvent de St. Etienne, etc. — На f. 1 ч. приклеенъ ex-libris съ гербомъ и надписью: Bibliotheca Suchtelen. Aequa mente.

Собраніе б. ч. расположенныхъ по-греческому, изрѣдка по коптскому алфавиту пѣснопѣній «псалій» (ابصاليات) и другихъ пѣснопѣній въ честь праздниковъ и святыхъ на бохейрскомъ діалектѣ съ арабскими заглавіями[1].

ñ. Арабское заглавіе: Во имя Бога благаго и милосерднаго, начинаемъ съ помощію Бога Всевышняго и Его благимъ поспѣшеніемъ писать книгу благословенную — Собраніе годовыхъ службъ изъ псалій Приснодѣвѣ Маріи и отцамъ нашимъ апостоламъ, мученикамъ и святымъ. Начало сего — день Новаго Года (النيروز).

f. 5 v. Псалія (на гласъ) Адамъ; читается въ благословенный Новый Годъ.

ⲁⲡⲟⲥ ⲑⲣⲉⲡⲥⲟ ⲛ̀ⲡⲣⲟⲥⲟⲡⲱ̈.

f. 8. Доксологія (на гласъ) ватосъ на гласъ радости; читается въ благословской праздникъ Новолѣтія въ первый день мѣсяца тута, начало года, до дня 17-го — праздника преславнаго Креста...

ϩⲱⲥ ⲉ̀ⲡⲟⲥ ϧⲉⲛⲟⲩϩⲱⲥ ⲙ̀ⲃⲉⲣⲓ· ⲱ̀ ⲡⲓⲗⲁⲟⲥ ⲙ̀ⲙⲏⲓ ⲡⲭ̄ⲥ̄ ⲡⲉⲛⲛⲟⲩϯ·

Изд. въ Diaconale (ⲟⲩⲛⲟⲩϫⲓ ⲛϫⲱⲙ... ⲛⲛⲓϫⲓⲁⲕⲱⲛ) подъ ред. Bshai, 5—7.

---

[1] Эти характерныя для современной коптской церкви пѣснопѣнія исполняются б. ч. за утреннимъ богослуженіемъ, изложеннымъ въ книгѣ Theotokia, имѣя мѣсто послѣ хвалитнаго псалма 150 и передъ самими ѳеотокіями, замѣняя ежедневное ⲁ̀ⲓⲕⲱϯ ⲛⲥⲱⲕ (Tuki, Theotokia, 51) и соотвѣтствуя нашимъ хвалитнымъ. Въ эѳіопской церкви повидимому имъ соотвѣтствуютъ пѣснопѣнія, начинающіяся со стиха «Господь воцарися» и собранныя въ особыхъ книгахъ.

f. 10. День 2-й мѣс. тута, праздникъ Іоанна Крестителя. Псалія ватосъ.

ⲁⲛⲁⲥⲉⲣϩⲏⲧⲉ ϧⲉⲛⲟⲩϭⲓϣϣⲱⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲁⲭⲱ ⲙ̀ⲡⲧⲁⲓⲟ ⲙ̀ⲡⲓⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ...

f. 14. Псалія Адамъ св. Іоанну Крестителю.

ⲁⲕϭⲓⲥⲓ ⲁ̀ⲗⲏⲑⲱⲥ· ⲱ̀ ⲡⲓⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ.

f. 17v. Псалія ватосъ въ честь праздника преславнаго Креста, читается 17-го[1] тута и 10-го бармахата.

ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲱ̀ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ϧⲉⲛϩⲁⲛϩⲱⲇⲏ ⲙ̀ⲡ̄ⲛ̄ⲁⲧⲓⲕⲟⲛ.

f. 21v. Псалія Адамъ честному Кресту.

ⲁⲗⲏⲑⲱⲥ ⲧⲉⲛⲛⲁϩϯ ⲉ̀ⲣⲟⲕ ⲱ̀ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ϣⲏⲣⲓ ⲫϯ.

f. 24v. Псалія ватосъ св. Георгію.

ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲙ̀ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⲛⲉⲙⲧⲉϥⲙⲁⲩ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲣⲉϥϭⲣⲟ ⲛⲉⲟⲥ ⲡⲟ(ⲩ)ⲣⲟ ⲅⲉⲟⲣⲅⲓⲟⲥ.

f. 28. Тоже, псалія «Адамъ».

ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ϧⲉⲛⲟⲩⲧⲁⲝⲣⲟ̄·ⲱ̀ ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁ̀ⲛⲟⲥ· ϧⲉⲛⲛ̀ϣⲁⲓ ⲙ̀ⲡⲓⲣⲉϥϭⲣⲟ· ⲡⲓⲉ̅ⲑ̅ ⲅⲉⲱ̅ⲣ̅.

f. 31. Псалія ватосъ. Обрѣзанію и Срѣтенію.

ⲁ̀ⲙⲟⲩⲓ ⲙ̀ⲙⲟⲥ ⲛ̀ⲛⲓϣⲏⲣⲓ: ·ⲛ̀ⲧⲉⲫϯ ⲉⲧⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ·

f. 35. Псалія Адамъ. Обрѣзанію и Срѣтенію.

ⲁ̀ⲙⲟⲩⲓ ⲙ̀ⲙⲟⲥ ⲛ̀ⲟⲩⲱⲟⲩ ⲛⲉⲙⲟⲩⲧⲁⲓⲟ ⲁ̀ⲙⲟⲩⲓ̀ ⲙⲙⲟⲥ ⲛ̀ϩⲁⲛϩⲩⲙⲛⲟⲥ ⲙⲡⲓϭⲣⲟⲩ.

f. 38. 16 месори. Восхожденіе тѣла владычицы нашей Приснодѣвы. Псалія ватосъ. Читается 21 туба.

ⲁⲣⲓⲃⲱ ⲙ̀ⲙⲟⲥ ϧⲉⲛ̄ⲃ̄ⲟⲩⲛⲟϥ ⲱ̀ ⲡⲓⲗⲁⲟⲥ ⲙ̀ⲡⲕⲁϩⲓ·

f. 42. Псалія Адамъ. Читается въ оба праздника: въ месори — вознесеніе тѣла ея, и въ туба — успеніе ея.

ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲙⲁⲣⲉⲛϩⲱⲥ· ⲛ̀ⲧⲉⲛⲝⲱⲙ̀ⲙⲟⲥ· ⲉ̀ⲃⲟⲗϩⲓⲧⲉⲛ ⲙⲁⲣⲓⲁ ϯⲑⲉⲟⲧⲟⲕⲟⲥ.

f. 44. Псалія ватосъ на праздникъ Благовѣщенія.

ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲥⲱⲙⲉⲛ̀ⲛⲱⲧⲉⲛ ϧⲉⲛⲡⲁⲓⲙⲩⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ ⲉⲧϩⲏⲡ.

f. 48. Псалія Адамъ. Читается въ праздникъ Благовѣщенія Владычицы Маріи.

ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲉⲡⲟⲥ ⲫⲏⲉⲧϣⲱⲡⲓ ϧⲉⲛⲥⲓⲱⲛ·

[1] Рук. 7-го.

f. 52. Псалія ватосъ. Приснодѣвѣ на построенія церкви[1] читается въ мѣсяцѣ баунѣ — 21 благословеннаго, и въ пахонсѣ, на Рождество.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ: ⲛⲧⲉⲛϩⲱⲥ ⲉ̀ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲡⲭ̅ⲥ̅: ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ̀ ⲛϯⲡⲁ̊ⲣ ⲙⲁⲣⲓⲁ ϯϭⲣⲟⲙⲡⲓ ⲉⲟⲛⲉⲥⲟⲥ.

f. 56. Псалія Адамъ; читается въ ея праздники оба. | Псалія Адамъ читается въ мѣсяцъ паани и мѣсяцъ пахонсъ на построенія церквей приснодѣвѣ Маріи; благословенія ея да будетъ съ нами. Аминь.

ⲁⲩⲕⲟⲧ ⲛ̀ⲛⲟⲩ ⲉⲕⲕ̀ⲗⲓⲥⲓⲁ· :ϧⲉⲛⲫⲓⲗⲉⲛⲉⲓⲥ ⲉ̀ⲃⲟⲗϩⲓⲧⲉⲛ Ⲙⲁⲣⲓⲁ ϯⲡⲣⲟⲥⲧⲁⲥⲓⲥ.

f. 59. Псалія ватосъ. Читается во всѣ праздники ангела Михаила.

ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲱ̀ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ: ⲛ̀ⲧⲉⲛϩⲱⲥ ⲉ̀ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲡⲭ̅ⲥ̅: ·ⲟⲩⲟϩ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ ⲛϯⲑⲉⲟⲩⲇⲟⲕⲟⲥ: ⲛⲉⲙ Ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲡⲁⲣⲭⲏⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ.

f. 63. Псалія Адамъ; читается въ праздники Ангела Михаила.

ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ϧⲉⲛⲟⲩⲟⲛⲗⲏⲗ ⲱ̀ ⲛⲓⲗⲁⲟⲥ ⲙ̀ⲙⲏⲓ ⲡⲭ̅ⲥ̅: ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ̀ ⲙ̀ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ: ⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲛ̀ⲁⲣⲭⲏⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ.

f. 67 v. Псалія ватосъ; читается 21 паони и 22 хойака ангелу Гавріилу благовѣстнику.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲣⲁϣⲓ· ϧⲉⲛⲡ̀ⲣⲁⲛ ⲱ̀ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅: ⲛⲉⲙⲧⲉϥⲙⲁⲩ Ⲙⲁⲣⲓⲁ̀ ϯⲙⲁⲥⲛⲟⲩϯ: ⲛⲉⲙ Ⲅⲁⲃⲣⲓⲏⲗ ⲡⲓⲁⲅⲅⲉ̀ⲗⲟⲥ.

f. 71 v. Тоже, Адамъ.

Ⲁⲛⲟⲛ ϧⲁⲛⲓⲭ̀ⲣⲏⲥⲧⲓⲁ̀ⲛⲟⲥ ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲛ̀ϯⲡⲁ̊ⲣ: ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲁⲥⲱⲙⲁⲧⲟⲥ·: Ⲅⲁ̅ⲃ̅.

f. 75. Псалія ватосъ читается 24 мѣсяца хатора, праздникъ 24 (апокалиптическихъ) старцевъ.

ⲁⲓⲁⲣϩⲉ̀ⲗⲡⲓⲥ ⲉ̀ⲣⲟⲕ ⲡⲁⲛⲟⲩϯ. Изд. Gaselee, Parerga Coptica, I, 4. Ср. Delaporte, Quelques textes Coptes sur les XXIV Vieillards. Rev. Or. Chr. VIII, 411.

f. 79. Тоже, Адамъ.

Ⲁⲣⲉϩ ⲉ̀ⲣⲟⲓ ⲡⲉⲛⲟⲩϯ: ⲭⲱ ⲛⲁⲛ ⲱ ⲡⲓⲁ̀ⲅⲁⲑⲟⲥ. Изд. Ibid. p. 7. Ср. Delaporte, l. c. 413.

f. 82. Псалія ватосъ; читается 3 хойака. Введеніе Приснодѣвы во храмъ; заступничество ея да будетъ съ нами. Аминь.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲉⲛϩⲱⲥ: ⲙ̀ⲡⲉⲟⲥ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅·: ⲛⲉⲙⲧⲉϥⲙⲁⲩ ⲙ̀ⲡⲁ̊ⲣ Ⲙⲁⲣⲓⲁ̀ ϯⲑⲉⲟⲩⲧⲟⲕⲟⲥ.

---

[1] 21-го паини (16-го іюня) — праздникъ основанія апостолами церквей въ честь Богоматери, м. пр. въ Филиппахъ близъ Атриба въ Египтѣ.

f. 85. Псалія Адамъ. Ради Приснодѣвы, ангеловъ, апостоловъ, мучениковъ и святыхъ, благословеніе ихъ да будетъ съ нами и со всѣми усопшими.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲙⲁⲣⲉⲛⲱϣⲧ: ⲛ̀ϯⲟⲣⲓⲁⲥ ⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲉ̀ⲧⲉϥⲓⲱⲧ ⲛⲉⲙ ⲡ̀ϣⲏⲣⲓ ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅.

f. 90. Псалія ватосъ, читается 25 апипа, великомученику Меркурію и въ хаторѣ.

ⲁ ⲫϯ ⲟⲩⲱⲣⲡ ⲛⲁⲛ ⲛ̀ⲟⲩⲥⲱϯ.

f. 94. Тоже, Адамъ.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ: ⲱ̀ ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ· ϩⲓⲛⲁ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ: ⲡⲓⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ Ⲙⲁⲣⲕⲟⲣⲓⲟⲥ.

f. 96 v. Псалія ватосъ мученику Өеодору, сыну Іоанна, читается 20 хатора и 20 апипа благословеннаго.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲟⲩ ⲱ̀ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ· ⲛ̀ⲧⲉⲛϩⲱⲥ ⲉ̀ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲡⲭ̅ⲥ̅·: ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ ⲛ̀ϯⲑⲉⲟⲩⲇⲟⲕⲟⲥ· ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲥⲧⲣⲁϯⲗⲁⲧⲏⲥ ⲑⲉⲟⲩⲇⲟⲣⲟⲥ ⲡⲓ ⳩.

f. 100 v. Тоже, Адамъ, читается въ каждый праздникъ зимній и лѣтній.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ: ⲱ̀ ⲛⲓⲟⲣⲑⲟⲇⲟⲝⲟⲥ ϩⲓⲛⲁ ⲛ̀ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲫⲏ ⲉⲑⲩ ⲑⲉⲟⲩⲇⲟⲣⲟⲥ.

f. 103. Св. муч. Минѣ. Ватосъ.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲓ ⲡⲟⲥⲧⲟⲥ [sic]· ⲛⲓϣⲏⲣⲓ ⲛ̀ⲧⲉϯⲉⲕⲕ̀ⲗⲏⲥⲓⲁ̀: ·ⲛ̀ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲙ̀ⲡ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅· ⲛⲉⲙ ⲡⲉϥ⳩ ⲁ̀ⲡⲁ Ⲙⲏⲛⲁ.

f. 106 v. Тоже, Адамъ.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ: ·ⲱ̀ ⲛⲓⲗⲁⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡ̀ⲕⲁϩⲓ· ⲛ̀ⲧⲉⲛϫⲟⲙ ⲛ̀ⲧⲁⲓⲟ.

f. 109 v. Псалія ватосъ. Читается ради всякаго мученика.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ:· ⲛ̀ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲙ̀ⲡ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅·: ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ ⲙ̀ⲛⲓⲙⲁⲣⲧⲩⲣⲟⲥ ⲛⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲛⲓ̅ⲙ̅.

f. 112 v. Тоже, Адамъ.

Ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ: ⲱ̀ ⲛⲓⲟⲣⲑⲟⲇⲟⲝⲟⲥ: ϧⲉⲛϣⲁⲓ ⲙ̀ⲡⲓⲣⲉϥϭⲣⲟⲩ ⲡⲓⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲛⲓ̅ⲙ̅.

f. 115. Псалія ватосъ. Читается въ праздникъ Крещенія благословеннаго.

Ⲁⲓⲧⲱⲃϩ ⲙ̀ⲙⲟⲕ ⲱ̀ ⲡⲉⲛⲛⲏⲃ ⲡⲭ̅ⲥ̅· ⲭⲱ ⲛⲁⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲱⲟⲩ.

f. 118. Псалія Адамъ. Читается въ праздникъ Крещенія Господа нашего Іисуса Христа.

Ⲁ ⲡⲟⲥ ⲑ̀ⲣⲉ ⲡⲥⲟⲓ ⲛ̀ⲡⲣⲟⲥⲟⲩⲡⲟⲛ· ⲁⲡⲁⲛⲧⲁⲛⲁ̀ ⲙⲁⲣϯⲟⲩ ⲛ̀ⲙⲟⲛ.

f. 120 v. Псалія ватосъ. Читается въ ночь Вербнаго Воскресенья.

Ⲁⲣⲓⲥⲁⲗⲡⲓⲍⲓⲛ ϧⲉⲛⲟⲩⲥⲟⲩⲁⲓ ϧⲉⲛⲟⲩⲥⲙⲏ ⲛ̀ⲥⲁⲗⲡⲓⲅⲅⲟⲥ.

f. 125. Псалія Адамъ. Въ праздникъ вербъ, читается утромъ.

Ⲁⲣⲓⲥⲁⲗⲡⲓⲍⲓⲛ ⲉⲛ ⲛⲉⲟ̀ⲙⲉⲛⲓⲁ̀ ϧⲉⲛⲟⲩⲥⲁⲗⲡⲓⲅⲅⲓ ⲁ̀ ⲥⲁⲧⲉ ⲛ̀ⲟ̀ⲙⲏⲛⲓⲁ̀.

f. 128. Псалія читается утромъ въ субботу радости при возношеніи ѳиміама.

Ⲁ̇ ⲡⲟⲥ ⲧⲁϣⲉⲓⲣⲓ ⲛⲉⲙⲁⲛ· ⲁⲛϣⲱⲡⲓ ⲛ̀ⲟⲩⲛⲟϥ ⲙ̀ⲙⲟⲛ.

f. 132. Псалія читается въ ночь св. Воскресенья.

Ⲁ ⲡⲟⲥ ⲉ̀ⲣⲟⲩⲣⲟ· ⲁϥϯⲛ̀ⲟⲩⲥⲁⲓ ϩⲓⲱⲧϥ: ⲡⲟⲥ ϧⲉⲛⲛⲓϫⲟⲙ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲱ̀ⲟⲩ ⲁϥⲙⲟⲣϥ.

f. 135. Псалія ватосъ. Читается всю Пятидесятницу до сорокового дня.

Ⲁⲗⲏⲑⲟⲥ ⲧⲉⲛⲛⲁϩϯ ⲁⲛⲟⲛ· ⲡⲓϣⲗⲟⲗ ⲛ̀ⲟⲩⲟⲣⲟⲟⲇⲟⲍⲟⲥ.

f. 138 v. Адамъ. Служится всю Пятидесятницу до сорокового воскресенья (sic).

Ⲁⲣⲓϥⲁⲗⲓⲛ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ· ⲯⲩⲭⲏ ⲉ̀ⲧⲁⲩϣⲓϣⲱⲟⲩ· ⲉⲟⲃⲉ ⲡⲟⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲱⲟⲩ· ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⲁϥⲧⲱⲛϥ.

f. 141. Ватосъ. Вознесенію и празднику Пятидесятницы.

Ⲁⲛⲁϩⲱⲥ ⲛⲁⲕ ⲡⲟⲥ ⲫϯ· ϧⲉⲛⲛⲁⲓ ⲛⲉⲙ ⲟⲩⲙⲉⲑⲙⲏⲓ.

f. 145. Адамъ. Вознесенію и Пятидесятницѣ.

ⲁⲛⲁϩⲱⲥ ⲛⲁⲕ ⲡⲟⲥ· ϧⲉⲛⲟⲩⲛⲁⲓ ⲛⲉⲙ ⲟⲩⲙⲉⲟⲙⲏⲓ· ϫⲉ ⲛ̀ⲟⲟϥ ⲡⲉⲣϥⲥⲱϯ· ⲡⲓⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲙⲡⲉⲣⲁⲕⲗⲏⲧⲟⲛ.

f. 148. Псалія ватосъ. Читается въ праздники Апостоловъ и въ постъ Апостоловъ до 5 дня мѣсяца авива.

ⲁ ⲡⲉⲛⲟⲥ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅· ⲡⲉⲛⲛⲟⲩϯ ⲛ̀ⲁ̀ⲗⲏⲑⲓⲛⲟⲥ· ϯⲛⲟⲩⲙⲏⲛⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥⲁ̀ⲃⲓⲁⲓⲕ: ⲛⲁⲟⲥ ⲛ̀ⲓⲟϯ ⲛ̀ⲁ̀ⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ.

f. 152. Адамъ. Читается въ постъ Апостоловъ въ воскресенья (?) и дни ⲁⲓⲱϣ ⲟⲩⲃⲏⲕ ⲡⲟⲥ· Изд. Tuki, Euchologion, II, 325—330, гдѣ начинаетъ службу колѣнопреклоненія.

f. 155. Ватосъ. Св. Петру и Павлу.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲓⲗⲁⲟⲥ· ⲁⲛⲁⲩ ⲉⲛⲓⲁ̀ⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ.

f. 159. Адамъ. Ап. Петру и Павлу.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲛⲓⲗⲁⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲙ̀ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲛⲉⲙ ⲛⲉϥⲁ̀ⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ· ⲡⲉⲧⲣⲟⲥ ⲛⲉⲙ ⲡⲁⲩⲗⲟⲥ.

f. 162. Ватосъ. Аввѣ Шенути.

Ⲁⲗⲏⲑⲟⲥ ⲁϥϣⲁⲓ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ· ⲡⲉⲛⲉⲣⲡ̀ⲙⲉⲩⲓ̈ ⲛⲓⲁⲥⲕⲓⲧⲏⲥ. См. Corp. Script. Christ. Orient. Script. Coptici, Ser. II, t. IV, 234—238.

f. 166. Адамъ. Аввѣ Шенути.

Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲛ̀ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ. Ibid. 238—242.

f. 168 v. Ватосъ. Богородицѣ: **Ⲁⲓⲥⲱⲧⲉⲙ ⲉ̀ⲛⲓⲥⲁϧ ⲛ̀ⲧⲉϯⲉⲕⲕ̀ⲗⲏⲥⲓⲁ...** Изд. Tuki, Theotokia, 228—231.

f. 172. Адамъ. Богородицѣ: **Ⲁⲓⲛⲁϩϯ ⲉⲑⲃⲉ ⲫⲁⲓ...** Ibid. 231—234.

f. 175. Адамъ. Читается по воскресеньямъ весь годъ (?)

Ⲁⲓⲛⲱϯ ⲛ̀ⲥⲱⲕ· ϧⲉⲛ̀ⲡϣⲱⲕ ⲙ̀ⲡⲉϩⲏⲧ. Ibid. 51—54.

f. 178. Прославленіе, произносимое въ праздники Приснодѣвы, ангеловъ, мучениковъ и святыхъ.

Пѣснь Богородицѣ, не алфавитная, состоящая изъ строфъ, начинающихся: **Ⲭⲉⲣⲉ ⲑⲉⲟⲇⲟⲕⲉ ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲉ..**

f. 179. Тоже. Начало: **Ⲇⲁⲩⲇⲉ** (Δεῦτε) **ⲡⲁⲛⲑⲉⲥ ⲛ̀ ⲗⲁⲟⲓ.**

f. 181 v.

Ⲣⲁϣⲓ ⲛⲁⲕ ⲱ ⲧϣⲉⲣⲓ ⲛⲥⲓⲟⲛ.

f. 183 v. Отрывокъ; читается въ постъ священный.

Ϯⲛⲏⲥⲧⲓⲁ̀ ⲛⲉⲙ ⲡⲓϣⲗⲏⲗ·ϧⲉⲛⲟⲩⲧⲟⲃⲟⲩ ⲛⲉⲙ ⲟⲩⲙⲉⲧⲥⲉⲙⲛⲟⲥ.

f. 186. Отрывокъ, произносимый отцамъ патріарху (?) и епископу послѣ чтенія Павла.

Ϯⲁ̀ⲅⲁⲡⲏ ⲛ̀ⲧⲉⲫϯ ⲫⲓⲱⲧ ⲡⲓⲡⲁⲛⲧⲟⲕⲣⲁⲧⲱⲣ· ⲛⲉⲙ ϯⲭⲁⲣⲓⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲡⲉϥⲙⲟⲛⲟⲅⲉⲛⲏⲥ ⲛ̀ϣⲏⲣⲓ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅· ⲛⲉⲙϯⲇⲱⲣⲉⲁ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲉ ⲡⲓⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲙ̀ⲡⲁⲣⲁⲕⲗⲏⲧⲟⲛ. Ⲉⲥⲉⲓ̈ ⲉ̀ϩⲣⲏⲓ ⲉ̀ⲭⲉⲛ ⲧⲁⲫⲉ ⲙ̀ⲡⲓⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲛ̀ⲓⲱⲧ ⲉⲧⲧⲁⲓⲏⲟⲩⲧ ⲛⲁⲣⲭⲏⲉ̀ⲣⲉⲩⲥ· ⲙ̀ⲡⲣⲟ̀ⲓⲧⲟⲥ (sic) **ⲛ̀ⲟⲩⲥⲓⲟ̀ⲧⲁⲧⲟⲥ..** Cp. Crum, Catalogue of Copt. Mss. Brit. Mus. № 891.

f. 188. Отрывокъ греческій; произносится въ постъ отцовъ нашихъ апостоловъ пречистыхъ до чтенія «католиконъ».

Текстъ испорченъ. Упоминаются жребіи апостоловъ въ крайне искаженной формѣ. **Ⲓⲓⲓ ⲛⲓⲧⲟⲥ ⲁⲭⲓⲑⲟⲥ ⲅⲁⲣ.**

f. 189. Параlаксъ (παραλεξις) произносится въ постъ отцовъ нашихъ Апостоловъ при раздачѣ. Пятидесятницѣ: Ⲱⲥⲟⲙⲉⲛ ⲧⲟⲩ ⲕⲩ ⲇⲟⲝⲁⲥ ⲅⲁⲣ ⲇⲟⲝⲁⲥ ⲑⲥ ⲁⲛⲉⲗⲧⲟⲛⲧⲏⲥ ⲟⲩⲣⲁⲛⲟⲛ.

f. 191. «Діаконы поютъ эту псалію, а іерей омываетъ ноги прихожанъ въ праздникъ владыкъ нашихъ апостоловъ Петра и Павла».

ⲁ̀ ⲡⲉⲛⲟⲥ ⲓⲏⲥ, ⲡⲭⲥ ⲫⲛⲟⲩⲙⲏⲛⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥⲁⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ..

Изд. Tuki, Euchologion, II, 458—461 въ послѣдованіи обряда ⲗⲁⲕⲁⲛⲏ въ день св. апостоловъ Петра и Павла.

f. 193 v. На недѣлю Ваій: ⲉⲩⲗⲟⲅⲓⲙⲉⲛⲟⲥ.

f. 194. Пасхальная пѣснь ⲭⲁⲧⲁ (κατά) ⲛⲓⲭⲟⲣⲟⲥ. Изд. Б. А. Тураевъ, Пасхальная служба Коптской церкви, 12.

f. 194 v. Ⲭⲣ̅ⲥ ⲁ̀ⲛⲉⲥⲧⲏ ⲉⲕ ⲛⲉⲕⲣⲱⲛ.... Ⲇⲟⲝⲁ· Ⲡⲭ̅ⲥ ⲁϥⲧⲱⲛϥ... «Христосъ воскресе» съ коптскимъ переводомъ. Ibid. 13.

f. 195. Ⲭⲁⲧⲁ (Κατά) ⲛⲓ ⲭⲟⲣⲟⲥ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲧⲁⲝⲓⲥ... Ibid. 16—17.

f. 198. Пѣснопѣніе славному Рождеству; возглашается и при вѣнчаніи невѣсты: ⲛⲉϫⲓⲛⲙⲓⲥⲓ ⲙ̀ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲓⲕⲟⲛ: ⲛⲓⲛⲁⲕⲟϩⲓ ⲙ̀ⲡⲁ̅ⲧⲓⲕⲟⲛ.

f. 198 v. Доксологія ватосъ, произносится въ великій постъ при раздачѣ, по субботамъ и воскресеньямъ и въ праздникъ мучениковъ севастійскихъ. Аминь: Ⲟⲩⲛⲓϣϯ ⲙ̀ⲙⲩⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ:· ⲁϥⲥⲁⲛϣⲱⲓ ⲉ̀ⲛⲓⲛⲟⲩⲥ ⲛ̀ⲣⲱⲙⲓ: ⲛ̀ϫⲓⲛⲙⲟϣⲓ ⲙ̀ⲡⲉⲛⲥⲱ̀ⲣ.

f. 201 v. Псалія Адамъ Приснодѣвѣ; произносится въ мѣсяцѣ хойакъ. Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲛⲓⲗⲁⲟⲥ· ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ· ⲧⲉⲛⲉⲣⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲍⲓⲛ Ⲙⲁⲣⲓⲁ̀ ϯⲡⲁ̀ⲣ. См. Tuki, Theotokia, 303—5.

f. 205. Доксологія кресту, читается по его праздникамъ.

Ⲭⲉⲣⲉ ⲛⲓⲥ̅ⲧ̅ⲥ ·ⲛⲓϩⲟⲡⲗⲟⲛ ⲉⲧⲧⲁϫⲣⲏⲟⲩ:

f. 205 v. Доксологія Кресту. Адамъ. Читается въ его праздники.

Ⲉ̀ⲃⲟⲗϩⲓ ⲡⲓⲥⲛⲟϥ.

f. 206 v. Доксологія Адамъ ангелу Михаилу; читается въ его праздники: Ⲭⲉⲣⲉ Ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲡⲓⲁⲣⲭⲏⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ.

Къ каждому изъ послѣдующихъ восклицаній присоединяется ⲭⲉⲣⲉ въ честь другихъ святыхъ.

f. 211 v. Ангелу Гавріилу, благовѣствующему о спасеніи.

Ⲱ ⲛⲓⲙ ⲡⲉⲑⲛⲁϣ ⲛ̀ⲥⲉϫⲓ· ⲙ̀ⲡⲁⲓⲧⲁⲓⲟ̀ ⲛ̀ⲅⲁⲃⲣⲓⲏⲗ: См. Tuki, Theotokia, 209—10.

f. 213 v. Ради Креста пресловнаго, благословеніе, его надъ нами. Аминь: Хере пі⳿: пі϶ронЛон етта϶рнот... Ср. f. 205.

f. 215 v. Псалія ватосъ, читается во вторникъ (?) Рождества[1].

аф† сахі нем Ишснс.

f. 219 v. Псалія ватосъ, читается въ постъ священный.

Амωіні нтенерністеуін:· нϩанністіа·

f. 223 v. Тоже, Адамъ. Аі ощ нтасма нщωі ϩарон паноу†:

f. 226 v. Псалія ватосъ. Отцу нашему Абшай.

Амωіні тнрот мфωоу ϩіна нтен†ωоу ω Маріа †оуро пісеоуав авва піщωі.

f. 229 v. арабская приписка: Сія книга принадлежитъ монастырю св. Стефана, находящемуся около св. Петра въ Ватиканѣ для пользованія монаховъ коптовъ, пребывающихъ въ немъ. И не разрѣшается никому распоряжаться ею какимъ бы то ни было способомъ.

Заглавія по-арабски изрѣдка написаны красными чернилами. На ff. 6, 25, 121, 145, 160, на поляхъ арабскія приписки пояснительнаго или корректурнаго характера. Начальныя буквы строфъ обведены краснымъ, краснымъ обведены и точки. Изъ рукописей другихъ европейскихъ библіотекъ, приближаются къ данной: а) въ собраніи Rylands въ Менчестерѣ № 433 (69)[2]; б) въ Парижской Національной Библіотекѣ №№ 91 (8), 92 (122), 93 (33), 94 (153), 95 (74)[3], не будучи тожественны.

Псалія препод. Пшаи, заканчивающая рукопись, даетъ возможность предполагать, что она написана въ его монастырѣ въ Нитріи.

Письмо небрежное. Текстъ неисправенъ, мѣстами подправленъ другой рукой. Ороографія б. ч. слѣдуетъ позднему произношенію; греческія слова иногда искажены.

2.

Бумага. 19,5 × 14 см. сЛв нумерованныхъ листовъ + 1. Переплетъ кожаный, арабскій, съ тисненіями и съ частью, закрывающей длинную сторону.

На второмъ, бѣломъ листкѣ приклеена записка: «Don fait à la Ste Eglise Copte, qui est à Rome, par le Docteur Nessim Abou Bescharet El Niccaseh, l'Egyptien. — Livre des prières.

Чинъ страстной седмицы и Св. Пасхи по-коптски и по-арабски.

Рубрики — всѣ по-арабски, частью краснымъ, частью чернымъ черниломъ. Пѣснопѣнія даются съ арабскимъ переводомъ. Начальныя буквы

---

[1] Т. е., если навечеріе случится во вторникъ. См. Crum. Catalogue of the Coptic Mss. of Rylands, p. 209.

[2] Crum. Catalogue of the Coptic Mss. of Rylands Library. Manchester, p. 208.

[3] Delaporte. Catalogue sommaire des Mss. Coptes de la Bibl. Nationale. Revue de l'Orient Chrétien, 1911, 368—372.

б. ч. черныя съ краснымъ, иногда красныя. ⲁ стилизовано, иногда въ видѣ стоящей на заднихъ ногахъ птицы. Тщательная, красивая рукопись. Дается общій распорядокъ службъ и пѣснопѣнія, чтенія Св. Писанія не приводятся, а дѣлаются ссылки на «Пасхальныя книги».

f. 3. Общее заглавіе по-арабски (rubr.):

«Послѣдованіе седмицы спасительныхъ страстей по чину церкви Владычицы нашея, именуемой «Ал-Моаллака». Начало сего — суббота Ваій.

ff. 3—27. Служба въ Лазареву Субботу: утреннее кажденіе, доксологія, утреня, алфавитная псалія: **ⲁⲣⲓⲥⲁⲗⲡⲓϫⲓⲛ...**[1] Причастенъ: **Ⲛⲁϣⲉⲛⲁⲕ...** Канонъ: **Ⲣⲁϣⲓ ⲟⲛⲧⲟϥ (ⲥⲓⲱⲛ ϯⲃⲁⲕⲓ...)**[2].

ff. 27—55. Служба на Вербное Воскресенье: полунощница съ ϩⲱⲥ'омъ, алфавитной псаліей **ⲁⲣⲓⲥⲁⲗⲡⲓϫⲓⲛ ⲉⲛⲛⲉⲟⲙⲉⲛⲓⲁ...**[3] утреня съ обрядомъ убранія креста и воздвиженія.

ff. 45—196. Страстная седмица: 11 часъ Вербнаго Воскресенья (f. 45). Часы дневные и ночные вел. понедѣльника, вторника и среды (48). Утреня вел. четверга (f. 49). Литургія (f. 50). Чинъ омовенія ногъ (f. 54). Великій пятокъ (ff. 60—83) Утреня «субботы радости»: Пс. 151. Пѣснь Моисея (Исх. 14, 31^b—15, 21). Даніила 3, 1—90. Алфавитная псалія: **ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲉϥⲛⲉⲧⲁⲧⲁϣϥ ⲉϩⲣⲏⲓ ⲉϫⲱ ⲛⲟⲧⲟϩ ⲁⲧⲕⲟⲥϥ . . .** Даніила 3, 91—97. Алфавитная псалія: **ⲁ ⲡⲟⲥ ⲧⲁϣⲉⲓⲣⲓ ⲛⲉⲙⲁⲕ...**[4] Славословія святымъ, б. ч. напечатанныя Tuki, Theotokia, 160—200, но иногда и другія (Θеодору Стратилату, муч. Виктору, муч. Филоѳею, мученикамъ аввѣ Іоанну, Іоанну Хами, Максиму и Дометію, Іосифу, патр. Александрійскому, Моисею Скитскому, Шенути[5], Самуилу Каламонскому). Славословіе: **ⲁⲧⲁϣ ⲛⲉⲛⲥⲱⲣ...** Канонъ: **ⲡⲟⲥ ⲡⲟⲥ ⲡⲟⲥ ⲓⲥϫⲉ ⲉⲕⲟⲓ ⲙⲫⲣⲏϯ ⲛⲟⲧⲣⲉϥⲙⲱⲟⲧⲧ...**[6] Апокал. 7, 5—8, 21, 18—21. Пс. 21.

ff. 196—233. Литургія Великой Субботы и Пасхальная служба. Изд. Б. А. Тураевъ, Пасхальная служба Коптской церкви. Сборникъ

---

1 Ср. f. 120, рукоп. № 4.

2 Имѣетъ общее съ нашей стиховной Вербнаго Воскресенья: Χαῖρε καὶ εὐφραίνου πόλις Σιών, равно какъ и слѣдующая: Ⲉⲧⲁϥⲓ ⲡ̀ϫⲥ ⲓⲏ︦ⲥ︦ — съ нашей Ἦλθεν ὁ Σωτήρ...

3 Ср. f. 125, рукоп. № 4.

4 Ср. f. 128 ibid.

5 Изд. Leipoldt по копіи О. Э. Лемма. Corp. S. Chr. Or. Copt. II, IV, 233.

6 Первая стихира — сокращеніе нашей изъ хвалитныхъ 8-го гласа: Κύριε, εἰ καὶ ὡς νεκρὸν...

Commentationes Philologicae въ честь И. В. Помяловскаго. СПб. 1897, 1—20.

f. 209 r.

Подобная этой рукописи имѣется въ Парижской Bibl. Nationale: Copte 36, № 104 по описанію Delaporte[1].

3.

Бумага. 21,5×14 см. 132 перенумерованныхъ европейскими цифрами заполненныхъ листовъ и нѣкоторое количество бѣлыхъ. Переплетъ европейскій.

На приклеенномъ листкѣ переводъ арабской приписки: «Ce livre appartenait au Couvent de St. Etienne près St. Pierre du Vatican, pour l'usage des moines Coptes qui l'habitent et il n'est permis à personne de l'emparer de quelque manière que le soit».

Рукопись крайне небрежна и неисправна. Ороографія слѣдуетъ произношенію; пропуски цѣлыхъ словъ и предложеній. Рубрики — краснымъ черниломъ. Начала молитвъ и пѣснопѣній — строчки изъ крупныхъ буквъ. Въ началѣ орнаментъ изъ красныхъ и черныхъ линій.

---

[1] Revue de l'Orient. Chrétien, VI (1911), 377.

Θеотокіа.

Ночная служба, соотвѣтствующая нашей утренѣ и содержащая на каждый день собраніе пѣснопѣній въ честь Богоматери, отчего и называемая **Ⲑⲉⲟⲧⲟⲕⲓⲁ**. Рукопись не окончена и доведена только до начала этихъ Θеотокій, обрываясь на седьмомъ отдѣлѣ положенныхъ на воскресенье. По изданію Туки это соотвѣтствуетъ стр. 1—59. Особенности противъ изданія слѣдующія:

а) Послѣ воскресныхъ тропарей (ff. 28—32) помѣщена пѣснь: **ⲓⲥϫⲉ ⲛϫⲱⲟⲩ ϣⲁ ϫⲱⲟⲩ· ⲛⲉⲛⲣⲟⲙⲡⲓ ⲙ̀ⲧⲁⲩⲙⲟⲛⲏ....**, отсутствующая въ изданіяхъ и Туки, и Лабиба.

б) Послѣ пѣсни трехъ отроковъ имѣется алфавитная псалія: **Ⲁⲛⲁϩϯ ⲉⲑⲃⲉ ⲫⲁⲓ...**, напечатанная у Лабиба, но отсутствующая въ изд. Туки.

в) Въ призываніи святыхъ послѣ первой пѣсни отроковъ нѣтъ Севира и Діоскора, но имѣются Шенути, Виса, Археллитъ.

4.

Бумага. 21, 9×16 см. **ⲣ̅ⲟ̅ⲁ̅** нумерованныхъ + 6 листовъ, по 16 строкъ. Переплетъ восточный кожаный съ тисненіями, съ оборваннымъ корешкомъ и съ закрѣпкой. Не хватаетъ ff. 130—151.

Письмо довольно красивое, имѣются полихромныя заставки и полихромный крестъ во всю страницу въ началѣ рукописи. Арабскія рубрики краснымъ черниломъ.

Евхологій **Ⲟⲩⲭⲟⲗⲟⲅⲓ ⲉⲟ̅ⲩ̅**.

Литургіи коптскія: Св. Василія В. (f. 2), Григорія Богослова (f. 50) и Кирилла Александрійскаго (f. 79). Даются почти однѣ молитвы, читаемыя священникомъ и отчасти возглашаемое діакономъ; ритуальныхъ частей нѣтъ.

5.

Бумага. 21,6×15,8 см. Листовъ 53, пронумеровано по арабск. только 7—25. Первые листы потеряны, вмѣсто нихъ написанъ одинъ другимъ почеркомъ, синимъ черниломъ. Почерки вообще различные. Рубрики и заглавія — краснымъ черниломъ.

Чинъ Елеосвященія. كتاب القنديل «Книга Кандиль»

Вся рукопись написана б. ч. по-арабски, кромѣ аллилуаріевъ, послѣдняго Евангелія, начальныхъ словъ нѣкоторыхъ молитвъ и послѣднихъ тропарей: **Ⲱ ⲛⲉⲑⲟ̅ⲩ̅ⲁ̅ⲃ**, представляющихъ переводъ нашего «Источникъ исцѣленій имуще святіи безсребреницы».

6.

Бумага. 17×11,5 см. 80 незанумерованныхъ листковъ по 110—12 строкъ. Черныя грубыя заставки. Рубрики и заглавія краснымъ черниломъ. Рукопись небрежна. Отъ переплета осталось одна половина.

Чинъ Елеосвященія и др.

ff. 1—49. Чинъ Елеосвященія. Почти все по-арабски, кромѣ аллилуаріевъ (псалмовъ) и послѣдняго евангелія.

Чинъ Елеосвященія изданъ у Tuki, Rituale 138—236, и отдѣльно Labib'омъ: **Пϫωм ⲛ̀тє Пιθωϩс єθⲩ**. 1625 эры Мучениковъ.

ff. 50—90ᵃ. Послѣдованіе аввы Θерапонта (Тарабо) надъ укушеннымъ бѣшеной собакой. Изд. Galtier, Bullet. de l'Instit. franç. IV, 105. Cf. Crum, Catalogue of Copt. Mss. of Rylands Library, 236. — Почти все по-арабски, кромѣ чтеній: Ап. Ефес. III, 13—15. Пс. 21, 17. Ев. Мѳ. 15, 21—28.

ff. 60ᵇ—72. Канонъ принятія вновь отпавшаго отъ вѣры. Чтенія: Ап. Тим. I, 1,3 ... Пс. 24, 7—11. Ев. Лук. 15, 2—10. Молитва: **Фнηв ποс ⲫϯ πι παντοκρατωρ ⲫιωτ ⲙ̀πεнσс ουοϩ πєнноⲩϯ ουοϩ πєнсωр Ιⲏс Πⲭс ⲫнєтоⲩωϣт ⲛ̀тєрωмι нιвєн ⲛ̀сєι єϧоⲩн ⲁϥ϶мєѳмнι-ноⲟⲩ πєннηв тєнϯϩо ероⲕ єϩрнι єϫєн нєкϧωк ⲏм...** Почти все остальное по-арабски.

ff. 73—80. Чинъ изнесенія усопшихъ. Римл. 56—7. Пс. 37, 22. Ев. Іоанн. 11, 38—45. Остальное по-арабски.

7.

Бумага. Листокъ (4 страницы) 16×11 см.

Молитва благодарственная по принятіи Св. Таинъ: **Πⲭс πєнноⲩϯ: πιєтаϥι нιарⲭнєрнοⲩс ⲛ̀тє нιⲁ̀ⲅⲅєλоⲥ єϥнаϣωπι:...**

8.

Бумага 20×14,5 см. Красивый почеркъ, полихромная заставка и заглавныя буквы.

13 отдѣльныхъ листковъ изъ Θеотокій.

9.

Бумага. 28Х20,5. Полихромная заставка; заглавная буква орнаментирована фигурой страуса.

Два листка изъ Лекціонарія (Катамероса) на 2-ое и 4-ое воскресенья мѣсяца паопи (babeh). Ев. Мѳ. XVII, 24—27. Пс. 66, 6—7. Іоанна XX, 11—19. Ап. Тим. I, 3...[1]

10.

Бумага. 28Х19,5.

Листокъ изъ Лекціонарія. 2-е воскресенье мѣсяца паопи (babeh). Ев. Мѳ. XVII, 25—27. Пс. 62, 4—7. Ев. Мрк. XVI, 2—5. Ап. II. Кор. III, 4—11.

---

[1] Рукопись Коринѳ.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Мутазилитскій трактатъ VIII вѣка о литературномъ творчествѣ.

И. Ю. Крачковскаго.

(Представлено академикомъ С. Ө. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 января 1919 года).

Исторія возникновенія и развитія литературныхъ теорій у арабовъ представляетъ существенный интересъ уже потому, что она можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на болѣе общій вопросъ о способности арабовъ къ оригинальному творчеству въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Къ сожалѣнію приходится отмѣтить, что если дѣлались нѣкоторыя попытки разобраться въ матеріалѣ относительно грамматическихъ теорій, то этого никакъ нельзя сказать о литературныхъ. Для послѣдней области остается еще безъ отзвука даже тотъ интересъ къ вопросамъ поэтическаго стиля и исторической поэтики, который такъ оживился за послѣдніе годы въ Европѣ и особенно въ Россіи. Отсутствіе подготовительныхъ работъ лишаетъ возможности теперь же поставить вопросъ о литературныхъ теоріяхъ арабовъ во всей полнотѣ. Немало усложняетъ работу то обстоятельство, что намъ совершенно не ясна стадія первичнаго развитія: къ концу IX вѣка мы встрѣчаемся уже сразу съ тремя, по меньшей мѣрѣ, системами очень разнообразнаго характера, но захватывающими предметъ достаточно широко. Совершенно ясно, что «однодневный халифъ» Ибн-ал-Муʿтаззъ (уб. 296/908) съ его анализомъ поэтическаго стиля, и ал-Джāхизъ (ум. 255/869) съ далеко раздвинутыми горизонтами литературныхъ пріемовъ вообще, и систематикъ Ḳудāма (ок. 310/922) съ основательно продуманной теоріей поэтики не могутъ быть признаны первыми піонерами въ этой области. Для выясненія предшествующей исторіи требуется особенно внимательный анализъ деталей относительно болѣе ранней эпохи, обыкновенно разбросанныхъ въ произведеніяхъ позднѣйшаго времени. При этомъ анализѣ нельзя не столкнуться съ

вопросомъ о возможномъ заимствованіи основъ теоріи извнѣ, хотя на него придется отвѣтить, вѣроятно, отрицательно. Несомнѣнно, что поэтика и реторика Аристотеля изучались арабами такъ же усердно, какъ другія его произведенія; однако, въ первомъ періодѣ онѣ изучались преимущественно въ средѣ любителей греческой точной науки, главнымъ образомъ изъ немусульманъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ грамматически-литературныхъ штудій арабскихъ ученыхъ; нѣсколько позже къ нимъ присоединились и мусульмане-философы, какъ Авиценна или Аверроэсъ, усиленно комментировавшіе, между прочимъ, и поэтику Аристотеля. Однако, и ихъ вліяніе не распространялось на чисто-литературную среду арабовъ. Для окончательнаго рѣшенія этого сложнаго вопроса потребуется, конечно, еще пересмотръ всѣхъ наличныхъ данныхъ. Болѣе категорично можно выразиться объ отсутствіи внѣшнихъ вліяній съ другихъ сторонъ. Слишкомъ апокрифично звучатъ свѣдѣнія о какомъ то «индійскомъ» трактатѣ по реторикѣ, изрѣдка упоминаемомъ въ арабскихъ теоретическихъ сочиненіяхъ[1]; едва ли менѣе сомнительно упоминаніе о «персидскомъ» (пехлевійскомъ?) трактатѣ для руководства канцелярскихъ писцовъ, переводъ котораго связывается[2] съ именемъ ʿАбд-ал-Ҳамӣда (уб. 132/750), секретаря послѣдняго омейядскаго халифа и предполагаемаго создателя арабскаго эпистолярнаго стиля. При скудости этихъ свѣдѣній особый интересъ пріобрѣтаютъ отрывочныя данныя объ арабскихъ предшественникахъ великихъ авторовъ IX вѣка, хотя эти свѣдѣнія приходится собирать по крохамъ. Съ этой же точки зрѣнія значительную важность, благодаря своей законченности, пріобрѣтаетъ тотъ небольшой трактатъ, на который я хочу обратить вниманіе въ настоящей замѣткѣ. Для исторіи литературныхъ теорій онъ важенъ потому, что относится къ эпохѣ Харӯна-ар-Рашӣда, то-есть ко второй половинѣ VIII вѣка, отъ которой до насъ не дошло болѣе или менѣе цѣльныхъ отрывковъ на эту тему, а лишь отдѣльныя замѣчанія по поводу ея, разбросанныя чаще всего въ комментаріяхъ, грамматическихъ трактатахъ и антологіяхъ арабскихъ ученыхъ.

Приписывается этотъ трактатъ Бишру-ибн-ал-Муʿтамиру, личности вполнѣ исторической и пользующейся значительной извѣстностью, хотя въ совершенно другой области — среди муʿтазилитскихъ мыслителей. Въ этой послѣдней сферѣ онъ, повидимому, отличался нѣкоторой оригинальностью мышленія и источники приводятъ нерѣдко его философскія или богословскія

---

[1] Напр., ал-ʿАскерӣ, كتاب الصناعتين, Каиръ 1320, стр. 14 сл.

[2] Ibid., стр. 51.

теоріи[1]. Принадлежитъ ли ему въ дѣйствительности тотъ трактатъ о краснорѣчіи, о которомъ идетъ рѣчь, сказать конечно трудно, хотя прямыхъ основаній сомнѣваться въ этомъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ отрывокъ полностью появляется у ал-Джāхиза (ум. 255/869), то, несомнѣнно, что уже въ первой половинѣ IX вѣка онъ связывался съ именемъ Бишра. За авторство Бишра говоритъ, между прочимъ, его интересъ къ вопросамъ поэзіи и тѣ, не лишенныя оригинальности по формѣ его поэтическія произведенія, которыя изрѣдка упоминаются въ источникахъ[2].

Непосредственно до насъ этотъ трактатъ, конечно, не дошелъ, какъ и большинство современныхъ ему произведеній арабской прозаической литературы. Источники систематически говорятъ о письменной редакціи, называя его *ṣaḥӣфа*, т. е. «свитокъ» или «листокъ»[3]; это даетъ поводъ предполагать, что онъ получилъ письменную обработку подъ руками самого автора, а это въ свою очередь представляетъ большое преимущество по сравненію со многими произведеніями и болѣе поздняго времени. Отсутствіе оригинала въ значительной мѣрѣ искупается тѣмъ, что трактатъ сохранился почти полностью въ произведеніяхъ четырехъ авторовъ достаточно ранняго періода.

Каково было его вліяніе на послѣдующихъ теоретиковъ, благодаря общей темѣ трактата, судить въ настоящій моментъ едва ли возможно; о его популярности ясно говоритъ то обстоятельство, что трактатъ, помимо цитатъ изъ него, полностью приводится у трехъ наиболѣе авторитетныхъ теоретиковъ ранняго періода: ал-Джāхиза[4], ал-ʿАскерӣ (ум. 395/1005)[5], Ибн-Рашӣка (ум. 463/1070)[6]. Къ нимъ надо прибавить еще историка-литератора аз-Зубейра-ибн-Беккāра (ум. 256/870); благодаря изданію отрывка изъ его произведенія, трактатъ Бишра впервые появился на европейской почвѣ[7]. Къ сожалѣнію издатель, которому остались неизвѣстны параллельные тексты, не привлекъ ихъ къ сличенію и поэтому внесъ въ

---

[1] Нѣкоторыя свѣдѣнія, главнымъ образомъ, на основаніи аш-Шахрастāнӣ, приведены у бар. Carra de Vaux въ Enzyklopaedie des Islām, I, 762. Ср. его разговоръ съ поэтомъ Абӯ-л-ʿАтāхіей въ ал-Агāнӣ, III, 128—129.

[2] Ал-Фихристъ (Flügel), 162,12: واكثر شعره على المسمّط والمزدوج Ср. ал-Джāхизъ, كتاب الحيوان, Каиръ, VI, 91 сл., Ибн-Рашӣкъ, العمدة, Каиръ, 1325—1907, т. I, стр. 121.

[3] Самый терминъ хорошо намъ извѣстенъ изъ ранней исторіи мусульманскаго преданія (*сунны*); значеніе его выяснено Ign. Goldziher'омъ въ Muhammedanische Studien II, Halle 1890, стр. 9—11, 195—196.

[4] كتاب البيان والتبيين, Каиръ, 1313, т. I, 58—59.

[5] Op. cit., 101—102.

[6] Op. cit., I, 142—143.

[7] P. Leander, Aus 'Abū Abdallāh az-Zubair bin 'Abī Bakr Bakkārs Muwaffaqījāt (Le Monde Oriental, vol. X, 1916, стр. 95—97, № 16).

изданіе не малое количество недоразумѣній, въ которыхъ не всегда виновата рукопись. Это обстоятельство побуждаетъ меня кромѣ перевода переиздать еще разъ текстъ.

Мое изданіе исполнено на основаніи четырехъ указанныхъ источниковъ; привлекать болѣе позднихъ авторовъ, цитирующихъ отрывки изъ Бишра, я не считалъ необходимымъ, такъ какъ они по всей вѣроятности восходятъ не къ оригиналу, а упомянутымъ четыремъ сочиненіямъ[1]. Въ основу изданія положенъ текстъ ал-Джāḥиẓа; отъ приведенія варіантовъ петроградскихъ рукописей, давно мною сличенныхъ, я долженъ былъ отказаться за невозможностью въ настоящій моментъ провѣрить ихъ по оригиналамъ, не находящимся въ настоящее время въ Петроградѣ[2].

ТЕКСТЪ.

* كلام بشر بن المعتمر حين مرّ[3] بإبراهيم بن جبلة بن مخرمة السكونىّ الخطيب و هو
يعلّم فتيانهم الخطابة فوقف بشر فظنّ إبراهيم أنّه إنّما وقف ليستفيد أو ليكون[4]
رجلاً من النظّار[5] فقال بشر اضربوا عمّا قال صفحًا واطووا عنه كشحًا ثمّ دفع إليهم
صحيفة من تحبيره و تنميقه وكان أوّل ذلك الكلام[6] خذ من نفسك ساعة نشاطك[7]
و فراغ بالك و[8] إجابتها إيّاك[9] فإنّ قليل[10] تلك الساعة أكرم جوهرًا[11] و اشرف
حسبًا[12] وأحسن[13] فى الأسماع[14] وأحلى فى الصدور وأسلم من فاحش الخطاء وأجلب لكلّ

---

[1] Единственное исключеніе я позволилъ себѣ допустить для тщательно изданнаго сборника современнаго писателя Муṣṭафы Луṭфӣ ал-Манфалӯṭӣ, куда включенъ трактатъ Бишра (صناعة الانشاء لابن المعتمر), повидимому, на основаніи ал-Джāḥиẓа (مختارات المنفلوطى, الجزء الأول, مصر ١٩١٢, стр. 17—19).

[2] Текстъ ал-Джāḥиза обозначенъ у меня буквой Д, аз-Зубейра — З, ал-ʿАскерӣ — А, Ибн-Рашӣḳа — Р и ал-Манфалӯṭӣ — М.

[3] З سمعت أبا عبد الله الزبير يقول مرّ بشر بن المعتمر

[4] З يكون

[5] З النظارة

[6] А — все вступленіе оп. Р замѣняетъ слѣдующимъ: وممّا لا يسع تركه فى هذا الموضع صحيفة كتبها بشر بن المعتمر ذكر فيها البلاغة ودلّ على مظانّ الكلام و الفصاحة يقول فيها

[7] А لنشاطك Р فراغك

[8] З فى

[9] А لك

[10] А فى قلبك Р قلبك

[11] З جواهر sic!

[12] А حسنا Р حسًا

[13] З واسرع

[14] Р الاسماح

عين[1] و غرّة[2] من لفظ شريف[3] و معنى بديع واعلم أنّ ذلك أجدى عليك ممّا[4] يعطيك يومك الأطول بالكدّ و المطاولة[5] و المجاهدة و بالتّكلف و المعاودة[6] و مهما أخطأك لم يخطئك ان يكون[7] مقبولاً قصدًا و[8] خفيفًا على اللسان سهلاً و كما[9] خرج من[10] ينبوعه و نجم من معدنه وايّاك* و التوعّر فإنّ التوعّر يسلمك[11] إلى التعقيد و التعقيد هو الّذى يستهلك معانيك و يشين ألفاظك* و من أراغ[12] معنى[13] كريمًا فليلتمس[14] له لفظًا كريمًا فإنّ حقّ المعنى الشريف اللفظ الشريف و من حقّهما أن تصونهما[15] عمّا[16] يفسدهما و يهجنهما[17] و* عمّا[18] تعود من أجله إلى أن تكون[19] أسوء حالاً منك قبل أن تلتمس إظهارهما[20] و ترتهن[21] نفسك بملابستهما[22] و قضاء حقّهما[23] وكن[24] فى[25] ثلاث منازل فإنّ أولى[26] الثلاث[27] أن يكون لفظك رشيقًا[28] عذبًا و فخمًا سهلاً ويكون معناك ظاهرًا مكشوفًا و قريبًا معروفًا[29] إمّا عند الخاصّة إن كنت[30] للخاصّة قصدت وإمّا عند العامّة إن كنت[30] للعامّة أردتّ و المعنى ليس يشرّف[31] بأن يكون من معانى الخاصّة و كذلك ليس يتّضع بأن يكون من معانى العامّة وإنّما مدار[32] الشرف على[33] الصواب وإحراز المنفعة مع[34] موافقة الحال و ما يجب لكلّ مقام من المقال و* كذاك اللفظ العامّىّ والخاصّىّ[35] فإن أمكنك أن

---

[1] A оп.

[2] Д و فقرة З و عزة sic!

[3] A كريم

[4] A من ما

[5] ЗР оп. A و المطالبة

[6] P المعانده

[7] Въ З вѣрное чтеніе рукописи замѣнено неудачно كان

[8] P او

[9] P كما

[10] A عن

[11] Въ З лакуна.

[12] ДА اراغ

[13] Вмѣсто лакуны З неудачная коньектура فإن يكن المعنى

[14] Вѣрное чтеніе З замѣнено неудачно فلتلتمس

[15] AP يصونهما

[16] A вст. يدنسهماو P оп. الى ان تكون

[17] З коньектура يشينهما

[18] З عن ما

[19] A فتصير بهما الى حد تكون فيه

[20] A منازل البلاغة

[21] З و تذهن P و ترهن

[22] AP فى ملابستها

[23] З من ملاستهما و فصاحتهما A оп.

[24] З و نحن

[25] MP вст. إحدى

[26] З أول A فاول M أولاها

[27] З الثلاثة

[28] A شريفا

[29] Отсюда въ A пропускъ.

[30] З كتب sic!

[31] P يسرف

[32] З مدد sic!

[33] ЗР مع

[34] P و مع

[35] M опуск.

تبلغ من بيان لسانك و بلاغة قلمك[1] و لطف مداخلك[2] و اقتدارك على[3] نفسك على[4] ان تفهم العامّة معانى الخاصّة و تكسوها الألفاظ الواسطة[5] الّتى لا تلطف عن الدهماء ولا تجفو عن الاكفاء وانت البليغ التامّ[6] فإن[7] كانت* المنزلة الأولى[8] لا تؤاتيك ولا تعتريك[9] و لا تسنح[10] لك عند أوّل* نظرك و فى أوّل تكلّفك[11] و تجد اللفظة لا[12] تقع[13] موقعها و لم تصر[14] إلى* قرارها* و إلى حقّها[15] من اماكنها المقسومة لها و القافية لم تحلّ فى مركزها و فى نصابها و لم تتّصل بشكلها[16] وكانت قلقة فى مكانها[17] نافرة من[18] موضعها[17] فلا تكرهها على اغتصاب الأماكن[19] و النزول فى غير أوطانها فإنّك إذا لم تتعاط قريض[20] الشعر الموزون[21] و لم تتكلّف اختيار الكلام المنثور لم يعبك بترك ذلك أحد[22] و ان أنت تكلّفها[23] و لم تكن خاذقًا مطبوعًا و لا محكمًا لشأنك[24] بصيرًا* بما عليك أو ما لك[25] عابك من أنت أقلّ عيبًا منه و رأى[26] من هو دونك* أنّه فوقك[27] فإن[28] ابتليت بأن تتكلّف[29] القول و تتعاطى[30] و لم تسمح لك الطباع[31] فى أوّل وهلة و تعصى عليك[32] بعد إجالة الفكرة[33] فلا تعجل* و لا تضجر[34] و دعه بياض[35] يومك او[36] سواد ليلك و عاوده عند نشاطك* و فراغ بالك[37] فإنّك لا تعدم الاجابة و المؤاتاة إن

---

1 З قلبك
2 З مدخلك
3 ЗР فى
4 M оп.
5 РЗ المتوسّطة
6 Здѣсь Д дѣлаетъ вставку (см. переводъ), въ З кончается извлеченіе.
7 Отсюда возобновляется текстъ А.
8 А هذه
9 А оп.
10 Р تسمح
11 А خاطر
12 А لم
13 M توقّع
14 АР تصل
15 M оп.
16 А مركزها و لم تتصل بشكلها
17 А перест.
18 Р عن
19 Р مكانها
20 Р قرض
21 А المنظوم
22 А بذلك
23 А تكلّفته
24 ДМ لسانك
25 А оп. Р بما عليك و لك
26 А وزرى عليك
27 А оп.
28 Р вст. أنت
29 А بتكلفة
30 А و تعاطى الصناعة
31 А الطبيعة
32 Р оп. отъ فى
33 M вст. البيان
34 А оп.
35 А سحابة
36 А و لا تضجر وامهله
37 А оп.

كانت هناك طبيعة أو[1] جريت[2] من الصناعة على عرق[3] فإن تمنع عليك[4] بعد
ذلك* من غير حادث شغل عرض[5] و من غير طول إهمال[6] فالمنزلة الثالثة ان
تتحوّل من[7] هذه الصناعة إلى أشهى الصناعات إليك و أخفّها عليك فإنّك لم* تشته
و لم تنازع إليه[8] إلاّ و بينكما نسب و الشيء لا يحنّ إلاّ إلى ما يشاكله[9] وإن
كانت المشاكلة قد تكون فى طبقات[10] لانّ[11] النفوس لا تجود بمكنونها * مع الرغبة[12]
و لا تسمح بمخزونها مع الرهبة كما تجود[13] به مع[14] المحبّة* و الشهوة[15] فهكذا هذا
و قال[16] ينبغى للمتكلّم[17] ان يعرف[18] أقدار المعانى و يوازن[19] بينها و بين اقدار[20]
المستمعين و بين[21] أقدار الحالات[22] فيجعل لكلّ طبقة من ذلك كلامًا و لكلّ حالة
من ذلك مقامًا حتّى يقسم أقدار الكلام على اقدار المعانى ويقسم اقدار المعانى
وعلى اقدار المقامات اقدار المستمعين على أقدار تلك الحالات

ПЕРЕВОДЪ[23].

Слова Бишра-ибн-ал-Муʿтамира, когда онъ разъ прошелъ мимо[24] оратора Ибрāхӣма-ибн-Джебели-ибн-Махрамы изъ племени сакӯнъ въ то время, какъ онъ обучалъ ихъ юношей ораторскому искусству. Бишръ остановился, а Ибрāхӣмъ подумалъ, что онъ сталъ, чтобы воспользоваться (чѣмъ-нибудь), или просто, какъ зритель, но Бишръ воскликнулъ: «Повернитесь къ тому,

---

[1] M вст. كنت

[2] A واجريت

[3] A вст. و هى المنزلة الثانية

[4] M вст. الامر

[5] P оп.

[6] A مع ترويح الخاطر و طول الامهال M оп. отъ ذلك

[7] P عن

[8] A تشتهيها

[9] AP شاكله

[10] P صفات M оп. отъ عليك

[11] A فانّ P إلاان

[12] A оп.

[13] Д تجود

[14] A вст. و الرغبة

[15] Здѣсь кончается извлеченіе въ P и M.

[16] A оп.

[17] A оп.

[18] A تعرف

[19] A توازن

[20] A اوزان

[21] A على

[22] На этомъ кончается извлеченіе A.

[23] Скобками въ переводѣ обозначаются слова, отсутствующія въ текстѣ, но добавленныя мной для уясненія мысли или по требованію русской конструкціи.

[24] У З вступленіе нѣсколько иное: «Я слыхалъ, какъ Абӯ-ʿАбдаллāхъ аз-Зубейръ разсказывалъ: «Прошелъ разъ Биширъ-ибн-ал-Муʿтамиръ мимо» и т. д.

что онъ сказалъ, бокомъ и отверните отъ него свой станъ»[1], а потомъ далъ имъ свитокъ, написанный и исправленный имъ самимъ. Въ началѣ его стояли слѣдующія слова[2].

«Захватывай у своей души моментъ, когда ты бодръ и помышленія твои не заняты, потому что короткій[3] (мигъ) этого времени бываетъ наиболѣе благороднымъ (среди всѣхъ прочихъ) по своей субстанціи, возвышеннымъ по происхожденію, прекраснымъ для (воспріятія) слухомъ, пріятнымъ для груди, избавленнымъ отъ грубыхъ ошибокъ, привлекающимъ «глазъ и бѣлую звѣздочку»[4] возвышенныхъ словъ и благородныхъ мыслей. Знай, что такой (моментъ) принесетъ тебѣ больше пользы, чѣмъ самый долгій твой день при трудѣ, затягиваніи, стараніи, упорствѣ и повтореніи. Какъ бы ни (пытались) итти мимо тебя (въ этотъ моментъ слова), они не могутъ не оказаться пріемлемыми, соразмѣрными, легкими для языка, удобными — такими именно, какъ вышли изъ ихъ источника и показались изъ своего рудника. Берегись неравномѣрности, потому что неравномѣрность предастъ тебя запутанности, а запутанность — то, что и твои мысли губитъ, и твои выраженія портитъ.

Кто отыскалъ благородную мысль, пусть подыщетъ ей и благородное выраженіе, потому что возвышенная мысль имѣетъ право на возвышенныя выраженія, а оба они имѣютъ право на то, чтобы ты ихъ охранялъ отъ всего, что можетъ ихъ испортить и обезславить, благодаря чему и самъ ты можешь оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ былъ до того, какъ попытался выявить ихъ и обязалъ свою душу облачить ихъ и воздать имъ должное.

Оставайся же (всегда) на одной изъ трехъ ступеней. Первая изъ нихъ (состоитъ въ томъ), что выраженія твои бываютъ ровными, пріятными и энергичными, легкими, и твоя мысль бываетъ явной, открытой, близкой и понятной — будь то для избранныхъ, если ты направляешься къ избраннымъ,

---

[1] Обороты для обозначенія категорическаго отказа или прекращенія какого-либо дѣйствія.

[2] Все это вступленіе въ A опущено, у P замѣнено слѣдующей фразой: «Что невозможно опустить въ этомъ мѣстѣ — это свитокъ, написанный Биширомъ-ибн ал-Му'тамиромъ въ которомъ онъ упоминалъ про краснорѣчіе, указывалъ на различныя сужденія о рѣчи и выразительности, говоря такъ» . . .

[3] Вмѣсто слова «короткій» قليل въ A и P стоитъ «твое сердце» قلبك — варіантъ, который вполнѣ допускается дальнѣйшимъ контекстомъ. Я, однако, отдаю предпочтеніе тексту обоихъ болѣе древнихъ источниковъ, находя ему поддержку въ дальнѣйшемъ параллелизмѣ между قليل تلك الساعة «короткій (мигъ) этого времени» и يومك الاطول «твой самый долгій день».

[4] Выраженія, обозначающія лучшія части предметовъ.

или для простонародія, если ты имѣешь въ виду простонародіе[1]. Мысль не облагораживается отъ того, что она принадлежитъ къ мыслямъ избранныхъ, равно какъ и не унижается, если она изъ мыслей простонародія. Ось благородства (основана) на истинѣ и сохраненіи пользы въ соотвѣтствіи съ положеніемъ и тѣми словами, которыя нужны въ каждомъ мѣстѣ. То же и съ выраженіями простонародными и избранными. А если благодаря ясности твоего языка, краснорѣчію твоего пера, тонкости твоихъ подходовъ, управленію самимъ собой для тебя окажется возможнымъ сдѣлать понятными простонародію мысли избранныхъ, облечь ихъ въ среднія выраженія, которыя не слишкомъ тонки для массы и не слишкомъ грубы для равныхъ — то ты краснорѣчивъ вполнѣ[2].

Если же первая ступень не идетъ къ тебѣ, не показывается и не попадается при первомъ твоемъ взглядѣ и при первой твоей попыткѣ, если ты находишь, что выраженіе не падаетъ на свое мѣсто, не идетъ къ его стоянкѣ, туда, куда должно (направляться) изъ назначенныхъ ему мѣстъ, а риѳма не устанавливается въ ея поселеніи и удѣлѣ, не соединяется съ ей подобной, волнуется на своемъ мѣстѣ и стремится отъ своего положенія, — то не вынуждай ее насильно занимать такихъ мѣстъ и останавливаться внѣ ея родины. Вѣдь если ты не возмешься за созданіе размѣрныхъ стиховъ и не примешься за подборъ разсыпанной рѣчи, то никто тебя не станетъ порицать за то, что ты оставилъ это. А если ты возложишь на себя это и при томъ не окажешься искуснымъ, то тебя станетъ порицать даже тотъ, по сравненію съ которымъ у тебя меньше недостатковъ, и находящійся ниже тебя будетъ думать, что онъ выше. Если же ты оказался все-таки обреченнымъ на то, чтобы взяться за (такую) рѣчь и приняться за (это) искусство, а природа не позволяетъ тебѣ (подчинить ее) съ перваго момента и упрямится передъ тобой, даже послѣ напряженія мысли, то не торопись и не раздражайся. Оставь это на бѣлизну твоего дня или черноту твоей ночи[3], а верни въ моментъ, когда ты бодръ и помышленія твои свободны. И тогда ты не будешь лишенъ отвѣта и (послушнаго) прихода, если здѣсь

---

[1] Благодаря неудачно принятому чтенію въ текстѣ З, Leander даетъ (l. cit. стр. 96, прим. 7) совершенно фантастическій переводъ конца фразы: «Wenn man an die vornehmen schreibt» heisst es «Ich wünsche», an gemeine Leute aber: «Ich will» (!!).

[2] Здѣсь текстъ D перебивается вставкой: «Такъ сказалъ Биширъ. Когда же свитокъ былъ прочитанъ Ибрахиму, онъ заявилъ: «Я нуждаюсь въ этомъ еще больше, чѣмъ эти юноши». Дальше слѣдуетъ замѣчаніе самого ал-Джāḥиза, послѣ котораго переходъ: «Теперь вернется наша рѣчь къ остающимся словамъ Бишра-ибн-ал-Муʿтамира и къ упомянутымъ имъ категоріямъ. Говорилъ Биширъ....» и т. д. Текстъ З кончается съ замѣчаніемъ Ибрахима.

[3] Иначе говоря, пропусти одинъ день.

есть какая-нибудь природная (склонность) или ты идешь по жилѣ этого искусства.

Если же и послѣ этого, безъ случайнаго занятія, которое подвернулось, и безъ долгой небрежности (съ твоей стороны), оно будетъ тебѣ противиться, то (остается) третья ступень — перейти тебѣ отъ этого искусства къ (другому) наиболѣе пріятному для тебя и наиболѣе легкому. Ты вѣдь не пожелаешь его и не станешь стремиться къ нему, если между вами нѣтъ какого-нибудь родства. Всякая вещь вѣдь томится желаніемъ только по сходной съ ней, — хотя это сходство и бываетъ разныхъ категорій, — потому что души не расщедриваются сокровеннымъ въ нихъ при домогательствѣ (со стороны) и не позволяютъ взять охраняемое при стремленіи (къ нему съ той легкостью), какъ онѣ отдаютъ это при любви и страсти. Точно таково же и это».

Онъ же еще сказалъ: «Говорящему[1] слѣдуетъ знать степени мыслей и взвѣшивать ихъ со степенями слушателей и степенями положеній. Для каждой категоріи этого нужно назначить (особую) рѣчь и для каждаго положенія въ этомъ (особое) мѣсто, чтобы раздѣлить степени рѣчей сообразно степенямъ мыслей, а степени мыслей сообразно степенямъ мѣстъ, и степени слушателей — степенямъ такихъ положеній»[2].

II. Мартъ 1918.

---

[1] Слово ал-мутакаллимъ можно понимать еще и въ техническомъ значеніи «философъ-діалектикъ».

[2] Текстъ ал-Джāḥиза не даетъ прямыхъ указаній на то, гдѣ кончаются извлеченія изъ «свитка» Бишра и по ходу мысли ихъ можно было бы еще продолжить. Однако за конецъ здѣсь говоритъ окончаніе цитатъ въ параллельныхъ источникахъ.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Persica.

Опись матеріаловъ по фольклору и діалектологіи, собранныхъ въ Персіи въ 1912—1914 г. г.

А. А. Ромаскевича.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 7 мая 1919 года).

Одной изъ задачъ, поставленныхъ мнѣ Факультетомъ Восточныхъ Языковъ, когда я былъ имъ командированъ въ Персію въ 1912 г., было собираніе и изслѣдованіе разнаго рода изустныхъ матеріаловъ по фольклору и діалектологіи Персіи.

Матеріалы эти, собранные мною въ теченіе 1912—1914 г.г. главнымъ образомъ въ центральной и южной Персіи—въ городахъ Исфаҕа̄нѣ, Ездѣ, Керма̄нѣ, Шӣра̄зѣ и въ нѣкоторыхъ промежуточныхъ на пути пунктахъ и записанные русской академической транскрипціей, распадаются на общеперсидскіе, записанные на общепринятомъ разговорномъ народномъ персидскомъ языкѣ, не свободные, впрочемъ, отъ нѣкоторыхъ діалектическихъ особенностей, присущихъ соотвѣтствующей мѣстности, и матеріалы чисто діалектическіе.

Къ первымъ принадлежатъ: таснифы (романсы-пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ) (130); народныя стихотворенія и пѣсни (182); народныя четверостишія (530)[1]; четверостишія народныхъ поэтовъ (186)[2]; загадки (187); пословицы (203); колыбельныя пѣсни (8); свадебныя пѣсни (Шӣра̄зъ) (106).

Къ матеріаламъ діалектическимъ относятся: на мазандеранскомъ діалектѣ—стихи и пѣсни (49) и загадки (50); сказки на нарѣчіи тегеранскихъ

[1] Часть ихъ (47) напечатана съ предварительными историко-литературными и этнографическими объясненіями въ ЗВОИРАО, т. XXIII (1916), стр. 313—347; вторая часть ихъ (250) печатается тамъ-же.

[2] Ibid., стр. 340—346.

евреевъ (3); на нарѣчіи кочевого иранскаго племени бахтіяровъ: пѣсни бытовыя, любовныя, боевыя, свадебныя и религіозныя (27), сказки (2), пословицы и загадки (14); разсказы и сказки на нарѣчіи г. Натанза[1] (17); сказка и пѣсня на нарѣчіи д. Кешэ[2]; стихи на діалектѣ Џарђӯјé[3] (2); сказки на діалектѣ г. Хӯнсāра[4] (4); на діалектѣ исфаганскихъ евреевъ: сказки (11), стихи и пѣсни (35), загадки (38); разсказы и пѣсни гебровъ г. Езда (3); сказки евреевъ г. Езда (7); сказки евреевъ г. Кермāна (2); сказки на нарѣчіи д. Сивэндъ[5] (12); разсказы на нарѣчіи д. Имāмзāдэ Исмāилъ[6] (3); разсказы и сказки на нарѣчіи д. Ардакāнъ[7] (3); пѣсни луровъ-мамасанй и кӯhгилю[8] (8); загадки, стихи и сказки евреевъ г. Шӣрāза (11); на діалектѣ Лāра[9]: разсказы (2), четверостишія народнаго поэта Маhџӯр'а (58) и его касыды (2).

Кромѣ того, въ области, не составляющей моей прямой спеціальности — туркологіи мною до нѣкоторой степени восполненъ пробѣлъ, который представляютъ до сихъ поръ нарѣчія иранскихъ турковъ, т. е. различныхъ турецкихъ племенъ, живущихъ и кочующихъ въ разныхъ концахъ Персіи: въ качествѣ образца записаны 35 пѣсенъ[10] на нарѣчіи кашкайцевъ, самаго многочисленнаго, богатаго и вліятельнаго среди кочевыхъ племенъ, населяющихъ провинцію Фāрсъ.

Указанные матеріалы, уже разобранные и систематизированные, въ настоящее время разрабатываются и подготовляются къ печати, хотя создавшіяся современныя условія не даютъ прочной надежды на скорое приведеніе къ концу этой сложной работы. Переводъ сказокъ уже исполненъ и будетъ напечатанъ въ издательствѣ «Всемірная Литература».

Петроградъ.
27. IV. 1919.

---

[1] Dr. Polak. Persien. Das Land und seine Bewohner. I, 265.
[2] В. А. Жуковскій. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. СПб. 1888.
[3] Ibid., стр. 220.
[4] H. Brugsch. Reise der K. Preussischen Gesandschaft nach Persien. II, 32.
[5] Cl. Huart. Le dialecte persan de Sivènd. J. A., nouv. série, t. 1, 241—265.
[6] Въ с.-з. части Фāрса, въ булюкѣ Мāйна, на лѣтней караванной дорогѣ изъ Исфагāна въ Шӣрāзъ.
[7] Одинъ изъ с.-з. булюковъ Фāрса.
[8] O. Mann. Skizze der Lurdialecte. Sitzberichte d. Berliner Akad. d. Wissenschaften. 1904.
[9] O. Mann. Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. I. Die Tājik-Mundarten der Provinz Fārs. Berlin. 1909, p. 127—131.
[10] Печатаются въ «Сборникѣ Музея Антропологіи и Этнографіи».

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Списокъ мусульманскихъ рукописей,

поступившихъ въ Азіатскій Музей за первое полугодіе 1919 года.

Ф. А. Розенберга.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 21 мая 1919 года).

I.

I. Собраніе В. А. Жуковскаго.

[Прот. ИФ I, 28. 29 Января 1919 г.].

Инвентарь 1919, №№ 55—85ª.

1. PT خلاصهٔ عبّاسی, авт. خوئی, s. l., ١٢٧٢. 8⁰. Rieu T 266.

2. P [سوادنامهٔ دولت ایران], s. l., ١٢٨٤. 8⁰.

3. P شاهنامهٔ فردوسی Копія датирована ٨٤٩ г. (= 1445 AD), исполнена محمد بن جلال الرشید Тексту предшествуетъ «старшее» предисловіе съ сатирою въ сокращенномъ видѣ (56 двустишій). Мелкій, но очень четкій персидскій наста'ликъ; по 6 столбцовъ, обведенныхъ золотомъ, на страницѣ; 29 миніатюръ тонкой работы монгольскаго типа и 2 'унвана изящнаго письма, кажется, гератской школы; подписей нѣтъ; переплетъ кожаный, тисненный золотомъ. 8⁰. Судя по печати, рукопись происходитъ изъ библіотеки عماد الدوله Изъ приписки на послѣдней страницѣ видно, что عماد الدوله بن عماد الدوله بن محمد على الملقب بدولتشاه ابن خاقان فتحعلى شاه قاجار послалъ ее изъ Казвина въ подарокъ россійскому резиденту Аргиропуло (مسیو ارغیروپولو) въ ١٣١٧ г.

4. A دیوان عربی مسمّی بفاتحة اللسان لفروغ الدین الاصبهانی, s. l., ۱۲۸۲. 8°.

5. P دیوان خیّام Предшествуютъ: 1) قواعد خط, авт. هاشمی; 2) مجمع اسمای توحید, s. a. 8°.

6. P نزهت الارواح, авт. امیر حسینی, ۱۲۹۳. 8° alt. Rieu 40 a.

7. P گلستان سعدی, съ ʿунваномъ и 10 миніатюрами грубаго письма; переплетъ кожаный, тисненный; s. l., s. a. 8° min.

8. P Письма къ нѣкоему میرزا عبّاس, s. a., 10 листовъ въ свертке. 8°.

9. P رباعیات عمر خیام, изящный списокъ рукою عبد الحلیم عبد الحی (sic) تانیستری, ۹۹۱ г. (приписки датированы ۱۲۹۰ г.). 8°.

10. P کتاب احکام در هدایت, ۱۲۹۲ г. Мистика; переводъ съ арабскаго. 8°.

11. P رباعیات عمر خیام, списокъ ۱۰۹۷ г. рукою عبد محمد ابراهیم; переплетъ лакированный, разукрашенный. 8°.

12. P یادکار و تحفة اصفهان, стихи въ честь В. А. Жуковскаго по случаю его отъѣзда изъ Исфагана, заказанные консуломъ Никитинымъ поэту محمد علی الانصاری, ۱۳۳۷ г. Съ ʿунваномъ и позолотою; переплетъ бархатный. 8° min.

13. P تاریخ جهانکشای جوینی, списокъ ۱۲۰۸ г., محمد شفی عبد الباقی الاصفهانی (?), съ ʿунваномъ и позолотою; переплетъ лакированный. 8°. Rieu 160 a.

14. P منازل السایرین, авт. عبد الله انصاری; переплетъ кожаный, тисненный. 8°. Flügel, III, 321 (324); cf. Rieu 35 a.

15. P کتاب مناجات خواجه عبد الله انصاری, s. a., приписка помѣчена ۱۲۷۸ г.; переплетъ кожаный, тисненный. 8°. Rieu 35 a.

16. P تزوک نامهٔ امیر کبیر صاحبقران امیر تیمور کورکان, списокъ ۱۳۰۳ г., безъ предисловія; переплетъ кожаный, тисненный. 8° maj. Rieu 177 b.

17. P شرح الکلمات بابا طاهر همدانی, списокъ ۱۳۲۰ г. съ оригинала, находившагося въ то время въ Хамаданѣ въ частныхъ рукахъ; переплетъ кожаный. 8°.

18. P [مثنوی در وصف وثنای امام قلیخان], анон., безъ даты. 8° min.

19. [Сатирическіе стихи на конституцію], ١٣٢٧, авт. محمد علی. 8⁰ min.

20. P [رسالهٔ خیرگیر], анон.; s. l., s. a. 8⁰.

21. P کتاب المآثر والآثار, авт. محمد حسنخان. Тегеранъ, ١٣٠٦. Роскошная рукопись въ парчевомъ переплетѣ, преподнесенная авторомъ россійскому консулу Игнатьеву въ 1895 г. Съ ʿунваномъ и портретомъ Наср-эддин-шаха (акварелью раскрашенная европейская литографія за подписью ابو تراب). Fol.

22. P دیوان انوری (касиды и четверостишія). Списокъ ١٠١٥ г. съ поврежденнымъ ʿунваномъ. 8⁰ alt. Cf. Rieu 554 сл.

23. P کتاب قاعده وقانون ورسم اهل ولایت سیستان, анон., s. l., s. a. (пріобрѣтенъ въ Сеистанѣ Н. З. Бравинымъ въ 1909 г.). 8⁰.

24. K اشعار ملا محمد پریشان, на курдскомъ языкѣ. Копія ١٣٠١ г. со списка, находившагося въ Тегеранѣ. 8⁰ min.

25. P فهرست اسامی کتب کتابخانهٔ مبارکه (въ алфавитномъ порядкѣ), s. l., s. a. 8⁰ min.

26. P Сборникъ мистерій и др., s. l., s. a.:
   1) مجلس مختار,
   2) مجلس معاویه,
   3) مجلس یزید,
   4) مجلس تیمور شاه,
   5) два отрывка,
   6) از اشعار حاجب شیرازی,
   7) A Отрывокъ изъ апокрифическаго сочиненія تاریخ مقتل الحسین, авт. ابو مخنف لوط بن یحیی. Brockelmann, I, 65; Rosen, Notices somm., 83, № 151 (Крачковскій). 8⁰.

27. P Четыре трактата по дервишеству, s. l., s. a. 8⁰.

28. A Два шіитскихъ трактата; анон., s. l., s. a. 4⁰.

29. P رساله از طریقت علوی, анон., ١٣١٩. 8⁰ min. obl.

30. P Антологія по дервишеству کرسی‌نامهٔ چهل تنان الخ, анон., s. l., s. a. 8⁰ min. obl.

31. P نقل از روزنامهٔ ذهبی ٬ رویای صادقة, анон., s. l., s. a. 8⁰ maj.

32. P کتاب مواصل السالکین, авт. حاجی محمد جعفر کبوتر اهنکی; безъ начала; s. l., ۱۲۸۷. 8⁰ min.

II. Отъ Б. В. Миллера.

[Прот. ИФ VI, 105. 16 Апрѣля 1919 г.].

Инвентарь 1919, № 259.

• دیوان میر حسن دهلوی, изящный списокъ рукою منعم الدین الاوحدی, датированный ۸۰۷ г. (= 1404 AD). Съ 'унваномъ тонкой работы съ богатою позолотою. 8⁰. Rieu 618 a.

III. Отъ Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ.

[Прот. ИФ IV, 63. 19 Марта 1919 г.].

Инвентарь 1919, № 266.

• Антологія изъ персидскихъ поэтовъ, написанная крупнымъ грубымъ наста'ликомъ рукою عبد المذهب الاثم ابن محمد رضا محمد کاظم, ۱۱۹۱—۱۱۹۸ г. (= 1777—1783 AD). Размѣръ 70 × 50 сант.; 460 листовъ; 100 миніатюръ очень грубаго письма; переплетъ кожаный, черный, съ внутренней стороны красный сафьянъ. Fol. max.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

О такъ называемомъ языкѣ духовъ (шаманскомъ) у различныхъ вѣтвей эскимосскаго племени.

В. Г. Богораза.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 января 1919 года).

У различныхъ вѣтвей эскимосскаго племени существуетъ такъ называемый языкъ духовъ, употребляемый шаманами во время заклинаній и пѣснопѣній. Какъ и всѣ проявленія эскимосской культуры, матеріальной и духовной, шаманскій языкъ представляетъ существенныя общія черты. Эга общность дала возможность Креберу составить сводку шаманскаго языка эскимосскихъ нарѣчій[1]. Сводка обнимаетъ полностью весь матеріалъ, собранный и обнародованный до времени ея изданія, и включаетъ нарѣчія Западной и Восточной Гренландіи, залива Смита, Лабрадора, Центральныхъ Областей, дельты Мэккензи и Аляски.

Нарѣчія эти обозначены у Кребера слѣдующимъ образомъ: Западная Гренландія—*G*, Восточная Гренландія—*Ge*, заливъ Смита—*S*, Лабрадоръ—*L*, Центральныя Области—*C*, дельта Мэккензи—*M*, Аляска—*A*. Этими обозначеніями мы и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ.

Къ матеріаламъ сводки Кребера я желалъ бы присоединить данныя, относящіяся къ азіатской вѣтви эскимосскаго племени, самой западной и наименѣе изученной. Данныя эти не были еще опубликованы. Впрочемъ, въ Азіи западные эскимосы являются, конечно, наиболѣе восточными обитателями. Ихъ ближайшіе сосѣди съ запада, чукчи, такъ и называютъ ихъ — *Aı'wanat*, что значитъ Восточные, «живущіе подъ (восточнымъ) вѣтромъ». Этимъ именемъ Айвановъ я предлагаю обозначить племя азіатскихъ эскимосовъ, тѣмъ болѣе что самое слово *aı'wan*, *aı'wak*, «подвѣтренная восточная сторона», заимствовано чукчами у азіатскихъ эскимосовъ. Соотвѣтственно такому предложенному мною именованію я буду обозначать матеріалы, относящіеся къ азіатскому нарѣчію чрезъ *Aiw*.

[1] A. L. Kroeber. The Eskimo of Smith Sound, Appendix, Comparative Vocabulary of Angakoq Language, Bulletin of American Museum of Natural History, Vol. XII, New York, February 19, 1900.

Разсматривая шаманскій языкъ эскимосовъ по даннымъ сводки Кребера, мы не находимъ въ немъ никакихъ инородныхъ лингвистическихъ примѣсей. Это все тотъ же эскимосскій словарный матеріалъ, который можно раздѣлить на двѣ группы:

1) Слова, устарѣлыя для даннаго нарѣчія, но легко объясняющіяся изъ другихъ нарѣчій.

2) Слова условнаго, описательнаго характера, основанныя на намекахъ и на ассоціаціи идей.

Шаманскія пѣснопѣнія вообще имѣютъ такой условный, не ясно очерченный смыслъ. При этомъ и слушатели и сами поющіе считаютъ за лучшее подчеркивать и усиливать эту малопонятность. Между людьми и духами все-таки должна быть проведена демаркаціонная линія. Люди не могутъ и не должны понимать языкъ духовъ. Поэтому, если спросить, напримѣръ: «что онъ говоритъ?» — онъ, т. е. духъ, говорящій устами шамана — слушатели хоромъ отвѣчаютъ: *ča'mı!* «мы не понимаемъ!»... Понять все-таки можно.

Въ видѣ образца привожу одно изъ шаманскихъ пѣснопѣній азіатской вѣтви эскимосовъ, записанное въ селеніи *Uñı'sak* на мысѣ Чаплина (Indian Point).

Taṛu'mi*,	iyu'ṛmi,	una'-ñuk	una'-ñuk!..	Uıa'kuka	u'na	tawa'ni
О, человѣкъ,	о, человѣкъ,	этотъ вотъ,	этотъ вотъ!	Шею мою	эту	вотъ здѣсь

kipiyú,	ka'tumun	kana'buk	atxa'tiu,	aku'ṛutim*	ka'tum-ča'w'anun.
перерѣжь ее,	тому внизу	туда внизъ	отнеси ее,	ѣды	того внизу рядомъ съ нимъ ему.

Taṛu'mi,	iyu'ṛmi,	una'-ñuk,	una'-ñuk,	na's'kuka	u'na	tawa'ni	kipiyu',
О, человѣкъ,	о, человѣкъ,	этотъ вотъ,	этотъ отъ,	голову мою	эту	вотъ здѣсь	перерѣжь ее,

ka'tumun	kana'buk	atxa'tiu.	Tuwu'tillum*	tal'a'l'iu[1].
тому внизу	туда внизъ	отнеси ее.	Клыкастымъ	пусть онъ принесетъ ее къ землѣ.

О, человѣкъ, перерѣжь мою шею и отнеси ее внизъ, вотъ къ тому, — т. е. въ море къ моржу. Пусть она рядомъ съ нимъ станетъ ѣдой. О, человѣкъ, голову мою отрѣжь и отнеси ее внизъ, вотъ къ тому. Пусть моржи принесутъ ее обратно къ землѣ.

Вышеприведенныя строки составляютъ часть заклинанія моржей. Предполагается, что поетъ духъ, обращаясь къ шаману. Слова, отмѣченныя

---

[1] Въ основу правописанія положена скала латинскаго алфавита съ слѣдующими главнѣйшими прибавленіями: *A*, *E*, *I* — глухія, короткія гласныя; *ŭ* — ротъ въ положеніи *i*, губы въ положеніи *u* (короткая гласная); *ṛ* глубокій увулярный звукъ; *ñ* — носовой звукъ; *ġ* — велярный звукъ; *q* велярный звукъ; *n'*, *s'* — палатизированные звуки; *x* — русское *х*; *ċ* — русское *ш*; *č* — русское *ч*; *š* — русское *ц*; *j* — русское *ж*; ' — придыхательный звукъ.

звѣздочками: *taṛú* человѣкъ, *akú'ṛun* ѣда, кормъ, *tu'wutilik* «клыкастый» — моржъ, принадлежатъ къ языку духовъ. Первыя два слова принадлежатъ къ группѣ словъ устарѣлыхъ, третье слово — къ группѣ словъ описательно-условныхъ. Приведу нѣсколько другихъ примѣровъ такихъ словъ.

Слова, напечатанныя курсивомъ, относятся къ шаманскому языку, слова, напечатанныя обыкновеннымъ шрифтомъ, къ человѣческому языку.

	Языкъ Айвановъ.	Языкъ шаманскій.	
человѣкъ	yuk	*taṛú*	Kroeber: *G. tar'ak* «душа»; *taursak* «человѣческое существо»; ср. также Barnum[1], *A.* tarū' «человѣкъ».
женщина	áṛnak	*ku'puma*, буквально «расколотая»	Kroeber: *G. ko'palik*, *A. qopasíak*, безъ объясненія значенія. Однако у Barnum въ словарѣ — глаголъ ku'ppäkä «я раскалываю» — совершенно тождественный съ такимъ же глаголомъ нарѣчія Айвановъ.
шаманъ	ali'ynalṛi, буквально «страшилище»	*čarnia'lik* «владѣлецъ бубна»	Отъ čarui'a «бубенъ»; ср. Schultze[2], *A.* tshau'yak «бубенъ»; также Barnum, *A. chäri'yäk* «дьяволъ-(devil)». Слово это, очевидно, также принадлежитъ къ шаманскому языку. Переводъ Barnum: «дьяволъ», приспособленъ къ его миссіонерскому міровоззрѣнію.
ребенокъ	miki'lrixak, буквально «маленькій», также ta'rnoxak буквально «маленькая душка», слово описательно-уклончиваго свойства	*ku'ṛak*	Kroeber: *A. qoajāk* «сиротка», *A. mikiqtlīa* «малютка», *G.* mikivoq «онъ малъ».
мертвецъ	to ko'malṛi	*mbú'xtalṛi*, буквально, «навзничь лежащій»	Ср. Barnum, *A.* tōkōmälrāa «мертвецъ».
(злой) духъ	to'ṛnaṛak	*ki'lṛak* духъ, подвластный шаману	Kroeber: *A. giletga*, «мой духъ (помощникъ)», — вѣроятнѣе — «его духъ (помощникъ)»; to'ṛnṛak toṛnak, — «(злой) духъ», на всѣхъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

[1] Reverend Francis Barnum, Grammatical fundamentals of the Innuit language, as spoken by the Eskimo of the western coast of Alaska. Boston and London, 1901. Большая работа, относящаяся къ Аляскѣ.

[2] Augustus Schultze, D.D., president Moravian College, Grammar and vocabulary of the Eskimo language of North-Western Alaska, Kuskoquim district. Bethlehem, Pa, U. S. A. 1894.

	Языкъ Айвановъ.	Языкъ шаманскій.	
солнце	ėki′nak	*niru′xkun*, буквально «свѣтлый»	Kroeber: *S.* seqneq; Rink [3], seqi′neq; Petitot [4], tchikpeynepk.
земля	nu′na	*tulma′bik*, буквально «мѣсто-хожденія»	nu′na «земля» на всѣхъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.
спальное помѣщеніе	i′nlik	*a′ñyak*, буквально «лодка»	
жилище (надземное, изъ шкуръ)	ma′ntrak	*azi′ybik*, буквально «завѣтерье», «мѣсто, защищенное отъ вѣтра»	Barnum, *A.* mäm′träk «лѣтнее жилище».
тюлень (породы *Phoca foetida*)	ni′xcaq	*uñа′lik*, буквально «усатый»	Kroeber: *S.* natseq, *A. umdlik* «бородатый».
тюлень лахтакъ (породы *Phoca barbata*)	ma′klak		Kroeber: *S.* ugssuk, *S. magdlaq*, *C. maktlaq*, Barnum; *A.* mäk′läq.
моржъ	ai′bik	tu′wutiñik, буквально «клыкастый»	Kroeber: *A. tugadlik* «клыкастый», *S. ssigudlik* «снабженный костылями».
китъ	a′rbok	*u′blak*, буквально «вальковатый»	Kroeber: *S.* arfeq. Слово это съ небольшими варіаціями повторяется во всѣхъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ. У Кребера шаманское слово для кита: *A. sarpilik*, буквально «имѣющій китовый хвостъ».
дикій олень	tu′ntuñ	*čeru′nalik*, буквально «лопастно-рогатый»; также *abai′alik* «вѣтвистый»	Kroeber: *S.* tukto, *C.* kangiling «имѣющій верхушку», — идея та же самая, что и у Айвановъ, ибо подразумѣваются оленьи рога. *A.* qumaxoak «вшивый».
собака	kikmi′k	*ara′lñik*, буквально «на четверенькахъ ходящій»	Kroeber: *S.* qingmeq, *A. qingmik*.
рыба породы вахни (*Eleginus navaga*)	eqa′luwak	*papa′s′kulik*, буквально «хвостатый»	Kroeber: *S.* eqaluk «лосось». То же самое слово съ небольшими варіаціями и въ примѣненіи къ различнымъ породамъ рыбъ, встрѣчается во всѣхъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ. Что же касается шаманскаго термина, то ср. Kroeber: *A.* лисица *pamiedlik*, буквально «хвостатый».

[3] Henry Rink. The Eskimo tribes, their distribution and characteristics, especially in regard to language, with a comparative vocabulary. Copenhagen and London, 1887. (Vol. XI Meddelelser om Gronland).—Сравнительная сводка эскимосскихъ нарѣчій.

[4] R. P. E. Petitot. Vocabulaire Français-Esquimau, dialecte des Tchiglit, des bouches du Mackenzie et de l'Anderson. Paris, 1876.

Этими примѣрами можно ограничиться, чтобы не удлинять статьи.

Наиболѣе характерными изъ этихъ образцовъ шаманскаго языка являются относящіеся къ животнымъ, предмету охоты эскимосовъ. Точно также и среди заклинаній самыя типичныя относятся къ охотѣ. Шаманскій языкъ избѣгаетъ называть животныхъ прямо по имени, а называетъ по какому-нибудь характерному, но все-таки побочному признаку: «усатый», «клыкастый», «хвостатый». Дикій олень называется «вшивымъ», «сучковатымъ», моржъ не только «клыкастымъ», но также «владѣльцемъ костылей». У многихъ народовъ, какъ извѣстно, охотники вообще избѣгаютъ называть по имени звѣрей, особенно отправляясь на промыселъ. Иначе звѣрь «услышитъ» и не выйдетъ на дорогу. Звѣрей называютъ иносказательными именами, приблизительно того же характера, что и въ эскимосскомъ шаманскомъ языкѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что только имя, звуковое отраженіе животнаго, несетъ съ собой вредное дѣйствіе и, стало быть, является магически враждебнымъ. Изображеніе животнаго, напротивъ, является магически полезнымъ и привлекаетъ животныхъ, подчиняя ихъ власти человѣка-охотника. Такъ, у тѣхъ же эскимосовъ изображенія тюленей, моржей, рыбъ служатъ охотничьими амулетами. Такія изображенія между прочимъ появляются на сѣтяхъ, въ видѣ поплавковъ, на гарпунахъ, на костяныхъ застежкахъ различныхъ орудій, также на посудѣ. Наконецъ у эскимосовъ существуютъ особыя молитвенныя доски, съ нарисованными на нихъ группами моржей, тюленей, рыбъ и т. п. Рисунки эти часто исполнены съ большимъ искусствомъ. Такія пиктографическія молитвы или заклинанія выставляются во время праздниковъ рядомъ со связками амулетовъ и разныхъ изображеній, и имъ приписывается полезное магическое дѣйствіе. Зооморфное начало въ графическомъ искусствѣ является прежде всего магическимъ началомъ. Каждый рисунокъ животнаго, вплоть до извѣстныхъ стѣнныхъ изображеній въ палеолитическихъ пещерахъ Европы, является особымъ заклинаніемъ. Зооморфная посуда, зооморфныя фигурки изъ дерева и кости и камня, гравировка на орудіяхъ,— все это элементы полезной магіи. Начало графическаго искусства вообще зооморфно и связано съ магіей. Даже стилизація зооморфныхъ изображеній, которая тутъ же начинается, не ослабляетъ ихъ магическаго дѣйствія.

Другая категорія словъ шаманскаго языка, тоже связанная съ магіей, относится къ человѣку, особенно къ болѣзнямъ человѣка и къ ихъ магическому лѣченію. Болѣзнь—это охотничье нападеніе духовъ на человѣческую душу, какъ на добычу. Лѣченіе состоитъ въ отраженіи этихъ нападеній и въ возможныхъ контръ-атакахъ. Въ обширномъ сказочномъ матеріалѣ,

относящемся къ азіатскимъ эскимосамъ, частью опубликованномъ и частью неопубликованномъ, духи являются къ людямъ цѣлыми кочевыми поѣздами, съ женами, съ малыми дѣтьми, приносятъ съ собою сѣти и разныя ловушки и начинаютъ правильную охоту за душами. Человѣческіе шаманы въ свою очередь выходятъ на защиту и нападаютъ на духовъ. Они избиваютъ ихъ десятками и сотнями, находятъ у нихъ въ саняхъ человѣческія души, связанныя и увязанныя въ мѣшкахъ, и развязываютъ ихъ.

Люди называютъ духовъ *to'ṙnaṙak*, но и духи въ свою очередь называютъ людей тѣмъ же враждебнымъ именемъ *to'ṙnaṙak*. Эта взаимность тѣмъ легче, что вообще злой духъ и человѣческая душа обозначаются сходными словами: to'ṙnaṙak и ta'ṙnaṙak.

Что касается спеціально шаманскаго условно-описательнаго языка, то термины его, относящіеся къ человѣческимъ объектамъ, сложнѣе зоологическихъ и часто не лишены затѣйливости.

Ребенокъ, *Aiw. ta'ṙnoxak* — «душка маленькая». Глазъ, Kroeber, *A. qingnautik* «солнечный лучъ, проходящій въ отверстіе». Легкія, Kroeber *S. qariuk* «боковая пристройка къ дому». Умереть, Kroeber, *A. izuka'rtoq* «онъ провалился въ дыру». Женщина, *Aiw. ku'puma* «расколотая». Беременная женщина, Kroeber, *S. qinirnmixson*, «распухшая» и т. д.

Разсматривая данныя шаманскаго языка эскимосовъ съ точки зрѣнія филологической, мы видимъ въ нихъ прежде всего яркое проявленіе единства всѣхъ эскимосскихъ нарѣчій отъ Гренландіи до Азіи. Весь словарный матеріалъ связанъ и пронизанъ нитями близкаго родства. Предъ нами наглядно, воочію, слова старѣющія и отмирающія въ одномъ нарѣчіи,— переходящія въ разрядъ волшебныхъ и шаманскихъ,— въ другомъ нарѣчіи продолжаютъ жить естественною жизнью, и такимъ образомъ естественное, можно сказать, объясняетъ сверхъестественное.

Въ частности здѣсь устанавливается особенная близость азіатскаго нарѣчія и нарѣчія западной Аляски. По болѣе подробнымъ даннымъ эти нарѣчія могутъ быть выдѣлены въ отдѣльную подгруппу.

Азіатское нарѣчіе является такимъ образомъ полноправнымъ членомъ группы эскимосскихъ нарѣчій, такого же стариннаго происхожденія, какъ и другія, и включающимъ въ себя не только живыя, но также и отмершія, шаманскія, можно сказать, загробныя слова.

Мало того, изслѣдуя языкъ азіатскихъ шаманскихъ заклинаній, мы находимъ въ немъ элементы, исчезнувшіе въ другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ, форму обращенія (звательный падежъ) единственнаго и множественнаго числа, съ окончаніями *mi* и *ni*, iyu'ṙmi, yu'w-mi! «о, человѣкъ!»; a'ṙnaṙ-mi!

«о, женщины!» Въ связи съ этимъ можно сказать слѣдующее: Подробное изученіе азіатскаго эскимосскаго нарѣчія заставляетъ признать его наиболѣе древнимъ изъ всѣхъ эскимосскихъ нарѣчій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже первичной формой эскимосскаго языка, хотя отчасти и разрушенной.

Это заключеніе согласуется съ выводами позднѣйшихъ изслѣдователей, которые занимались эскимосами. Еще Ринкъ указывалъ, что матеріальная культура эскимосовъ идетъ улучшаясь и прогрессируя отъ запада къ востоку[1]. Талбицеръ съ своей стороны пришелъ къ дальнѣйшему выводу, что извѣстныя особенности гренландскаго нарѣчія, по сравненію с западными нарѣчіями, указываютъ на его болѣе позднее происхожденіе[2].

Естественно предполагать, что азіатское нарѣчіе, какъ самое западное, является одновременно сохранившимъ наиболѣе первичныя черты.

Подробное изслѣдованіе этого любопытнаго вопроса выходитъ однако за предѣлы предлагаемой статьи и будетъ мною сдѣлано въ другомъ мѣстѣ.

---

1 Rink. Eskimo tribes, p. 25.

2 William Thalbitzer. A phonetic study of the Eskimo language (Meddelelser om Grönland. Vol. XXXI). Copenhagen, 1904.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами[1] въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

I.

При продвиженіи въ Сибирь и утвержденіи тамъ своей власти русскимъ пришлось не только преодолѣвать сопротивленіе разныхъ мѣстныхъ племенъ: вогуловъ, татаръ, остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, бурятъ, якутовъ и пр., но также столкнуться съ двумя встрѣчными волнами, поднявшимися изъ глубины Азіатскаго материка: въ передней части Сибири съ движеніемъ изъ Западной Монголіи ойратскихъ племенъ и на Дальнемъ Востокѣ съ распространеніемъ изъ Манджуріи и Китая новыхъ завоевателей Срединнаго государства въ лицѣ манджуръ. Обѣ эти волны, достигнувъ на нашихъ глазахъ большой высоты, затормазили наше поступательное движеніе на востокъ и породили съ двигавшимися намъ навстрѣчу народами многообразныя отношенія, иногда враждебныя, но большею частью мирныя. Начались оживленныя сношенія съ этими народами черезъ посольства, имѣвшія цѣлью не только улаженіе разнаго рода недоразумѣній, но и отысканіе почвы для прочныхъ добрососѣдскихъ связей.

Если однако съ манджурами у насъ установились сравнительно скоро договорныя отношенія, то съ ойратами взаимоотношенія продолжали оставаться неопредѣленными, несмотря на то, что начались они гораздо раньше, чѣмъ съ манджурами, и намъ такъ и не удалось, несмотря на дѣлавшіяся съ обѣихъ сторонъ попытки, разграничить сферъ вліянія формальнымъ актомъ. Дорожа своими соглашеніями съ манджурами, Русское правительство предпочло созерцать, какъ они расправились съ ойратами и завершили свои завоевательные планы покореніемъ Джунгаріи и Восточнаго Туркестана. Одна встрѣчная волна набѣжала на другую и, покрывъ ее, докатилась до русскихъ предѣловъ. Россія и въ Средней Азіи стала сосѣдомъ Манджурской державы, неточно именовавшейся Китайской имперіей.

[1] Для обозначенія западныхъ монголовъ въ русской и иностранной литературѣ употребляются чаще всего 3 термина: *ойраты* — изъ монгольскихъ источниковъ, *калмыки* — изъ мусульманскихъ, которымъ слѣдуютъ и старые русскіе источники, въ томъ числѣ архивные документы, и *элюты* (ӧлӧты, Eleuths) — изъ китайскихъ. Здѣсь принятъ монгольскій терминъ *ойраты*; за терминомъ же *калмыки* сохранено его спеціальное употребленіе для обозначенія той группы ойратовъ, которая проживаетъ по рр. Волгѣ, Дону и Уралу и усвоила себѣ это наименованіе, забывъ старое имя *ойраты*.

Указанный выдающійся періодъ исторіи ойратовъ и ихъ взаимоотношенія съ сосѣдями уже давно привлекли къ себѣ вниманіе изслѣдователей, но источники для освѣщенія этого періода, обнимающаго болѣе 150 лѣтъ, еще не только не использованы, но и не приведены въ должную извѣстность. Особенно скудными являются данныя за первую половину періода, которая представляется темною во многихъ отношеніяхъ.

У самихъ ойратовъ мы находимъ очень мало свѣдѣній объ ихъ жизни въ XVII и XVIII вв. Испытанныя ими превратности судьбы не способствовали сохраненію исторической литературы, которая, несомнѣнно, у нихъ существовала, и теперь о степени ея развитія можно судить лишь по немногимъ фактамъ.

Прежде всего не вызываетъ сомнѣній существованіе у ойратовъ подробныхъ родословныхъ князей отдѣльныхъ племенъ. Многія изъ нихъ погибли во время войнъ съ манджурами[1], которые истребили поголовно цѣлые ойратскіе роды, но не мало генеалогическихъ записей все же уцѣлѣло. Часть ихъ попала въ руки манджуръ и по доставкѣ въ Пекинъ была использована при описаніи войнъ съ ойратами[2]; другія сохранились у ойратскихъ племенъ, въ томъ числѣ у волжскихъ калмыковъ, и здѣсь ими воспользовались калмыцкіе историки Габанъ-Шарабъ и Батуръ-Убуши Тюмень въ указанныхъ ниже трудахъ. Кромѣ того, княжескія родословныя не миновали и русскихъ рукъ; онѣ были добыты астраханскими воеводами, которымъ часто приходилось разбираться въ родственныхъ взаимоотношеніяхъ калмыцкихъ князей, а изъ астраханскаго архива, частью же и непосредственно отъ калмыковъ, перешли въ руки ученыхъ. Уже въ 1762 г. краткія генеалогическія свѣдѣнія (торгуты, хошуты и дэрбэты-зюнгары) были опубликованы П. И. Рычковымъ[3], а затѣмъ въ 1776 г. подробныя родословныя были изданы П. С. Палласомъ на основаніи письменныхъ русскихъ архивныхъ и калмыцкихъ источниковъ[4]. Наконецъ, въ 1829 г. о. Іакинѳъ извлекъ ойратскія родословныя изъ китайскаго географическаго словаря Си-юй тунъ-вэнь-чжи[5]. Экземпляры ихъ (на европей-

[1] О. Іакинѳъ. Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени (СПб., 1834), стр. 27 и 130.

[2] Именно въ 1763 г. императору Цянь-луну были представлены цзя-пу (фамильныя лѣтописи и родословныя таблицы) князей зюнгарскаго поколѣнія, при чемъ самъ императоръ сдѣлалъ изъ нихъ извлеченіе, которое и было опубликовано въ Дунъ-хуа-лу: M. Courant, L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? (Lyon, 1912), p. 49.

[3] Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ», издававшихся Г. Ѳ. Миллеромъ (1762, I, стр. 256 — 260), а также въ отдѣльномъ изданіи: «Топографія Оренбургская, т. е. обстоятельное описаніе Оренбургской губ.» (Спб., 1762), I, стр. 127 — 131, при чемъ сдѣлана ссылка на «сказанія знающихъ людей изъ калмыковъ».

[4] Samlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften (St. Pet., 1776), I, Ss. 15, 30, 46, 56, 58.

[5] Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи (СПб., 1829), II, стр. 260—265.

скихъ языкахъ) хранятся и въ нашихъ древнехранилищахъ: въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ[1] и въ б. Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ[2].

Затѣмъ Палласъ, ссылаясь на полученныя имъ отъ калмыковъ свѣдѣнія, сообщаетъ о существованіи у ойратовъ историческихъ хроникъ, которыя велись у разныхъ племенъ и носили названіе chondschin Täkkä[3]. Между прочимъ, согласно разсказамъ оставшихся на Волгѣ, послѣ бѣгства Убуши-хана, зюнгаръ, по приказанію извѣстнаго зюнгарскаго владѣтеля Батуръ-хунтайджія (1634—1653) была составлена подобная лѣтопись и затѣмъ продолжалась при его преемникахъ[4], являясь, такимъ образомъ, оффиціальной исторіей зюнгарскаго поколѣнія. Къ сожалѣнію, самыхъ лѣтописей (за исключеніемъ труда Габан-шараба) Палласу, повидимому, не пришлось видѣть, и онѣ остались неизвѣстными и позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Нѣкоторое представленіе о характерѣ указанныхъ историческихъ произведеній ойратовъ можно себѣ составить по слѣдующимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ.

1) Біографія извѣстнаго буддійскаго проповѣдника и просвѣтителя ойратовъ Зая-пандиты (1599 — 1662 гг.), въ которой мы имѣемъ краткую исторію ойратовъ за весь XVII в. (до 1711 г.). Экземпляры этой біографіи имѣются въ Петроградскихъ библіотекахъ[5], и ею пользовались въ своихъ трудахъ русскіе монголисты: А. Поповъ, Ю. Лыткинъ, К. Голстунскій, А. Позднѣевъ. Полный текстъ этого памятника до сихъ поръ не изданъ, и въ печати появились лишь небольшія извлеченія въ калмыцкомъ текстѣ и переводѣ[6].

---

[1] Рукопись 1741 г. e collectione Heinzelmann: «Généalogie des dominateurs Calmuques» (III отд., 46). Она содержитъ родословную торгутскаго тайши Хо-Орлöка и была составлена при намѣстникѣ хана Цэрэнъ-Дондукѣ, т. е. въ періодъ 1724—1730 г.г. См. Dr. Bernh. Dorn, Das Asiatische Museum der K. Akademie der Wissensch. zu St. Pet. (St. Pet., 1846), S. 118.

[2] М. Н. Пуцилло въ своемъ «Указателѣ дѣламъ и рукописямъ относящимся до Сибири и принадлежащимъ М. Г. А. М. Ин. Д.» (Москва, 1879), стр. 94, сообщилъ, что въ портфелѣ Миллера (ошибочно указанъ № 272 вмѣсто 279) имѣется «родословіе... калмыцкаго рода Дзонгарскимъ именуемаго»; однако, судя по находящейся въ Архивѣ описи портфелей Миллера, въ портфелѣ № 279, ч. 2, хранились княжескія родословныя не только зюнгарскаго поколѣнія, но и другихъ ойратскихъ племенъ вмѣстѣ съ родословными русскихъ государей. Этого портфеля на соотвѣтствующемъ мѣстѣ архива не оказалось, и розыски, произведенные, по моей просьбѣ, администраціею архива, не дали никакихъ результатовъ.

[3] Pallas. Sammlungen, Ss. 6, 16.

[4] Id., S. 16.

[5] Въ библіотекѣ Петроградскаго Университета имѣется рукопись безъ заглавія, писанная золотомъ по черному фону въ 1860 г. по заказу калмыцкаго нойона Хошутовскаго улуса подполковника Цэринджаба Тюменева Гелюномъ Нилха Шара-Манджіевымъ; шифр. xyl. Q. 541. Въ Азіатскій музей поступила, черезъ посредство Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, другая рукопись отъ А. В. Бурдукова изъ Кобдоскаго округа Монголіи.

[6] Отрывокъ съ изложеніемъ распри между хошутскими владѣльцами Цэцэнъ-ханомъ и Аблаемъ помѣщенъ Ал. Поповымъ въ «Грамматикѣ калмыцкаго языка» (Казань, 1847 г.), стр. 352—359, текстъ и переводъ. Другой отрывокъ съ перечнемъ переведенныхъ Зая-

2) Исторія ойратовъ, составленная гелюномъ-врачемъ изъ торгутскихъ нойоновъ Габанъ-Шарабомъ. Впервые объ этой исторіи и ея общемъ содержаніи сообщилъ еще въ 1776 г. Палласъ[1], но до сихъ поръ она также остается не изданной, и въ литературѣ встрѣчаются лишь ссылки и цитаты изъ нея. Списковъ этой исторіи существуетъ нѣсколько: въ Петроградскихъ библіотекахъ и въ частныхъ рукахъ; кромѣ калмыцкаго, имѣется экземпляръ и на монгольскомъ языкѣ[2]. Составленіе ея относится къ 1737 г.[3].

3) Трудъ Габанъ-Шараба, повидимому, послужилъ образцомъ и однимъ изъ источниковъ для позднѣйшей работы, извѣстной подъ названіемъ «Сказаніе о Дербенъ-ойратахъ» (Дöрбöн ојірадіјін тӱке) и составленной въ 1819—1820 гг. хошутскимъ нойономъ Батуръ-Убуши Тюменемъ. Важнѣйшую часть обоихъ трудовъ составляютъ родословныя: у Габанъ Шараба торгутскихъ, хошутскихъ и дэрбэтскихъ князей, у Тюменя — еще хойтскихъ и зюнгарскихъ. Переводъ Сказанія былъ изданъ еще въ 1859—

пандитою буддійскихъ сочиненій изданъ А. Позднѣевымъ въ «Калмыцкой хрестоматіи для чтенія въ старшихъ классахъ калмыцкихъ народныхъ школъ» (СПб., I изд., 1892; II изд., 1907; III изд., 1915), подъ заглавіемъ «Первый періодъ развитія калмыцкой литературы» (I и II изд., стр. 169—172; III изд., 171—174; только текстъ). Переводъ нѣкоторыхъ отрывковъ данъ Ю. Лыткинымъ въ его работѣ: «Матеріалы для исторіи ойратовъ» (Астр. губ. вѣд., 1860, №№ 45 и 46; 1861, №№ 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26—29) и въ указанныхъ ниже переводахъ, А. Позднѣевымъ въ статьѣ «Къ исторіи Зюнгарскихъ калмыковъ», приложенной къ труду Н. И. Весселовскаго: «Посольство къ Зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722 — 1724 годы». (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи, т. X., вып. 2; Спб., 1887), стр. 242—250, и К. Ѳ. Голстунскимъ: «Монголо-ойратскіе законы 1640 года, дополнительные указы Галданъ-хунъ-тайджія и законы, составленные для волжскихъ калмыковъ при калмыцкомъ ханѣ Дондукъ-Даши» (Спб., 1880), стр. 121—130. Наконецъ, полный переводъ біографіи имѣется (въ довольно неисправной рукописи) въ Азіатскомъ Музеѣ (шифр. III, 36 bis); переводчикъ неизвѣстенъ; повидимому, калмыкъ, судя по несовершенному стилю.

[1] Sammlungen, I, S. 16.

[2] Въ Азіатскомъ Музеѣ имѣется списокъ на калмыцкомъ языкѣ (колл. Голстунскаго), а въ библіотекѣ Петроградскаго Университета 2 списка — на калмыцкомъ (xyl. 325) и на монгольскомъ (xyl. F. 83) языкахъ. Калмыцкіе списки не имѣютъ никакого заглавія, а монгольскій—носитъ названія въ началѣ и въ концѣ текста:

[illegible] (въ концѣ: [illegible]) [illegible]

(въ концѣ: [illegible]) [illegible]

Монгольскую версію, которая, повидимому, является переводомъ съ калмыцкаго, цитируетъ А. Позднѣевъ. Монгольская лѣтопись «Эрдэніійнъ эрихэ». Подлинный текстъ съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. (СПб., 1883), стр. XXXIII (№ V), не называя однако автора. Одинъ списокъ исторіи, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ у ставропольскихъ калмыковъ, хранится у калмыка-оріенталиста Н. Очирова. Въ Азіатскомъ Музеѣ имѣется не изданный переводъ исторіи, сдѣланный, повидимому, Ю. Лыткинымъ (колл. Голстунскаго). Этимъ указаніемъ я обязанъ Б. Я. Владимірцову. Ср. Астр. губ. вѣд., 1860, № 19.

[3] Въ исторіи указанъ годъ ǵал моǵаі, который можетъ соотвѣтствовать 1677 или 1737 гг. Палласъ (op. cit., S. 16) принимаетъ первый годъ, но это не согласуется съ текстомъ исторіи, въ которой сказано, что со времени отдѣленія калмыковъ отъ ойратовъ (именно съ 1628 г.) прошло 110 лѣтъ, и что въ указанный годъ ǵал моǵаі Галданъ Норбо отправился къ русскому войску; кромѣ того, Аюка именуется уже ханомъ, каковой титулъ ему былъ пожалованъ Далай-ламою въ 1690 г. Лыткинъ (Астр. губ. вѣд., 1860, № 19) также указываетъ 1737 г.

1860 гг. Ю. Лыткинымъ[1], а калмыцкій текстъ сначала частично А. Поповымъ[2], а затѣмъ полностью А. М. Позднѣевымъ[3].

4) Нѣкоторое дополненіе къ трудамъ Габанъ-Шараба и Батуръ-Убуши Тюменя представляетъ собою героическое преданіе о походѣ монгольскаго Убаши-хунтайджія противъ ойратовъ. Кромѣ факта упорной борьбы между монголами и урянхайцами, съ одной стороны, и ойратами, съ другой, а также указаній на районъ разселенія послѣднихъ въ концѣ XVI вѣка, преданіе это содержитъ характеристику въ героическомъ стилѣ важнѣйшихъ ойратскихъ дѣятелей этой эпохи[4]. Сказаніе издавалось неоднократно: А. Поповымъ (въ отрывкѣ)[5], ламою Галсанъ Гомбоевымъ[6] и К. Ѳ. Голстунскимъ[7] (полностью). Въ библіотекѣ Петроградскаго университета имѣется переложеніе сказанія съ калмыцкаго на монгольскій языкъ[8].

5) Неизвѣстному автору принадлежитъ Краткая исторія калмыцкихъ хановъ (халімак хāдіјін тӯцііјігі хурāцi бічіксеп тобчі), изданная въ переводѣ (съ примѣчаніями) Ю. Лыткинымъ[9] и въ текстѣ А. М. Позднѣевымъ (полностью)[10]. Она обнимаетъ собою исторію волжскихъ калмыковъ отъ выхода ихъ изъ Джунгаріи до возвращеніи большей части обратно (въ 1771 г.).

Значеніе важныхъ въ историческомъ отношеніи памятниковъ имѣютъ и два слѣдующихъ произведенія.

6) Законы, составленные на съѣздѣ ойратскихъ и монгольскихъ князей въ годъ желѣза-дракона (1640 г.), и два позднѣйшихъ дополненія къ нимъ, сдѣланныя Галданъ-хунтайджіемъ. До насъ дошелъ лишь калмыцкій текстъ[11] ихъ, сохранившійся у волжскихъ калмыковъ. Согласно

[1] Сказаніе о Дербенъ ойратахъ (Переводъ съ языка приволжскихъ ойратовъ), Астрах. губ. вѣд., 1859, №№ 43, 47—50, и 1860, №№ 11—13; былъ выпущенъ также отдѣльный оттискъ (Астрахань, 1860).

[2] Loc. cit., стр. 379—385 (текстъ, примѣчанія и переводъ отрывка о хошутахъ).

[3] Сначала въ «Памятникахъ исторической литературы Астраханскихъ калмыковъ» (Литогр., СПб., 1885; стр. 49 — 90), а затѣмъ въ «Калмыцкой хрестоматіи» (стр. 24—43). Въ распоряженіи А. М. Позднѣева имѣлась подлинная рукопись автора; списокъ съ нея хранится въ библіотекѣ Петроградскаго Университета подъ шифрою xyl. Q 571.

[4] А. Позднѣевъ. Монгольская лѣтопись «Эрдэніійнъ-эрихэ», стр. 103—104; Н. А. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности (Живая Старина, 1896, вып. III—IV, стр. 318—9; отд. отт., стр. 44—45).

[5] Грамм. калм. яз., стр. 366—374 (текстъ, примѣчанія и переводъ).

[6] Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ ойратами (Труды Вост. отд. И. Археол. Общ., т. VI, стр. 198 — 224 — калмыцкій текстъ и переводъ; Записки И. Арх. Общ., т. XIV, стр. 82 — 93 — переводъ). См. также Ю. Лыткинъ, Матеріалы для исторіи ойратовъ (Астрах. губ. вѣд., 1861, № 7).

[7] Убаши хунтайджійнъ тӯджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрыйнъ-тӯли, изданные на калмыцкомъ языкѣ (литогр., СПб., 1864), стр. 1—6.

[8] Шифр. калмыцкаго экземпляра xyl. Q 504, монгольскаго — xyl. 322.

[9] Астрах. губ. вѣд., 1860, №№ 19, 26, 33, 39, 44, 47, 49—53 (переводъ доведенъ до 1710 г.; окончанія его не вышло). Нѣкоторыя извлеченія изъ краткой исторіи сдѣлалъ арх. Гурій въ I т. своего труда: «Очерки по исторіи распространенія христіанства среди монгольскихъ племенъ» (Казань, 1915), ч. I, стр. 193, 209, 212—213, 216, 217, 220 и др.

[10] Памятн. истор. литер. Астрах. калм., стр. 1—48, и Калм. хрест., стр. 1—23.

[11] Монгольскій текстъ законовъ 1640 г. намъ неизвѣстенъ, но существованіе его въ свое время предполагается въ виду того, что въ моментъ составленія ихъ особой калмыцкой письменности еще не было. Ср. Голстунскій, Монголо-ойратскіе законы, стр. 12.

русскимъ архивнымъ даннымъ[1], при ставкѣ калмыцкихъ хановъ въ юртѣ, гдѣ собирался зарго, хранился полный экземпляръ всѣхъ законовъ, написанный на бѣлой камкѣ, но во время междоусобій между калмыками этотъ экземпляръ былъ утраченъ, и самому Дондукъ-Даши, по его словамъ, пришлось разыскивать списокъ съ законовъ по степи. Въ это время (первая половина XVIII ст.) пришлось ознакомиться съ ними и русскимъ, и въ руки тогдашняго знатока калмыцкаго языка и вообще калмыцкихъ дѣлъ Василія Бакунина поступилъ уже неполный списокъ законовъ; къ той же эпохѣ относится упоминаніе и о русскомъ ихъ переводѣ[2]. Впервые небольшой начальный отрывокъ законовъ 1640 года былъ изданъ въ 1847 г. А. Поповымъ по неизвѣстному списку[3], а затѣмъ калмыцкій текстъ сталъ вновь считаться утраченнымъ, пока К. Ѳ. Голстунскому не удалось разыскать въ калмыцкой степи 2 списковъ законовъ 1640 г. и позднѣйшихъ узаконеній. По одному изъ этихъ списковъ[4] они и были изданы въ упомянутомъ выше трудѣ К. Ѳ. Голстунскаго: «Монголо-ойратскіе законы 1640 г.»[5]. Издателю, повидимому, остались неизвѣстными списки законовъ, имѣвшіеся въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д.[6], библіотекѣ Петроградскаго Университета[7] и Азіатскомъ Музеѣ[8], и, кромѣ того, имъ было измѣнено, согласно усвоенному взгляду на калмыцкую орѳографію[9], и правописаніе единственной использованной имъ рукописи безъ особыхъ оговорокъ. Извѣстные нынѣ 5 списковъ дѣлятся на 2 группы: одна

---

[1] Н. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія. (Москва, 1861), глава V; стр. 238, 341 — 342; его же рецензія въ Ж. М. Н. Пр., ч. 205, 1879, стр. 302 — 313.

[2] Н. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время, стр. 342. Упомянутый списокъ законовъ и переводъ, повидимому, тождественны съ тѣми, которые хранятся до сихъ поръ въ калмыцкихъ дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. 1640 г. подъ №№ 1 и 2; въ нихъ содержатся лишь законы 1640 г. и первое дополненіе Галдана, при чемъ на обложкѣ дѣла съ калмыцкимъ текстомъ законовъ (1640 г., № 1) указано, что они доставлены полк. Беклемишевымъ, который былъ Саратовскимъ воеводою и вѣдалъ калмыцкими дѣлами съ 1734 по 1737 г. Съ другой стороны, В. Н. Татищевъ въ бытность свою въ Оренбургскомъ краѣ (1737—1739 гг.) выслалъ «уложеніе калмыцкое съ переводомъ» въ февралѣ 1739 г. въ Академію Наукъ (Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ, т. IV, стр. 41; С. Буличъ, Очерки исторіи языкознанія въ Россіи, I, стр. 404—405), судьба этого экземпляра неизвѣстна; возможно, что имъ является рукопись Азіатскаго Музея М 3ª, но перевода при ней не имѣется.

[3] Грамм. калм. яз., стр. 359—366 (текстъ, примѣчанія къ тексту и переводъ).

[4] Второй списокъ былъ полученъ К. Ѳ. Голстунскимъ уже послѣ напечатанія калмыцкаго текста и не былъ, какъ авторъ говоритъ въ предисловіи, использованъ. Теперь оба эти списка находятся въ Азіатскомъ Музеѣ въ составѣ коллекціи Голстунскаго.

[5] Позже по этому изданію напечаталъ начальный отрывокъ законовъ 1640 года и указы Галдана и А. Позднѣевъ въ своей «Калмыцкой хрестоматіи» (1 и 2 изд., стр. 76—83; 3 изд., стр. 78—85).

[6] Упомянутое выше калм. дѣло 1640 г., № 1.

[7] Рукопись подъ шифрою xyl. 324 (№ 15535), озаглавленная [illegible]

[8] Рукопись подъ шифрою М, 3ª, безъ заглавія.

[9] К. Голстунскій. Критическія замѣчанія на изданіе проф. Юльга: Die «Märchen des Siddhi—kür» (Приложеніе къ XI т. Записокъ И. Академіи Наукъ, № 4).

(2 списка) содержитъ, кромѣ законовъ 1640 г., только первый указъ Галдана; другая (3 списка), сверхъ того, еще второй указъ Галдана и законы Дондукъ-Даши (въ одномъ спискѣ имѣются и позднѣйшія узаконенія мѣстнаго значенія). Въ 2 спискахъ имѣется особенное молитвенное заключеніе, которое помѣщается послѣ перваго указа Галдана[1]. Самый текстъ законовъ во всѣхъ спискахъ является почти вполнѣ тождественнымъ.

Что касается перевода законовъ, то если не считать перевода небольшого отрывка, изданнаго А. Поповымъ, имѣются 3 редакціи: 1) древнѣйшая русская редакція (законы 1640 г. и первый указъ Галдана) временъ Галданъ-цэрэна (1727 — 1745 гг.), принадлежащая Моск. Гл. Арх. М. И. Д.; къ ней восходятъ русскіе переводы, изданные по спискамъ гр. П. Шереметева въ «Опытѣ трудовъ Вольнаго Р. Собранія при Московскомъ университетѣ» 1776 г. и въ «Сѣверномъ Архивѣ» («Сынѣ Отечества») 1828 г., а также Ѳ. И. Леонтовичемъ въ 1879 и 1880 гг.; 2) нѣмецкая сокращенная редакція (законы 1640 г., оба указа Галдана и законы Дондукъ-Даши), изданная Палласомъ въ 1776 г. и 3) новѣйшій переводъ (въ томъ же объемѣ, что и предыдущій), сдѣланный К. Голстунскимъ.

Данный памятникъ, прекрасно отражающій бытъ ойратовъ XVII ст., привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ писателей, при чемъ имѣется (въ трудахъ Ѳ. И. Леонтовича) и обширный опытъ изслѣдованія его въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ, но до сихъ поръ онъ все же остается недостаточно изученнымъ[2].

7) Карта Джунгаріи или, точнѣе, Ойратскаго государства, привезенная въ 1733 году изъ этой страны шведомъ Ренатомъ. Карта эта первоначально считалась составленной самимъ Ренатомъ на шведскомъ языкѣ и, какъ таковая, была издана въ 1881 г. нашимъ Географическимъ Обществомъ по копіи, снятой въ 1738 г. и найденной Стриндбергомъ въ 1879 году въ Линчёпингской королевской библіотекѣ[3]. Однако 10 лѣтъ

[1] Въ старыхъ русскихъ переводахъ — послѣ законовъ 1640 г.; въ версіи, изданной К. Голстунскимъ, указанное заключеніе отсутствуетъ.

[2] Литература о законахъ 1640 г. указана въ упомянутомъ выше трудѣ К. Ѳ. Голстунскаго, Монголо-ойратскіе законы, пред., стр. 3—5, а также въ трудахъ Ѳ. И. Леонтовича «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ», появившихся въ Зап. И. Новоросс. Унив., т. XXVIII (1879): «Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ)»—стр. 38—62 и 277—282 и т. XXIX (1880): «Калмыцкое право. Ч. I». Ср. рецензію Нила Попова въ Ж. М. Н. Пр., ч. 205, 1879, октябрь, стр. 302—318; Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в. (Спб., 1888), стр. 5—11. Изъ болѣе новыхъ работъ можно указать Carl Koehne, Das Recht der Kalmücken (Zeit. f. vergleich. Rechtswiss., 9 Band, 1891, SS. 445—475), хотя въ ней совершенно не приняты во вниманіе труды на русскомъ языкѣ.

[3] А. Макшеевъ. Карта Джунгаріи, составленная шведомъ Ренатомъ во время его плѣна у калмыковъ съ 1716 по 1733 гг. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общей географіи, т. XI, стр. 105—145); то-же по-французски: «Carte de la Dzoungarie dressée par le suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733» (St. Pét., 1881). Ср. В. В. Бартольдъ. Историческій очеркъ Семирѣчья (Памятная книжка Семирѣченской обл. за 1898 г., стр. 168—169; отд. отт., стр. 95—96).

спустя тѣмъ же Стриндбергомъ были найдены въ библіотекѣ Упсальскаго Университета 2 карты на калмыцкомъ языкѣ, изъ коихъ одна оказалась тождественной съ изданной шведской картою. Эга находка побудила А. Макшеева и А. Позднѣева признать оригиналомъ именно калмыцкую карту, отведя Ренату болѣе скромную роль[1], но ихъ мнѣніе было высказано недостаточно рѣшительно, и карта продолжаетъ считаться принадлежащей Ренату[2].

Въ Азіатскомъ Музеѣ хранится однако рукопись (III, 186), повидимому, входившая въ составъ архива Байера и пріобрѣтенная за границею въ 1845 или 1846 гг. академикомъ Гамелемъ. Въ этой рукописи имѣется отдѣлъ, озаглавленный «Geographia Calmucica ex Mappa ditionum Calmucicarum quam Academia a Joanne Renato ipse a Galdan Sirin Calmucorum Songar Principe impetrauit. Accedunt Secretarii Pakunin relationes de quibusdam harum urbium earumque statu», при чемъ въ этомъ отдѣлѣ приведены по-калмыцки названія калмыцкой карты съ латинской транскрипціей, не тождественной съ имѣющейся на шведскомъ экземплярѣ, и разныя свѣдѣнія, сообщенныя Ренатомъ Байеру словесно. Такимъ образомъ вырисовывается слѣдующая исторія Ренатовской карты: Ренатъ получилъ отъ Галданъ-цэрэна калмыцкую карту его владѣній и проѣздомъ черезъ Петроградъ въ 1734 г. показывалъ ее интересовавшимся, а затѣмъ сообщилъ (вѣроятно, въ копіи) Академіи Наукъ; тогда же была составлена и транскрипція калмыцкихъ названій, повидимому, при участіи упомянутаго выше Василія Бакунина. Такъ какъ никакихъ слѣдовъ этой карты въ Академіи Наукъ не оказалось[3], то слѣдуетъ предполагать, что копія самой карты и транскрипція попали къ академику Байеру и были вывезены за границу, откуда вернулась въ Азіатскій Музей лишь транскрипція. По калмыцкой картѣ Ренатъ во время плѣна или по возвращеніи въ Швецію изготовилъ шведскій черновой экземпляръ, тождественный съ калмыцкимъ оригиналомъ; именно онъ былъ найденъ (въ копіи) въ 1879 г. въ Стокгольмѣ и изданъ въ Спб.; но затѣмъ Ренатъ составилъ и болѣе совершенную шведскую карту ойратскихъ владѣній, которая также найдена Стриндбергомъ въ Упсалѣ и имѣется въ библіотекѣ Р. Географ. Общества въ фотографическомъ снимкѣ $\left(\text{шифра III б. } \frac{12}{27 \text{ и } 28}\right)$. Болѣе сложнымъ представляется вопросъ о томъ, какими источниками пользовались ойраты при составленіи обѣихъ упомянутыхъ выше картъ на калмыцкомъ языкѣ, и пока

---

[1] Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXVI, 1890, стр. 99; т. XXVII, 1891, стр. 535, 574, 580—582 (отзывъ А. Макшеева), 582—585 (отзывъ А. Позднѣева).

[2] Ср. В. В. Бартольдъ. Исторія изученія Востока въ Европѣ и Азіи (СПб., 1911), стр. 183.

[3] А. Макшеевъ. Карта Джунгаріи, стр. 112.

его приходится оставить открытымъ, хотя извѣстная зависимость отъ китайской картографіи едва ли можетъ вызывать сомнѣнія.

Приведенные памятники указываютъ на разнообразіе имѣвшейся у ойратовъ исторической литературы, но въ отношеніи положительныхъ историческихъ данныхъ они, за исключеніемъ генеалогическихъ перечней и текста законовъ, отличаются большою скудостью, и для освѣщенія разсматриваемаго періода исторіи ойратовъ приходится обращаться главнымъ образомъ къ тѣмъ источникамъ, которые хранятся у народовъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе, а именно у русскихъ, китайцевъ, манджуръ, монголовъ и мусульманъ.

Начнемъ съ послѣднихъ. При распространеніи своего господства за предѣлы Западной Монголіи ойраты завладѣли Восточнымъ Туркестаномъ, многократно сталкивались съ Хивою, Бухарою и съ разными кочевыми племенами: казаками, киргизами, ногайцами, а также башкирами, и это соприкосновеніе оставило свои слѣды у мусульманскихъ писателей, изъ которыхъ за время съ XVII в. можно назвать слѣдующихъ.

1) Сочиненіе Махмуда бенъ Вели — Бахр уль асрар фи манакыб иль ахъяр, въ которомъ разсказъ о событіяхъ въ Восточномъ Туркестанѣ доведенъ до 1636 г.

2) Анонимъ (рукопись Азіатскаго Музея 590 oi), излагающій событія въ той же странѣ до начала XVIII столѣтія.

Свѣдѣнія объ обоихъ источникахъ впервые сообщилъ В. В. Бартольдъ въ своемъ «Отчетѣ о командировкѣ въ Туркестанъ» 1902 г., гдѣ онъ, основываясь главнымъ образомъ на нихъ и на слѣдующемъ трудѣ (Тезкереи Ходжеганъ), изложилъ подробныя свѣдѣнія объ исторіи Кашгаріи во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣк. и о роли, которую тамъ играли ойраты[1]; эти свѣдѣнія (съ нѣкоторыми сокращеніями) воспроизвелъ затѣмъ M. Hartmann, снабдивъ ихъ своими замѣчаніями[2].

3) Тезкереи Ходжеганъ или Тезкереи Азизанъ, составленное Мухаммедъ-Садыкомъ Кашгари въ 1768—1769 гг.[3]. Этимъ трудомъ пользовались многіе авторы для изложенія болѣе новыхъ событій въ Восточномъ Туркестанѣ, не всегда замѣчая работы своихъ предшественниковъ. Впервые имъ воспользовался, безъ указанія источника, Чоканъ Валихановъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ названную страну въ 1858—1859 гг.[4]; за-

---

[1] З. В. О. И. Р. Арх. Общ., XV, стр. 232—260; XXI, стр. 036.

[2] Der Islamische Orient, B. I., Heft VI—X (Berlin, 1905), SS. 289—306.

[3] Rosen. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, VIII, pp. 156—160; Hartmann. Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann (Mitt. Sem. Or. Spr., VII, 1904); его же, Der Islamische Orient, S. 315—316.

[4] Этотъ отчетъ появился первоначально въ извлеченіи въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1861, кн. III, а затѣмъ полностью въ собраніи «Сочиненій Ч. Ч. Валиханова», изданномъ тѣмъ же Обществомъ подъ редакціею Н. И. Веселовскаго (Зап. по отд. этногр., т. XXIX,

тѣмъ подробное извлеченіе, съ подлинными цитатами, сдѣлалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, но его работа не появилась въ свѣтъ[1]; болѣе краткое извлеченіе было сдѣлано затѣмъ Р. В. Shaw, послѣ смерти котораго оно было издано съ комментаріями N. Elias[2]; наконецъ, очень обстоятельнымъ изложеніемъ (почти переводомъ) мы обязаны М. Hartmann'у[3]. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ труда Мухаммедъ-Садыка почерпнулъ, какъ упомянуто выше, и В. В. Бартольдъ.

4) Трудъ османскаго писателя Сейфи, изъ котораго отрывокъ, касающійся ойратовъ, помѣщенъ во французскомъ переводѣ Шеферомъ въ видѣ приложенія къ переводу Абд-ал-Керима Бухари[4], а затѣмъ использованъ и В. В. Бартольдомъ въ его «Очеркѣ исторіи Семирѣчья»[5].

5) Тарих- и Эмэніе, составленное въ 1903 г. муллою Муса бенъ Мулла Айса и изданное Н. Н. Пантусовымъ въ текстѣ безъ перевода и какихъ-либо поясненій[6]. Разборъ этого труда, содержащаго исторію Кашгаріи до послѣдняго времени, далъ В. В. Бартольдъ[7].

6) Извѣстный трудъ Абуль-Гази: Шеджереи-тӱрк — исторія монголовъ и татаръ — составленный въ 1665 г., сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о столкновеніяхъ ойратовъ съ Хивою. Авторъ передъ вступленіемъ на хивинскій престолъ провелъ у ойратскаго владѣтеля, вѣроятно, Батуръ-хунтайджія, цѣлый годъ (повидимому, 1642—1643 г.г.) и хорошо изучилъ языкъ и обычаи ойратовъ, но затѣмъ ему пришлось вести съ ними

1904). Ср. В. В. Григорьевъ. Землевѣдѣніе К. Риттера. Географія странъ Азіи, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Вып. II, стр. 354—362, 379—390; В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, ч. II (Труды В. О. И. Р. Арх. Общ., ч. X), стр. 138.

[1] Это извлеченіе должно было войти, какъ приложеніе I, во II вып. IV части только что упомянутаго изслѣдованія, но выпускъ этотъ не былъ изданъ, и мнѣ удалось ознакомиться съ большею частью извлеченія лишь по попавшимъ случайно въ мои руки отпечатаннымъ листамъ 13—17 (стр. 193—272) выпуска.

[2] The History of the Khōjas of Eastern-Turkistān summarised from the Tazkira-i-Khwājagān of Muhammad Sādiq Kāshgharī, by the late Robert Barkley Shaw edited with Introduction and Notes by N. Elias (составляетъ особое Supplement или Extra No къ Journ. Asiat. Soc. Beng., Vol. LXVI, Part. I, 1897). Вопросъ объ источникахъ Тезкиреи-Ходжеганъ пытается освѣтить H. Beveridge въ статьѣ «The Khojas of Eastern Turkistan» (ibid., vol. LXXI, Part. I, № 1, pp. 45-46.

[3] Der Islamische Orient, Ss. 195—288 (стр. 289—346 представляютъ комментаріи къ изложенію содержанія Тезкереи-ходжеганъ).

[4] Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818) par Mir Abdoul Kerim Boukhary publiée, traduite et annotée par Charles Schefer (Paris, 1876—Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, 1 sér., v. II). Отрывокъ изъ труда Сейфи объ ойратахъ помѣщенъ на стр. 292—297.

[5] Пам. кн. Семир. обл., за 1898 г., стр. 163—164 (отд. отт. 90—91) и поправки и дополненія къ «Очерку».

[6] Таарих- и Эмэніе. Исторія владѣтелей Кашгаріи, сочиненіе муллы Мусы, бенъ Мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовымъ. Казань, 1905.

[7] З. В. О., XVII, стр. 0188—0195. Копія съ автографа автора была сдѣлана въ 1910 г. по заказу С. Ѳ. Ольденбурга въ Кучарѣ и нынѣ находится въ Азіатскомъ Музеѣ. Въ томъ же году онъ посѣтилъ автора въ Сайрамѣ и узналъ отъ него, что онъ нѣсколько разъ перерабатывалъ свою исторію и въ 1910 г. былъ занятъ новою переработкою. Авторъ былъ уже въ весьма преклонномъ возрастѣ.

вооруженную борьбу[1]. Въ данномъ трудѣ особаго вниманія заслуживаетъ краткая замѣтка о первомъ появленіи ойратовъ въ Хивѣ, «съ тѣхъ поръ какъ узбеки приняли исламъ». Событіе это должно быть отнесено, согласно указаніямъ автора, къ самому началу XVII ст., вѣроятно, 1604 г.[2].

Показанія мусульманскихъ писателей, въ общемъ дающія мало данныхъ объ ойратахъ, нѣсколько дополняются тѣми распросными свѣдѣніями, которыя были собраны въ первой четверти XVIII вѣка отъ выходцевъ изъ Восточнаго Туркестана, такъ называемыхъ «бухарцевъ», находившимися въ Сибири плѣнными шведскими офицерами, а равно Г. Ф. Миллеромъ во время его пребыванія въ Сибири въ 1733—1743 гг.[3].

Несравненно болѣе цѣнными являются данныя, опубликованныя въ Китаѣ на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ.

Въ первую очередь здѣсь необходимо указать тѣ изданія, въ которыхъ воспроизведены оффиціальные документы, касающіеся дѣятельности манджурской династіи, главнымъ образомъ императорскіе указы и доклады трону по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ (или даже исключительно) ойратскимъ. Таковы слѣдующія многотомныя изданія.

1) Дунъ-хуа-лу — сборникъ оффиціальныхъ документовъ, расположенныхъ по отдѣльнымъ царствованіямъ въ хронологическомъ порядкѣ. Подъ этимъ названіемъ извѣстны два изданія: краткое, составленное Цзянъ-ляпъ-цзи съ изложеніемъ событій до 1735 г., и пространное, составленное Ванъ-сянь-цянь, — до 1874 г. Второе изданіе можетъ быть названо лѣтописью манджурской династіи[4]. Данными объ ойратахъ изъ этой лѣтописи пользовался M. Courant въ своей докторской диссертаціи[5], а объ отношеніяхъ между Тибетомъ, манджурами и монголами (ойратами) — W. W. Rockhill[6].

2) Шэнъ-сюнь, т. е. августѣйшія наставленія — сборникъ оффиціальныхъ документовъ, расположенныхъ, въ отличіе отъ предыдущаго изданія, въ систематическомъ порядкѣ. Это изданіе выпускалось двумя параллельными серіями: на китайскомъ яз. подъ названіемъ «шэнъ-сюнь» и на манджурскомъ подъ наименованіемъ «ендуріңге тачіхіјан», въ видѣ сборниковъ,

---

[1] Библіотека восточныхъ историковъ, издаваемая И. Березинымъ, т. III, ч. I. Исторія Абуль-Гази (въ переводѣ Г. Саблукова), стр. 35; Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons (St. Pét., 1874), II, pp. 36 et 338.

[2] Histoire des Mogols et des Tatares, II, p. 296.

[3] Литература по этому предмету указана въ трудѣ В. В. Григорьева. Восточный или Китайскій Туркестанъ, II, стр. 370—378, ср. также И. Минаевъ. Поиски золота (Ж. М. Н. Пр., ч. CCLVII, 1888, май, стр. 247).

[4] Васильевъ. Матеріалы по Исторіи Китайской Литературы, прил. III, стр. 264 (№ 45); Pelliot. Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient, III, p. 686, note 4; M. Courant. Bibl. Nat., Dép. Manuscr., Catalogue des livres Chinois, Coréens, Japonais, etc. (Paris, 1902), I, pp. 27—29.

[5] M. Courant. L'Asie Centrale (см. выше).

[6] The Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China. 1644—1908 (T'oung Pao, vol. XI, 1910, № 1, pp. 1—104).

посвященныхъ отдѣльнымъ царствованіямъ — отъ основателя династіи Тай-цзу (Нурхаци) до Тунъ-чжи включительно; кромѣ того, имѣются сводные сборники: для первыхъ 5 императоровъ отъ Тай-цзу до Юнъ-чжэна и для первыхъ 3 — Тай-цзу, Тай-цзуна и Шунь-чжи. Въ 80-хъ годахъ было выпущено частное изданіе на китайскомъ яз. въ 250 т., обнимающее указы всѣхъ императоровъ отъ Тай-цзу до Тунъ-чжи включительно[1].

3) (Цинь-чжэнъ) Пинъ-динъ шо-мо фанъ-ліо — сборникъ оффиціальныхъ документовъ относительно военныхъ дѣйствій въ сѣверной и западной Монголіи при императорѣ Канъ-си, изданный въ 1709 г. Это одинъ изъ длинной серіи многотомныхъ сборниковъ, посвященныхъ военнымъ дѣйствіямъ манджуръ и носящихъ однообразное названіе: «цинь-динъ пинъ (цяо)-динъ... фанъ-ліо», т. е. «высочайше утвержденное описаніе покоренія...». Они выпускались особымъ комитетомъ фанъ-ліо-гуань, при чемъ, кромѣ китайскихъ описаній, имѣются и параллельныя манджурскія[2]. Названный выше сборникъ — съ манджурскаго текста, носящаго заглавіе: «(беје даіиламе) wаргі амаргі бабе нечіхіјеме токтобуха бодоґон-і бітхе», былъ переведенъ для нашей Академіи Наукъ еще въ 1749—50 гг. «прапорщикомъ» Ларіономъ Рассохинымъ, называвшимъ этотъ трудъ «Исторіею въ 5 томахъ состоящею о завоеваніи китайскимъ ханомъ Канхіемъ калкаскихъ и элетскихъ мунгалъ въ Великой Татаріи»[3]. Однако этотъ переводъ остался не изданнымъ, и только въ 1777 г. появилось краткое извлеченіе («выписка») изъ того же сочиненія, сдѣланное «секретаремъ» Ал. Леонтіевымъ: «Увѣдомленіе о бывшей съ 1677 до 1689 года войнѣ у китайцевъ съ зенгорцами»[4]. Пинъ-динъ шо-мо фанъ-ліо было положено въ основу первой части XI т. «Histoire générale de la Chine» de Moyriac de Mailla, вышедшаго въ свѣтъ въ 1780 г.[5] и излагающаго исторію войнъ манджуръ съ ойратами. Наконецъ, манджурскимъ текстомъ пользовался и А. М. Позднѣевъ при изданіи отрывка изъ монгольской лѣтописи «Эрдэнийнъ-

---

[1] Edkins. Journal of the China Branch of the R. As. Soc., XXII (1887), p. 230—231; Möllendorf. Essay on Manchu Literature (Ibid., XXIV (1889), №№ 188—190, 197, 207, 214—216; B. Laufer. Skizze der Manjurischen Literatur (Keleti Szemle = Revue Orientale, IX, 1908, pp. 37—38); P. Pelliot. B. E. F. E.-O., III, p. 687, note 1. На манджурскомъ языкѣ въ Петроградскихъ библіотекахъ имѣются «наставленія» только до Цзя-цина включительно; повидимому, болѣе позднихъ нѣтъ и въ другихъ европейскихъ библіотекахъ, несмотря на указаніе Möllendorff'а (Essay, №№ 214—216), не сопровождаемое впрочемъ ссылкою на какой-либо источникъ.

[2] Васильевъ. Матеріалы, прилож., стр. 268 (№ 56) и 297 (№ 100); Möllendorf. Essay, № 148; Pelliot. B. E. F. E.-O., III, pp. 686—687; Pelliot, Répertoire des «collections Pelliot A» и «B» du fonds chinois de la Bibliothèque Nationale (T'oung Pao, v. XIV, 1913; p. 714, №№ 324—328); B. Laufer, ibid., IX, 1908, 1—2, pp. 37—38.

[3] Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ, X, стр. 36 (№ 55) и 345 (№ 433); G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), p. 32.

[4] Извлеченіе это сдѣлано, какъ указано въ предисловіи, съ манджурскаго текста, хотя на заглавномъ листѣ и сказано, что Леонтьевъ «выписалъ изъ китайской исторіи».

[5] Въ предварительномъ замѣчаніи къ этому тому (стр. 2) издатель le Roux de Hautesrayes сообщаетъ нѣкоторыя библіографическія свѣдѣнія объ этомъ изданіи, называя его: tsin tching ping ting sou han fang lio.

эрихэ», касающагося, между прочимъ, войнъ, которыя велись манджурами съ ойратами при императорахъ Канъ-си и Юнъ-чженѣ[1].

4) Пинъ-динъ чжунь-га-р фанъ-ліо (по-манджурски: цунгар-і бабе нечіхіјеме токтобуха бодогон-і бітхе)—такой же сборникъ документовъ (но гораздо болѣе обширный) на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ о военныхъ дѣйствіяхъ манджуръ противъ ойратовъ (джунгаръ) при императорѣ Цянь-лунѣ[2]. Изданъ въ 1770 г. Изъ манджурской версіи этого труда E. Haenisch извлекъ свѣдѣнія о завоеваніи Тибета, при чемъ въ его статьѣ имѣются данныя и объ отношеніяхъ ойратовъ къ названной странѣ[3].

5) Сборникъ біографій или «формулярныхъ списковъ» вассальныхъ монгольскихъ (въ томъ числѣ и ойратскихъ) и туркестанскихъ князей, которые составляются оффиціальнымъ путемъ и содержатъ большое количество документовъ въ полномъ текстѣ. Этотъ сборникъ (и его продолженія) издавался параллельными серіями на 3 языкахъ: на китайскомъ подъ названіемъ «бяо чжуань», манджурскомъ — «ілетун улабун» и монгольскомъ — «ілетхел шастір». Онъ служилъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для комментаріевъ А. М. Позднѣева при изданіи Эрдэніййнъ-эрихэ[4].

6) Нѣкоторыя, но уже менѣе важныя для исторіи ойратовъ свѣдѣнія можно почерпнуть и изъ другихъ оффиціальныхъ или оффиціозныхъ сборниковъ біографій заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей манджурской династіи; таковы:

а) Цзунъ-ши ванъ-гунъ бяо-чжуань (Уксун і waң гуң саі гуңге фашшан бе ілетулере улабун) — біографіи князей императорскаго дома (на китайскомъ и на манджурскомъ яз.);

б) Мань-чжоу минъ-чэнь чжуань — біографіи прославившихся чиновниковъ изъ манджуръ;

в) Хань минъ-чэнь чжуань — біографіи знаменитыхъ чиновниковъ изъ китайцевъ[5].

---

[1] Монгольская лѣтопись «Эрдэніййнъ-эрихэ», стр. XXV.

[2] Тимковскій. Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ (СПб., 1824), II, стр. 381; Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imp. Publique de St. Pétersbourg (St. Pét. 1852), pp. 588—9; 602—3; Möllendorf. Essay, № 149; Pelliot, Répertoire, p. 722, № 197—198.

[3] Bruchstücke aus der Geschichte Chinas unter der gegenwärtigen Dynastie. Die Eroberung von Tibet aus dem Feldzug gegen die Dsungaren auszugsweise übersetzt (T'oung Pao, 1911, XII, pp. 197—235, 375—424). На стр. 198—199 приведены библіографическія данныя о самомъ сочиненіи.

[4] Васильевъ, Матеріалы, прил., стр. 265 (№№ 50—52); Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ Азіатск. Департ., стр. 10 и 67 (№№ 47 и 411); Позднѣевъ. Эрдэніййнъ-эрихэ, стр. XXIX—XXXII. Подробныя свѣдѣнія о монгольскомъ изданіи сборника (44 г. Цянь-луна, т. е. 1779 г.) впервые сообщилъ I. J. Schmidt. Die Volksstämme der Mongolen als Beitrag zur Geschichte dieses Volkes und seines Fürstenhauses, I Abh. (Mém. Acad. Imp. des Sciences de St.-Pét., VI sér., Sc. polit., t. II, 1834, pp. 409—477). Вторая часть этой работы, гдѣ должна была итти рѣчь объ ойратахъ, не вышла. См. также Giles, Catalogue Wade Collection, p. 141, G. 154—157; Pelliot, Répertoire, p. 722, № 199.

[5] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 264 (№№ 46—48); Möllendorf. Essay, № 159; Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 10 и 68 (№№ 45, 46, 412).

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ перечисленнымъ китайско-манджурскимъ изданіямъ служатъ эпиграфическіе памятники. Императоры Канъ-си и Цянь-лунъ не безъ основанія придавали большое значеніе военнымъ дѣйствіямъ противъ ойратовъ и успѣшное ихъ завершеніе ознаменовали постановкою памятниковъ съ подобающими надписями. Канъ-си, разгромивъ Галдана, воздвигъ памятники въ 1696 г. у горы Тоно-ула близъ р. Хэрулюна, въ Дзу-модо (Джао-модо) на р. Толѣ и на горѣ Цаган-чолу въ восточной Монголіи[1], и въ 1697 г. у г. Лань-цзюй-сюй въ южной Монголіи и въ Пекинѣ въ Тай-сіо («великое училище»)[2], но памятники эти остаются не розысканными. Цянь-лунъ поставилъ въ Жэ-хэ (Чэнъ-дэ-фу) 2 памятника въ 1755 и 1758 гг. въ ознаменованіе побѣдъ надъ ойратами и въ 1771 г. также 2 памятника въ воспоминаніе возвращенія части калмыковъ (торгутовъ) изъ Россіи въ Джунгарію. Памятники Цянь-луна сдѣлались извѣстными въ Европѣ вскорѣ послѣ ихъ постановки, благодаря неутомимому миссіонеру Amyot, который помѣстилъ въ I томѣ «Mémoires concernant les Chinois» (Paris, 1776) переводъ китайскихъ надписей на памятникахъ 1758[3] и 1771 г.[4] съ обширными примѣчаніями. B. Laufer во время своей экспедиціи въ Китай въ 1901—4 гг. добылъ эстампажи надписей на всѣхъ 4 жэхэскихъ памятникахъ (1755 и 1758 гг.—китайскій, манджурскій, тибетскій и калмыцкій тексты и 1771 г. — китайскій, манджурскій, монгольскій и тибетскій тексты) и въ 1914 г. эти надписи появились въ великолѣпномъ атласѣ O. Franke и B. Laufer: «Epigraphische Denkmäler aus China», I Teil. Lamaistische Kloster-Inschriften aus Peking, Jehol und Si-ngan (Hamburg, 1914; 2 Map.)[5].

На второмъ планѣ стоятъ записки лицъ, которыя или принимали непосредственное участіе въ событіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ ойратамъ, или же имѣли возможность получить объ нихъ свѣдѣнія отъ участниковъ событій.

Въ сочиненіи Шэнъ-ву-цзи имѣются дорожныя записки 4 лицъ, принимавшихъ участіе въ походахъ манджурскихъ войскъ на сѣверъ за Великую

---

[1] Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. 251; онъ же, Монголія и монголы (СПБ, 1898), II, стр. 441; Поповъ. Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 387 и 401; Тимковскій. Путешествіе въ Китай, III, стр. 233, 234 и 239.

[2] Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. 257 и 258.

[3] Pp. 325—400: «Explication du monument gravé sur la pierre en vers chinois, composé par l'Empereur, pour constater à la postériorité la conquête du Royaume des Eleuths faite par les Tartares Mantchoux sous le règne de Kien-long vers l'an 1757» (годъ этотъ указанъ не точно; въ надписи — 23 годъ Цянь-луна, соотвѣтствующій 1758 г.).

[4] Pp. 401—427: «Monument de la transmigration des Torgouts des bords de la mer Caspienne dans l'Empire de la Chine».

[5] Mappe II: надписи 1755 г.—таблицы №№ 44—47, 1758—№№ 48—51, 1771[a]—№№ 63—66 и 1771[b]—№№ 67—70. Описаніе мѣстности, гдѣ стоятъ эти памятники въ Жэ-хэ, съ краткими извлеченіями изъ надписей, имѣется въ трудѣ O. Franke. Beschreibung des Jehol-Gebietes in der Provinz Chihli (Leipzig, 1902), pp. 33, 51—54, 101. Въ рецензіи на этотъ атласъ Ed. Chavannes (T'oung Pao, v. XV, № 2, Mai 1914, pp. 286—287) указываетъ, что надписи № 44 и 48 находятся еще въ Пекинѣ въ Го-цзы-цзянь.

стѣну въ 1688, 1690 и 1696 гг., именно Цянь-лянъ-цзѣ, Ма-сы-ха, Инь-хуа-синъ и Юй-чэнъ-лунъ, изъ которыхъ Ма-сы-ха игралъ видную роль въ событіяхъ въ качествѣ военачальника. Эти дневники въ переводѣ приложены къ труду А. М. Позднѣева, посвященному «Эрдэнійнъ-эрихэ»[1]. Примѣрно половина дневника Ма-сы-ха одновременно издана въ трудѣ Г. Н. Потанина «Очерки сѣверо-западной Монголіи» въ переводѣ В. П. Васильева, нѣсколько отличающемся отъ предыдущаго[2].

П. С. Поповымъ переведенъ дневникъ Фань-шао-куй'я, принимавшаго участіе въ экпедиціи, снаряженной въ 1720 г. для установки станцій отъ Куку-хото до Кобдо въ связи съ военными дѣйствіями противъ ойратскаго хана Цэванъ-Рабтана. Несмотря на обширные размѣры, дневникъ содержитъ очень мало историческихъ данныхъ[3].

Большой интересъ представляетъ И-юй-лу — описаніе отдаленныхъ странъ. Это путевыя записки манджурскаго чиновника Тулишена, входившаго въ составъ посольства, которое императоръ Канъ-си присылалъ къ калмыцкому хану Аюкѣ въ 1712—14 гг. въ связи со своими отношеніями къ Россіи и ойратамъ. Этотъ трудъ былъ изданъ въ 1723 г. одновременно на манджурскомъ и китайскомъ языкахъ и неоднократно переводился на европейскіе языки, въ томъ числѣ дважды на русскій языкъ Л. Россохинымъ и А. Леонтьевымъ съ манджурскаго текста[4].

Существенное дополненіе къ разсматриваемой группѣ китайскихъ источниковъ представляютъ записки европейцевъ, принимавшихъ участіе въ

---

[1] «Эрдэнійнъ-эрихэ», стр. 367—401; извлеченіе изъ дневника Инь-хуа-сина, носящаго заглавіе Бэй-чжэнъ-ли) см. также у П. С. Попова, Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 349—351.

[2] Вып. III, стр. 300—305. Дневникъ Ма-сы-ха, озаглавленный Сай-бэй цзи-гэнъ, встрѣчается и въ другихъ китайскихъ изданіяхъ.

[3] Дневникъ Фань-шао-куй'я изъ путешествія на западъ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. V (1875), стр. 141—211).

[4] Обзоръ довольно обширной литературы о путешествіи Тулишена далъ Gaston Cahen въ упомянутомъ выше трудѣ, гдѣ ему посвящена вся V глава (стр. 115—133; обзоръ переводовъ: стр. 124, 125 (CLXVII), а также въ другомъ его трудѣ: «Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle» (Nouvelles Archives des Miss. scient. et littér., nouv. sér., fasc. 1, pp. 136—145). Въ виду возбужденныхъ въ этихъ трудахъ вопросовъ необходимо отмѣтить, что въ Петроградѣ имѣется манджурская версія И-юй-лу съ заглавіемъ «Лакчаха џечен де такураха бабе еџехе бітхе» въ видѣ рукописи безъ карты (Библіотека Петр. Универс. — 2 экз.: Пек. Мисс. и xyl. 60) и въ видѣ ксилографа съ картою (Азіатскій Музей, Азіат. Деп., № 414 и колл. Brosset, cl. VI, № 73b; Библ. Петр. Унив. — Пек. Мисс.; Публичная Библіотека, вост., № 683). Кромѣ того, есть еще рукописи съ параллельнымъ манджурск. и кит. текстомъ безъ карты (Библ. Петр. унив., xyl. 374 и Азіат. Музей, колл. Brosset, cl. VI, № 72). Имѣющаяся при ксилографахъ карта на мандж. яз. совпадаетъ по своимъ очертаніямъ и размѣрамъ съ картою китайскаго изданія и съ русскимъ переводомъ, изданнымъ G. Cahen (Les cartes de la Sibérie, pl. II къ стр. 136). Но на манджурской картѣ нѣтъ поясненій, имѣющихся при нѣкоторыхъ названіяхъ въ русскомъ переводѣ (напр., «здѣсь водятся песцы» при Туруханскѣ); очевидно, переводчикъ Россохинъ, который въ общемъ руководствовался манджурскимъ экземпляромъ, взялъ эти поясненія съ китайскаго, гдѣ они дѣйствительно имѣются. Въ библіотекѣ Петр. Универс. (xyl. 63) имѣется еще монгольскій переводъ (безъ карты и предисловія), озаглавленный: «Тасуркаі кіџаҕар тур џаруҕсан јабудалі темдеглексен бічік»; онъ сдѣланъ съ манджурскаго текста, при чемъ переводчикъ, судя по нѣкоторымъ особенностямъ ореографіи, былъ бурятъ (вѣроятно, Дорджи Банзаровъ). Рукописный экземпляръ перевода Леонтьева, изданнаго въ 1782 г., хранится въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. въ числѣ китайскихъ дѣлъ подъ 1712—1714 гг.

событіяхъ со стороны манджурскихъ властителей Китая, въ особенности описанія путешествій іезуита **Жербильона**, который въ связи съ военными дѣйствіями манджуръ противъ ойратовъ неоднократно (въ 1691, 1696 и 1697 гг.) посѣтилъ Монголію въ составѣ свиты императора Канъ-си[1].

Сравнительно небольшой интересъ представляетъ брошюра шведскаго капитана Jo. Christ. **Schnitscher**, который сопровождалъ посольство Тулишена 1712—14 гг.: «Berättelse om Ajuckiniska Calmuckiet» etc. (Stockholm, 1744), съ примѣчаніями **Рената**. Эта брошюра вскорѣ же была переведена переводчикомъ Академіи Наукъ **Фелькнеромъ** на нѣмецкій яз.: «Bericht von der Ajukinischen Calmukey oder von dieses Volckes Ursprung» etc., но этотъ переводъ не былъ изданъ въ то время[2], и только Г. Ф. **Миллеръ** помѣстилъ его въ 1760 г. въ IV т. Sammlung Russischer Geschichte съ небольшими редакціонными измѣненіями и съ довольно обширными своими примѣчаніями[3].

Уничтоженіе ойратской державы выдвинуло въ Китаѣ вопросъ о всестороннемъ изученіи завоеванныхъ земель: Джунгаріи и Восточнаго Туркестана, которыя ранѣе, вмѣстѣ съ Западнымъ Туркестаномъ и прилегающими областями, обыкновенно именовались въ китайской литературѣ Си-юй, а теперь получили названіе Новой границы (Синь-цзянъ), и въ этомъ дѣлѣ приняли участіе какъ Пекинское правительство, такъ и частныя лица. Произведенныя на мѣстахъ въ широкомъ масштабѣ и непосредственно послѣ разыгравшихся тамъ событій работы дали возможность собрать цѣнный матеріалъ, между прочимъ, и историческаго характера, и еще въ XVIII в. въ Китаѣ появился рядъ трудовъ, запечатлѣвшихъ тогдашнее состояніе Западнаго края и излагающихъ ходъ событій, завершившихся разгромомъ ойратовъ[4].

1) Уже въ 1756 г. императоръ Цянь-лунъ издалъ распоряженіе о составленіи описанія Западнаго края съ древнѣйшихъ временъ, и на эту работу въ первоначальномъ видѣ потребовалось 5 лѣтъ. Затѣмъ она была пересмотрѣна и напечатана только въ 1782 г. подъ названіемъ Цинь-динъ хуанъ-юй Си-юй ту-чжи. Въ редакціонномъ комитетѣ участвовали такія

---

[1] Описанія путешествій **Gerbillon** помѣщены въ IV т. труда **Du-Halde**: Description... de l'Empire Chinois et de la Tartarie Chinoise (La Haye, 1736).

[2] Экземпляръ первоначальнаго перевода поступилъ, какъ значится на его рукописи, 17 іюня 1748 г. въ Библіотеку Академіи Наукъ и теперь хранится въ Азіатскомъ Музеѣ (III отд., № 47); см. Das Asiatische Museum, S. 118, № 47.

[3] Sammlung, IV, S. 275—364. **Миллеръ** издалъ также и русскій переводъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ», 1764, ч. II, ноябрь. Ср. также Сарат. губ. вѣд., 1842, №№ 18 и 19, и Астрах. губ. вѣд., 1843, № 39.

[4] Приводимый ниже перечень, не претендуя на полноту, имѣетъ цѣлью дать обзоръ болѣе крупныхъ монографій, касающихся состоянія Западнаго края въ XVII—XVIII ст. Монографіи эти разбросаны по разнымъ библіотекамъ Европы, но болѣе всего ихъ сосредоточено въ библіотекахъ Петрограда и въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ (коллекція **К. Скачкова**). Многими разъясненіями по данному предмету я обязанъ В. М. **Алексѣеву** и А. И. **Иванову**.

лица, какъ Чжао-хуй, завоеватель В. Туркестана, министръ Ду-хэнъ и др. Этотъ обширный трудъ, состоящій изъ 48 цзюаней, не считая предисловія, служилъ источникомъ для многихъ китайскихъ трудовъ, какъ, напр., для второго и послѣдующихъ изданій оффиціальной географіи Дай-цинской имперіи (Дай-цинъ и-тунъ-чжи), но для европейцевъ былъ мало доступенъ въ виду рѣдкости этого изданія. Первыя довольно подробныя свѣдѣнія объ немъ сообщилъ В. В. Григорьевъ со словъ И. И. Захарова благодаря наличности экземпляровъ въ СПб.[1]. Въ З. Европѣ только въ новѣйшее время синологи получили въ свое распоряженіе этотъ трудъ, которымъ и воспользовался сначала Cam. Imbault-Huart, помѣстившій въ своемъ «Recueil de documents sur l'Asie Centrale»[2] обозрѣніе содержанія Си-юй ту-чжи, одну изъ картъ и переводъ отрывковъ, касающихся нѣкоторыхъ странъ и народовъ Западнаго края, а затѣмъ Ed. Chavannes въ монографіяхъ о западныхъ туркахъ и о китайскихъ надписяхъ Центральной Азіи[3].

Авторами Си-юй ту-чжи использованы прежнія литературныя свѣдѣнія о Западномъ краѣ и вновь собранные спеціальными экспедиціями (въ Джунгарію во главѣ съ Хэ-го-цзуномъ въ 1756 г. и въ Восточный Туркестанъ — Минготу въ 1759 г.) матеріалы, въ томъ числѣ и астрономическія наблюденія, произведенныя іезуитами[4].

Въ Си-юй ту-чжи содержится много картъ.

2) Въ 1763 г. Цянь-лунъ поручилъ Фу-хэну и др. составить словарь историко-географическихъ терминовъ на разныхъ языкахъ по Западному краю и результатомъ этого явился трудъ Цинь-динъ Си-юй тунъ-вэнь-чжи (8 бэнь, 24 цзюань) на китайскомъ яз. съ транскрипціей объясненныхъ терминовъ по-манджурски, по-монгольски, по-тибетски, по-ойратски (калмыцки) и по-чагатайски. Ни о способѣ составленія этой цѣнной работы, ни о времени ея изданія въ ней не содержится никакихъ указаній. Число объяснен-

---

[1] Восточный или Китайскій Туркестанъ, II, стр. 404—406. Въ библіотекѣ Петроградскаго Университета имѣются 2 экз. Си-юй ту-чжи (оба изд. 1782 г.: xyl. 1303 въ 7 бэнь и xyl. 1314 въ 8 бэнь), а также въ Азіатскомъ Музеѣ (въ 12 бэнь Дмитр. 67—изд. 1782 г. и Дмитр. 215 — изд. 1893 г.). Ср. Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 52).

[2] Public. Ec. lang. Orient. viv., I sér., vol. XVI, 1881, pp. X—XI, 59—62, 69—222. Впервые наличность въ Зап. Европѣ экземпляра Си-юй ту-чжи была констатирована каталогами книгъ Потье (Catalogue des livres chinois composant la bibliothèque de feu M. G. Pauthier, Paris, 1873, p. 35—36, № 111) и Тоннелье (Catalogue de la bibliothèque de feu M. Jules Thonnelier, Paris, 1880, p. 524, № 3978). Повидимому, этотъ экземпляръ перешелъ затѣмъ къ Imbault-Huart, у котораго годомъ изданія указанъ 1872 видимо вмѣсто 1782 г. (p. 62). Тѣмъ временемъ въ Китаѣ одною частною фирмою въ Ханъ-чжоу было выпущено въ 1893 г. новое изданіе Си-юй ту-чжи. См. также Pelliot, Répertoire, p. 722, № 192.

[3] Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux (Сборн. труд. Орхонск. эксп., VI; СПб., 1903), p. 6—13; здѣсь Шаваннъ предостерегаетъ противъ историческихъ отождествленій авторовъ Си-юй ту-чжи. Dix inscriptions chinoises de l'Asie Centrale (Mémoires prés. p. div. sav., I sér., XI, 1904, II p., pp. 193—195).

[4] М. В(енюковъ). Списокъ астрономическихъ точекъ въ Вост. Туркестанѣ и Джунгаріи (Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1861, кн. 4, стр. 126—130); статья эта основана на свѣдѣніяхъ, извлеченныхъ изъ Си-юй ту-чжи И. И. Захаровымъ.

ныхъ терминовъ опредѣляется въ 3111 статей[1]. Это также рѣдкое изданіе, которое въ Западной Европѣ представлено, повидимому, однимъ только экземпляромъ[2]. Оно было частью переведено, частью резюмировано по-нѣмецки Клапротомъ, но этотъ трудъ не былъ изданъ, и рукопись его теперь находится въ Парижской Національной библіотекѣ[3]. Изъ Си-юй тунъ-вэнь-чжи о. Іакинѳъ извлекъ, какъ упомянуто выше, родословныя ойратскихъ князей, а также чагатаидовъ и ходжей Вост. Туркестана[4]; Imbault-Huart перевелъ вторично родословныя ходжей[5].

3) Хуй-цзянъ-чжи — описаніе Восточнаго Туркестана, главнымъ образомъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, съ картою и иллюстраціями костюмовъ. Составлено манджурскими чиновниками Су-р-дэ и Фу-сэнь-бу, согласно H. A. Giles, въ 1768 г., а, согласно В. П. Васильеву, около 1772 г. Извѣстно въ рукописныхъ экземплярахъ[6], и только въ коллекціи китайскихъ и манджурскихъ книгъ К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, судя по рукописному каталогу этой коллекціи (отдѣлъ книгъ, № 435), имѣется печатный экземпляръ 1772 г.

4) Широкую извѣстность какъ въ Китаѣ, такъ и въ Европѣ получили произведенія одного манджура, котораго одни авторы (Липовцовъ, Леонтьевскій, Al. Wylie, P. G. v. Möllendorf, R. K. Douglas, китайскій комментаторъ Хэ-цю-тао, японская библіографія китайскихъ сочиненій Кан сэки кайдай, Сао-ѣ-шань-фанъ) называютъ Ци-ши-и (Липовцовъ — князь Цишій), другіе (H. Giles, Ch. Denby, M. Courant, Ed. Chavannes) — Чунь-юань, можетъ быть, иногда даже не подозрѣвая, что это одно и то же лицо. Въ китайскихъ сочиненіяхъ онъ именуется различно: Чунь-юань, Чунь-юань-ши, Мань-чжоу Ци-ши-и, Ци-ши-и, Чунь-юань Ци-ши-и, Чанъ-бо Ци-ши-и Чунь-юань. Шаваннъ сдѣлалъ попытку объяснить Ци-ши-и (七十一), какъ обозначеніе его возраста при составленіи его трудовъ («71 годъ»)[7], но и онъ не обслѣдовалъ вопроса съ достаточною пол-

---

1 St. Julien. Journ. Asiat., III sér., t. X (1840), pp. 380—381; IV sér., t. VIII (1846), p. 230; Каталогъ библіотеки J. Thonnelier, p. 524 (№ 3977); Möllendorf. Essay, № 150; Laufer. Skizze d. Manj. Liter., S. 41.

2 Жюльенъ располагалъ экземпляромъ, временно ему присланнымъ изъ Китая мисс. Роб. Моррисcономъ; позже наличность экземпляра въ Европѣ была констатирована каталогомъ библіотеки Thonnelier. Въ Петроградѣ экземпляры изданія имѣются въ библіотекѣ Университета (xyl. 35 и Вас. уч. 219) и въ Азіатскомъ Музеѣ (Аз. Деп., 118 и колл. Brosset, VI, №№ 43 и 43 bis).

3 Catalogue des livres composant la Bibliothèque de feu M. Klaproth (Paris, 1839), II, p. 32; Imbault-Huart. Recueil de documents, p. 64.

4 Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, II, стр. 254—265.

5 Recueil de documents, pp. 64—67; cp. Hartmann, l. c., S. 339—343, 345.

6 Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 314 (№ 39); Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 23 (№ 116); H. A. Giles. A Catalogue of the Wade Collection of Chinese and Manchu Books in the Library of the University of Cambridge (Cambridge, 1898), p. 84 (C 120).

7 Revue critique d'histoire et de littérature, XXXIV année, t. L, № 45, 5 nov. 1900, p. 344.

нотою: возможно, что Ци-ши-и просто транскрипція манджурскаго имени (авторъ манджуръ Чанъ-бо-шаньскаго рода)[1].

Не обращалось достаточнаго вниманія и на другое обстоятельство, связанное съ этимъ авторомъ. Онъ написалъ нѣсколько небольшихъ трактатовъ и предисловіе (послѣднее — въ 42 г. правленія Цянь-луна, т. е. въ 1777 г.), которые издавались неоднократно, въ разныхъ группировкахъ, въ видѣ сборниковъ подъ различными наименованіями, при чемъ самые трактаты иногда подвергались существенной переработкѣ и получали измѣненныя названія. Выясненіе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ затрудняется тѣмъ, что, насколько извѣстно, ни въ одной европейской библіотекѣ нѣтъ полной коллекціи указанныхъ сборниковъ.

Въ Петроградѣ имѣется 4 сборника, изъ которыхъ почти тождественными[2] являются съ одной стороны Си-юй вэнь-цзянь лу и Синь-цзянъ вай-фань цзи-ліо, а съ другой — И-юй со-тань и Си-юй цзунъ-чжи[3]. Во всѣхъ этихъ сборникахъ содержится по 5 слѣдующихъ трактатовъ Чунь-юаня: Синь-цзянъ цзи-ліо (или Синь-цзянъ лѣ-чжуань), Вай-фань цзи-ліо (Вай-фань лѣ-чжуань), Си-чуй цзи-ши бэнь-мо (Си-чуй цзюнь-ши, Пань-ванъ цзи-ліо), Хуй-цзянъ фынъ-ту (Шу-фанъ фынъ-ту), Синь-цзянъ дао-ли бяо.

Европейскіе ученые чаще всего пользовались сборниками Си-юй вэнь-цзянь лу — «Записки о слышанномъ и видѣнномъ въ Западномъ краѣ», самое названіе котораго указываетъ на характеръ работъ Чунь-юаня: въ нихъ сообщаются результаты его личныхъ наблюденій и разспросовъ на мѣстѣ. Первыя извлеченія изъ этого сборника были сдѣланы С. Липовцовымъ для «Сибирскаго Вѣстника» 1820—1823 гг.[4], а въ 1829 г. о. Іакинѳъ

---

[1] В. М. Алексѣевъ сообщилъ мнѣ еще другой аналогичный примѣръ именованія манджуръ: именно авторомъ сочиненія Фань шэ цай фынъ ту као — «О правахъ разныхъ варварскихъ племенъ (Формозы)» былъ манджуръ съ именемъ 六十七 («67») по прозванію Цзюй-лу.

[2] Различіе заключается въ названіяхъ и порядкѣ расположенія отдѣльныхъ произведеній, а также въ небольшихъ главнымъ образомъ редакціонныхъ измѣненіяхъ ихъ текста. Въ то же время текстъ двухъ первыхъ сборниковъ уже сильно отличается отъ текста двухъ послѣднихъ довольно многочисленными перемѣнами по существу.

[3] Кромѣ того, извѣстны еще 2 сборника: 1) Си-юй со-тань (находится въ коллекціи К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ, по рукописному каталогу № 436, MS.; въ Кембриджскомъ Университетѣ — Giles. Catal. Wade Coll., p. 84, C 115 и въ Британскомъ Музеѣ: R. K. Douglas. Supplementary Catalogue of Chinese Books and Manuscripts in the British Museum, London, 1903, p. 137) и 2) Си-юй-цзи (послѣднимъ пользовались St. Julien въ трудѣ A. de Humboldt. Asie Centrale, II, p. 336 и L. Lamiot, Esquisse du Sy-yu ou des pays à l'ouest de la Chine въ Bulletin de la société de géographie, Juillet 1832). St. Julien (l. c.) считаетъ Синь-цзянъ вай-фань цзи-ліо вторымъ, а Си-юй-цзи третьимъ (1814 г.) изданіемъ Си-юй вэнь-цзянь лу.

[4] Статьи С. Липовцова: «О переходѣ тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію. Сочиненіе китайскаго князя Цишія» (Сиб. Вѣстн., ч. 12; 1820, IV); «О возмущеніяхъ, бывшихъ въ Дзюнгаріи и Малой Бухаріи» (Ibid., ч.ч. 3 и 4, 1823); послѣдній отрывокъ былъ изданъ и во французскомъ переводѣ, съ неопредѣленнымъ указаніемъ: «Traduit du chinois» во II т. «Magazin Asiatique» (pp. 193—208), издававшагося Клапротомъ. Послѣдній помѣстилъ нѣкоторыя извлеченія и во II т. своихъ «Mémoires relatifs à l'Asie». Показанія Си-юй вэнь-цзянь лу были использованы еще въ трудѣ Тимковскаго, «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію» (особенно въ иностранныхъ изданіяхъ этого

далъ полный переводъ сборника во II ч. своего «Описанія Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана» (стр. 85—240). Имѣется указаніе о существованіи перевода и на манджурскій языкъ[1].

5) Чжи-и синь-бянь — краткое описаніе отдаленныхъ окраинъ на западѣ, въ томъ числѣ Восточнаго Туркестана и Джунгаріи[2]. Изд. 1794 г.

6) Си-юй ди-минъ као — историческія изысканія о названіяхъ мѣстностей въ Западномъ краѣ. Рукопись[3].

7) Синь-цзянъ юй-ту фынъ-ту као — изслѣдованіе о характерѣ и географіи Синь-цзяна. Изд. 1777[4].

Въ XIX в. въ Китаѣ продолжали интересоваться Западнымъ краемъ въ виду происходившихъ тамъ постоянно волненій, и за этотъ періодъ можно отмѣтить рядъ трудовъ, составленныхъ частью на основаніи собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній, частью по литературнымъ и архивнымъ матеріаламъ. Въ этихъ трудахъ, среди которыхъ имѣются принадлежащіе выдающимся ученымъ, видное мѣсто отводится описанію прошлаго края.

1) На первомъ планѣ здѣсь необходимо отмѣтить заслуги извѣстнаго государственнаго дѣятеля изъ монголовъ Сунъ-цзюня[5], служившаго, между прочимъ, въ Западномъ краѣ и собравшаго объ немъ обширные матеріалы, которые и легли въ основу слѣдующихъ трудовъ:

а) И-ли цзунъ-тунъ ши-ліо — общее обозрѣніе Западнаго края. Оно содержитъ описаніе покоренія этого края и его дальнѣйшаго устройства и снабжено многочисленными хорошо исполненными картами. Издано оно, судя по датамъ предисловія, въ 1809 г.[6]. Нѣсколько позднѣе (1811 г.) было выпущено другое изданіе подъ заглавіемъ «Си-чуй цзунъ-тунъ ши-ліо», въ которомъ къ основнымъ 24 цзюанямъ прибавлены еще, въ особой тетради, 2 новыя главы[7].

б) Цинь-динъ Синь-цзянъ ши-ліо — описаніе (въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ) земель Новой границы, изданное въ 1821 г. Это еще болѣе обширный трудъ (10—13 бэнь), также снабженный картами[8]. Въ

труда), въ «Землевѣдѣніи Азіи» К. Риттера (въ нѣмецкомъ и русскомъ изданіяхъ; ср. Григорьевъ. Вост. или Кит. Турк., II, стр. 407) и у А. Гумбольдта. Asie Centrale, II (Paris, 1843), при чемъ переводчиками являлись о. Іакинөъ, Клапротъ, Шоттъ и Жюльенъ.

[1] Möllendorf. Essay on Manchu literature, № 153.

[2] Каталогъ книгамъ Азіатскаго Департ., стр. 22 (№ 112).

[3] Эта рукопись имѣется лишь въ коллекціи К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ (№ 451).

[4] Поповъ, Замѣтка о Кучэ (Протоколъ засѣд. Русск. Комит. для изучен. Средн. и Вост. Азіи, 1904, № II, 22 марта, стр. 22—27).

[5] Нѣкоторые синологи транскрибируютъ его имя Сунъ-юнь (Sung-yün).

[6] Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 22 (№ 113). Въ рукописномъ каталогѣ колл. К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ указано (№ 440) изданіе 1 года Цзя-цина (1796 г.) въ 8 книгахъ, тогда какъ Петроградскіе экземпляры содержатъ по 6 бэнь.

[7] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 314 (№ 40); Giles. Catal. Wade Coll., p. 85 (C 123).

[8] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 49); Григорьевъ. Вост. или Кит. Турк., II, стр. 423; Giles. Catal. Wade Coll., p. 84 (C 118—119); Courant. Catal. livr. chinois, I,

Китаѣ онъ получилъ оффиціальное одобреніе (цинь-динъ), а въ Европѣ пользуется извѣстностью благодаря извлеченіямъ Ст. Жюльена[1] и о. Іакинѳа[2].

в) Чжэнь-фу ши-и — записки о внѣшнихъ владѣніяхъ (Тибетъ, Монголія, Восточный Туркестанъ) и Россіи, изданныя въ 1823 г. въ 4 бэнь. Основная часть — ничтожные, по отзыву В. П. Васильева, стихи, къ которымъ присоединены весьма интересныя добавленія историческаго и географическаго характера[3].

2) Сань-чжоу цзи-ліо — описаніе 3 округовъ Западнаго края, именно Хамійскаго, Турфанскаго и Урумчійскаго. Эта довольно обширная, въ 9 бэнь, монографія вышла въ 1805 г.[4].

3) Синь-цзянъ ту-као — обширное изслѣдованіе Новой границы и военныхъ тамъ поселеній преимущественно въ топографическомъ отношеніи. Извѣстно по рукописи, принадлежащей Азіатскому Музею; въ немъ много картъ, напечатанныхъ ксилографически[5]. Эти карты были выпущены въ Китаѣ, съ тѣхъ же клише, безъ всякихъ поясненій, въ видѣ отдѣльнаго атласа. Экземпляръ послѣдняго, съ тѣмъ же названіемъ Синь-цзянъ ту-као, имѣется въ библіотекѣ Петроградскаго университета[6].

4) Въ 1823 г. вышло выдающееся, по общему мнѣнію синологовъ, сочиненіе Си-юй шуй-дао цзи — описаніе водъ Западнаго края, съ поясненіями, между прочимъ, историческаго характера, составленное Сюй-суномъ, по прозванію Синъ-бо, который проживалъ въ названномъ краѣ въ качествѣ ссыльнаго и собралъ цѣнные матеріалы путемъ личныхъ наблюденій, а также изъ литературныхъ и архивныхъ источниковъ. 5 (иногда 4) бэнь съ картами[7]. Изъ этого труда обширныя извлеченія сдѣлали В. М. Успенскій, K. Himly, Ed. Chavannes[8].

5) Шэнъ-ву-цзи — записки объ августѣйшихъ войнахъ, которыя вели манджурскіе императоры отъ начала династіи до средины царствованія Дао-

р. 109 (№ 1826—1829). Courant авторомъ называетъ принца Шуй и др.; самое сочиненіе нѣкоторые называютъ Синь-цзянъ чжи (цзи)-ліо.

[1] Journ. Asiat., IV sér., t. III (1846), pp. 233—252, 385—445; эта статья была затѣмъ перепечатана въ «Mélanges de géographie asiatique et de philologie sinico-indienne extraits des livres chinois par M. Stanislas Julien», t. I (Paris, 1864), pp. 6—28, 56—85.

[2] Истор. обозр. ойратовъ, стр. 135 и др.

[3] Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 25 (№ 132); Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 315 (№ 41).

[4] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 53). Въ каталогѣ колл. К. Скачкова подъ № 439 указана подъ даннымъ названіемъ рукопись 1795 г. въ 2 книгахъ.

[5] Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 23 (№ 117).

[6] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 51).

[7] Каталогъ книгамъ Азіат. Департ., стр. 23 (№ 115); Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 318 (№ 47); Courant. Catalogue des livres Chinois, I, p. 112 (№ 1868); Chavannes. Revue Critique, 1900, 5 nov., № 45, p. 344; Григорьевъ. Вост. или Кит. Туркест., II, стр. 424.

[8] Успенскій. О бассейнѣ Лобъ-нора (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., VI, отд. I, стр. 93—150), онъ-же, Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай (Ibid., VI, отд. II, стр. 57—196); труды Himly см. H. Cordier. Bibl. Sinica, 2 éd., IV, col. 2830; Chavannes. Documents sur les Tou-kiue, pp. 6—13.

гуана (примѣрно въ 1603—1841 гг.). Это прагматическая исторія Манджурской династіи, составленная извѣстнымъ писателемъ Вэй-юань, имѣвшимъ доступъ къ государственнымъ архивамъ. Первое изданіе — 1844 г., за нимъ послѣдовали другія съ нѣкоторыми измѣненіями[1]. Третья и четвертая главы посвящены спеціально войнамъ Канъ-си, Юнъ-чжэна и Цянь-луна съ ойратами; о послѣднихъ имѣются свѣдѣнія и въ пятой главѣ, трактующей о покореніи Тибета. Этимъ трудомъ пользовались многіе европейскіе писатели, при чемъ нѣкоторыми сдѣланы обширныя извлеченія. Для исторіи ойратовъ имѣютъ значеніе труды В. П. Васильева, А. М. Позднѣева, M. Courant, M. Jametel, W. W. Rockhill, E. H. Parker[2].

6) Хуанъ-чао фань-бу яо-ліо — необходимыя замѣтки по исторіи вассальныхъ владѣній при манджурской династіи до Цянь-луна включительно, составлены въ 1846 г. Ци-цюнь-цзао (или Ци-юнь-ши), 6 бэнь. Въ этомъ трудѣ дается хронологическая сводка матеріаловъ изъ упомянутыхъ выше біографій вассальныхъ князей и Пинъ-динъ шо-мо фанъ-ліо. Имъ пользовались В. М. Успенскій и А. М. Позднѣевъ въ упомянутыхъ выше изслѣдованіяхъ[3].

7) Си-юй као-гу лу — изслѣдованіе древностей и исторіи Западнаго края. Составлено Юй-хао въ 1847 г., 10 бэнь. Было переведено драгоманомъ А. А. Ленци, но переводъ остался не изданнымъ. Использовано В. М. Успенскимъ[4].

8) Мэнъ-гу ю-му цзи — записки о монгольскихъ кочевьяхъ (включая и ойратскія), составленныя Чжанъ-му, по прозванію Ши-чжоу, и послѣ его смерти дополненныя Хэ-цю-тао; предисловіе помѣчено 1859 г. 4 бэнь. Это обстоятельная компиляція, которая, по мысли авторовъ, должна служить географическимъ дополненіемъ къ Хуанъ-чао фань-бу яо-ліо, но вмѣстѣ съ тѣмъ она снабжена настолько обширными примѣчаніями историческаго и археологическаго характера, что можетъ считаться энциклопедіей свѣдѣній о

---

[1] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 266—267 (№ 54); Imbault-Huart. Journ. Asiat., VII sér., t. XI (1878), pp. 135—138; M. Jametel. Histoire de la pacification du Tibet sous le règne de l'Empereur Kien-Long (Revue de l'Extrême-Orient, t. I, 1882, pp. 572—595), свѣдѣнія о Вэй-юанѣ и его трудѣ -- pp. 572—573; M. Courant. L'Asie Centrale, p. 143; H. Cordier. Bibliotheca Sinica, 2 éd., I, col. 632—633; Pelliot. Bull. Ec. Fr. E.-O., III, p. 668, note 1.

[2] Переводъ В. П. Васильева у Г. Н. Потанина. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи, III, стр. 305—336; Позднѣевъ, Монгольская лѣтопись «Эрдэніійнъ-эрихэ, стр. XXIII — XXIV; Rockhill. The Dalai-Lamas of Lhasa (см. выше); E. H. P(arker). Campaigns of K'ang-hi, Yung-cheng and K'ien-lung (China Review, XVI, № 2, pp. 105—118). Труды Courant и Jametel указаны въ пред. выноскѣ.

[3] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 266 (№ 53); Дим. Позднѣевъ. Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ Минской династіи (З. В. О., IX, стр. 93—94); Успенскій. Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 62; Giles. Catalogue of the Wade Collection, p. 84 (C 116—117).

[4] Успенскій. Loc. cit., стр. 61. См. также ст. «Новости кит. литерат. по части географіи» (Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1868, отд. II, стр. 195—196). Экземпляръ имѣется въ Азіат. Муз. (Колл. Иванов., 109).

Монголіи[1]. Достоинства этого труда обратили на себя вниманіе русскихъ синологовъ, изъ которыхъ П. С. Поповъ далъ переводъ его, допустивъ однако сокращенія тамъ, гдѣ онъ видѣлъ въ сообщеніяхъ авторовъ — не всегда вполнѣ объективно — «относительную незначительность интереса или излишнее многословіе»[2]. Еще раньше переводъ отдѣльныхъ мѣстъ былъ сдѣланъ В. П. Васильевымъ и его учениками А. О. Ивановскимъ и Андреевскимъ[3].

Китайскіе и китайско-манджурскіе источники оказали сильное вліяніе и на монгольскія историческія произведенія болѣе новаго времени. Монголы, какъ извѣстно, выступали союзниками манджуръ въ ихъ борьбѣ съ ойратами и потому въ своихъ лѣтописяхъ даютъ событіямъ то же освѣщеніе, что и означенные источники. Впрочемъ монгольскими авторами были использованы документы собственныхъ архивовъ и ими сообщается много подробностей мѣстнаго значенія. Для освѣщенія исторіи ойратовъ къ монгольскимъ источникамъ обращался лишь А. М. Позднѣевъ при изданія отрывка изъ «Эрдэнійнъ-эрихэ», и въ его трудѣ по этому предмету приведенъ обзоръ важнѣйшей исторической литературы, созданной монголами[4].

Указанные выше китайскіе, манджурскіе и монгольскіе источники даютъ весьма обильный матеріалъ для исторіи ойратовъ: тамъ мы находимъ документы, извлеченные изъ Пекинскихъ архивовъ, эпиграфическіе памятники, записки современниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и солидныя изслѣдованія, основанныя на первоисточникахъ. Однако первоисточники касаются того періода, когда Пекинскому правительству пришлось войти въ непосредственныя сношенія съ ойратами, т. е., главнымъ образомъ, начинаются съ 70-хъ годовъ XVII ст.; данныя же за предшествующее время добыты китайцами разспроснымъ путемъ и отчасти изъ ойратскихъ историческихъ записей. Этими записями въ извѣстной степени мы можемъ воспользоваться и сами для дополненія свѣдѣній китайской исторической литературы и, въ частности, для освѣщенія взаимныхъ отношеній между ойратскими племенами и внутренней ихъ жизни. Мусульманскіе источники могутъ добавить къ этому сравнительно немногое.

Весь этотъ матеріалъ, какъ видно изъ изложеннаго, остается однако до сихъ поръ недостаточно использованнымъ; изданій текстовъ и переводовъ имѣется весьма мало; большинство авторовъ ограничивается пересказомъ привлекаемыхъ ими свѣдѣній, часто не указывая даже источника или ука-

---

[1] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 320 (№ 57); Успенскій. Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 61; Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1868, отд. II, стр. 196—197.

[2] Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXIV; СПб., 1895).

[3] Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи, III, стр. 260—299.

[4] Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ», стр. X—XXXVII.

зывая крайне неточно (напр., «переводъ съ китайскаго»). Цѣлыя серіи спеціальныхъ изданій еще ждутъ своихъ изслѣдователей[1].

Но даже при тщательной разработкѣ доступнаго изъ указанныхъ источниковъ матеріала, несомнѣнно, останется безъ освѣщенія или очень слабо освѣщенными много сторонъ ойратской исторіи, и прежде всего будетъ темнымъ болѣе ранній, до 70-хъ годовъ XVII ст., періодъ, а между тѣмъ этотъ періодъ, когда произошло разселеніе ойратовъ и созданіе ойратской державы, представляется особенно знаменательнымъ. Для послѣдующаго времени мы найдемъ обильныя, часто исчерпывающія данныя по исторіи отношеній ойратовъ къ монголамъ, манджурамъ, тибетцамъ, а отчасти также и къ мусульманскимъ народамъ, но тамъ почти не окажется свѣдѣній объ отношеніяхъ ойратскихъ племенъ къ ихъ сѣвернымъ и западнымъ сосѣдямъ: урянхайцамъ, киргизамъ, татарамъ. Что же касается Россіи, то хотя съ нею Пекинское правительство и входило въ сношенія по ойратскому вопросу, но они вообще носили случайный характеръ и сдѣлались интенсивными лишь въ періодъ упадка ойратскаго могущества, въ виду чего и свѣдѣнія китайскихъ источниковъ о русско-ойратскихъ отношеніяхъ не имѣютъ большого значенія.

Отмѣченные пробѣлы и недостатки въ значительной степени могутъ быть восполнены источниками русскаго происхожденія. Русскимъ пришлось столкнуться съ ойратами еще въ пору ихъ разрозненности и политической слабости, наблюдать затѣмъ шагъ за шагомъ ихъ постепенное усиленіе и, наконецъ, быть свидѣтелями ихъ быстраго упадка. Благодаря этому въ русскихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія, освѣщающія болѣе или менѣе равномѣрно жизнь ойратскихъ племенъ за весь 150-лѣтній періодъ (и въ этомъ едва ли не наибольшая ихъ цѣнность) и дающія возможность провѣрки тамъ, гдѣ оказываются данныя изъ другихъ источниковъ. Правда, оставаясь большею частью пассивными наблюдателями происходившихъ на ихъ глазахъ событій, русскіе въ общемъ мало вникали во внутреннюю жизнь ойратовъ и лишены были возможности отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ ихъ отношеніяхъ со всѣми сосѣдями, но все же, поскольку дѣло касалось русскихъ земель, а равно народовъ, тяготѣвшихъ къ русской сферѣ вліянія, русскіе источники даютъ богатѣйшій матеріалъ, позволяющій возстановить картину русско-ойратскихъ отношеній большею частью до мельчайшихъ подробностей.

Другою незамѣнимою особенностью русскихъ источниковъ является то,

---

[1] Въ противоположность этому бросается въ глаза увлеченіе какимъ-либо однимъ источникомъ; такъ, отрывки изъ нѣкоторыхъ китайскихъ сочиненій (напр., Си-юй вэнь-цзянь лу) переводились по 2 и даже по 3 раза; особенно часто игнорировались за границею русскіе переводы.

что почти за весь періодъ мы имѣемъ подлинные документы или, въ значительно меньшей степени, очень старые, почти современные списки: это подлинное дѣлопроизводство по ойратскимъ дѣламъ разныхъ государственныхъ учрежденій.

Указанное оффиціальное дѣлопроизводство сосредоточивалось въ Московскомъ государствѣ какъ въ центрѣ, такъ въ особенности на мѣстахъ. При своемъ движеніи на сѣверъ и западъ изъ Джунгаріи ойратскія племена приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ различными административными пунктами Сибири, а затѣмъ и юго-восточной Россіи, и это, при широкомъ развитіи канцелярскаго дѣлопроизводства въ русскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ XVII в., порождало обширную переписку соотвѣтствующихъ воеводскихъ управленій между собою и съ Москвою, а также съ ойратскими вождями. Съ другой стороны, отголоски тѣхъ или иныхъ отношеній къ ойратамъ, докатившись до центра въ формѣ донесеній воеводъ или въ видѣ ойратскихъ посольствъ, вызывали оживленную переписку въ московскихъ приказахъ какъ между собою, такъ и съ мѣстными управленіями. Все это оставляло въ провинціальныхъ и центральныхъ архивахъ большое количество документовъ самой разнообразной формы и различнаго содержанія.

Болѣе подробно и въ болѣе яркихъ краскахъ картина отношеній къ ойратамъ запечатлѣвалась въ мѣстныхъ архивахъ. Воеводамъ тѣхъ районовъ, которые соприкасались съ мѣстами кочевокъ ойратскихъ племенъ, были предоставлены особыя полномочія по веденію съ ними сношеній и вообще по принятію мѣръ какъ мирнаго, такъ и военнаго характера. Въ теченіе всего почти разсматриваемаго періода главнымъ провинціальнымъ центромъ, черезъ который проходили ойратскія дѣла, являлся г. Тобольскъ[1]. Тобольскій воевода, а съ 1710 г. губернаторъ Сибири завѣдывалъ въ первую очередь пріемомъ и отпускомъ ойратскихъ посольствъ, онъ же отправлялъ въ ойратскія кочевья отъ имени или по указу московскихъ царей и русскихъ посланцовъ. Непосредственно Москва не принимала и не отправляла посольствъ, и потому многія ойратскія посольства не пропускались далѣе Тобольска даже вопреки ихъ настойчивымъ требованіямъ. Они попадали въ Москву только въ болѣе важныхъ случаяхъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія центральнаго правительства, но и въ этихъ случаяхъ отвѣтныя посольства снаряжались не изъ Москвы, а изъ Тобольска. Москва только преподавала соотвѣтствующія указанія, предоставляя тобольскому воеводѣ выбрать для исполненія миссіи «кого пригожъ».

Важное значеніе для мѣстной жизни имѣли полномочія тобольскаго

---

[1] Ср. П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ (Харьковъ, 1889), стр. 233.

воеводы по принятію оборонительныхъ и вообще военныхъ мѣръ противъ ойратовъ. Правда, и его предположенія по этому предмету подлежали предварительному одобренію со стороны центральнаго правительства, но на мѣстѣ второстепенные воеводы могли предпринимать какія-либо активныя дѣйствія противъ ойратовъ, только снесясь съ Тобольскомъ; ихъ роль была пассивная: они должны были «жить съ великимъ береженьемъ», собирать вѣсти о движеніи ойратскихъ отрядовъ, чтобы тѣ «подъ государевы города и ясашныя волости безвѣстно не пришли» и «какого-либо дурна не учинили». При постоянныхъ перекочевкахъ ойратовъ и неожиданности ихъ нападеній уѣзды, болѣе выдвинутые къ югу, часто оказывались по данной причинѣ въ очень тяжеломъ положеніи[1].

Такимъ образомъ по ойратскимъ дѣламъ — впрочемъ такъ же, какъ и по другимъ вопросамъ — воеводы менѣе крупныхъ центровъ Сибири дѣйствовали подъ контролемъ Тобольска и хотя и имѣли право непосредственныхъ сношеній съ Москвою, но обыкновенно держали тобольскаго коллегу въ курсѣ этихъ сношеній. Съ своей стороны, Московское правительство хотя вообще и отвѣчало всѣмъ воеводамъ, но иногда предпочитало давать свои указанія черезъ тобольскаго воеводу, особенно когда они могли имѣть значеніе не для одного только пункта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ со стороны Москвы замѣчалось даже стремленіе ограничить компетенцію младшихъ администраторовъ, не считаясь ни съ традиціями, ни съ затрудненіями для русскаго населенія, ни даже съ протестами ойратовъ. Такъ, въ 1646 г. тюменьскому воеводѣ было неожиданно приказано прекратить всякія сношенія съ ойратами, даже чисто торговыя. При этомъ было подтверждено тобольскому воеводѣ, чтобы онъ ойратскихъ «пословъ принималъ въ Тоболску по прежнему одноличио» и «того вымыслилъ гораздо примѣрясь къ сибирскимъ обычаямъ смотря по тамошнимъ мѣрамъ, чтобъ калмыцкихъ людей отъ Тюменскаго посольства и отъ торговъ унять, а за то бъ съ ними въ болшую ссору не войтить и на государевы Сибирские городы и на слободы напрасные войны не навесть». Войны, правда, не послѣдовало, но съ ойратами, не желавшими дѣлать лишній путь, чтобы гнать продажный скотъ въ Тобольскъ, создался рядъ острыхъ инцидентовъ; съ другой стороны, представители всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія, въ томъ числѣ и служилые люди, выражали въ коллективныхъ челобитныхъ свое недовольство лишеніемъ ихъ удобнаго и для нихъ крайне нужнаго торга съ ойратами, но Москва осталась непреклонною, хотя переписка и продолжалась нѣсколько лѣтъ[2].

Однако обстоятельства заставляли нерѣдко отступать отъ указаннаго

[1] Буцинскій. Loc. cit., стр. 233—235.
[2] Эта переписка находится въ Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. прик., столб. 455 (6499).

общаго порядка, и въ разные періоды даже посольскія сношенія проходили не только черезъ Тобольскъ, но и черезъ другіе пункты.

Первыя ойратскія посольства явились въ 1607 г. — одно въ Томскъ[1], а другое въ Тару и послѣднее было затѣмъ пропущено въ Москву[2]. Послѣ этого нѣкоторое время городъ Тара игралъ, по своей близости къ ойратскимъ кочевьямъ, важную роль въ дѣлѣ сношеній съ ними; затѣмъ въ XVIII ст. онъ временно вернулъ себѣ эту роль[3]. Изрѣдка появлялись ойратскіе посланцы и въ г. Тюмени. Когда въ 1629 г. Томскъ получилъ права независимаго отъ Тобольска разряда, онъ естественно также сталъ претендовать на свою долю участія въ сношеніяхъ съ ойратами, и съ 60-хъ годовъ XVII ст. его участіе сдѣлалось очень активнымъ. На ряду съ нимъ изрѣдка выступалъ и Красноярскъ, когда ему стала угрожать непосредственная опасность нападеній со стороны ойратовъ. Въ 20-хъ годахъ, съ продвиженіемъ ойратовъ на западъ, выдвинулось значеніе Уфы и черезъ нее стали вестись очень оживленныя сношенія съ разными ойратскими племенами подъ нѣкоторымъ контролемъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, со стороны казанскаго воеводы. Между прочимъ, большое тяготѣніе къ Уфѣ проявилъ извѣстный хошутскій князь Аблаї-тайша въ 50-60-хъ годахъ того же столѣтія. Довольно рано, именно начиная съ 30-хъ годовъ, на сцену выступила и Астрахань и вскорѣ сосредоточила въ своихъ рукахъ сношенія съ тою группою ойратовъ, которая стала извѣстной подъ названіемъ волжскихъ калмыковъ и состояла главнымъ образомъ изъ торгутовъ.

Въ наказныхъ статьяхъ, которыя были даны для руководства воеводамъ разныхъ сибирскихъ городовъ (Тобольска, Тюмени, Тары, Нерчинска)[4] въ началѣ царствованія Петра I, особенно по изданіи спеціальнаго о томъ указа 24 апрѣля 1695 г.[5], было удѣлено вниманіе и отношеніямъ къ ойратамъ. Полномочія воеводъ по военнымъ мѣропріятіямъ опредѣлялись почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: всѣмъ имъ предписывалось съ калмыцкими людьми «задору не вчинать», но буде они сами придутъ войною, съ многимъ опасеніемъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, «чинить промыселъ сколько милосердый Богъ помощи подастъ»; объ этомъ воеводы, подчиненные Тобольску (тобольскаго разряда), должны были сообщать тобольскому воеводѣ, а остальные въ Москву. Что же касается посольскихъ сношеній, то объ нихъ имѣются статьи только въ наказахъ тобольскому

---

[1] Г. Ф. Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства, I, стр. 412.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., мунг. дѣло, 1608; Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. прик., кн. 11, лл. 101—121.

[3] Памятники Сибирской исторіи XVIII в. (изд. Археогр. Ком., СПб., 1882), I, стр. 518.

[4] Полное собраніе законовъ Росс. Имп., т. III, № 1594 — наказныя статьи тобольскому воеводѣ (1 сент. 1697 г.), № 1670 — тюменьскому (16 янв. 1699 г.), прил. III къ № 1670 — тарскому (29 іюля 1693 г.); т. IV, № 1822 — нерчинскому (5 янв. 1701 г.).

[5] Ibid., т. III, № 1511.

и нерчинскому воеводамъ: имъ было указано ойратскихъ пословъ принимать и чинить отвѣтъ, не отпуская къ Москвѣ; листы на имя государя также принимать, переводить на мѣстѣ и затѣмъ пересылать вмѣстѣ съ переводами въ Москву.

Въ 40-хъ годахъ XVIII ст. произошло нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ завѣдыванія ойратскими дѣлами. Въ 1744 г. былъ созданъ постъ командующаго войсками въ Сибири, расположенными по границѣ Ойратскаго владѣнія, при чемъ, кромѣ чисто военныхъ функцій, на него было возложено также завѣдываніе пограничнымъ райономъ и возникающими тамъ дѣлами по сношеніямъ съ ойратами съ предоставленіемъ права непосредственныхъ сношеній съ центромъ. Однако общая политика по отношенію къ ойратамъ осталась по прежнему въ рукахъ сибирскаго губернатора, и съ этого времени центръ сталъ освѣдомляться о ходѣ ойратскихъ дѣлъ изъ 2 источниковъ. Въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. имѣются за критическій для ойратовъ періодъ (1745—1758 гг.) двѣ идущихъ изъ года въ годъ не прерываясь серіи донесеній изъ Сибири: одна отъ сибирскаго губернатора и сибирской губернской канцеляріи, другая — отъ командующаго войсками. Первымъ командующимъ былъ ген.-м. Киндерманъ до своей смерти въ 1752 г., преемниками его были съ 1752 г.—бригадиръ Крафтъ, съ 1756 г.—ген.-м. Ридderъ и съ 1757 г.—бригадиръ Фрауендорфъ. Мѣстопребываніемъ командующихъ войсками служилъ большею частью Тобольскъ. Архивъ ихъ военно-походной канцеляріи за указанный періодъ былъ перенесенъ въ Омскъ, гдѣ онъ и былъ разысканъ въ 1857 г. Г. Н. Потанинымъ[1].

Съ образованіемъ въ 1744 г. Оренбургской губ. нѣкоторыя ойратскія дѣла стали проходить и черезъ Оренбургъ, какъ центръ управленія киргизскими степями, въ виду постоянныхъ столкновеній между киргизами и ойратами.

Вся картина сношеній съ ойратами, отражаясь калейдоскопически, въ живыхъ образахъ дѣйствующихъ лицъ, въ архивахъ перечисленныхъ выше городовъ Сибири и прилегающихъ къ ней районовъ и оставляя случайные слѣды даже въ столь отдаленныхъ захолустныхъ пунктахъ, какъ Верхотурье и Соликамскъ[2], доходила до центра въ однообразной формѣ воеводскихъ отписокъ, и только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ пріѣзда ойратскихъ посольствъ картина оживлялась и въ центрѣ. Канцелярская машина московскихъ приказовъ, а впослѣдствіи и С.-Петербургскихъ канцелярій на-

---

[1] Статья Г. Н. Потанина въ «Собраніи сочиненій Ч. Ч. Валиханова», стр. XXI—XXII. Бумаги названной канцеляріи вошли въ составъ архива правленія б. области Сибирскихъ киргизовъ въ Омскѣ, въ которомъ и помимо ихъ, вѣроятно, имѣются документы по ойратскимъ дѣламъ.

[2] Въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ (т. IX, № 80, стр. 158) помѣщена, напр., проѣзжая грамота, данная отпущеннымъ изъ Москвы въ Тобольскъ посламъ Бошохты-хана, по списку, сохранившемуся въ архивѣ Соликамскаго уѣзднаго суда.

чинала тогда усиленно работать, и отъ этой работы, какъ указано выше, остался яркій слѣдъ въ центральныхъ архивахъ.

Между провинціальными и центральными архивами, конечно, существовала тѣсная, почти неразрывная связь. Многіе документы имѣлись въ нихъ въ двухъ и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, что̀ гарантировало ихъ сохранность для будущихъ поколѣній. Но въ отношеніи сохранности судьба отдѣльныхъ архивовъ оказалась неодинаковою. Общеизвѣстно печальное состояніе архивнаго дѣла въ Россіи; особенно же печально оно было въ Сибири. Уже въ первой половинѣ XVIII ст. Г. Ф. Миллеръ констатировалъ на мѣстѣ, какъ это имъ отмѣчается въ «Описаніи Сибирскаго царства», гибель болѣе старыхъ архивовъ разныхъ сибирскихъ городовъ, главнымъ образомъ, отъ происходившихъ въ нихъ частыхъ пожаровъ. Послѣдующее время было для сибирскихъ архивовъ столь же неблагопріятно, и они продолжали горѣть до нашихъ дней. Вотъ перечень важнѣйшихъ пожаровъ, сопровождавшихся гибелью архивовъ: въ Тобольскѣ — 1643 и 1788 гг., въ Томскѣ — 1770 г., въ Красноярскѣ — 1773 и 1881 гг., въ Иркутскѣ — 1879 г.[1] — всюду, несомнѣнно, гибли и документы по сношеніямъ съ ойратами, и только какая-либо счастливая случайность спасала для науки часть архивнаго матеріала.

Особенно важною въ этомъ отношеніи оказалась дѣятельность академическихъ экспедицій въ Сибирь и прежде всего «второй Камчатской» 1733—1743 гг. Участникъ ея Г. Ф. Миллеръ обратилъ особое вниманіе на сибирскіе архивы и вывезъ оттуда извѣстное количество подлинныхъ дѣлъ; такъ, въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. въ портфелѣ Миллера № 478 хранится 45 подлинныхъ дѣлъ за время 1622—1630 гг., взятыхъ изъ разныхъ сибирскихъ городовъ, преимущественно изъ Пелымской канцеляріи. Несравненно однако больше документовъ было лишь скопировано по указаніямъ Миллера «черезъ данныхъ отъ Академіи студентовъ и копистовъ»[2], и нѣкоторая часть изготовленныхъ такимъ образомъ списковъ хранится въ томъ же архивѣ, большинство же поступило въ распоряженіе Академіи Наукъ[3]. Среди этихъ списковъ имѣется и значительное число относящихся къ сношеніямъ съ ойратами.

---

[1] П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. III; Инн. Кузнецовъ, Историческіе Акты XVII ст. (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири (Томскъ, 1890), стр. I—II; А. Позднѣевъ. З. В. О., III, стр. 135.

[2] Г. Ф. Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства, Предисловіе.

[3] Нельзя не отмѣтить случайнаго характера въ распредѣленіи достоянія экспедиціи, скрывающагося въ такъ называемыхъ портфеляхъ Миллера, между нашими древлехранилищами. Въ то время какъ списки съ документовъ чисто историческаго значенія, напр., по сношеніямъ съ монгольскими (включая и ойратскія) племенами попали въ Академію Наукъ, разныя лингвистическія записи (напр., словари сибирскихъ и иныхъ инородцевъ), географическіе, статистическіе и литературные матеріалы хранятся въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. См. М. П. Пуцилло, Указатель, стр. 98—104, и кн. Н. В. Голицынъ, Портфели Г. Ф. Миллера (Сборникъ Моск. Гл. Архива М. Ин. Д., вып. VI).

Къ сожалѣнію, Миллеровскіе списки изготовлены были крайне небрежно. На это было неоднократно обращаемо вниманіе редакторами «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», пользовавшимися означенными списками для своего изданія. По ихъ отзыву, переписчики, употребленные Миллеромъ, отличались крайней безграмотностью и неопытностью въ чтеніи старинныхъ письменъ. «Поэтому весьма часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же актѣ разнорѣчія въ словахъ и особенно въ именахъ и прозваніяхъ... Подобными разнорѣчіями особенно отличаются любопытнѣйшіе акты о сношеніяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ съ Китайцами, Монголами, Калмыками, Киргизами и другими сосѣдними съ Сибирью народами. Въ этихъ актахъ имена лицъ и географическихъ названій, очевидно, переиначены писцами по своему»[1]. Помѣщая въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Истор.» документы изъ портфелей Миллера, редакторы должны были особыми оговорками снимать съ себя отвѣтственность за погрѣшности въ этихъ документахъ и исправлять очевидныя для нихъ ошибки[2], которыя «въ нѣкоторыхъ фоліантахъ встрѣчаются чуть не въ каждой строкѣ»[3].

Еще болѣе существенные дефекты отмѣтилъ въ Миллеровскихъ спискахъ Н. Н. Оглоблинъ. Путемъ сличенія нѣкоторыхъ изъ опубликованныхъ списковъ съ экземплярами, оказавшимися въ столбцахъ Якутскаго областного правленія въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, Н. Н. Оглоблинъ доказываетъ, что въ означенныхъ спискахъ имѣются произвольныя сокращенія, перестановки, вставки, а иногда и измѣненія словъ и фразъ[4]. Это обстоятельство побудило Н. Н. Оглоблина въ его обширномъ трудѣ: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» воздержаться отъ всякихъ ссылокъ на опубликованные Археографическою Комиссіею Миллеровскіе документы[5].

Признавая всю справедливость дѣлаемыхъ по адресу Миллера упрековъ, едва ли однако возможно вину возлагать на него одного и усматривать произвольное съ его стороны искаженіе документовъ; въ первую очередь здѣсь необходимо учитывать и неопытность (а, вѣроятно, также и халатность) переписчиковъ и неисправное состояніе самыхъ документовъ. Недостатокъ же наблюденія за переписчиками Миллеръ вознаградилъ сторицею тѣмъ, что его иниціативою оказались спасенными многочисленные документы, которыхъ подлинники погибли въ мѣстныхъ архивахъ,

---

[1] Дополн. къ Акт. Истор., т. X, стр. VII; ср. также т. VIII, стр. VII.
[2] Доп. Акт. Ист., т. VII, стр. IX.
[3] Лѣтопись занятій Археогр. Ком., 1865—1866, вып. IV, отд. III, стр. 18.
[4] Н. Н. Оглоблинъ. Къ русской исторіографіи. Герардъ Миллеръ и его отношенія къ первоисточникамъ (Библіографъ. Вѣстникъ литерат., науки и искусства, издав. подъ ред. Н. М. Лисовскаго, 1889, № 1, стр. 1—11); Къ вопросу объ исторіографѣ Миллерѣ (ibid., 1889, № 8—9, стр. 161—166).
[5] Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сиб. приказа, I, стр. 10.

а дубликатовъ не имѣется въ центральныхъ. Ибо вполнѣ очевидно, что изъ воеводскихъ управленій въ центръ попадала только небольшая часть переписки[1]. Кромѣ того, и въ отношеніи тѣхъ документовъ, которые сохранились въ архивахъ, необходимо учитывать то обстоятельство, что въ періодъ пребыванія Миллера въ Сибири подлинные документы находились въ болѣе исправномъ состояніи, чѣмъ нынѣ, и характерно, что даже въ тѣхъ документахъ, на основаніи которыхъ Н. Н. Оглоблинъ формулировалъ свои тяжкія обвиненія, списки Миллера оказались менѣе поврежденными и потому болѣе полными, чѣмъ сохранившіеся въ архивахъ подлинники[2].

Такимъ образомъ заслуги Миллера въ этомъ дѣлѣ не подлежатъ оспариванію, и осторожность должна лишь побуждать всякаго изслѣдователя, которому приходится пользоваться его матеріалами, предварительно принимать мѣры къ выясненію того, не имѣется ли въ архивахъ соотвѣтствующихъ документовъ. Въ этомъ отношеніи всякое указаніе, при трудности наведенія справокъ непосредственно въ архивахъ, представляется очень цѣннымъ, и нельзя не посѣтовать на Н. Н. Оглоблина за то, что онъ сознательно избѣгалъ дѣлать указанія на наличность въ архивахъ документовъ, которые напечатаны по спискамъ Миллера.

Какъ бы однако ни было, фактъ не вполнѣ удовлетворительнаго состоянія списковъ, находящихся въ Миллеровскихъ портфеляхъ, сомнѣній не вызываетъ, и это обстоятельство заставляетъ, между прочимъ, дорожить всякими случайно уцѣлѣвшими остатками сибирскихъ архивовъ. На отысканіе ихъ надежды, повидимому, не могутъ считаться совершенно утраченными: такіе остатки уже успѣли обнаружиться въ разныхъ мѣстахъ. Болѣе всего въ этомъ отношеніи посчастливилось, повидимому, Томскому архиву. Инн. Кузнецовымъ пріобрѣтенъ изъ частныхъ рукъ и изданъ рядъ документовъ этого архива; изъ того же источника библіотекаремъ Томскаго Университета пріобрѣтено «до 1000 свитковъ XVII ст. и нѣсколько сотъ дѣлъ XVIII в.»[3]. Пишущему эти строки также удалось случайно получить нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ частныхъ же рукъ около 10 подлинныхъ листовъ ойратскихъ владѣльцевъ къ томскимъ воеводамъ за послѣднее десятилѣтіе XVII в. съ тогдашними переводами.

Въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за 1868 г. напечатанъ переводъ 2 китайскихъ листовъ отъ 18 февраля и 28 марта 1758 г. касательно Амурсаны, согласно

[1] Въ московскихъ архивахъ не имѣется документовъ по сношеніямъ съ ойратами съ самаго начала XVIII в. до 1716 г., между тѣмъ въ портфеляхъ Миллера, какъ показываютъ «Памятники Сибирской исторіи XVIII в.», содержится нѣкоторое количество актовъ и за упомянутый періодъ.

[2] Библіографъ, 1889, №№ 8—9, стр. 164.

[3] Инн. Кузнецовъ. Историческіе Акты XVII ст., стр. III. Изъ опубликованныхъ въ этомъ сборникѣ документовъ №№ 11 и 20 касаются сношеній томскихъ воеводъ съ ойратами.

копіямъ, найденнымъ въ дѣлахъ стараго Тобольскаго губернскаго архива[1],— это показываетъ, что поиски даже въ архивахъ, считающихся погибшими, могутъ дать интересныя находки.

Извѣстная часть документовъ сибирскихъ архивовъ тѣмъ или инымъ путемъ перешла въ древлехранилища государственныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, а равно въ частныя коллекціи, и оттуда уже иногда извлекаются для изданія. Такъ, въ извѣстномъ «Сборникѣ князя Хилкова» помѣщено, на основаніи древнихъ актовъ Россійской Публичной Библіотеки, между прочимъ, донесеніе боярскаго сына Григорія Пущина о поѣздкѣ въ 1680 г. къ Галдану[2].

Наконецъ, нѣкоторые документы сохранили намъ сибирскіе лѣтописцы; для примѣра можно указать на лѣтопись Ильи Черепанова, изъ которой Гр. Спасскій извлекъ и помѣстилъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» наказъ тобольскаго воеводы сыну боярскому Матвѣю Юдину, ѣздившему къ тому же ойратскому владѣльцу Галдану (Бушухту хану) въ 1691 г., и отчетъ объ этой поѣздкѣ[3].

Архивы центральныхъ установленій находились въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но и они не мало пострадали. Особенный ущербъ имъ причинили частые пожары Москвы, принимавшіе не разъ грандіозные размѣры. Здѣсь можно упомянуть пожары 1626 г., отъ котораго пострадали архивы Посольскаго приказа и Казанскаго дворца, пожаръ 1701 г., уничтожившій архивъ послѣдняго приказа, 1737 г., истребившій всѣ дворцовые архивы. Страдали центральные архивы и отъ другихъ причинъ: отъ невзгодъ Смутнаго времени и Отечественной войны, отъ наводненій, сырости, небрежнаго обращенія съ документами и т. п. Реестры даже уцѣлѣвшихъ документовъ пестрятъ указаніями на порчу ихъ, въ родѣ: «весь столбецъ сгнилъ», «нѣтъ начальныхъ листовъ», «нѣтъ конца» и т. п.

Несмотря на всѣ эти невзгоды, основная масса документовъ по сношеніямъ съ ойратами, монголами и Пекинскимъ правительствомъ сохранилась въ центральныхъ архивахъ въ подлинникахъ, начиная съ 1616 г., а въ старинныхъ спискахъ кое-что сохранилось даже съ 1595 г.

За время до начала XIX ст. уцѣлѣвшіе документы Московскихъ приказовъ, а также и С.-Петербургскихъ учрежденій сосредоточены, по общему правилу, въ Московскихъ архивахъ, но имѣются и исключенія. Такъ, дѣла по сношенію съ ойратами, проходившія черезъ Сенатъ, хранились до самаго послѣдняго времени въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петроградѣ.

---

1 Чтенія, 1868 г., кн. 4, отд. V, стр. 6—14.
2 Сборникъ князя Хилкова (СПб., 1879), № 99, стр. 303—308.
3 Сиб. Вѣстн., ч. 15 (1821, III), стр. 106—119; ч. 16 (1821, IV), стр. 262—269.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

The Soul theory of the Buddhists.

By Th. Stcherbatsky (Ščerbatskoj).

(Presented to the Academy 6 November 1918).

In that magnificent compendium of Buddhist doctrine, which the illustrious Vasubandhu compiled at the close of the Vth century A. D. under the title of Abhidharmakoça we find attached to the last chapter, as a kind of conclusion of the whole work, a special appendix devoted to the much controverted question about the Buddhist denial of the existence of Soul[1]. The work opens with the statement that in order to attain Salvation a thorough discrimination of the Elements (dharma) which are active in the process of life is indispensable, and then proceeds to make an exposition of these Elements, their classification and characteristics (I and II chapters). It then goes on in the III chapter to enumerate the different kinds of living beings or worlds produced by the play of the elementary forces just described. The following two chapters (IV and V) are devoted to an investigation into the general cause which brings the world into movement and the special causes that are feeding the process of life (karma and anuçaya). Thus these five chapters represent what may be termed the statics and dynamics of the ordinary world process (duḥkha and samudaya). The remaining three chapters are concerned with the purification of this life or, more precisely, with the pacification of its movement (nirodha and mārga). Chapter VI contains a picture of the Buddhist Saint (āryapudgala) and the last two chapters (VII and VIII) are dealing with the general and the special causes of saintliness, viz. immaculate wisdom (prajñā amalā) and transic meditation (samādhi). Among all the analysed elements of existence no Soul i. e. no permanent principel, representing some unity between the separate elements of

---

[1] Its full title is: aṣṭamakoçasthānasambaddhaḥ pudgalaviniçcayaḥ.

life, is mentioned. Consciousness (vijñāna), it is true, occupies a central position, but it is likewise impermanent, and the final extinction of its working is likewise aimed at. Some of the elements necessarily follow upon one another, some are necessarily coexisting i. e. appearing always simultaneously, this process constituting their «mutually interdependent origination» (pratītya-samutpāda) or life considered as a play of interdependent elementary forces. In concluding his exposition Vasubandhu feels himself called upon to devote, in the special appendix mentioned above, some considerations to the negative part of the whole system, viz. the negation of Soul.

Viewed as a step in the evolution of Indian philosophical thought Buddhism was probably preceded by a fully developed form of the Sāṃkhya system in the elaborate thoroughly consistent shape of an Indian science (çāstra). We are not aware of any cogent argument for submitting to doubt the tradition according to which Buddha studied systematical philosophy under the guidance of two celebrated teachers of that doctrine. From the same traditional source we gather that these teachers probally had already rejected the doctrine of the three primary constituents of matter. Buddha's denial of Soul was a further step in the same direction towards a higher degree of consistency. The position of an eternal passive Soul alongside with an active but unconscious intellect (buddhi) is indeed a very week point in the Sāṃkhya system, a point which invites criticism. The one eternal matter of the Sāṃkhya whose manifestations are in a constant process of change (nitya-pariṇāmi) was converted by Buddha into separate elements which appear into life like momentary flashings without being backed by any eternal substance. Both doctrines are sometimes called radical systems (ekāntadarçana), because the one adheres to the doctrine of eternal existence only (sarvaṃ nityam), while the other maintains universal impermanence (sarvam anityam). It is out of place here to go into a more detailed comparison of both systems. Their close affinity has not escaped the attention of scholars. What I should like here to insist upon is the fact that a close connexion may be expressed not only by points of similarity, but also by opposition, nay by protest. When Buddha calls the doctrine of an eternal Self «a doctrine of fools» it is clear that he is fighting against an established doctrine. Whenever in his Sermons he comes to speak about Soullesness or Wrong Personalism (satkāyadṛṣṭi) a sense of opposition or even animosity is clearly felt in his words. This doctrine along with its positive counterpart — the separate elements that are active in life and whose activity must gradualy be supressed till Eternal Repose is attained — is the central point of the whole bulk of

Buddhist teaching and Mrs. Caroline Rhys Davids rightly remarks, «how carefully and conscientiously this antisubstantialist position had been cherished and upheld». We may add that the whole of the history of Buddhist philosophy can be described as a series of attempts to penetrate more deeply into this original intuition of Buddha, what he himself believed to be his great discovery.

When considering the general lines of the later evolution of Buddhist philosophy one is involuntarily reminded of what has been said by one of the leaders of modern thought with respect to philosophy in general. «The more we try to penetrate into the main idea of a philosopher.... we feel that it imperceptibly becomes transfigurated at our hands». The original intuition of a philosopher may be very simple, but he spends the whole of his life in bringing it into a clear formula. No sooner has he expressed what he had in his mind as he feels himself obliged to correct his formula, then to correct this correction and so on. «All the complexity of his doctrine which thus is capable of an infinite evolution is nothing else than an inconmensurability between his primitive intuition and the means to express it which ware at his disposal»[1]. The oldest schism in the Congregation had already a bearing upon these abstruse philosophical questions. The Kathāvatthu begins its exposition of divergent views by a long discussion of the question about the possible reality of Soul. The schools of the Āryasammitīyas and Vatsiputrīyas were inclined to interpret the doctrine of Soullesness in a sense which admitted some, albeit very feeble, unity in the elements of a personality. Their opponents the Sarvāstivādins denied even that. They maintained that separate elements were really existing in all the three times, i. e. not only were the momentary flashings of some elements composing the present moment really existing, but the past and future flashings were also somehow existent. Soullessness for them was equal to the whole infinite mass of elements past, present and future. Nāgārjuna made a further step in erecting this Soullessness or Voidness into an entity sui generis. The consequence was that the elements whose interdependence was an acknowledged fact were denied any real substantial existence (niḥsvabhāva). This voidness developed (vivarta) in an inconceivable manner into the manifoldness of phenomenal life. Açvaghoṣa[2] conceived

---

[1] H. Bergson. L'intuition philosophique. Revue de Metaph. 1911, p. 810.

[2] The author of Mahāyānaçraddhotpādaçāstra. The chronological argument which Prof. H. Jacobi and myself have drawn from the fact that Buddhist Idealism is alluded to in the Nyāyasūtras must be corrected, since, as it would seem, idealistic views emerge in the run of Buddhist philosophy more than once.

Soullessness as a kind of general consciousness (alayavijñāna) of whom the separate elements were so many aspects, thus giving to the primitive teaching an idealistic interpretation. With Vasubandhu Buddhist philosophy receives once more an idealistic interpretation to which the greatest buddhist philosophers Dignāga and Dharmakīrti adhered with slight modifications. Soullessness was later on conceived in a pantheistic sense and personified as the primeval Buddha Vairocana. The same can be maintained with regard to its theistic conception personified as Buddha Amitābha whos worship gave rise to a new religion.

All the different forms in which Buddhism presents itself at present and in the past may be viewed as so many attempts to reach by sympathetic intuition the original idea of the Master. An analysis of the elements of life is presupposed by all of them. Vasubandhu composed his treatise according not to his own views, but mainly (prāyeṇa) in accordance with the teaching of the Vaibhāṣikas of Kachmere. His plan was to expose his own views in a later work of which he only succeeded in composing the mnemonic verses. The appendix mentioned above seems to be a kind of intermediate part, a link between both these works.

It seemed desirable to give a translation of it at present, without awaiting the time when a translation of the whole of the Abhidharmakoça could be carried through press. It deals with the central point of all Buddhism and is remarkale for its precision and the beautiful style for which Vasubandhu is renowned in the Buddhist world. European scholars will witness their great Indian predecessor at the same work of elucidating the difficult points of doctrine which they also have devoted many efforts to. They will see him making just the same references to passages in Buddha's sermons which they invoked in support of their solutions. They will see that there is no «glaring contradiction» between the scientifical doctrine of Soullessness and what in the popular style of the Sermons appears as a transmigration of Souls. They will give credit to the universal conviction of learned Buddhists that Buddha in his sermons very often had recourse to figurative speech in order to approach the simple souls of uneducated people. They will, as I hope, find in the abhidharma what they were in vain looking for in the diffuse style of popular sūtras — «la forte structure d'une théorie autonome, sortant toute armée d'une speculation maîtresse d'elle même»[1].

The translation is made from the Tibetan text of the Bstan-hgyur,

---

[1] E. Senart in Mélanges Harlez, p. 281.

vol. 63, f. 93—109. The figures in margin refer to the Peking edition of our Asiatic Museum, the figures in brackets to the Japanese edition of Hiuen-Thsang's translation. Some indispensable explanations and additions have been borrowed from Yaçomitra's commentary, a litteral version is sometimes added in the notes. Our translation has been carefully compared with the Chinese translations of Paramārtha and Hiuen-Thsang by the much regretted late prof. O. O. Rosenberg whose premature demise just at the beging of a scientifical career full of the greatest promise is a heavy blow upon our so much tried country. In translating the technical terms we have mainly followed the conclusions of his first and alas! last work: Проблемы буддійской философіи, Петроградъ 1917.

We subjoin a table of the Elements of existence and their different classifications. This table must always be present to the mind when dealing with Buddhist conceptions.

I classification into 5 groups (Skandha) of elements, the substrates of a personal life: 1. physical elements 2. feelings 3. ideas, 4. volitions 5. general consciousness.

II classification into 12 bases of cognition (āyatana), i. e. all things cognizable:

6 perceptive faculties.	Their 6 objects.
1. sense of vision	7. colour and shape
2. auditory sense	8. sounds
3. olefactory sense	9. odours
4. sense of taste	10. tastes
5. sense of touch	11. tactile objects
6. intellect	12. the remaining 64 elements (dharmāḥ).

The elements of matter are included in № 11. № 12 includes 1) 3 eternal elements: space and two kinds of non-existence, 2) mental faculties: volitions, feelings, ideas, passions, virtues etc. 46 in number, 3) general energies or processes: birth, decay etc. 14 in number, 4) a special physical element, termed non-intimation. №№ 1—5 and 7—11 of this classification correspond to № 1 of the former, № 6 to № 5, № 2—4 of the former are included in № 12 of the bases.

III classification in 18 component parts of existence (dhātu) is the same as the foregoing one with the addition of 6 kinds of consciousness, viz. 13 visual—, 14 auditory—, 15 olefactory—, 16 consciousness of taste,

17 tactile — and 18 intellectual i. e. non sensnous or abstract consciousness.

Other current classifications are: 1) mind and body (nāmarūpa), 2) energies and substances (saṃskāra dravya), 3) matter, mind and energies (rūpa jñāna cittaviprayuktasaṃskāra).

This makes together 75 elements: 3 eternal ones, 1 consciousness, 46 mental faculties, 14 general forces, and 11 physical elements.

Other shools give different numbers the Yogācāras — 100 etc.

Individuality examined.

Appendix to the VIIIth chapter of Vasubandhu's Abhidharmakoça.

[§ 1. Introductory].

93. b. 4. Our Teacher is no more,
Of Universe the Eyes are closed,
Those who have witnessed Him are gone,
And troubled by false reasoning is our Religion!
For the Supreme Lord has entered Final Rescue,
Followed by those who faithfully
This Holy Doctrine have maintained.
The World is left without a Guide.
Unchecked Corruption nowadays
Is freely spreading and defeating Virtue.
The times are come
When flooded by the rising tide of Ignorance
Buddha's Religion seems to breathe its last!
Therefore, if for Salvation you do care,
Do not be heedless![1]

[§ 2. Question stated.]

93. b. 7. Is there, indeed, no other Salvation than (within the pale of Buddhism)?

No, there is none! — Why? — Because (all other doctrines) hold to the erroneous view of the real existence of a Soul. The term «Soul» is not regarded by them as a conventional term applied to what is only a flux of elements[2]. They maintain instead that the Soul is a Reality quite independent from (the elements). This idea of a Self is at the root of every evil passion (and through its action Salvation becomes impossible).[3]

But how can it be proved that the (various) terms which are used to designate a Soul refer to a flux of elements only and that there is no other (reality) denoted by them? 94. a. 1 (8. b.—10).

This is deduced from the fact that there neither is a direct perception nor an inference (in favour of the existence of the Soul). Elements really existing, when present, are subject to direct perception, as f. i. the six kinds of objects: (colours, sounds, smells etc.) and intellect (itself, in the preceding moment)[4]. Otherwise their existence may be infered as f. i. the five sense- (sight etc.). The (existence) of the latter is infered as follows:

General proposition. (Experience) shows, that although the (general) causes be present, the effect is not produced in absence of its special cause, but it is produced, when the latter is (also) present.

Example. As f. i. a plant (is produced from its special cause—the seed).

Application. Experience shows that although the object be present and attention aroused, (it nevertheless sometimes happens) that perception is not produced, while (in other cases) it is produced.

Example. With the blind, the deaf etc. (it is not—) and with those not blind, not deaf etc. (it is produced).

Conclusion. Therefore it is established beyond any doubt that here also a special cause is either absent or present. This special cause it the sense-faculty (of sight etc.)[5]. This is (a valid) inference. But whith regard to the Soul no such (inference is possible). Consequently there is no Soul.

But then the «Individual»[6] the existence of which is admitted by the school of the Vatsiputrīyas[7] what does is represent?

First of all we must examine the question, whether they admit (the existence of the Individual) as a reality or as an existence merely nominal?

Vatsiputrīya. What is an actual, and what a nominal existence?

Vasubandhu. If something exists by itself (as a separate element), it has an actual existence, as f. i. colour and other (ultimate elements of matter and mind)[8]. But if something represents a combination (of such elements) it is a nominal existence, as f. i. milk.

Vatsiputrīya. (So far I do not object). But what do you follow from this?

Vasubandhu. It follows first of all, that if Soul is an actual existence, it must have an essence of its own and must be something different from the elements of a personal life, (just as these elements differ from one another). Secondly you must indicate its cause, for otherwise it would be an existence uncaused, (an eternal being), and you would thus become guilty of professing

an heretical view, (which is contrary to your own system). Moreover (such an eternal, uncaused and unchanging being) would be without any practical efficiency,[9] (as if unexisting). But if on the contrary you admit it to be a nominal existence, (as a current designation for the elements of a personal life), I too will admit it, and say «so it is!»

Vatsiputrīya. We do not maintain that it is an absolute reality, but we neither accept it to be a nominal one.

Vasubandhu. What is it then?

94. b. 1. *Vatsiputrīya.* We give the name of an Individual to something conditioned by the elements (as far as they are organized) at a given moment in a personal life[10].

Vasubandhu. These words are so to say blind! As long as their meaning is not disclosed, I do not understand them! What does it mean to be «conditioned»? (Does it mean conditioned by perception or conditioned by existence?) In the first case the meaning would be: having perceived some elements (I call them an Individual). Then an Individual would be only another name for the elements. Just as when I perceive a liquid of a definite colour (smell, taste etc.), I call it milk, though it is nothing else than these elements only. But if conditioned means that (the use of the term Individual) is founded on (the existence) of elements, then these elements would represent the cause for our using this term. The difficulty remains the same.

[§ 3. The relation of the Individual to its elements, exemplified by the relation of fire to fuel].

94. b. 4 (9 b—9) *Vatsiputrīya.* We do not use the term («conditioned») in that sense.

Vasubandhu. In what sense then?

Vatsiputrīya. (We use it) just as we use the word «fire», (in applying it to something) conditioned by the presence of burning fuel.

Vasubandhu. And what does it mean that the use of the word fire is conditioned by burning fuel?

Vatsiputrīya. If there is no fuel, neither (is there anything) we can apply the name of fire to. Nevertheless we neither can maintain that fire is something different from burning fuel, nor can we assert that it is the same. Were it altogether different, fuel could not contain any caloric element,

(which we know it always does contain)[11]. But if there were no difference at all, then the substance that burns and the something that singes would be (one and the same substance). This illustrates (the relation betweenthe Individual 94.b.5 (10a-2) and its elements). If the elements of a personal life are absent, we do not use the term Individual. Nevertheless we neither can maintain that the Individual is something different from its component elements, nor can we assert that they are identical. (In the first case) the consequence would be an eternal (Soul), (in the second) its total absence.

Vasubandhu. Indeed! Then please explain what in your opinion is fuel 94.b.7 (10a-7) and what is fire? Thereupon I should like you to explain, what it does mean that the name fire is applied to something «conditioned» by the presence of burning fuel?

Vatsiputrīya. This requires no explanation! Fuel is the matter that burns and fire is that which singes. That is all!

Vasubandhu. This is just the thing I should like you to explain: what is the matter that is consumed by fire, and what is it that consumes it?

Vatsiputrīya. Now, as used in common life (these terms have the meaning of wood and flames). When wood or any other fuel is bursting into flames, people say: «this it fuel», «it is burning». With regard to the flames they say: «this is fire», «it singes». Flames and intense heat are the agency which burns i. e. destroys fuel in that sense that the continuity of its existence undergoes a change, (it is turned into ashes). But (from the scientifical point of view, both fuel and fire) are composed of (exactly the same set) of eight primary constituents (the sole difference consisting in the circumstance that in fire the caloric element is more prominent than in fuel)[11]. If the production of fire is conditioned by the presence of fuel, it is just as the production of curds which is conditioned (by the previous existence) of milk, or the milk's sour taste which is conditioned by its previous sweet taste.

Vasubandhu. But then, if the expression «conditioned by the existence of fuel» has this meaning, fuel and fire are altogether different things, because they are produced at different moments. If you mean that the production of an Individual is conditioned by its component elements in the same way, then it must be something different from them and at the same time something non-permanent, (since it has a cause). But if you understand the caloric element in the burning fuel to represent alone the fire, and the other three constituents of matter — which are inseparable from this element — to represent the fuel, then indeed it is established that they must be different, since they differ in

substance[11]. But then how can the name of **such** a fire be applied to something «conditioned» by the presence of such fuel! Once more you are bound to explain the meaning you attach to the term «conditioned»? This (fuel) is not the cause producing fire, neither is it the cause of using the name «fire». For fire itself is here the cause for applying to it this name.

95. a. 5. *Vatsiputrīya.* The term «conditioned» may here be accepted in the sense of a support, or necessarily coexisting element?

Vasubandhu. But if you suppose the elements of a personal life to «support» the Individual, or to be coexisting with him in the same sense (in which the primary constituents of matter are coexisting or supporting one another), you evidently are admitting a difference between them. (Then indeed it would follow that) no Individual can exist in the absence of its component elements, just as well as no fire can exist in the absence of fuel.

95. a. 6. *Vatsiputrīya.* To this we have already answered, that if fire be altogether different from fuel, the latter could not contain any element of heat, (which it always does contain).

Vasubandhu. (Yes, you did say so), but what do you understand by heat? If it is the caloric element fuel, never will be the same as heat, since it is (in this case) represented by the other constituents of matter. (They will be as different as one constituent differs from the others).

Vatsiputrīya. But then the other coexisting elements may be possessed of heat. In this case it will be established, that they are different from fire, as far as the latter is represented by the caloric element, but they nevertheless will represent heat also, in as much as they will be pregnant with heat. Hence there is no fault in them being different substances, (since they are thus united).

Vasubandhu. You suppose burning wood etc. to represent at the same time the fuel as well as the fire! Again you are obliged to explain what in this case will be the meaning attached to the term «conditioned»? And besides, since there is nothing but the elements to represent the Individual you cannot possibly escape the conclusion that the latter is nothing different (from the elements). Therefore you have not proved that the name Individual is applied to something conditioned by the presence of its elements in the same sense in which the name fire is applied to something conditioned by the presence of fuel.

[§ 4. The Individual not included in the table of the Elements].

Vasubandhu. Further, if the Individual is included as a separate ele- 95. b. 2.
ment among the elements of a personal life, then we must admit the existence of a new category of congnizable elements, a fifth category. For the cognizable elements are either impermanent — past, present and future —, or permanent. (That makes four categories). Now if your Individual is an existence neither constantly changing, nor eternal, it will constitute a fifth, intermediate category — an existence neither momentary, nor eternal.[12]

Vatsiputrīya. This cannot be maintained.

Vasubandhu. What is it then?

Vatsiputrīya. It is undefinable: it neither does nor does not constitute any fifth category.

Vasubandhu. When we are applying to an idea the name «an Indi- 95. b. 4.
vidual», what is the corresponding object? Is it the elements of a personal life, or is it a (real) Individual? In the first case we are applying the name to the elements only, since there is no (real) object so called. In the second, why should this name be conditioned by the elements, since it is conditioned by the real Individual itself?

Vatsiputrīya. We maintain that in the presence of all the elements of a personal life we perceive the object called Individual. Therefore we use this name as conditioned by the elements.

Vasubandhu. But colour too is perceived under the condition that the sense of vision, aroused attention and light be present. Hence you must maintain that it is «conditioned» by them and therefore nominal. (There will be no unconditioned existence altogether).

[§ 5. How is the Individual's existence cognized].

Vasubandhu. Now I should like you to answer the following question. 95. b. 7.
There are six kinds of cognition, (five sense-perceptions, according to the number of senses, and one purely mental). By which of them is the Individual cognized?

Vatsiputrīya. We answer: by all the six!

Vasubandhu. How is that to be understood?

Vatsiputrīya. If we have a visual perception of some coloured shape[13], 95. b. 8.
and if we thereby indirectly cognize the presence of a human Individual, we may maintain that he is cognized by sight. But we neither can admit

that he himself is this colour and this shape, nor can we deny it. The same applies (to all the other material elements, voice etc.) and also to the mental phenomena[14]. If we have a perception of some mental phenomena through the intellect, and if thereby the idea of an intelligent being presents itself to our mind, we may maintain that this Individual is cognized by a perception purely mental; but we neither can admit that he himself represents those mental phenomena, nor can we (absolutely) deny it.

96. a. 2 *Vasubandhu.* But if that be true, the same argument may be applied
(12a—1) to the cognition of milk and other (composite substances. They include elements of colour, of smell, taste and touch). If we have a direct visual perception of a definite colour (and flat surface), and through it the idea of milk or of water presents itself to our mind, we may maintain that this milk and this water is cognized by sight. But we neither can admit that they themselves are this colour and shape, nor can we absolutely deny it. The same might be said about their elements cognized by smell, taste and touch. We may have a direct perception of these substances through the sense of touch, but we neither can admit that they are themselves this touch nor can we absolutely deny it. Because (if these colour, smell, taste and touch were each of them milk itself or water itself), we should have four different kinds of milk or water. We arrive at the following conclusion: just as milk and water are conventional names (for a set of independent elements), for some colour, (smell, taste and touch) taken together, so is the designation «Individual» but a common name for the different elements, which it is com-
96. a. 6 posed of. But (let us consider the argument more closely). You have said: «if we have a visual perception of some colour and shape, and if we thereby indirectly cognize the presence of a human Individual» etc. Now, what is the meaning of these words? Does it mean that the cognition of the Individual is caused by its visible element, or does it mean that both are cognized simultaneously?

(*Vatsiputrīya.* What is the difference between these two possibilities?)

Vasubandhu. If the visible element is the cause producing the cognition of the Individual, and at the same time we are told, that the latter does not differ from the former, (this must be true of all the other causes too), and since they are not different from the Individual, there neither can be any difference between themselves. Hence we arrive at the absurd conclusion, that) the visible element in its turn does not differ from sight, light and attention, since these all are the causes of a visual perception. Now, (take the other possibility): the cognition of the Individual appears at the same time with

the cognition of the visible element. The question arises: do we perceive the Individual by that very perception, by which we perceive the visible form, or by another one? In the first case the Individual would be essentially the same as the visible form, in other words, it would be the name for some visible element only. But then how could we make a distinction between them? How could we tell: «this is the bodlily frame» and «this is the Individual itself». Or how indeed could we surmise that the Individual is something as really existing, as the visible element is, if there altogether be no distinction between them? We can assume etc. existence only on the basis of some cognition. What is here said about the visible element, might be extended to all the other elements, mental phenomena included. But supposing the Individual to be cognized by a separate act of 96. b. 3.
perceptive knowledge, then it should be something quite different from the visible element, as both are cognized at different moments, just as blue differs from yellow, or just as two moments (in the existence of the same object) differ from one another. This might also be extended to all other elements, mental phenomena included.

Vatsiputrīya. But (there is still another possibility): just as we maintain that the Individual and the visible element are neither different, nor are they identical, we shall extend (the same principle) to their cognitions; they are neither different, nor are they identical!

Vasubandhu. Well (if you go on this way with the relation of neither different nor identical), you neither will be capable even to maintain that (this cognition of an Individual) is a passing phenomenon and this will mean giving up your own tenet, (namely that cognitions are always phenomenal).

Further (if you are in the right and this Individual) really exists, 96. b. 6.
but is neither identical nor different from the visible element, why then has the Lord (expressly denied it), declaring that «neither the visible element is the Self nor any other element, consciousness included»? And if the Individual is perceived through sight, what is the objective cause producing such perception? Is it the visible frame, or is it the Individual, or both together? If it is the visible olement it cannot possibly be a perception of the Individual, no more than it can be a perception of his voice or the like. Because the objective cause of every perception belongs necessarily to its own special field, (a visual perception can be of colour or form only). And if (you suppose it to be the Individual itself or the Individual and the body together, you will be contradicted[15] by Scripture, because Scripture lays a stress upon the point that there are only two causes produ-

97. a. 1. cive of perception. Thus it is declared: «O, Brother! when a visual perception is produced, the first cause of it is the faculty of sight, the second a visible object. Why is that? Because the production of all visual perceptions, whatever they may be, is conditioned by the existence of the faculty of sight and of a visible object.» In that case it would likewise follow, that the Individual, (did it exist), would be something changing in every moment, for Scripture declares, that «whatever be the active cause or the object of a visual perception, is eo ipso a momentary existence». Now if your Individual is not a visible object, it never will be cognized by sight. As to your theory that the Individual may be cognized by all the six kinds of perception, (we must observe, that) if it can be cognized by audition, it must be something quite different from the visible element, as different as sound is from colour. On the other hand if it is cognized by sight it must be something quite different from the voice, as different as colour is from sound. The same argument may be extended to the other sources of cognition. Moreover your theory is in contradiction with the following Scriptural passage: «O, Brahmin! each of these five sense faculties has its own separate field of action and its own objects because each one experiences its own objects in its own special field[16]. One faculty cannot act in the domain of another, or experience objects belonging to it. Thus we have the faculties of sight, of audition, of smell, of taste, of touch and of the intellect. The first five have their proper domain and their own objects each, the faculty of the intellect being the common resort for all». The consequence of this would be that there is altogether no such object as an Individual, and if it does not constitute an object of cognition, it will follow that it cannot be cognized at all.

97. b. 1. *Vatsiputrīya.* If this would be the case, then the Individual could not be cognized even by the intellect. (But in its turn this is contradicted by Scripture). It is declared in the Parable of the Six Animals: «the six faculties have each of them a separate field of action, each has a natural propensity towards a special domain of its own and its own special objects.» (This propensity belongs to intellect alone, hence we understand this passage to indicate that the faculty of the intellect may cognize every objects).

Vasubandhu. This passage does not mention the cognitive faculties in the current sense of the six cognitive faculties, (because it mentions their propensity i. e. a conscious choice). Now the five senses and the (indefinite) consciousness produced by them cannot have any propensity towards visual or other perception. But by their influence mind is attracted and they are followed by definite mental cognitions which are refered to in the above passage

under the name of cognitive faculties. As to cognitions (purely) mental which are consequent on the action of the intellect alone, (independently of any influence by the senses, they have their own special objects and) cannot have any inclination towards a domain which is essentially different from their own. (There can be no common object for all cognitive faculties; the Individual being no special object of any separate faculty cannot be cognized altogether). Therefore your objection is not valid, (your reference to the meaning of the passage in question does not improve your position). And besides Buddha (has given the full list of all existing elements without mentioning any Individual). «O Brethren! has he declared, I will expose to you the list of all elements which must be well known, thoroughly known. Well known, thoroughly known must be the faculty of vision, its object, its apprehension, its sensation and the feeling whether pleasant, unpleasant or indifferent caused by the sensation of a visual contact» and so on, (he goes on enumerating the elements and) concludes with «the feeling arising from a purely mental sensation. This is the list of all the elements of existence that must be well known, that must be thoroughly known».

(*Vatsiputrīya.* Buddha speaks in this passage about thorough knowledge. But to apprehend the mere existence of something is not the same as to know thoroughly.)

Vasubandhu. It is clearly stated in the above passage that the elements to be well known, and thoroughly known are so many and no more. There is no Individual among them. Therefore neither its mere existence can be apprehended, since the indefinite apprehension of an object's mere existence and its subsequent definite cognition always refer to just the same object.
This idea of yours that there is an existing Self who through the opening of 97. b. 8.
his eyes contemplates other Selves — this idea it is which is called Wrong Personalism.[19]

[§ 6. Scriptural passages discussed].

Vasubandhu. In his sermons Buddha lays a stress upon the point, that what 98. a. 1.
is called an Individual is nothing else than the component elements (of a personal life). So it is declared in the Ajita-Sermon: «a visual consciousness depends upon the organ of sight and a visible object. When these three: (object, sense organ and consciousness) combine, a sensation is produced. It is accompanied by a feeling, a representation and a volition. Thus we have four elements that are mentale (sensation i. e. indefinite consciousness, feeling, representation and volition), and one, the organ of sight, that is physical. Only

so much is meant, when we are speaking of a human being. To these (five sets of elements) different names are being given, such as a sentient being, a man, Manu's progeny, a son of Manu, a child, an Individual, a life, a Soul. If with respect to them the expression is used «he sees this object with his own eyes», it is false imputation, (there being in reality nobody possessing eyes of his own). In common life with respect to them such expressions are current as: «that is the name of this venerable man, he belongs to such a caste and such a family, he eats such food, this pleases him, he has reached such an age, he has lived so many years, he has died at such an age». These O Brethren! accordingly are mere words, mere conventional designations.

«Expressions are they, (but not truth)!
Real elements have no duration,
Vitality makes them combine,
In mutually dependent apparitions».

Moreover Buddha has declared that one must hold to the definite (direct, technical) meaning of his words. Therefore this their meaning must be examined over and over. Thus, when it is said: «O Brahmins! every thing exists», (one must bear in mind) that it likewise has been said, «this refers only to (the elements of existence classified as) the twelve «bases of cognition». Now if this Individual is not to be found among the bases of cognition, it is (eo ipso) proved that it does not exist altogether. If, on the contrary, it is included in them, then it is not admissible to maintain that the Individual is something indefinite, (neither identical nor different from the elements, since the elements and bases are something definite). Again in one sermon according to the (Vatsiputrīyas) themselves, there is a passage running thus: «all the organs of sight that may exist and all the visible objects, that may exist etc. etc.» — follows the enumeration of all the twelve bases of cognition — «the Buddha has declared that here (in the twelve bases) they are contained, all without exception; and he declares that these are the only elements really existing». Among them there is no Individual. Therefore how can the Vatsiputrīyas maintain that the Individual is something real?
98.b.2(15a-8) (They contradict their own Scriptures!) Again in the Bimbisāra-Sermon it is declared: «O Brethren! (the notion) of «myself» and of «mine» is a childish notion of simple uneducated people, who are misled by current expressions[17]. There is no Self, nothing mine, nothing except the separate elements of the trouble of life in their vanishing apparitions»[18]. And the holy nun Çilā[19] — Māra having started the discussion[20] — gives the following answer:

«A sentient being does exist, you think, o Māra?
You are misled by false conception.
This bundle of elements is void of Self,
In it there is no sentient being,
Just as a set of wooden parts
Receives the name of carriage,
So do we give to elements
The name of fancied being»[21].

Further, we find in the «Scriptural Chips»[22] Buddha adressing the 98. b. 5.
Brahmin Bādarayaṇa in the following terms: «Listen thou, o Bādarayaṇa! I shall explain to you all bonds of life which are the vanishing elements. On consciousness (they do depend, with it) are they defiled, with it they become purified[23]. But a Self in the sense of the real Self does not exist. By false (imputation the element of consciousness) is fancied (to represent a Self). There is here neither a Self nor a sentient Being. There are elements which depend (upon other elements acting as) causes. Life revolves in twelve successive stages, (but it contains nothing else except the elements, differently classified as) the five aggregates (the substrates of an individual life), or the twelve bases of cognition, or the eighteen component parts of existence. If we carefully examine them, we do not find among all of them any Individual. Behold the elements of inward life! they are void (of a Self) Behold those lying to the outward! they also are void[24]. And even he who is plunged in deep meditation about this (twofold) voidness, whosoever he may be, he is not found (among the elements of real existence)!» And it is likewise declared (in the same collection): 98. b. 8.
«There are five draw-backs[25] in this idea of a Soul: 1) a false dogma of a Soul, of an intelligent being, or a living creature[26], 2) a coincidence whith heretics, 3) a wrong path to Salvation, 4) a disinclination towards the idea of (Self-) voidness, a disbelief, a want of steadiness, want of devotion to it[27], 5) the elements of saintliness do not appear in their (genuine) purity».

Vatsiputrīya. For the (Vatsiputrīyas) these texts are of no authority!

Vasubandhu. Why?

Vatsiputrīya Because they maintain thet in their Collection of Sermons they are not to be found.

Vasubandhu. But are their Collections the only authority (they bow to), or is the word of Buddha their authority? If their Collections are the only authority, then Buddha is not their Teacher and they are not the sons of the

Çākya-Heremit. But if the word of Buddha is their authority, why then should these texts not be authoritative?

99. a. 4 (16a—7). *Vatsiputrīya.* They are not the (true) Words of Buddha.

Vasubandhu. And why?

Vatsiputrīya. Because the (votsiputrīya) are known to maintain thāt they are not to be found in their Collections [28].

Vasubandhu. This is inadmissible!

Vatsiputrīya. What is inadmissible?

Vasubandhu. To declare a text spurious because it is omitted in their collection, a text which is found in all other collections, a text which neither disagrees with Scripture nor with the theory of Elements [29], this is a quite arbitrary proceeding and nothing more! And then, the (well known) passage «the elements contain no Self», is it likewise omitted (in their own Collections)?

Vatsiputrīya. But in our opinion it means that the Individual is neither one of the elements nor is it something outside the elements, (as stated above).

Vasubandhu. In this case (if nothing corresponds to it) the Individual would never have existed (even) as a mental idea [30], (since every idea must have something for its objective source). It is expressly stated in Scripture, that there are always two causes for every cognition (a receptive faculty and an apprehended object).

(*Vatsiputrīya.* And how do you explain the fact that in the absence of a Self there nevertheless arises an idea of a Self?)

Vasubandhu. It is stated (in other texts) that «the Self corresponds to a non-Self, (to something existing, but not to a real Self). It is a wrong idea, a wrong apprehension and a wrong doctrine.

Vatsiputrīya. How indeed did you come to know that the false idea of a Self corresponds not to a Self, but to a non-Self?

Vasubandhu. And what (in your opinion) does the expression «non-Self» mean (in Scripture)?

Vatsiputrīya. (It is meant to designate all the elements of phenomenal existence, classified as they are in) five aggregates (the substrates of a personal life), or in twelve bases of cognition, or in eighteen component parts of existence.

Vasubandhu. Well, (f. i. the bodily frame being an element must be designated as a non-Self, and it follows that you are contradicting your own statement made above), the statement namely that the Individual is neither identical with the bodily frame, nor is it something different [31]. (If the bodily element does not differ from the Self, it cannot represent the non-Self).

In another Sermon it is declared: «O Brethren! some Buddhists as 99. b. 1.
well as some Brahmins entertain the idea of a Self. But you must know that all such ideas refer exclusively to the five mundane groups (of elements, the substrates of a person's phenomenal life: its bodily frame, its feelings, its notions, its will, and its general consciousness)». Therefore all such cognitions of a Self invariably refer to the non-Self.

[§ 7. Is the Buddha a real personality].

Vasubandhu. Accordingly Scripture declares: «(there are saints, who 99. b. 2.
can) remember their various previous existences, but in doing so, all that they did remember, all they are remembering or will remember about in future refers simply to these five groups of mundane elements.

Vatsiputrīya. If such be the import of this text, why then does Buddha declare (in his Sermons): «in a former existence I have had such a bodily frame». (Using the term «I» implies the existence of a Self).

Vasubandhu. He alludes in these words to the fact which has been expressed in the (just cited) passage «there are saints who can remember their various previous existences etc.» (The saints who remember their previous births remember them in this form, namely in the form: «I» have had such a bodily frame)». If the import of these words had been (as you conceive it) that there is a (real) Individual, which (in former births) possessed an(other) body, it would follow, that you are professing the heresy of Wrong Personalism, and then the only possible escape (for you not to be accused of this heresy) would be to declare spurious (all the Sermons where Buddha speaks of his previous births)[32]. Therefore it is clear that in those Sermons Buddha speaks about his person in the common, conventional sense, just as we use the expression «a collection» (meaning its separate parts), or «a continuity» (meaning its separate moments. In one moment we have a collection Yaçom.
of the elements of a personality existing simultaneously, in the continuity of life through many births a collection of such successive moments).

Vatsiputrīya. In this case it would follow that Buddha is not omni- 99 b. 5.
scient. Since consciousness as well as the mental states are but separate moments, there is not the slightest possibility (for one of such moments) to know every thing (i. e. the arising and disappearing of all elements in every moment). But for a real personality such (universal) knowledge becomes possible.

Vasubandhu. But then you admit the existence of a Self which does not vanish at the moment when consciousness vanishes, therefore you must admit the existence of an eternal Soul, (an unchanging Self along with a

changing consciousness, and that would be a contradiction to your own doctrine). As to us we by no means maintain that the Buddha has an immediate direct knowledge of all (moments) and that this is the reason of his being called «the Omniscient».

Vatsiputrīya. How is it then?

Vasubandhu. He is possessed of the gift of omniscience in the sense that the continuity of life which is called «the Buddha» has the force of producing the right knowledge of any object he may like to know by simply directing his attention towards it. It has been said:

«Not in the sense of «all at once»
Admit we omniscience,
But gradually it operates
Like fire every thing consuming!»

Vatsiputrīya. How can it be proved (that the Buddha is no permanent personality, but a stream of changing elements)?

Vasubandhu. It follows from the fact that there are past, future and present Buddhas), as stated in Scripture.

(*Vatsiputrīya.* Where has it been declared?)

Vasubandhu. There is (a verse in Scripture) running thus:

«Be it the Buddhas of the past
Be it the Buddhas of the future
Be it the Buddhas of the present
They all remove the suffering
Of many sensient beings».

Since you yourself are likewise maintaining that what appears in the three times are elements only and no permanent personality, (therefore it is clear that there is no Ego outside the elements, nor is there any Omniscient Ego, because this would be irreconciliable with the temporary character of these elements).

[§ 8. Examination of the parable of the burden and the carrier].

100. a. 3 (1a — 5). *Vatsīputrīya.* If the Individual is nothing else but the elements (it is composed of), what for then has it been declared by Buddha: «O, Brethren! I shall explain unto you the burden (of life) and moreover I will explain the taking up of the burden, the laying aside of it and who the carrier is!» («Listen

well, listen attentively and inculcate it in your minds! I am going to explain! Yaçom.
What is the burden? All the five aggregates of elements the substrates of personal life. What is meant by the taking up of the burden? The Force of Craving for a continous life, accompanied by passionate desires, the rejoicing at many an object. What is the laying aside of the burden? It is the wholesale rejection of this Craving for a continuation of life, accompanied as it is by passionate desires and rejoicings at many an object, the getting rid of it in every circumstance, its extinction, its end, its supression, an aversion towards it, its restraint, its disappearance. Who is the carrier? We must answer: it is the Individual i. e. «this venerable man, having this name, of such a caste, of such family, eating such food, finding pleasure or displeasure at such things, of such an age, the man who after a life of such length, will pass away having reached such an age». (What for did Buddha declare this?)

Vasubandhu. Why should he not?

Vatsiputrīya. (The burden is explained to represent all the elements of life and the carrier i. e. the Individual, if not different from them, must be included in the same). Now the burden and the carrier of the burden cannot possibly be the same thing[33].

Vasubandhu. Why?

Vatsiputrīya. Because (experience teaches) that this never happens.

Vasubandhu. But to say (as you do) that an Individual is something undefinable, (neither identical nor different from the elements it is composed of) is likewise inadmissible! And why? (For the same reason!) Because such a thing has never been witnessed! Moreover (if the carrier of the burden be taken to represent something different from the elements), the consequence would be that neither «the taking up of the burden» (i. e. the Force of assuming new elements by birth) could be included among these elements (which we know it is, under the name of the Force of Craving for Life)[20]. The carrier of the burden has been pointed to by Buddha with the express purpose to show that only so much can be known of him: «he is a venerable man, named so and so» and other (common life) particulars ending with «after so long a life he will die at such an age», but he must not be misunderstood to represent some eternal (Soul) or some (real) Individual. (In reality nothing exists but momentary sets of elements), the elements of the former moment exercising (as it were) a pressure upon the elements of the following one. Hence the preceding moment has been conventionally called the burden and the following one — the carrier of the burden[34].

[§ 9. Further arguments of the Vatsiputrīyas in favour of the existence of some kind of Individual, stated and answered].

100. a. 7. *Vatsiputrīya.* Some Individual necessarily must exist, (because there are apparitional spontaneous self-births[35]. The denial of spontaneous births has been (condemned in Scripture, as one of) the wrong views.

Vasubandhu. Who has ever denied spontaneous births! In conformity with the explanation given by Buddha, we maintain that they do exist. (Buddha has said namely that if the elements develop into a new life spontaneously, the result is a self born apparition). Hence what has been condemned as a wrong view is (the denial of this explanation,) the denial of the fact that such an apparition in a new existence is a (mere) transformation in an unbroken chain of appearing elements, because an apparition consists out of elements[36]. But supposing you were in the right, and I am really guilty of the fault you are imputing to me, namely the heresy of denying the existence of an Individual[37], what would happen? I never could get rid of it! For only two ways are taught towards perfection: insight into the four Truths of Perfection and Ecstasy or the practice of the Holy Path. Neither will be applicable in my case. Insight into the Truths will not do, because such an heresy is not mentioned in them, on the contrary we find the opposite view — the heresy of Wrong Personalism — mentioned. And as to the way of practice it is not capable of clearing up wrong views altogether[38].

100. b. 2. *Vatsiputrīya.* But the Individual cannot be identical with the elements of a personal life, because (Scripture mentions the Individual as a unit). There is a passage: «when one whole individual appears in the world, it is born»[39].

Vasubandhu. This is wrong! A unit may also be used as a conventional substitute for a multitude, as f. i. «one» corn of sesam, «one» corn of rice (for a multitude of atoms), or «one» heap of corn (for a multitude of grains) and «one» word (for a combination of sounds).

And again, since you admit that the Self is something that is being born (into phenomenal existence) you must admit that it cannot be something permanent. (Elements that are subject to birth never are permanent)[40].

Vatsiputrīya. (It is permanent in a way, for «being born» is here used in another sense). The elements are (momentary) apparitions which did not exist in the former moment, but the Self is not born in this way.

Vasubandhu. How then?

Vatsīputrīya. It is born in the sense, that it acquires new elements, casting away the previous ones), just as by the acquirement of knowledge one becomes a priest or a grammarian, by (appropriate) distinctions[41] one becomes a buddhist monk or a brahminical wandering ascetic, and by a change in the physical condition one becomes old or falls ill. (In all these cases new elements are produced in something already existing).

Vasubandhu. This argument is wrong! It is condemned in Scripture. In his Sermon about the «Real Void»[42] Buddha has spoken thus: «O, Brethren! actions do exist and also their consequences (merit and demerit), but the person that acts does not. There is no one to cast away this set of elements and no one to assume a new set of them[43]. (There exists no Individual), it is only a conventional name given to (a set) of elements»[44]. In the «Discourse with Phālguna»[45] it is likewise declared: 100. b. 7.
«I do not say, o Phalguna! that the same body assumes a (new set of elements)». Therefore there is no one whatsoever who assumes elements or throws them off.

But first of all I should like to know: what are you alluding to, when 100. b. 8.
you refer to the (assuming of new elements by) the priest, (the grammarian) etc.? Is it their personality? No, because its existence is not proved. Is it their mind and mental phenomena? (No, because there is nothing permanent in them), they appear anew at every moment. Is it their body? (No, because) the same must be said about the body.

Further, (your examples prove the opposite of what they are ment to prove. You maintain namely that the Self and the elements are neither different, nor identical, but) just as knowledge and other marks (are different from the body), in like manner the elements must be different from a Self. (If you admit) that the bodies of the old and the sick (are different states), of the same body, we answer that the old and the sick body are altogether new bodies (different from the previous ones. To deny it would mean to accept) the transformation doctrine of the Sāṃkhyas which has already been dispensed with. Therefore your examples are not fit (to prove your tenet that the Self and the elements are neither different nor identical). Again if you admit the elements, but not the Self, to be produced anew (in every moment), then you clearly show that both are different and that the Self is permanent. And when you point to the fact that there are five sets of elements in and personal life and only one Self, do you not maintain that the Self is different from the elements?![46] (How can you at the same time maintain that it is not different and not permanent)?

101. a. 4. *Vatsiputrīya.* There I will ask you in my turn. There are four primal constituents of matter, but matter itself is regarded as something simple. Nevertheless is it not taught that matter is not different from its constituents?

Vasubandhu. This is a mistaken view held by some persons.

Vatsiputrīya. By whom?

Vasubandhu. By those who (like Buddhadeva) admit the existence of the primary constituents alone[47].

[§ 10. Questions supposed to have beenleft unsettled].

101. a. 6 (2b—10). *Vatsiputrīya.* If this be true, if an individual represents exactly the elements it is composed of and nothing else, why then did the Lord decline to decide the question, whether the «living being» is identical with the body, or not?

Vasubandhu. Because he took into consideration the intention of the questioner. The latter asked about the existence of the Soul as a real living unit, controling our actions from within. But as such a Soul is absolutely non existing, how could Buddha have decided, whether it did or did not differ from the body. Fancy someone asking: are the hair of the tortoise hard, or smooth?! This question has already been analysed by quite ancient teachers. (There lived once an Elder of great learning named Nāgasena and a powerful King, Milinda by name). This King Milinda came to the Elder Nāgasena and said: «O Venerable One! Very loquatious are monks! If you would answer exactly to my question, I have a mind to ask you something». «Please, do ask!» said the Elder. The King asked: «This living being what is it? Is it the same as the body, or is the living being one thing and the body an other?» The Elder said: «This question has not been answered!» The other riposted: «O most venerable One! did you not condescend to promise at the outset not to give any evasive explanation? Why then are you telling me that this question has not been answered (by Buddha). These words are by no means (an answer to my question)». The Elder spoke: «O great King! Very loquatious are Kings! If you would answer exactly to my question, I also have a mind to ask you something». «Please, ask!» said the King. The Elder asked: «are the fruit of the mango tree in your palace sour or are they sweet?» «There is absolutely no mango tree in my palace!» was the answer. The Elder riposted: «O great King! did you not condescend to promise at the outset, not to give any evasive explanation? Whatfore then are you telling me that there is no mango tree in your palace?

This is by no means (an answer to my question)!» The King replied: «But how can I tell you something about the taste, sour or sweet, of the fruit of an unexisting mango tree?» «O great King! said the Elder, it is just the same with this living being! If it does not exist, whatfore shall I explain whether it does or does not differ from the body?»

Vatsiputrīya. And why did not the Lord declare that it does not exist 101. b. 7.
at all?

Vasubandhu. Because he took into consideration the questioner's state of mind. The latter could have understood that the «living being» is the same as the continuity of the elements of a life (and that this continuity) is also denied. He thus would have fallen into a wrong doctrine, (the doctrine of Nihilism).

(*Vatsiputrīya*. Why then did not Buddha declare, that the «living being» is a conventional name for a set of constantly changing elements?)

Vasubandhu. Because his interlocutor was not capable of grasping the theory (of elements), since he had no knowledge (of the manner, in which these elements) appear in combinations, being mutually interdependent. This (method of teaching in conformity with the mental capacity of the auditory) can be clearly seen in the following express words of Buddha. (After having refused an answer to the questions of the wandering ascetic Vatsagotra about the existence of the soul, he thus adressed Ananda): «Would it not have been improper, O Ananda, to tell that there is a Soul, since among all elements of existence there is none. And if I did tell him that it does not exist, Vatsagotra might have fallen out of one perplexity into a still greater one. He might have thought: «I had a Soul precedently, now I have lost it!» If I tell that the Soul exists, O Ananda, there is the danger of falling into one extremity in surmising its Eternity. If I tell that it does not exist, there is the opposite danger of falling into Nihilism!» This point
has been explained (by Kumāralābha) thus: «The Buddha was pleased 102. a. 4
to construct his doctrine concerning the elements of existence (with the grea- (4a - 3).
test caution), like a tigress who holds her young by her teeth, (her grasp is not too tight in order not to hurt him, nor is it too loose in order not to let him fall). Buddha saw the wounds produced by the sharp teeth of the dogmatic (belief in Eternity) on the one hand, and by the downfall of (every responsibility for one's) actions on the other. If (humanity) accepted the idea of an existing Soul it lay down wounded by the sharp weapon of dogmatism. But if it did cease to believe in the existence of a conditioned Self, then the tender child of its moral merit would perish». The same author goes on

and says: «Since the «living being» does not exist, the Lord did not declare that it is different from the body. But he neither has declared that it does not exist, fearing that this could be understood as a denial of the empirical Self. There is namely in the stream of elements a certain «living» in the sense (of actions producing) good or bad results, and if Buddha had said that there is altogether no living being, (Vatsa) might have supposed that such a «living» too does not exist. Nor did he declare that a «living being» is merely a conventional name given to a set of elements, for in that case he had to deal with a man uncapable of realising the idea of Voidness (i. e. the absence of a real personality in the stream of elements appearing in mutual interdependence). Thus it is that being questioned by Vatsa whether the Soul did or did not exist, Buddha took into consideration the intellectual level of his interlocutor and did give no answer. But if a Soul did exist, nothing could have prevented him to declare that it did!»

Vatsiputrīya. And why did Buddha not settle the questions about the Eternity of the World etc.?

Vasubandhu. For the same reason! He took into consideration the intention of the questioner. First of all the latter would have meant the (Universal) Soul to be the World. But then as for Buddha no (such) Soul did altogether exist, (every answer such as: it is eternal, it is not eternal, it is partly eternal and partly non eternal, it is neither eternal nor non-eternal) would have been out of place. If again the questioner would have meant under Universe the appearing and disappearing of all (its elements), again every answer would have been out of place. For if this (process of life) is eternal, there is no (hope of putting an end to it in) Final Rescue. If it is non eternal, then it will break up altogether (by itself). Supposing it to be both: (partly non eternal and partly eternal), then some living beings will naturally attain Final Rescue (without any effort), and other ones will never attain it. And lastly, supposing it to be neither eternal nor non-eternal (we get a contradiction, namely that) at the same time there neither will be any Salvation nor any absence of Salvation! As a matter of fact Salvation can be attained by the practice of the Holy Path only, therefore every (direct) unqualified answer would have been incomplete. Similarly (Buddha declined to answer the question of a) learned Gymnosophist who taking a

Yaçom. fledgling in his hand (asked, whether it was living or not. If he had answered «it is living» the gymnosophist would have squeezed the bird in his hand and shown it dead. If he had answered «it is dead» the Gymnosophist would have shown a living fledgling and thus proved to the audience that

Buddha was not omniscient. But the Lord guessed the hidden aim and gave no direct answer. He only said: «as a matter of fact it can be living or dead, since this depends upon your will»).

For the same reason Buddha did not solve the four questions regarding the end of the Universe. These questions have the same import as the preceding four questions.

(*Vatsiputrīya.* How do you know that these four questions about the end of the world have the same meaning as the questions about its eternity etc.)?

Vasubandhu. (I know it) because the wandering ascetic Vatsa[48] after having proposed (the first set of four questions) proceeded again to ask: «are you maintaining that all «worlds» (i. e. all sentient beings) are able to find escape or only a part of them (i. e. are there «worlds» eternal and non-eternal)? Ananda the Elder (who was present) made the remark: «Vatsa! you have already asked the Lord about these questions. Why are you now repeating them, changing only the words?» (We know therefore that the second set of four questions have the same meaning as the first).

(*Vatsiputrīya.* And why was the question about the existence of a Buddha after death refused an answer)?

Vasubandhu. For the same reason! Because taking into consideration the intention of the questioner a (simple) answer was not possible. The latter namely in asking his question, was surmising that the term «Buddha» denoted the (absolute) Soul liberated (from all bonds of transient existence. Since the existence of such a Soul was not admitted, it was impossible to answer whether it did or did not exist after the death of the body).

Now we must (in our turn) ask those who are admitting the existence (of a Soul in the shape of) an Individual: why did Buddha speaking about the living Individual declare that it did exist (meaning all its elements existing at a certain moment)? Why did he refuse to answer the question about its existence after death?

Vatsiputrīya. Because he feared to be misunderstood as admitting the existence of eternal (elements). 102. b. 7 (5a—9).

Vasubandhu. How is that? (Buddha has made declarations regarding future and former existences without fearing to be accused of admitting eternal life). «The time will come, O Maitreya, said he, when you will become the absolute Saint, the perfectly accomplished Buddha!» And upon an other occasion, when one of his followers passed away, he made a declaration about his former existence, saying: «he was born formerly as such and such

a one». How is that? Did he in these cases admit an eternal continuation of life? If it be supposed that Buddha perceived a man's (destiny) previously to his entering the absolute state and ceased to perceive it after that, then it would follow that he did not answer (the question about the existence of a Buddha after death), because he did not know of it. But this is a denial of our Great Master's omniscience. Otherwise (there is only one explanation possible, namely that he did not answer the question about the existence of a Buddha i. e. an absolute Soul after the death of the body because) there is altogether no Soul. You are driven to accept (our, the Sarvāstivādin's view). If on the contrary you admit that he perceived the existence of a Soul in this case, but was silent about it, then it will be proved that a Soul is existing and is eternal. Or (perhaps you will have recourse to your favourite method and declare that) this also is something undefinable, that Buddha does and does not perceive it at the same time! But hush! hush! do not give voice to such (blasphemy)!

[§ 11. A further argument in favour of a Soul stated and answered].

103. a. 4. *Vatsiputrīya.* (Some kind of) Individual must exist, since Scripture declares: «to maintain dogmatically «I have no Soul» is a wrong dogma».

Vasubandhu. But it likewise declares: «to maintain that there is a Soul is wrong dogmatism». Therefore this is absolutely inadmissible. The Abhidharmists declare both these views to be inadmissible extremes. They are included by them among the heresies as the belief in Eternity and Nihilism. Their view is profoundly logical, since it is just the same view that has been proferred in the Discourse with Vatsa: «O Ananda! if we declare that there is a (real) Soul, we shall fall into (the extreme of) Eternity; and if we declare that there is no (empirical) Self, we shall fall into (the extreme of) Nihilism».

[§ 12. Is there any transmigration of Souls].

103. a. 7. *Vatsiputrīya.* If there were no Individual existing, who is it that does migrate, (appearing and disappearing in different existences), since it is impossible to suppose that the process of life is itself appearing and disappearing? Besides the Lord has declared in Scripture: «The living beings are migra-

ting. Obscured by Ignorance (and bound by a Craving for life) they are wandering about (through birth and death)».

Vasubandhu. But how do they migrate?

Vatsiputrīya. By abandoning one set of elements and taking up a new one.

Vasubandhu. This theory has already been dispensed with. (We have proved that life is going on like a moving fire which is consuming a prairy). Although it is disappearing at every moment it neverthless is called a wandering fire on account of its continuity. Just so does a multitude of sets of elements conventionally called «living beings» wander (to future birth and death) on account of (the element of) Craving for life.

Vatsiputrīya. If this (so called living being is a mere) combination of 103 b. 1
elements (without any real Ego), how could the Lord have declared: «at (6a—7).
that time I have been living as Sunetra the (venerable) teacher»?

Vasubandhu. Why should he not?

Vatsiputrīya. Because the elements (of a former existence) are not the same (as the present ones).

Vasubandhu. What is it then (that is now Buddha and was formerly Sunetra)?

Vatsiputrīya. The Individual.

Vasubandhu. (Impossible because it) would be eternal! Therefore when Buddha says «I myself was this (teacher Sunetra)», he means that (his past and his present) belong to one and the same lineage (of momentary existences, he does not mean that the former elements did not disappear). Just as when we say «this same fire which has been seen consuming (that thing) has reached (this object)», (the fire is not the same, but overlooking this difference we indirectly call fire the continuity of its moments i. e. rebirths).
Again supposing that a (real) Self is existing, (this Self being very subtle) 103. b. 3.
only Buddhas will perceive it quite clearly. Having thus perceived it they will be imbued with a very strong belief in it, and since according to Scripture «the idea of a Self is followed by the idea of «mine»», they — the Buddhas — will preeminently believe that the elements of their lives belong to them, and this will constitute their heresy of Wrong Personalism. Further, where the wrong idea of «mine» has found its place, there arises a craving for all that is supposed to be «mine». Thus it will happen that (these would be Buddhas) corrupted by the strongest bonds of a passionate love for their own persons and belongings will postpone their Salvation into remote future! (i. e. will never become Buddhas!)

103. b. 5 (6b—5). *Vatsiputrīya.* On the contrary! passionate love towards the (real) Self is never experienced.

Vasubandhu. According to this opinion there can be no love for the (pure) Self, this love appears only when something which is not at all the real Self, is mistaken for the Self. This you suppose to be logical! (But it is impossible logically to prove such tenets. Therefore you are grossly mistaken, when you suppose that the desease of such wrong views reducing Salvation to nought might appear in a natural way within the pale of the Holy Doctrine of Buddha). To summarise: One category (of thinkers, as f. i. the Vatsiputrīyas) admit the existence of on (undefinable) Individuality (along with the elements). An other category (as f. i. the Mādhyamikas) declare that there is altogether nothing real, (i. e. the elements themselves have no real existence). These two wrong doctrines have appeared within the pale of Buddhism. There are besides the heterodox teachers, who maintain that the Soul is a quite independent substance. All these wrong doctrines make Salvation impossible and this is their irremissible fault!

[§ 13. Memory explained].

103 b. 7. *Vatsiputrīya.* Now, if there absolutely is no Soul, how is it then, that the detached moments of consciousness can remember or recognise things which have been experienced a long time ago?

Vasubandhu. Consciousness, being in a special condition and connected with a (previous) knowledge of the remembered object, produces its recollection.

Vatsiputrīya. What is this special condition of consciousness which is immediately followed by remembrance?

Vasubandhu. It is a condition which includes 1) attention directed towards this object, 2) an idea etc. similar or otherwise connected with it and 3) absence of bodily pain, grief or distraction etc., impairing its capacity. But supposing all these conditions are realised, consciousness nevertheless is not able to produce remembrance, if it is not connected with a previous experience of the remembered object. If on the other hand it is so connected, but the above conditions are absent, it likewise is not able to produce it. Both factors are necessary — (a previous cognition and a suitable state of mind). Then only memory appears. Experience shows that no other forces are capable (of evoking it).

Vatsiputrīya. But (if there were absolutely nothing permanent, it would mean that) one consciousness has perceived the object and an other one

remembers it. How is this possible? In this case things experienced by Devadatta's consciousness would be remembered by the consciousness of Yajñadatta.

Vasubandhu. No! because there is no connection between them. They are not mutually related as cause and effect, as is the case between moments belonging to the same stream of thought. Indeed we do not at all maintain that one consciousness perceives and another one remembers. (The stream of thought is the same). On a previous occasion we have explained the manner in which a complete change is gradually taking place in a chain of consecutive moments. Thus it is that a consciousness which did perceive an object formerly, is (gradually) producing a consciousness which remembers it now. What fault can you find with this argument?

As to recognition it is simply the consequence of a recollection, (and requires no further explanation).

Vatsiputrīya. If there is no Soul, who is it that remembers?

Vasubandhu. What is the meaning of the word «to remember»?

Vatsiputrīya. It means to grasp an object by memory.

Vasubandhu. Is this «grasping by memory» something different from memory?

Vatsiputrīya. It is an agent who acts through memory.

Vasubandhu. The agency by which memory is produced we have just explained. The cause producive of a recollection is a suitable state of mind (and nothing else)!

Vatsiputrīya. But when (in common life) we are using the expression «Caitra remembers» what does it mean?

Vasubandhu. In the current (of phenomena), which is designated by the name Caitra a recollection appears. We notice the fact and express it. It is no more!

Vatsiputrīya. But if there is no Soul, whose is the recollection, (whom does it belong to)?

Vasubandhu. What is here the meaning of the Genitive «whose»?

Vatsiputrīya. It denotes proprietorship.

Vasubandhu. Is it the same as when somebody enquires, of what objects who is the proprietor?

Vatsiputrīya. It is just as when we say «Caitra is the owner of a cow».

Vasubandhu. What does it mean to be the owner of a cow?

Vatsiputrīya. It means that it depends on him to employ her for milking or driving purposes etc.

Vasubandhu. Now I should like to know to what place must I dispatch my memory, since it is supposed that I am the master of it.

Vatsiputrīya. You must direct it towards the remembered object.

Vasubandhu. What for shall I direct my memory?

Vatsiputrīya. In order to remember.

104. b. 1 (8a—2). *Vasubandhu.* Hallo! I must employ the very thing I already possess in order to get it! Indeed that is well spoken! Great is the merit (of such discoveries)! And then I should like to know, in what sense memory is to be influenced: in the sense of its being produced, or in the sense of its being dispatched, (like a servant)?

Vatsiputrīya. In the sense of production, since memory cannot move (like a servant).

Vasubandhu. In that case the proprietor is simply the cause and the property will simply be its effect. The cause has a rule over the effect, and this rule belongs to the cause (only in the sense of its producing) a result. Memory is the property of something which is its own cause. As to the name of an owner given to the united elements of Caitra with respect to those of the cow, this name has been given only because it has been observed that there exists a relation of cause to effect between him and the movements and other changes in the cow, but there is no real unity whatsoever neither in Caitra nor in the cow. Consequently there is in this case no other proprietorship than a relation of cause to effect. The same argument may be applied to the questions «who is it that perceives?», «whom does perception belong to?» and other similar questions: (who feels, who has notions, who acts etc.?) The difference consists in the fact that (instead of the described state of mind producing memory), the corresponding conditions for a perception are: activity of the senses, presence of the object and aroused attention.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Восточныя рукописи въ библіотекѣ покойнаго В. В. Вельяминова-Зернова.

А. А. Семенова.

(Представлено академикомъ В. В. Бартольдомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 7 мая 1919 года).

Въ истекшемъ февралѣ этого года въ организуемый въ Москвѣ Музей Восточнаго искусства (Ars Asiatica) поступила библіотека извѣстнаго нашего оріенталиста-тюрколога, дѣйствительнаго члена Академіи Наукъ, В. В. Вельяминова-Зернова, который скончался въ 1904 г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

Библіотека находилась въ имѣніи бывшемъ княгини Ухтомской, что при с. Корсунскомъ Успенской волости, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. Послѣ смерти В. В-ча его библіотека перешла въ собственность его вдовы, Анны Семеновны, умершей въ 1914 г. и завѣщавшей библіотеку, по словамъ ея родственниковъ, частью имъ, а частью—Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, однако завѣщаніе это не было осуществлено по обстоятельствамъ военнаго времени и вслѣдствіе наступившей потомъ революціи.

Командированному за библіотекою отъ Всероссійской Коллегіи по дѣламъ музеевъ и охраны памятниковъ искусства и старины, сотруднику В. В. Рыльскому, удалось перевезти всю библіотеку въ Москву, при чемъ изъ его доклада отъ 17 февраля по выполненію командировки усматривается, что «при жизни владѣльца библіотеки велся карточный каталогъ, имѣющійся и сейчасъ налицо и вывезенный вмѣстѣ съ книгами; однако онъ въ полномъ безпорядкѣ, въ которомъ я засталъ и самую библіотеку, которая послѣднее время неоднократно была перемѣщаема. Книги, впрочемъ, въ большинствѣ въ полномъ порядкѣ. Библіотека состоитъ болѣе чѣмъ изъ 6000 томовъ,

приблизительно половина ея относится къ востоковѣдѣнію». — Изъ библіотеки В. В. Рыльскій, согласно данныхъ ему въ Коллегіи указаній, и совмѣстно съ завѣдующимъ внѣшкольнымъ образованіемъ Успенскаго района, оставилъ для Корсунской народной библіотеки до 300 томовъ, преимущественно беллетристики и отчасти относящихся къ исторіи Россіи.

Большое количество ящиковъ съ книгами (60), отсутствіе книжныхъ шкаповъ и постояннаго помѣщенія для Музея Восточнаго искусства временно понуждаютъ не распаковывать ящики и оставить книги въ запакованномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, разыскавъ ящикъ съ карточнымъ каталогомъ, я просмотрѣлъ послѣдній полностью и на основаніи вынесеннаго мною впечатлѣнія отъ этого просмотра могу сказать слѣдующее.

Всю библіотеку можно раздѣлить на три части, сообразно стадіямъ ея образованія и пополненія. Начало библіотеки было положено, очевидно, отцомъ владѣльца, Владиміромъ Ѳедоровичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, «Коллежскимъ асессоромъ и членомъ Санктъ-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ», который, будучи юристомъ по образованію, былъ не чуждъ литературы (его перу принадлежитъ, между прочимъ, — «Путешествіе дружбы. Отрывокъ. СПб. Въ типографіи Ф. Дрехслера. 1807). Юридическія же сочиненія его въ описываемой библіотекѣ имѣются въ рукописяхъ[1]. Эта часть библіотеки заключаетъ немало книгъ (на русскомъ и иностранномъ языкахъ) по исторіи, литературѣ и праву въ изданіяхъ XVI—XVIII и первой половины XIX вв.; среди нихъ, по теперешнему времени, много очень рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій. — Затѣмъ, за время научной дѣятельности В. В. Вельяминова-Зернова, въ библіотеку вошла значительная часть извѣстныхъ сочиненій по мусульмановѣдѣнію на русскомъ и европейскихъ языкахъ[2], вышедшихъ въ свѣтъ, приблизительно, до начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, съ этого же времени библіотека, повидимому, не пополнялась никакими подобными изданіями. И, наконецъ, третій періодъ пополненія библіотеки относится къ тому времени, когда В. В-евичъ состоялъ на службѣ по учебному вѣдомству, потому что, приблизительно, съ 1884 г. въ библіотекѣ идутъ книги, въ большинствѣ составляющія изданія Министерства Народнаго Просвѣщенія (его повременныя изданія, циркуляры, справочники и т. п.), учебники, нѣкоторая беллетристика, періодическія изданія и т. п.

---

[1] Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ карточекъ, на которыхъ покойнымъ В. В-емъ заносились принадлежавшія ему книги.

[2] Англійскія изданія почти всѣ отсутствуютъ.

Всѣ эти книги тщательно и очень подробно, по всѣмъ правиламъ библіографіи, занесены на карточки, при чемъ подавляющее большинство карточекъ написано самимъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ; иногда на карточкахъ имъ дѣлались любопытныя и интересныя, для характеристики быта и нравовъ времени, записи. Такъ, напримѣръ, на карточкѣ, гдѣ занесенъ итальянскій романъ Cuor libero Racconti, Stefanoni, значится:

«Stefanoni Luigi. Cuor libero Racconto. Milano. Natale Battorzati, editore. 1878. 1 т. in-8. Tip. Quadi Sala, via Pesce, 20.

Ключъ къ разъясненію книги: Antoni — самъ Стефанони. Dottore Delatour e la sua Signora — M-er и M-me Letourneau. Letourneau — докторъ, жилъ во Флоренціи съ женою нѣсколько лѣтъ сряду послѣ коммуны во Франціи. Онъ первое время опасался возвратиться въ Парижъ, такъ какъ принадлежалъ къ коммунарамъ; изъ-за него отравилась молодая Лиза Герценъ, дочь (незаконная) извѣстнаго Герцена и Огаревой. Cesari— Яковъ Николаевичъ Ханыковъ. Anticatira (p. 22) — его жена Елена Петровна, рожденная Мантейфель. Signora Tcheirarski — Варвара[1] Никитина, бросила мужа и вмѣстѣ съ своею подругою и гувернанткою Елизаветою Ѳоминичною жила съ отставнымъ итальянскимъ генераломъ, бывшимъ польскимъ эмигрантомъ 1830-хъ годовъ, служившимъ нѣкогда въ рядахъ бывшей польской арміи — старикомъ Ланже (Langé), впослѣдствіи, уже послѣ написанія романа, влюбившись въ Летурно, она бросила Ланже и уѣхала съ Летурно въ Парижъ, куда тотъ переѣхалъ вскорѣ послѣ исторіи съ Лизой Герценъ. Blanche (Bianca) Le Prince — дѣйствительно существовавшее лицо, не выдуманное; всѣ касающіеся ее факты, описанные въ романѣ, — вѣрны. Настоящая фамилія ея была»[2]...

Касаясь восточнаго отдѣла библіотеки, слѣдуетъ замѣтить, что помимо европейскихъ изданій по востоковѣдѣнію, посвященныхъ, главнымъ образомъ, исторіи и отчасти этнологіи турокъ и монголовъ, въ него входитъ 72 восточныхъ изданія (Казанскія по преимуществу и отчасти — Константинопольскія, Булакскія и Тегеранскія), карты и рукописи. Карты, повидимому, собирались покойнымъ В. В-емъ въ бытность его на службѣ въ Оренбургѣ, ибо относятся до такъ называемой «Оренбургской линіи» и прилежавшихъ къ ней Азіатскихъ мѣстностей. Среди картъ есть оригиналы, вычерченные рукою извѣстнаго подполковника Бларемберга[3].

---

[1] На карточкѣ — пропускъ.

[2] Карточка не дописана.

[3] Автора цѣннаго въ свое время (да и теперь не утратившаго своего значенія) «Статистическаго обозрѣнія Персіи», изд. въ Спб. въ 1853 г.

Рукописей — 45, изъ нихъ двѣ на русскомъ языкѣ и 43 — на восточныхъ (турецко-татарскомъ, персидскомъ и арабскомъ).

Прежде чѣмъ перейти къ описанію послѣднихъ, отмѣчу для полноты, что мое вниманіе въ восточномъ отдѣлѣ привлекли слѣдующія рѣдкости:

«Баберъ-Наме» въ изд. Н. И. Ильминскаго (Казань, 1857 г.) съ рукописными варіантами на поляхъ, взятыми изъ рукописи Сенковскаго, поступившей потомъ въ Академію Наукъ (какъ это отмѣчено на карточкѣ).

Савельевъ, П. Рисунки изображеній предметовъ, найденныхъ при разрытіи Александровскаго кургана. 16 таблицъ in-4 и in-8. Печ. В. Даренгъ.

Эти таблицы не были выпущены въ свѣтъ.

Нижеприводимое описаніе рукописнаго собранія въ библіотекѣ цѣликомъ взято мною съ карточекъ, писанныхъ самимъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, и я, не видя самихъ рукописей, не считалъ себя въ правѣ ничего ни добавить, ни убавить изъ написаннаго, сохранивъ и орѳографію оригиналовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ можно думать, покойный В. В. имѣлъ въ виду выпустить въ свѣтъ описаніе своего рукописнаго собранія.

Рукописи русскія.

1. «Башкирскія пѣсни. Описаніе нѣсколькихъ древнихъ памятниковъ на Башкирскихъ земляхъ, обряды, литература и законоположенія Оренбургскихъ мусульманъ. In-8. Рукопись».

2. «Лексиконъ Алтайскихъ нарѣчій (3.438 словъ). Въ концѣ приложены: слова Монгольско-Калмыцкія, сходныя съ Калмыцко-Татарскими, употребляемыми въ (безграмотномъ) языкѣ Бійскихъ и Кузнецкихъ инородцевъ, выбранныя изъ грамматикъ Монгольско-Калмыцкаго языка, сочиненныхъ: Ковалевскимъ 1835 г. и Бобровниковымъ 1849 г., изданными въ Казани. 1 т. in f. Рукопись».

Рукописи восточныя.

а) *Турецко-татарскія.*

1. «ابتدا بر حضرت حقّغه ستایش لار ایدم»

1 т. in-4.

Рукопись татарская, писана въ 1851 г. Помѣтка въ концѣ книги слѣдующая: اوشبو بیتی بطریقی یادکار سعید پاصدی ننگ مشیخین محمد شریف ابن

عبد الرحمن المرحوم لاجل اولادیمر اولادیمر اوعلی زرنو فنه مبارك باد ١٨٥١ نجی یلده اوكتابر ننك 27 نجی یومنده رومیه ایلان یازوب قویدوم

Стихи, заключающіе въ себѣ описаніе пріѣзда въ Оренбургскій край и пребываніе въ немъ государя наслѣдника Александра Николаевича въ 1837 г. — Авторъ неизвѣстенъ; неизвѣстно также заглавіе, данное стихамъ сочинителемъ. Книга озаглавлена такъ мною по первымъ словамъ рукописи».

2. «انشاء مرغوب»

1 т. in-4.

Рукопись турецкая, писанная (въ) 1211 г. гиджры».

3. «دیوان فضولی»

1 т. in-8.

Рукопись турецкая безъ означенія года написанія.

Диванъ Фузулія, съ предисловіемъ въ прозѣ, начинающемся словами:

حمد بیحد اوّل متكلم نطق آفرننه

Въ Cat. des man. et xyl. or. de la Bibliot. Imp. de St.-Pétersbourg, стр. 516, № DLXX, значится: «دیوان فضولی Divan ou Recueil des poésies légères de Fouzouly, dont les autres noms étaient Mohammed ben Souleïman el-Bagdady, de Bagdad, mort en 970=1562. Le divan commence par les mots حمد بیحد اوّل متكلم نطق آفرینه Voyez par rapport à l'auteur et à ses compositions, ainsi qu'aux extraits qui en ont été faits en langue allemande; Hammer Purgstall Gesch. osm. Dichtkunst, B. VI, p. 293—306. Диванъ Фузулія изданъ былъ въ Булакѣ въ 1839 г. (1254). См. Bianchi. Cat. gén. des livres arabes, persans et turcs imprimés à Boulac; Zenker, I, № 606».

4. «دیوان نوایی»

1 т. in-8.

Рукопись джагатайская, неизвѣстнаго года и писца, новѣйшая.

Диванъ Миръ-Али-Ширъ Неваи (умеръ въ 906=1500)».

5. «رشحات عین الحیات لعلی بن حسین المشهور بالصفی»

1 т. in f.

Рукопись турецкая, писана въ 1255 г. гиджры, 1839 по Р. Х. Турецкій переводъ сочиненія Али-бенъ-Хусейна Ваиза, составленный Мухаммедъ-ель-Маарýфомъ. См. رشحات عین الحیات».

6. «كتاب تواريخ بلغاريه»

1 т. in-8.

Рукопись татарская.

Лѣтопись Булгарская, сочиненіе Шерефъ-уддина-бенъ-Хисамъ-уддина Булгарскаго, жившаго въ первой половинѣ XVI вѣка.

См. объ этой рукописи: Вельяминовъ-Зерновъ. Памятникъ съ Арабско-Татарскою надписью въ Башкиріи».

7. «كتاب شوريده حال»

1 т. in-4.

Рукопись турецкая, писана, очевидно, Русскимъ Татариномъ, который выставилъ годъ написанія ея по христіанскому лѣтосчисленію, именно 1821 г. Вотъ что пишетъ онъ въ концѣ книги: كتبه هذا النسخة الشريفة المو سومة بشوريده حال فى يد عبد الضعيف الفقير محمد شريف بن سليمان القيرى غفر له ذنوبهما و جميع امة محمد عليه افضل الصلوات والتسليمات فى سنة ۱۸۲۱ و فى النجوم حمل و فى اليوم اثنى من عشر و فى العرفت الظهر فى الاثنين

Вслѣдъ за شرريده حال въ этой же самой рукописи помѣщены отрывки двухъ другихъ турецкихъ сочиненій, писанныя тѣмъ же почеркомъ. Первый отрывокъ—въ стихахъ и озаглавленъ قصيده نصايح يحيبى چلبيى سلم الله. Второй отрывокъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько главъ изъ какой то медицинской книги, именно: о кровопусканіи (باب تدبير قان آلماق علاجينى بيان ايلان): о зубной боли (باب ديش اغرلارى معالجه سى بياننده); объ уничтоженіи дурного запаха изо рта (باب اغزدن كلن بدر يحه فى دفع ابدرمك بياننده); о глазной боли (باب دورلو كوز اغرلارى علاجين بيان ايدار); о снѣ (باب اويماق و اويمق بياننده دور) и пр.

Въ концѣ книги прибавлены, на разграфленыхъ страницахъ, кое-какія календарныя свѣдѣнія, какъ то: сравненіе мѣсяцевъ мусульманскихъ и христіанскихъ за годы 1835—1840 и проч.

Ср. شو ريد حاله изд. Казанское».

8. «كتاب سؤال وجواب فى مسائل الفقه»

1 т. in-8.

Рукопись татарская; заключаетъ въ себѣ изложеніе мусульманскаго законовѣдѣнія для Татаръ, живущихъ въ Россіи».

9. «كتاب ليلى ومجنون»

1 т. in-8.

Рукопись турецкая, писана въ 1077 г. гиджры.

Лейла и Меджнунъ, поэма, сочиненіе Фузулія».

10. «كتاب يوسف وزليخا»

1 т. in-8.

Рукопись турецкая, въ концѣ недостаетъ одной или двухъ страницъ; такъ что годъ написанія ея неизвѣстенъ; вся съ начала до конца снабжена надстрочными знаками; почеркъ старинный и четкій. Начинается словами:

ذِكْرِ اولِنْمَاسِهَ اَوَّلْ اِسْمُ اَللّٰهُ

Юсуфъ и Зулейха — сочиненіе Хамдія.

Въ Cat. des man. et xyl. or. de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersbourg; стр. 515, № DLXVIII, читаемъ: «يوسف و زليخا Yousouf et Zouleïkha ou les Amours de Yousouf et Zouleïkha, par Hamdy, fils du cheïkh Ac-Chems-eddin dont l'auteur fait l'éloge dans l'introduction à son poème. Celui-ci n'est qu'une traduction augmentée de l'ouvrage sous le même titre du poète persan, Djamy. Hamdy qui mourut en 909=1503, composa son poème en 897=1491. Commencement ذكر اولنماسه اوّل اسم الله . . . . Voyez, par rapport à Hamdy, Hammer Purgstall, Gesch. der osm. Dichtkunst, Bd. I p. 151, no L. L'ouvrage se trouve aussi à la Bibliotèque de Paris (Catal. p. 336, no CCCLIX, où l'année de la mort du poète est marquée 709 au lieu de 909); à celle d'Upsal (Tornberg, p. 117, no CXCII) etc.».

11. «كشف الاسرار»

1 т. in-4.

Рукопись татарская, писана въ 1847 г.

Гаданіе по костямъ (رمل)».

12. «مجالس النفايس»

1 т. in-8.

Рукопись джагатайская.

Les précieuses séances. Ouvrage terminé en 896=1490, 1, par le célèbre Aly Chir, vizir de Soultan Houssein Mirza, descendant de Tamerlan, mort en 906=1500, 1, qui poétiquement, ayant le surnom de Nevaiy

نوائی (См. Cat. de man. et xyl. or. de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersbourg, p. 503, 504, № DLIII). Contient des notices biographiques sur différents auteurs persans (См. id. p. 510, № DLVIII)».

13. «مجموعة لطائف»

1 т. in-4.

Рукопись турецкая, безъ начала (недостаетъ нѣсколькихъ страницъ) неизвѣстнаго года, но стариннаго и хорошаго почерка.

Содержитъ въ себѣ разсказы и анекдоты въ прозѣ, перемѣшанной со стихами неизвѣстнаго автора, настоящее заглавіе ея также мнѣ неизвѣстно».

14. «نتايج الفنون ومحاسن المتون»

1 т. in-4.

Турецкая рукопись; сочиненіе временъ султана Мурада III; писана почеркомъ Татаръ, живущихъ въ Россіи, въ 1847 г.».

б) *Персидскія.*

1. «بدايع الغرايب ربع مسكون عجائب وقايع جهان بوقلمون»

1 т. in-8.

Персидская рукопись, писана въ 1213 г. гиджры. Описаніе разныхъ странъ, городовъ и проч.».

2. «تاريخ جهان كشاى»

1. т. in f.

Рукопись персидская. Тарихи Джиганъ-Кушай, соч. Ата-еддина Джувейни».

3. «جناح الطاوس در ترجمهٔ قاموس»

1 т. in f.

Рукопись персидская. Персидскій переводъ извѣстнаго арабскаго словаря القاموس المحيط. Составилъ Мухаммедъ-Джафаръ-бенъ-Мухаммедъ-Бакиръ — محمد جعفر بن محمد باقر. Рукопись неполная, заключаетъ въ себѣ одно начало книги, именно доведена до فصل صاد — باب با съ небольшимъ.

У Ценкера (I, 1816, стр. 225) значится персидскій переводъ Ка-

муса, напечатанный въ Калькуттѣ: Kamoos, being a Persian translation of that celebrated Arabic work. Calcutta. 1840. Suiv. 4° rog. — Въ Cat. des man. et xyl. de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersbourg, стр. 197, № CCXVIII, говорится объ изданіи Камуса на Персидскомъ языкѣ въ 4 т. in f. 1836—1841, напечатанномъ въ Калькуттѣ».

4. «حکایات»

1 т. in-8.

Персидская рукопись, переплетенная вмѣстѣ съ книгою بدایع الغرایب ربع مسکون. Собраніе разсказовъ, начинается словами امّا راویان اخبار و ناقلان آثار بدین گونه . . .

5. «حضرت یوسف بن حضرت یعقوب علیه السلامْك قصّه سی»

1 т. in-16.

Рукопись персидская, въ началѣ и въ концѣ недостаетъ нѣсколько страницъ, которыя пополнены рукою новѣйшаго писца, русскаго Татарина, который и самой книгѣ далъ заглавіе татарское, и въ концѣ — годъ своего писанія обозначилъ по русскому лѣтосчисленію, именно — въ припискѣ на послѣдней страницѣ читаемъ تمت الکتاب یوسف (و) زلیخا تمام شد روز جهار شنبه ۱۸۰۰ (1855) تاریخ مسیحیّه جماد الاولنك ۸ نك Юсуфъ и Зулейха, сочиненіе Джамія».

6. «داستان کربلا»

1 т. in-16.

Рукопись персидская, писана вся однимъ почеркомъ безъ означенія года и мѣста написанія. Озаглавлена мною داستان کربلا по заглавію, обозначенному въ началѣ книги, но заглавіе это относится только къ небольшому стихотворному произведенію, помѣщенному въ началѣ книги, «Плачъ на смерть Хусейна». Рукопись содержитъ въ себѣ еще два другихъ небольшихъ сочиненія, оба безъ заглавія и безъ имени автора, и писанныя одно за другимъ въ строку, одно изъ этихъ сочиненій содержитъ въ себѣ краткія историческія свѣдѣнія, касающіяся исторіи Персіи, другое — сказку».

7. رساله از شیخ بهائی درافسون و سحر و رسالهٔ دیگر از بو علی سینا در طلسمات و نرنجات.

1 т. in-8. Рукопись персидская.

8. رسالهٔ فرض عین»
رسالهٔ در بیان معرفت ایمان واسلام
پند نامه

1 т. in-8.

Рукопись персидская неизвѣстнаго года. Заключаетъ въ себѣ три поименованныя мною сочиненія, написанныя одно вслѣдъ за другимъ. Замѣтить слѣдуетъ, что ни одно изъ нихъ въ моей рукописи не озаглавлено, но такъ какъ всѣ три сочиненія мнѣ извѣстны помимо моей рукописи, то я и могъ выставить ихъ заглавія.

Первое сочиненіе رسالهٔ فرض عین начинается словами نام حق بر زبان همی رانم * بجان دلش همی خوانم. Оно написано въ стихахъ, толкуетъ о молитвѣ, омовеніи и т. п., словомъ о томъ, что составляетъ فرض عین—непремѣнную обязанность для каждаго мусульманина. Сочинена въ 693—1294 г. Годъ значится въ самомъ концѣ, въ послѣднемъ стихѣ книги نودسه برفت ششصد وسال * از وفات رسول تا امسال.—Это же самое сочиненіе существуетъ еще въ нѣсколько другой измѣненной редакціи. Есть рукописи, гдѣ оно начинается словами — ابتدا میکنم بنام خدا * کز دو حرف آفرید ارض وسما и гдѣ годъ показанъ не 693, а 699, т. е. 1299, 1330.—Въ собраніи рукописей Н. В. Ханыкова, пріобрѣтенномъ Императорскою Публичною Библіотекою, رساله فرض عین находится въ обѣихъ редакціяхъ. См. Dorn. Die Samml. von morgenl. Handschr. welche die K. öff. Bibl. von H-rn von Chanykow erworben hat. стр. 7, № 3[a]), гдѣ читаемъ: «رسالهٔ فرض عیان ein Gedicht religiösen Inhalts über das Gebet نماز, das Waschen غسل u. s. w. verfasst: J. 699=1299, 1300, vergl. № 4[c]) wo das Jahr 693=1244 angegeben ist. Anf. ابتدا میکنم بنام خدا * کز دو حرف آفرید ارض وسما и тамъ же, стр. 8, № 4[c]), гдѣ значится: «Ein Gedicht religiösen Inhalts, verfasst im J. 693=1294. Es ist nur mit verschiedenem Anfang das unter № 3[a]) angeführte Gedicht. Die Verschiedenheit der Jahre kommt wohl von den Abschreibern: سه und نه sind leicht zu verwechseln. Anf. نام حق را برزبان همی رانم * که بجان دلش همی خوانم.

Второе сочиненіе رسالهٔ در بیان معرفت ایمان واسلام писано прозою, содержитъ въ себѣ объясненіе правилъ мусульманской вѣры въ вопросахъ и отвѣтахъ. Привожу начало книги, гдѣ перечислены подробно предметы, входящіе въ составъ ея:

بدان اسعدك الله فی الدارین این کتابست دربیان معرفت ایمان واحکام ایمان و ارکان ایمان و در بیان احکام اسلام و در بیان احکام نماز و ارکان نماز و

دربیان احکام روزه ودر بیان احکام حج و در بیان احکام وارکان زکوات و در بیان جمیع فرایض و واجب و سنة و در بیان مستحب و تعظیم و تکبیر الخ.

Это самое сочиненіе находится и въ собраніи Ханыкова, хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. См. Dorn l. c. стр. 7, № 3[b]), гдѣ значится: «رسالهٔ در بیان معرفت ایمان واسلام» eine Abhandlung über die Kenntniss des Glaubens und des Islam; s. № 4[d]). Anf. «بدان اسعدك الله فى الدارين این کتابیست در بیان ایمان, и тамъ же, стр. 8, № 4[d]), гдѣ читаемъ: «Dieselbe Abhandlung über die Kenntniss des Glaubens und des Islam, wie die unter № 3[b]) angeführte».

Третье сочиненіе — پند نامه — ни что иное, какъ извѣстное Пенднамэ, соч. Ферид-еддина Аттара.

Замѣчу, что всѣ три сочиненія нерѣдко встрѣчаются писанными вмѣстѣ, въ одной книгѣ. Такъ, въ собраніи Ханыкова одна рукопись заключаетъ въ себѣ всѣ три приведенныя мною сочиненія, расположенныя въ томъ же порядкѣ, какъ и въ моей рукописи; другая рукопись Ханыковская содержитъ въ себѣ опять тѣ же три сочиненія, но съ прибавкою нѣкоторыхъ другихъ (См. Dorn l. c.)».

9. «رشحات عین الحیات»

1 т. in-8.

Рукопись персидская, писана въ 1023 г. Гиджры.

Gouttes de la source de la vie, histoire très détaillée et très interessante des cheïkhs nacchbendy (نقشبندی) par Aly ben Housein Vaiz Kachify, surnommé el-Ssefy le pur. L'ouvrage a été composé en l'année 909=1503 (Cat. des man. et xyl. de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersb. № CCCX, стр. 299)... Une traduction turque faite par Mouhammed-el-Maarouf-ben Mouhammed el-Cherif-el-Abbassy (mort en 1002—1593, 4) sur les ordres du Sultan Mourad ben Selim, a été imprimée à Constantinople en 1236=1821. Voyez Hammer Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. VII, p. 592, n⁰ 66, Zenker, Biblioth. orient. p. 118, n⁰ 969, (Ib. p. 299, 300). См. также Дози, Cat. des ouvr. publiés à Const. en Egypte et en Perse, стр. 10 ترجه کتاب رشحات العین الحیات فی مناقب المشایخ الصوفیه تالیف علی بن حسین المتخلص بالصفی ترجه بالترکی محمد معروف بن محمد شریف العباسی طبع فی قسطنطنیة فی اواخر جادی الاولی سنه ۱۲۳۶ ص ۳۰٤».

10. «شرف نامهٔ شاهی

1 т. in f.

Рукопись персидская, писана въ Бухарѣ (въ) 1239 г. Гиджры.

Жизнь Абдуллы хана Бухарскаго, соч. Хафизъ-Тыныша (حافظ تنيش بن مير محمد البخارى) См. Veliaminof-Zernof. Lettre à M. Fuſs, secretaire perpétuel (1854) и Rapports sur le projet de publier le texte et une traduction de l'Abdoullahhame (1858)».

11. «علم طب

1 т. in-8.

Ркп. на персидскомъ языкѣ о медицинѣ».

12. «علم عروض

1 т. in-4.

Рукопись персидская.

Трактатъ стихосложенія».

13. «كامل التعبير

1 т. in-8.

Рукопись персидская. Объясненіе сновидѣній, соч. Абулъ Фазлъ-Хасанъ-ибнъ-Ибрагимъ-Кафасія (ابو الفضل حسن ابن ابراهيم قفسى), который писалъ его во время Арсланъ-Масуда (سلطان الروم و ال ن ابو الفتح ارسلان مسعود).

Сочиненіе это существуетъ въ печати. Оно было издано въ Тегеранѣ въ 1265 г. Гиджры. Въ печатномъ изданіи авторъ названъ не Кафаси (قفسى), а Тифлиси (تفليسى), и самое имя его нѣсколько перевначено, именно онъ названъ Аби-Фазль-Хусейнъ-бенъ-Мухаммедъ-Ибрагимъ. — Арсланъ-Масъудъ, по печатному изданію, былъ никто иной, какъ Кызыль-Арсланъ, сынъ Масъуда. См. Dorn. Catal. des ouvr. publ. à Const., en Egypte et en Perse, стр. 53; v. L'art d'interpréter les songes 48) كامل التعبير تاليف ابى فضل حسين بن محمد ابراهيم التفليسى النه باسم عز الدين قزل ارسلان ابن مسعود ابن ناصر الدين طبع فى طهران فى سلخ رجب سنه ١٢٦٥. См. также Dorn. Die Samml. von morgenl. Handschr. welche die Kais. öff. Bibl. zu St.-Petersburg von H. v. Chanykov erworben hat, стр. 40, гдѣ значится: «10. Traumdeuterei (47) كامل التعبير der vollkommene Traumdeuter von Schaich Abul-Fazl Hasan b. Ibrahim b. Muhammed-el-Tiflisy Abg. Hälfte Resscheb. 1100 = Ma 1689. Anf. سپاس خدايرا كه واجب و صمد قادر است.

Наша рукопись начинается: الحمد لله رب العالمين و الصلوة و السلام على محمد وآله اجمعين الطيبين الطاهرين».

14. «كتاب افصح المتكلمين وزبدة المتقدمين لسان الغيب خواجه حافظ شيرازى.

1 т. in-8.

Рукопись персидская. Въ довольно длинной помѣткѣ, находящейся въ концѣ книги, переписчикъ ея, нѣкто Абдулла, говоритъ про себя, что послѣ смерти отца своего Хаджи Али Акбера, купца, родомъ изъ Тавриза, но жившаго въ Ездѣ, онъ былъ вынужденъ покинуть Ездъ и ѣхать въ Тавризъ, куда его вызвали родной его дядя, братъ отца, Хаджи Мухаммедъ Садикъ и Хаджи-Абд-ул-Джеббаръ. Здѣсь, живя безъ дѣла и скучая, онъ рѣшилъ приняться за переписываніе Хафиза, и окончилъ эту работу въ теченіе шести, семи мѣсяцевъ, завершивъ ее 12 числа мѣсяца джумади II-го 1231 г. Гиджры (1816 по Р. Х.). Въ заключеніе Абдулла изъявляетъ желаніе, чтобы переписанный имъ Хафизъ вмѣстѣ съ имъ же переписаннымъ передъ тѣмъ полнымъ собраніемъ сочиненій Саадія никогда не выходилъ изъ его потомства и проклинаетъ всякаго, кто бы преступилъ эту волю.

(Рукопись содержитъ въ себѣ полный диванъ Хафиза, въ началѣ его находится особое предисловіе; написано оно на другой бумагѣ и другимъ почеркомъ.

Хафизъ Ширази, т. е. Ширазскій, звался Мухаммедъ Шемс-еддинъ; умеръ въ 791=1389 г.; ему дано за его слогъ прозвище لسان غيب (Langue mystérieuse). См. Cat. des man. et xyl. de Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersbourg, стр. 362, № CDVIII».

15. «كتاب انشا».

1 т. in-4.

Рукопись персидская».

[Эта рукопись оказалась въ ящикѣ съ карточнымъ каталогомъ и потому я позволю себѣ привести здѣсь ея болѣе подробное описаніе.

Послѣ باسم سبحانه وتعالى начало рукописи, гдѣ объясняются цѣли составленія этого труда, слѣдующее:

بعد از انشاء صحائف ثنا و محمدت الحمد لله الذى انزل على عبده الكتاب و بس اداء وظايف درو دو تحيت على افضل من اوتى الحكمه و فصل الخطاب نموده مى آيد كه هر چند اين كمينه بر اسرار صناعت انشا اطلاع نيافته و نثر امثال * فضيلت انتها بقدم اتباع نشتافته اما چون بضرورت حكم وقت و اقتضاء حال

رقعه چند در مخاطبه ارباب جاه و جلال و محاوره اصحاب فضل و کمال اتفاق افتاده بود و بمعیار طبع سلیم و ذهن مستقیم بعضی از جاء مخادیم تمام عیار می نمود درین اوراق جمع کرده شد و ترتیب داده آمد شاید که بدین وسیله بر خاطر مقبلی عبور افتد و خطور بر ضمیر صاحب دلی سرمایهٔ جمعیت و حضور گردد و فقنا الله بصدق النیته فی جمیع الامور و هو سبحانه علیم بما فی الصدور.

Послѣ этого приводится содержаніе различныхъ образцовыхъ, по стилю и краснорѣчію, писемъ и посланій разнаго рода; многія изъ нихъ связаны съ историческими личностями, таковы:

رقعهای که بدرویشان مخدومی ارشاد باقی خواجه عبید الله متّ الله تعالی ظل ارشاده نوشته شد —

رقعهای که بابارت مآبی نظام الدین علی شیر نوشته شد طال بقاه —

,رقعهای که بشاه شیروانشاه نوشته شده بود

письма, писанныя шейхамъ Индостана, шейхамъ Мехне и т. п. Въ заключеніе, на послѣднихъ двухъ страницахъ, порванныхъ и подклеенныхъ, приведены стихи, начертанныя на мазарѣ шейха Абул-Фазл-Хасана (пира извѣстнаго шейха изъ Мехне, Абу-Са'ид-Абил-Хайра — X—XI в. по Р. X.).

Судя потому, что въ числѣ писемъ есть (на л. 33) «его величеству Мирзѣ Султанъ-Хусейну, *да длится его царствованіе!*» (بحضرت میرزا سلطان حسین خلد الله ملکه), можно думать, что это сочиненіе было написано въ правленіе извѣстнаго Тимурида, правившаго въ Гератѣ, Султанъ-Хусейна Байкары, помимо того имѣется письмо автора настоящаго сочиненія въ Самаркандъ по случаю смерти извѣстнаго средне-азіатскаго суфія Ходжи Ахрара (806/1403—893/1488 гг.) и письмо-ода (л. 25⁶—26ª) турецкому султану Мухаммеду II (855/1451—886/1481 гг.)— بسلطان محمد رومی نوشته شده. Въ этомъ стихотворномъ посланіи авторъ восхваляетъ подвиги султана, сокрушившаго невѣріе и вмѣсто него водрузившаго твердыню Ислама (это письмо было составлено, повидимому, подъ впечатлѣніемъ извѣстія о взятіи турками Константинополя въ 1453 г.). Другое изъ его писемъ (тоже въ стихотворной формѣ) направлено «къ нѣкоторымъ изъ «махдумовъ», которые переписали его «Двустишія» (л. 26ª—27⁶) — ببعضي از مخادیم که کتابت مثنوی این فقیر کرده بودند نوشته

شده[1]. Въ этомъ письмѣ, писанномъ размѣромъ خفیف, есть между прочимъ, оригинальныя строки, характеризующія, какъ смотрѣли въ то время на высокій трудъ переписчика-каллиграфиста.

چون کند کاتب رقم پیوند   بمسلسل خط خود آنرا بند
یابند انجا بقدر فهم نصیب * غایب و حاضر و بعید و قریب
ماند از وی جی خواص و عوام   رقمی بر جریدهٔ ایام

т. е. «когда каллиграфъ», соединяющій буквы, производитъ связное начертаніе почеркомъ «мусальсаль, тогда, сообразно степени своего пониманія, получаютъ долю отсутствующій и присутствующій, далекій и близкій. Послѣ него остается для знатныхъ и простыхъ начертаніе буквъ на свиткѣ дней».

Рукопись полная и старая (повидимому,—не позднѣе XVI вѣка), безъ переплета, писана на довольно плотной лощеной бумагѣ хорошимъ наста'ликомъ тушью и киноварью. Заключительныя строки: تمت الكتاب بعون الملك الوهاب сохранились, но дальнѣйшее, съ существовавшею, можетъ быть, датою окончанія рукописи, отъ времени изгладилось.

34 листа, разм. $23\frac{1}{2} \times 16\frac{1}{2}$ сант., на стр. по 17 строкъ и на поляхъ каждой страницы (переносы) — по 30 строкъ. *А. С.*].

16. «كتاب بیان در امثال اعراب»

1 т. in-16.

Рукопись персидская неизвѣстнаго года и писца. Пословицы арабскія съ толкованіемъ на персидскомъ языкѣ».

17. «كتاب تواریخ»

1 т. in-4.

Персидская рукопись. Хронологическія таблицы. Ни заглавія, ни имени автора нѣтъ. Рукопись эта досталась мнѣ послѣ кончины профессора Диттеля, которому она принадлежала, именно была куплена у его брата».

[1] Слѣдуетъ замѣтить, что арабское слово مخدوم (множ. مخادیم) обычно обозначающее *господина вообще* и *сына знатныхъ родителей въ частности*, въ Средней Азіи употреблялось также (да и теперь употребляется въ Бухарѣ въ интеллигентныхъ кругахъ) въ значеніи *сына* или *ближайшаго потомка духовныхъ лицъ* (казіевъ, раисовъ и т. п.), при чемъ, во времена независимости страны верховные судьи (кāзī-калēн'ы) мѣстныхъ ханствъ носили титулъ «слуги народа» (خادم ملة), каковой и теперь имѣетъ верховный судья Бухары; этотъ эпитетъ обычно выгравировывается на большой (круглой) печати этого лица, внизу, въ бордюрѣ, окаймляющемъ главную надпись печати («верховный судья Священной Бухары такой то, сынъ такого то»). — Въ жизни же среднеазіатскихъ суфіевъ эпитетъ مخدوم обычно являлся титуломъ наиболѣе чтимыхъ шейховъ, будучи синонимомъ слова ایشان и, какъ и послѣднее, соединялось при титулованіи со словомъ حضرت (حضرت مخدوم). *А. С.*

18. «كتاب خلاصة شفاى و كتاب خلاصة تجارب»

1 т. in-4.

Рукопись на персидскомъ языкѣ, съ замѣтками на латинскомъ языкѣ».

19. «كتاب گلستان»

1 т. in-16.

Рукопись персидская, писана въ 1259 г. гиджры (1844 г. по Р. Х.) нѣкіимъ Али Мухаммедомъ. تمام شد كتاب گلستان درروز دوشنبه ۲۸ صفر المظفر سنه ۱۲۵۹ .... كتبه الحقير الفقير المسكين كمترين على محمد. Гулистанъ Саадія».

20. «كليات سعدى»

1 т. in f.

Рукопись персидская, писана вся рукою одного писца, именно Мухаммедъ-Гашима, сына Мирзы Ахмеда-Алія, около 1238 г. Гиджры, т. е. 1823 по Р. Х., какъ думать должно, судя по припискѣ къ Гулистану и Бустану, которые будутъ приведены ниже.—Содержитъ въ себѣ полное собраніе сочиненій извѣстнаго Саадія, поэта, умершаго въ Ширазѣ въ 691=1292 г. Саади рожденъ былъ въ Ширазѣ и носилъ прозвище Муслих-еддина مصلح الدين.—Наша рукопись заключаетъ въ себѣ слѣдующія сочиненія Саадія:

1. گلستان—(Gulistan ou Parterre des Roses, composé en 656=1258 qui est un recueil de préceptes de morale et de politique, de règles de conduite et de savoire-vivre, de traits d'esprit et de sentences philosophiques ou epigrammatiques, presque toujours amenés par des anecdotes piquantes et racontées d'un style élegant et enchanteur). Въ концѣ приписка كتبه محمد هاشم ابن ميرزا احمد على در سنة ۱۲۳۸.

2. بوستان (Jardin), который зовется также «Саади-намэ» سعدى نامه (Livre de Saady).—(Il fut composé un an avant le Gulistan, c-à-d. en 655=1257. C'est un ouvrage en vers, divisé en 10 livres et son objet et le plan différent peu de ceux du Gulistan, mais qui porte d'avantage l'empreinte des idées religieuses et mystiques de l'auteur. Le style en parait moins attachant que celui du Gulistan.—Въ концѣ приписка تم الكتاب المسمى سعدى نامه بحمد الله وحسنى و توفيقه و الصلوة على خير خلقه محمد و آله اجمعين عليهم ۷۲/ ۱۲۳.

3. قصايد فارسى (Panégyriques en vers persans). — Въ срединѣ ихъ пробѣлы.

4. مراثى (Elégies).

5. ملمعات и مثلثات (Poésies légères).

6. ترجيعات (Espèces de rondeaux).

См. Cat. des man. et xyl. or. de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersbourg, № CCCLXI, стр. 337, 338».

21. لغت نادر الوقوع»

1 т. in-4.

Рукопись, писана въ 1189 (г.) Гиджры (однимъ почеркомъ съ لغت نعمت الله).

Словарь персидско-турецкій».

22. لغت نعمت الله».

1 т. in-4.

Рукопись, писана въ 1854 (г.) لاجل ميرزا ولاديمير ويليامينوف ذرنوف كتبه فقير رحيم جان بن عظيم جان سنه ١٨٥٤.

Словарь персидско-турецкій, составленный Нааметъ-улла-бенъ-Ахмедъ-бенъ-Мубарекъ-ель-Руміемъ (نعمت الله بن احمد بن مبارك الرومى)».

23. مجلس قاينا فرنگى»

1 т. in-16.

Рукопись персидская; писана въ 1259 г. гиджры=1844 г. по Р. X. Драматическое сочиненіе на смерть Хусейна».

24. نصاب الصبيان»

Рукопись.

Kinder Antheil, kurzes arabisch-persisches Wörterbuch in Versen von Abu Naszr Ferahy (ابو نصر فراهى). — См. Bullet. de la Classe hist.-phil. Tome III, стр. 218; Дорна. Rapports sur quelques nouvelles acquisitions du Musée Asiatique».

25. «نفحات الانس من حضرت القدس لمولانا افضل المتكلمين و قدوة السالكين من المتاخرين مولوى عبد الرحمن بن احمد الجامى عليه رحمة البارى تعالى وتقدس.

1 т. in-4.

Рукопись персидская.

Les Haleines de la familiarité, provenants des personnages éminents en sainteté, contenants les biographies des célèbres soufys ou saints contemplatifs; l'ouvrage est précedé d'une introduction sur la vie contemplative (Cat. des man. et xyl. or. de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pétersbourg № CDXXII, p. 370).

Par Abdourrahman ben Ahmed Djami».

в) *Арабскія.*

1. «القرآن المجيد»

1 т. in-16.

Рукопись арабская; писана (въ) 1161 г. Гиджры Ибнъ-Абдулла-Мухаммедъ-Ризою (ابن عبد الله محمد رضا)».

Кромѣ этихъ рукописей имѣются еще не занесенныя на карточки три объемистыхъ тетради (обнаружены мною въ ящикѣ съ карточнымъ каталогомъ), двѣ изъ нихъ — изъ плотной восточной бумаги, переплетены въ мягкій переплетъ съ тисненіемъ, изъ русской розоватой кожи (разм. 23 × 18 сант. каждая), а третья — продолговатая (35 × 22¼ сант.), въ поллиста писчей бумаги, безъ переплета, изъ русской бѣлой бумаги. Всѣ три тетради помѣчены «Словарь», переплетенныя составляютъ части 1 и 2, а не переплетенная — часть 3-ью.

Въ двухъ переплетенныхъ тетрадяхъ слова написаны въ алфавитномъ порядкѣ арабскою азбукою и, судя по почерку, — природнымъ мусульманиномъ на какомъто персидскомъ нарѣчіи, противъ нихъ, лишь мѣстами, вписаны соотвѣтствующія имъ слова другого нарѣчія (или языка), напр.: حشالباش—شادباش, اتاکهله—نهری, کتاب لونه—شاه نامه и т. п. Третья тетрадь имѣетъ надъ колоннами словъ помѣтки (на каждой страницѣ): زبان طالش и زبانی بیه کردی, при чемъ между колоннами словъ этихъ двухъ языковъ помѣщена колонна персидскихъ словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что наглядно представляется, какія слова соотвѣтствуютъ тому или иному персидскому слову въ талышскомъ нарѣчіи и въ курдскомъ языкѣ.

Москва.
9 марта 1919 г.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Характеристика звукового состава въ казанскомъ говорѣ поволжско-татарскаго языка въ соотношеніи съ звуковою системою общерусскаго языка[1].

(Діалектологическія замѣтки, X).

В. А. Богородицкаго.

(Представлено академикомъ **А. А. Шахматовымъ** въ засѣданіи Общаго Собранія 8 марта 1919 г.).

Изучать физіологически звуковой составъ языка можно не только исключительно въ немъ, но и сравнительно съ другими языками, при чемъ послѣдній способъ можетъ между прочимъ пригодиться для орѳографіи заимствованныхъ словъ. Я имѣю въ виду представить характеристику звуковъ татарскаго языка въ соотношеніи съ соотвѣтствующими русскими, пользуясь слѣдующимъ порядкомъ изложенія: а) гласные ударяемые, б) гласные неударяемые, в) согласные звуки.

а) **Ударяемые гласные.**

1) Въ отношеніи временной *длительности* ударяемые гласные татарскаго языка распадаются на двѣ категоріи: *болѣе длительные*—а, ӓ, і, у, ӱ, ы, *болѣе краткіе*—о, ӧ, і̥, ы̧, съ варіаціями въ зависимости отъ открытости и закрытости слога, при чемъ въ закрытыхъ слогахъ та и другая категоріи нѣсколько укорачиваются (Шарафъ, работавшій въ Кабинетѣ

[1] Сообщеніе, сдѣланное 10 января 1919 г. на мусульманской орѳографической конференціи въ Казани.

экспериментальной фонетики при Казанскомъ Университетѣ, опредѣлялъ экспериментально степень длительности татарскихъ гласныхъ въ односложныхъ словахъ и получилъ результаты, подтверждающіе данное наблюденіе). Въ русскомъ языкѣ ударяемые гласные имѣютъ приблизительно одну и ту же длительность, варіируя лишь въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ.

2) Съ *качественной* стороны о перечисленныхъ гласныхъ татарскаго языка можно замѣтить слѣдующее:

Татарское *а* въ отношеніи *физіологическомъ* требуетъ задне-язычной артикуляціи, которая совершается гораздо глубже по сравненію съ соотвѣтствующимъ русскимъ гласнымъ; въ связи съ этимъ, татарскій гласный со стороны *акустической*, въ оцѣнкѣ русскаго слуха, имѣетъ наклонъ къ *о* (а̤̊) въ отличіи отъ русскаго *а* и слышится болѣе заднимъ (впрочемъ въ разной степени, смотря по діалекту); экспериментальное изслѣдованіе того и другого гласнаго въ отношеніи ртоваго резонансоваго тона даетъ вполнѣ согласное показаніе: резонансовый тонъ татарскаго гласнаго ниже русскаго почти на два тона. При выговариваніи татариномъ русскихъ словъ ударяемое *а* естественно субституируется этимъ природнымъ болѣе глубокимъ гласнымъ, напр., луга̤̊ = «луга́» (также въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, са̤̊ды = «*сады*»). Такъ какъ звуковая система каждаго языка представляетъ не простое собраніе звуковъ, но гармонически связанное цѣлое, то вполнѣ естественно, что тѣ или иныя свойства гласныхъ могутъ быть родственны со свойствами звуковъ согласныхъ; полагаю, что только-что указанная особенность физіологическая и акустическая гласнаго *а* (а̤̊) можетъ находиться въ связи съ болѣе глубокимъ произношеніемъ татарскаго *k* (ķ).

Татарскій гласный *ä* значительно шире русскаго открытаго э; въ связи съ этимъ русскіе при заимствованіи татарскихъ словъ, содержащихъ гласный *ä*, нерѣдко субституируютъ его посредствомъ гласнаго 'а (т. е. *а* съ мягкостью предшествующаго согласнаго). Такъ какъ, далѣе, въ самомъ татарскомъ языкѣ степень открытости гласнаго ä діалектически варіируетъ, то въ зависимости отъ этого ученики татарскихъ школъ не всѣ легко научаются произносить русское широкое *э*, произнося его не одинаково (одни болѣе, другіе же менѣе) открыто.

Относительно другихъ долгихъ гласныхъ, т. е. і, у, ӳ, ы замѣчу, что на мой слухъ они являются простыми гласными, а не дифтонгами; только *ы* иногда представляетъ дифтонгообразный оттѣнокъ, суживаясь къ концу. Гласный ӳ діалектически имѣетъ варіаціи вслѣдствіе нѣкотораго приближенія къ нюансу *і* (ӳ̦[1]).

Что касается краткихъ гласныхъ į, ы, то всѣ мои записи согласно показываютъ, что русскому уху въ обоихъ случаяхъ слышится *i* или *ы* съ оттѣнкомъ *э* (iᵊ, ыᵊ), т. е. эти гласные не являются вполнѣ узкими, но съ наклономъ къ среднимъ; именно этотъ нюансъ (въ моихъ записяхъ иногда встрѣчается даже обозначенiе черезъ простое *э*) и нужно признать характерною чертою данныхъ гласныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто нюанса ыᵊ выступаетъ оттѣнокъ ы°; это, напр., между *л* и *k* въ словѣ балы°k «рыба».

Гласные о и ö также представляютъ наклонъ къ среднимъ по открытости гласнымъ, могущiй стоять въ связи съ ихъ малою лябiализацiей; въ моихъ записяхъ они обычно передаются начертанiемъ ẙ безъ палятализацiи или же съ палятализацiей.

Къ сказанному прибавлю, что при заимствованiи русскихъ словъ въ татарскiй языкъ русскiе ударяемые *i* и *у* нерѣдко субституируются черезъ į и о, что я ставлю въ связь съ соотношенiемъ по длительности ударяемыхъ гласныхъ звуковъ въ этихъ языкахъ, срв. произношенiе: двiжу = «дв*и*жу», нiва = «н*и*ва», пот = «п*у*дъ». Такая субституцiя по моему мнѣнiю вызывается тѣмъ, что русскiе ударяемые гласные болѣе подходятъ въ отношенiи длительности къ татарскимъ гласнымъ съ меньшею длительностью, т. е. краткимъ. Съ другой стороны, наблюдается часто обратная субституцiя, именно русскихъ *о* и *э* черезъ *у* и *i*, напр., св*у*й = «свой», с*у*нца = «солнце», вр*i*мä = «время» и т. п.; отчасти это можетъ быть слѣдствiемъ предшествующаго, ибо только эти гласные и остаются для отличiя въ передачѣ русскихъ среднихъ гласныхъ *о* и *э* отъ узкихъ (срв. въ части сѣв.-влр. говоровъ замѣну *ч* черезъ *ц*, а *ц* черезъ *ч*); но кромѣ того здѣсь участвуютъ въ большой мѣрѣ и требованiя тюркской гармонiи гласныхъ, срв., напр. л*у*гá = «лугà», гдѣ ударяемое и потому устойчивое конечное *á* легко можетъ уживаться съ *у* (но не съ о) въ начальномъ слогѣ. Аналогичныя замѣны наблюдаются и въ русскомъ письмѣ учениковъ-татаръ, напр., мел*о* = «мѣлу», р*и*дкий = «рѣдкiй» и т. п.; въ этихъ случаяхъ я достигалъ хорошихъ результатовъ, произнося рядомъ гласные *э* и *i*, *о* и *у* въ связи съ ихъ обозначенiемъ и такимъ образомъ доводилъ учениковъ до умѣнья правильно пользоваться начертанiями *е* || *и*, *о* || *у*.

3) Въ татарскомъ языкѣ имѣются суживающiеся *дифтонги*, напр. ау, аi, естественно произносящiеся однимъ (а не двумя) толчкомъ воздуха изъ груди, при чемъ узкiе ихъ компоненты въ зависимости отъ открытости и закрытости слога и отъ положенiя относительно ударенiя, могутъ варiировать по степени редукцiи и въ своемъ качествѣ, клоня болѣе или къ полугласнымъ, или же къ спирантамъ (особенно дифтонги на *i*).

4) Весьма характерною для произношенія татарскихъ гласныхъ является та черта, что они, начиная слово, имѣютъ *аттакированное* произношеніе (hamza): это послѣднее состоитъ въ томъ, что звучанію гласнаго предшествуетъ взрывъ предварительно сомкнутыхъ голосовыхъ связокъ, тогда какъ, напр., въ русскомъ языкѣ звучанія гласнаго начинается уже на пути къ смычкѣ голосовыхъ связокъ (впрочемъ, иногда аттакированное произношеніе слышится и въ русскомъ языкѣ, напр., въ частицѣ «эхъ!» и нѣкоторыхъ другихъ). Такимъ образомъ, звукъ аттакированья (hamza) можетъ разсматриваться какъ взрывной согласный гортани; онъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ, напр., нѣмецкомъ (срв. *a*ber и т. п.), и обычно ничѣмъ не отмѣчается въ ороографіи, являясь необходимымъ элементомъ національнаго произношенія; въ нѣкоторыхъ языкахъ (напр., датскомъ, діалектически — литовскомъ и латышскомъ) hamza встрѣчается внутри гласнаго, производя въ немъ перерывъ звучанія, а въ татарскомъ иногда въ концѣ гласнаго въ видѣ моментальной смычки и происходящей отсюда моментальной остановки звучанія голосовой щели, напр., въ дѣтскомъ словѣ ма'май; французское «*h* aspiré» есть ничто иное, какъ hamza (напр., la *h*ache). Необходимо однако помнить о возможности указываемыхъ изслѣдователями варіацій въ самой природѣ аттакированнаго произношенія гласныхъ (напр., въ видѣ затиханія, а не полнаго перерыва внутри гласнаго).

б) Неударяемые гласные.

Ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ въ татарскомъ языкѣ представляетъ варіаціи по степени, стоящія въ связи съ существованіемъ самостоятельной долготы и краткости гласныхъ ударяемыхъ, а именно въ одномъ и томъ же слабомъ неударяемомъ положеніи долгіе гласные сохраняются въ видѣ средней или же краткой длительности, тогда какъ краткіе становятся весьма краткими и мимолетными и способны даже исчезать, срв. *бабá*, но уже — т̭ры́мъ (отъ «тор»). Если мы будемъ посредствомъ цифръ означать по слуху степень вѣса гласныхъ въ словахъ двусложныхъ (конечно — съ удареніемъ на концѣ, по свойству антропофоническаго строенія татарскихъ словъ), то будемъ имѣть слѣдующія варіаціи[1]:

1 Указываемыя варіаціи при ослабленіи татарскаго неударяемаго вокализма весьма поучительны для пониманія такого же процесса въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, гдѣ тоже существовало различіе въ ослабленіи долгихъ и краткихъ гласныхъ.

1) 1 | 2: *баба*, k*ата*;

2) $^1/_2$ (или ◡) | 2: т̭*рам*;

3) $1^1/_2$ | 1: ті̂шік[1];

4) $^1/_2$ | 1: сі̮лік.

Подобнаго рода варіаціи будутъ также въ словахъ трехсложныхъ и четырехсложныхъ; я приведу примѣры лишь съ гласнымъ *а*:

5) $1^1/_2$ | 1 | 2: kа̀рӑма́k, k*атада*;

6) 1 | $1^1/_2$ | 1 | 2: мана̀раҫа́.

Примѣчаніе. Мои экспериментальныя данныя относительно перваго случая вполнѣ согласуются съ указаннымъ по слуху относительнымъ вѣсомъ гласныхъ, но въ отношеніи пятаго случая (слово k*атада́*) представляютъ колебаніе въ «длительности» обоихъ предъударныхъ слоговъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ, представляющихъ сотыя доли секунды: 10 | 7 | 32, но и 8 | 10 | 28.

Въ тѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ, которыя мы обозначали цифрою единицею (или $^1/_2$) возможно ослабленіе до степени мимолетныхъ и даже до нуля тѣхъ гласныхъ, которые являются краткими по природѣ, напр., сі̮лік «тряси» || сі̮лкі̂т «заставь трясти», при чемъ во второмъ словѣ, которое изъ трехсложнаго стало двусложнымъ, гласный і̥ начальнаго слога передъ *l* можетъ затѣмъ ослабляться до степени минимальнаго (сⁱlкі̮т) и даже совсѣмъ исчезнуть, и тогда *l* становится «слогообразующимъ» (l̥); иногда слогообразующіе согласные появляются и помимо исчезновенія гласныхъ, просто вслѣдствіе накопленія согласныхъ, срв. ал̥тм̥ыш. Здѣсь мы видимъ, какъ обычное представленіе о слоговомъ составѣ словъ оказывается недостаточнымъ, какъ скоро мы обращаемся къ живому произношенію: здѣсь мы наблюдаемъ не только опредѣленные слоги, но и полуслоги и даже лишь намекъ на слоги, относительно которыхъ не всегда можемъ сказать, имѣютъ ли они нѣкоторую самостоятельность, или же только прислоняются къ сосѣднему слогу, не неся особой слоговой функціи, сравни мі̥нäм || мⁱнäм || м̂нäм «лѣзу», сі̥lкі̮т || сⁱlкі̮т || сl̥кі̮т (вмѣстѣ съ тѣмъ мы

[1] Приведу наблюденіе надъ произношеніемъ даннаго слова, произведенное надъ ученикомъ Казан. тат. учит. школы: «оба слога произноситъ на одной и той же высотѣ, но первый слогъ продолжителенъ, второй—очень кратокъ, и въ то же время первый слогъ не такъ энергиченъ, какъ второй; въ этихъ свойствахъ я вижу причину того, что ученикъ затруднялся опредѣлить мѣсто ударенія въ данномъ словѣ».

убѣждаемся, какъ различіе между такъ называемыми слоговыми и неслоговыми звуками въ дѣйствительности нерѣдко теряется). Что касается *орѳографіи минимальныхъ гласныхъ*, то, напр., въ русскомъ правописаніи они обозначаются согласно морфологическому принципу, срв. гъдаво̂ј =орѳографіи «годовой» (по аналогіи къ слову «годъ»). Этотъ принципъ примѣнимъ и къ татарской орѳографіи: въ такихъ случаяхъ обычно приходится обращаться въ именахъ къ формѣ И. ед., а въ глаголахъ — къ 2 ед. повел. накл. простого глагола.

Отмѣченное явленіе минимальныхъ гласныхъ имѣетъ важное значеніе для уясненія природы *гармоніи* гласныхъ въ современномъ татарскомъ языкѣ: несмотря на то, что корневой гласный въ извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ почти исчезъ или даже исчезъ и, слѣдовательно, уже не способенъ оказывать вліяніе, тѣмъ не менѣе гармонія гласныхъ въ аффиксахъ выдерживается. Ясно, что здѣсь причина, породившая гармонію аффиксовъ, уже не существуетъ болѣе въ языкѣ, и гармонія гласныхъ такимъ образомъ является въ настоящее время лишь «чередованіемъ» гласныхъ, опирающимся на пріобрѣтаемой съ дѣтства *привычкѣ къ ассоціаціи извѣстныхъ отношеній* между гласными аффиксовъ и корневыми. Поэтому ошибочно утверждаютъ, будто въ современномъ языкѣ совершается «измѣненіе», подъ вліяніемъ гармоніи, напр., аффикса *лар* на — *лäр* и т. п.; такое измѣненіе рѣшительно не ощущается органами произношенія во рту, оно и не существуетъ, ибо говорящій въ силу привычки прямо примѣняетъ ту или иную разновидность аффикса въ связи съ наличностью опредѣленныхъ гласныхъ въ корнѣ, но не мѣняетъ въ моментъ рѣчи одну разновидность на другую. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ «процессомъ измѣненія», а лишь съ унаслѣдованнымъ чередованіемъ звуковъ, причина котораго лежитъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ (отмѣчаемая тенденція видѣть въ чередованіи самый процессъ измѣненія, въ дѣйствительности лежащій въ прошломъ, представляетъ одну изъ весьма распространенныхъ методологическихъ ошибокъ). Смотря такъ на гармонію гласныхъ, можно понять и то обстоятельство, что корневые краткіе гласные *ө* и *ө*, сами слабо лябіализованные, являются однако весьма сильными гармоническими ассимиляторами сравнительно съ *у* и *ӱ* въ современномъ татарскомъ. Дѣло въ томъ, что, судя по урянхайскимъ соотвѣтствіямъ, представляющимъ въ первомъ случаѣ *у* и *ӱ*, а во второмъ *о* и *ö*, и принимая урянхайскую фазу за болѣе древнюю, мы приходимъ къ заключенію, что гармоническое вліяніе казанско-татарскихъ *ө* и *ӫ* восходитъ своимъ началомъ къ тому времени, когда вмѣсто этихъ гласныхъ произносились *у* и *ӱ*, т. е. наиболѣе лябіали-

зованные гласные. Въ настоящее же время гласные ө и ӧ находятся уже на пути къ потерѣ лябіализаціи, но то, чтò когда-то предшественниками этихъ гласныхъ было вызвано, продолжается въ языкѣ (вообще, въ жизни языковъ это — нерѣдкое явленіе, что причина, вызвавшая явленіе, уже утрачена, но вызванное ею явленіе продолжаетъ жить).

Если мы спросимъ себя, гдѣ же искать основанія для всей тюркской гармоніи гласныхъ вообще, имѣющей притомъ непремѣнно прогрессивное направленіе, то нужно принять, что основаніе это заключается въ морфологическомъ строѣ этихъ языковъ, а именно — въ полномъ отсутствіи префиксовъ и въ наличности лишь аффиксовъ, всегда идущихъ за корнемъ, этою главною морфемою корня, гласный же корня опредѣляетъ значеніе послѣдняго въ отличіи отъ созвучныхъ корней, имѣющихъ другой гласный (срв., напр., совершенно различные корни: ат, іт, ут, от, ӧт, ı̥т или — kат, кӓт, кіт, кӱт, kөт, кӧт, kы̥т и т. п.), а потому корневому гласному въ такихъ столь частыхъ въ татарскомъ языкѣ случаяхъ принадлежитъ, такъ сказать, семазіологическая устойчивость, которая въ свою очередь обусловливаетъ устойчивость корневого гласнаго и въ произношеніи, т. е. относительную его неизмѣняемость и гармоническое подчиненіе ему аффиксовъ[1].

Между тѣмъ въ аріо-европейскихъ языкахъ аффиксы не только слѣдуютъ за корнемъ, но и предшествуютъ ему, и еще въ праязыковое время во многихъ случаяхъ путемъ морфологическаго опрòщенія сливались съ корнемъ, тѣмъ давая начало новымъ корнямъ; указанная особенность морфологическаго строя аріо-европейскихъ языковъ совершенно не благопріятствовала, въ отличіи отъ тюркскихъ, возникновенію прогрессивной гармоніи гласныхъ[2]. Правда, и въ аріо-европейскихъ языкахъ встрѣчается явленіе гармонической ассимиляціи гласныхъ, но таковая въ нихъ такъ или иначе

---

[1] Возможно, что первоначально въ пратюркскомъ главное удареніе въ формахъ словъ приходилось всегда на корневомъ слогѣ, и къ этимъ именно временамъ нужно относить зарожденіе гармоніи гласныхъ; лишь позже формально-флексійные элементы стали перетягивать на себя главное удареніе подобно тому, какъ въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ наблюдается нерѣдкое перемѣщеніе ударенія на переднія формальные элементы, какъ, напр., на аугментъ (скт. и греч.), весьма часто на префиксы и предлоги и т. п. Побочное удареніе на начальномъ слогѣ въ татарскомъ въ такихъ случаяхъ, какъ kàрӓмӓ́k, можетъ оказаться отголоскомъ первоначальнаго главнаго ударенія.

[2] Между тѣмъ какъ въ аріо-европейскихъ языкахъ идеи аффиксовъ всплываютъ въ умѣ говорящаго частью ранѣе идеи корня, а частью вслѣдъ за нею, въ тюркскихъ языкахъ онѣ всегда слѣдуютъ за идеей главной морфемы или корня, чтò и обусловило — какъ мы разъяснили — господство прогрессивнаго направленія ассимиляціи въ этихъ послѣднихъ языкахъ.

связана съ положеніемъ гласнаго относительно ударенія, нося такимъ образомъ чисто фонетическій, а не морфологическій характеръ (срв. въ народныхъ говорахъ Казанской губ. произношеніе — зободёт, сомова́р и т. п.).

Гармонія гласныхъ настолько проникаетъ строй татарскаго языка, что подчиняетъ себѣ и заимствуемыя русскія слова; она сказывается также въ ошибкахъ учениковъ-татаръ на урокахъ русской диктовки.

в) Согласные звуки.

1) Въ области согласныхъ звуковъ прежде всего отмѣчу относительно слабую артикуляцію *звонкихъ взрывныхъ* по сравненію съ соотвѣтствующими русскими согласными. Такъ, татарское *б* діалектически, отчасти и индивидуально, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ почти не отличимо отъ губно-губного *в*; напримѣръ, въ словахъ *сiбäм*, «сѣю», *ÿбäм*, «цѣлую» у лица казанскаго происхожденія слышалось мнѣ то *в*, то *б* (въ моихъ записяхъ этотъ звукъ переданъ черезъ $\frac{в}{б}$ или $\frac{б}{в}$). Такое произношеніе происходило отъ того, что данное лицо то вполнѣ сжимало губы, то только приближало. Подобное недожиманіе органовъ произношенія естественно связывается съ укороченіемъ артикуляціи. И дѣйствительно, мои экспериментально-фонетическія изслѣдованія констатируютъ значительно бо́льшую краткость татарскаго *б* сравнительно съ русскимъ, напримѣръ, въ словѣ *баба́*. Въ области же глубокаго ряда задне-язычныхъ согласныхъ глухому взрывному *k* соотвѣтствуетъ уже прямо звонкій спирантъ ҕ.

2) Изъ глухихъ взрывныхъ слабую смычку имѣетъ категорія *слитныхъ* согласныхъ. Для подтвержденія этого мы находимъ обоюдныя доказательства, т. е. въ попыткахъ произнесенія русскихъ *ч* и *ц* татариномъ и татарскаго *ч* русскимъ. Такъ, я, напримѣръ, обычно вмѣсто татарскаго *ч* подставляю русское, и слушатели изъ татаръ указываютъ, что я произношу неправильно (напримѣръ, въ числительномъ *öч* «три»): ухо татарина въ моемъ произношеніи слышитъ какъ бы лишнее *т* въ началѣ *ч*. Наоборотъ, русскій слышитъ въ устахъ татарина въ данныхъ звукахъ преобладаніе спиранта; напримѣръ, относительно словъ «цвѣткахъ», «конца» замѣчено въ моихъ матеріалахъ: слабое сжатіе, вслѣдствіе чего взрывной элементъ слышится слабо и преобладаетъ придувной, а нѣкоторые произносятъ просто *с*. Само собою разумѣется, что сказанное примѣнимо и къ произношенію звонкаго татарскаго џ (^{д}'ж')=башк. j. Попутно отмѣчу, что діалектически вм. *ч* и џ можно наблюдать и просто мягкіе спиранты ш' ж', вмѣсто

которыхъ встрѣчаются и свистящіе рефлексы с' и з' (д'з'), съ чѣмъ можно сопоставить весьма обычное въ аріо-европейскихъ языкахъ діалектическое чередованіе шипящихъ и свистящихъ разновидностей; всѣ эти варіаціи произношенія, встрѣчаемыя въ разныхъ уѣздахъ Казанской губерніи, заслуживаютъ тщательнаго изслѣдованія, между прочимъ по вопросу, существуетъ ли параллелизмъ этихъ варіантовъ одновременно для глухой и звонкой фонемы (сравни i̥ч «пей» || i̥ш' || jс'; jil «вѣтеръ» || џil || д'з'il || ж'il || з'il)[1].

3) *Аккомодація согласныхъ* имѣетъ прогрессивное направленіе (сравни ат*k*а, iдäп*н*äр), какъ и гармонія гласныхъ, точно также объяснимое семазіологическою устойчивостью конечнаго согласнаго въ корняхъ и происходящею отсюда относительною его неизмѣняемостью[2]. Такое направленіе аккоммодаціи стало настолько господствующимъ, что обнаруживается и внутри самого корня во *вліяніи палятальнаго гласнаго на слѣдующій согласный*, пріобрѣтающій нѣкоторую полумягкость, напримѣръ, бäр̆, бiн̆, кÿl̆, кöl̆ и т. п., между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ господствуетъ обратное направленіе, сравни м'эр, м'iр. Вслѣдствіе указанной разницы, при выговариваніи татариномъ русскихъ словъ проявляется тенденція произносить палятальные слоги $C'+V^i$ съ нѣкоторой твердостью (напр., бэ, вэ, сэ и т. п.) и переносить мягкость на слѣдующій согласный, напр. мiр̆, что сказывается и въ ученическихъ ошибкахъ при написаніи русскихъ словъ, сравни «ходе*ть*» (=ходитъ). Съ другой стороны, русскому не привычно твердое произношеніе подобныхъ палятальныхъ слоговъ, и, напр., при выговариваніи татарскаго аффикса мäк согласный *м* въ устахъ русскаго получаетъ нѣкоторую мягкость, тогда какъ конечное *к* произносится совсѣмъ безъ мягкости, вслѣдствіе чего такое произношеніе уху татарина представляется неправильнымъ; для правильнаго произнесенія даннаго аффикса русскій долженъ произнести согласный *м* твердымъ и отъ него перейти къ палятальному гласному *ä*, конечному же согласному придать нѣкоторую палятальность. Оцѣнивая степень смягченія согласныхъ въ татарскомъ языкѣ, нельзя не отмѣтить, что разныя категоріи представляютъ неодинаковую смягчаемость: наибольшую—плавные *л* и *р* и носовой *н*, меньшую—*т*, *д*, *ш*, а еще меньшую — губные; несмотря однако на разную степень смягченія

---

[1] Въ Казан. тат. учит. школѣ мнѣ приходилось наблюдать у учениковъ процессъ діалектическаго нивеллированія; такъ, напр., одинъ ученикъ произносилъ jiр̆ «земля», тогда какъ другіе выговаривали џiр̆; когда я его переспросилъ, то онъ уже произнесъ џiр̆.
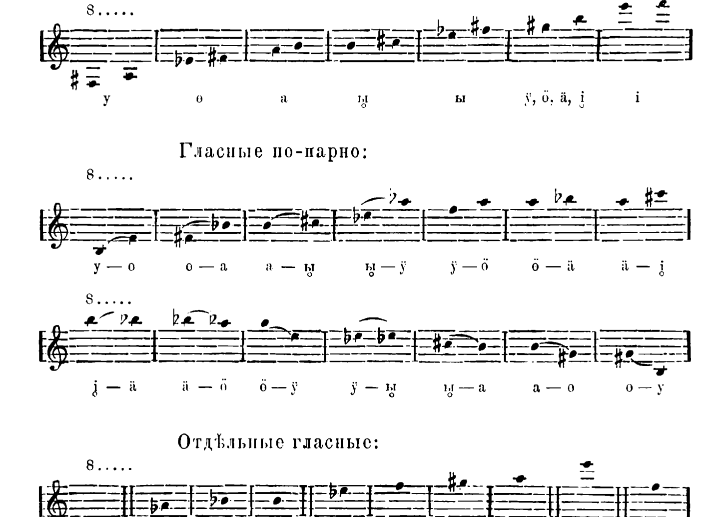
[2] При *книжномъ вліяніи* начальный согласный аффикса можетъ произноситься и безъ уподобленія конечному согласному корня, напр., балыk*k*а || балыkга «рыбѣ».

разныхъ согласныхъ, тѣмъ не менѣе въ татарскомъ языкѣ существуетъ «грамматическій» параллелизмъ въ чередованіи твердой и мягкой (полумягкой) разновидности согласныхъ. Интересно отмѣтить, что татарское глубокое *k* умягчается не только подъ вліяніемъ предшествующаго палятальнаго гласнаго въ закрытомъ слогѣ, но и передъ такимъ гласнымъ; по поводу этой особенности нужно указать, что и въ аріо-европейскихъ языкахъ категорія задне-язычныхъ согласныхъ подвергается смягчающему вліянію не только послѣдующихъ, но и предшествующихъ палятальныхъ гласныхъ, какъ, напр., въ германской и славянской языковыхъ областяхъ.

4) Наконецъ укажемъ, что многія *группы согласныхъ* въ русскихъ словáхъ представляютъ трудность для произнесенія ихъ татариномъ, и онъ обычно передъ начальною группою произноситъ мимолетный гласный типа ъ = ы̆ (частью послѣ перваго согласнаго группы), а во внутреннюю или конечную группу вноситъ такой же переходный элементъ; напр.: ъвгóрот «въ городъ», ъвбáшню «въ башню», ъфпóл'э «въ поле», ъввóду «въ воду», ъссíфкоj «съ сивкой» (въ словахъ, начинающихся со спиранта съ послѣдующимъ взрывнымъ, а также — съ двойного или сильнаго спиранта); въслух «вслухъ», възгláт «взглядъ» (въ группахъ, начинающихся со спиранта, но состоящихъ болѣе, чѣмъ изъ двухъ согласныхъ); kънам «къ намъ» (группа начинается съ взрывного согласнаго); вóлъk «волкъ» и т. п. Передъ начальною звонкою группою мимолетный гласный можетъ редуцироваться до степени аттакированнаго произношенія группы (т. е. до степени hamza), напр., 'вдовá, хотя такое произношеніе выступаетъ неодинаково замѣтно у одного и того же лица.

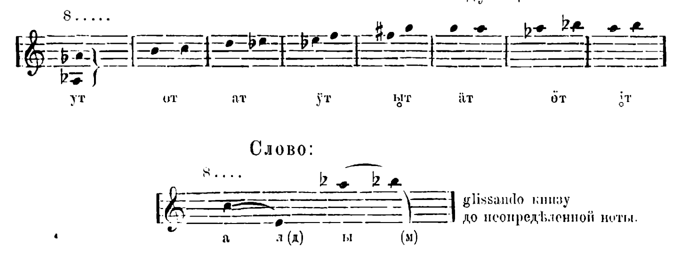
Приложеніе 1-ое.

М. И. Бергъ, состоящая ассистентомъ при университетскомъ кабинетѣ экспериментальной фонетики въ Казани, изслѣдовала резонансовые тоны полости рта для татарскихъ гласныхъ, по методу «воздушной струи» [1], въ произношеніи Дж. Ш. Шарафа и получила слѣдующіе результаты, представляемые далѣе въ нотной транскрипціи (первая нотная строчка съ варіантами для гласныхъ въ отдѣльности была получена въ самомъ началѣ, когда испытуемый не навыкъ еще придавать органамъ произношенія укладъ однообразный и естественный; двойныя ноты этой и пятой строки, т. е. для гласныхъ въ отдѣльности и въ звукосочетаніи, обозначаютъ именно варіанты высоты резонансоваго тона; какъ видно изъ обозначенія, всѣ ноты слѣдуетъ читать октавою выше):

[1] См. Изв. отд. Рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. XXII (1917), кн. 1; Р. Ф. В. 1914 № 1, стр. 171—173, 1915 № 1 стр. 76—81.

Гласные въ сочетаніи съ послѣдующимъ *т:*

Представленныя данныя привели г-жу Бергъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Всѣ гласные въ отдѣльномъ произношеніи удобно дѣлятся по своему резонансовому тону на четыре группы: a) очень низкій тонъ (у); b) средне-низкій (о, а, ы̥); c) средне-высокій, при смягченныхъ гласныхъ (ӱ, ö, ä, і̥); d) самый высокій (і);

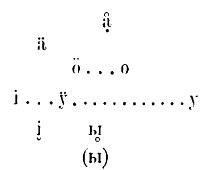
2) Въ гласныхъ, произносимыхъ по-парно, замѣтна тенденція къ взаимному уподобленію какъ въ восходящемъ рядѣ, такъ и въ нисходящемъ;

3) Въ сочетаніяхъ гласныхъ съ согласнымъ *т* резонансовый тонъ низкихъ и средне-низкихъ гласныхъ повышается сравнительно съ гласными въ отдѣльномъ произношеніи, остальные же гласные почти не измѣнены.

Приложеніе 2-ое.

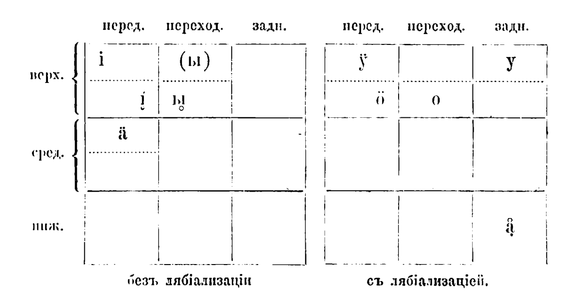
Систему казанско-татарскихъ ударяемыхъ гласныхъ для большей наглядности ихъ артикуляціонныхъ мѣстъ въ полости рта мы представимъ табеллярно троякимъ образомъ — въ видѣ треугольника (старый способъ), четыреугольника (англ.) и, наконецъ, въ видѣ сагиттальнаго разрѣза полости рта (при чемъ оговоримся, что мы даемъ лишь приблизительно артикуляціонное распредѣленіе гласныхъ, которое можетъ такъ или иначе видоизмѣниться при экспериментальномъ изученіи вопроса):

а) въ видѣ треугольника:

Изъ таблицы не трудно усмотрѣть, что въ губномъ ряду нѣтъ звена, которое отвѣчало бы гласному *ä* палятальнаго ряда. Въ скобкахъ поставленъ сравнительно рѣдкій звукъ — чистое *ы*.

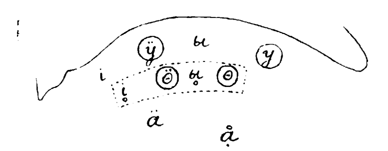
б) въ видѣ четыреугольника:

	перед.	переход.	задн.	перед.	переход.	задн.
верх.	і	(ы)		ӱ		у
	ị	ы̥		ӧ	о	
сред.	ä					
ниж.						ạ̊
	безъ лябіализаціи			съ лябіализаціей.		

Какъ показываетъ таблица, краткіе гласные (т. е. ị, ы̥, ö, о) образуютъ особую зону въ верхнемъ ряду, болѣе открытую сравнительно съ некраткими узкими и нѣсколько отличную отъ нихъ по своему мѣсту на передне-заднемъ діаметрѣ. Срв. аналогичныя различія въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ, напр. нѣмецкомъ.

в) въ видѣ сагиттальнаго разрѣза полости рта:

На рисункѣ кружками обозначена лябіализованность соотвѣтствующихъ гласныхъ, а пунктиромъ обведена зона краткихъ гласныхъ.

Приложение к протоколу X заседания Отделения Исторических Наук и Филологии Российской Академии Наук 17 сентября 1919 года.

О некоторых восточных рукописях.

В осмотренном мною собрании мусульманских, преимущественно персидских рукописей, находящемся в Азиатском Музее Академии, особенный интерес представляют экземпляры следующих сочинений:

1. احسن التواريخ, соч. حسن بن محمد الخاکی الشيرازی, см. Rieu 886. 381 лист восточной пагинации (по 20 строк на странице), из них первые три листа белые; л. 4 б — вслед за заглавием оглавление, без предисловия. После изложения истории индийских тимуридов, доведенной до 1020=1611-2 г. (л. 351б), интерполяция (л. 352а—353б) о царствованиях Шах-Джехана, Аурензиба, А'зам-шаха, Шах-Алем-Бехадур-шаха, Фаррух-сияра и Насир-ад-дина Мухаммеда; вступление на престол последнего отнесено к 1130=1718 г.; сведения извлечены интерполятором из «Тарих-и Кипчакийе»[1]. В конце рукописи история сефевидов обрывается на полуслове; говорится о событиях 996 = 1588 г., так что недостает, вероятно, только одного листа.

2 и 3. Два экземпляра مجمع الغرائب, соч. سلطان محمد بن درويش محمد المفتی البلخی, ср. Rieu 426. В одном экземпляре (очень плохом, составляющем часть сборной рукописи) автор посвящает свой труд, как и в рукописи Британского Музея, Пир-Мухаммед-хану балхскому (963—974=1556—1566-7); но в другой рукописи, гораздо лучшего качества, хотя тоже поздней (1244=1828-9 г.; 221 лист 8°, последний белый, 13 строк на странице), имя Пир-Мухаммеда заменено именем его племянника, знаменитого Абдуллы бухарского, завоевавшего Балх в 981=1573-4 г. В остальном текст обоих экземпляров почти буквально сходен, между прочим и в том месте, где перечисляются титулы и достоинства государя. Выписываем конец этого славословия по обоим рукописям:

---

[1] والله اعلم از کتاب تاریخ قبجاقیه نقل کرده شد

دارای زمانه شهریار بارزم عبد الله خان بن اسکندر خان است خلّد الله ملکه وسلطانه | دارای زمانه شهریار عالم شاهنشه پیر محمد خان است خلّد الله تعالی ملکه وسلطانه

Очевидно, автор после завоевания Балха Абдуллой поднес новому государю труд, несколько раньше поднесенный им же Пир-Мухаммеду.

4. طبقات ناصری, соч. منهاج سراج جوزجانی, ср. Rieu 72. Хороший и старый список известного труда по всемирной истории, разделенного на 23 отдела; текст отделов, относящихся к истории Индии (11-ый и последние семь), был издан в Калькутте в 1864 г. (The Tabaqát-i Násiri, of Aboo 'Omar Minháj al-din 'Othmán ibn Siráj al-din al-Jawzjani. Ed. by capt. W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and Abd al-Hai. Calcutta 1864); бо́льшая часть сочинения, начиная с отдела 7 (с изложения истории персидских мусульманских династий), переведена Raverty (The Tabaḳāti-Nāṣiri etc. transl. by H. G. Raverty, London 1873). Как издание, так и перевод оставляют желать многого; при пользовании трудом Минхаджа такие хорошие и старые списки, как настоящий, вероятно, будут не бесполезны.

Последние слова рукописи: كتب المنهاج بن سراج فى الخامس من شهر ربيع الاوّل سنة خمسين وستمائة. Едва ли эти слова должны быть поняты в том смысле, что перед нами — автограф автора; но возможно, что список сделан с автографа. Перед словом خمسين, вероятно, пропущено تسع و, так как предшествующий 22 отдел был закончен в шаввале 658 г. (сент.—окт. 1260)[1]. Днем окончания всего труда, таким образом, следует признать 7 февраля 1261 г.

430 листов 4°, по 19 строк на странице.

5. دولرانئ خضر خان или خضرخانى (последнее заглавие в нашей рукописи), соч. خسرو دهلوى, ср. Rieu 612. Полная и хорошая рукопись, 985 = 1577-8 г. 157 листов восточной пагинации, из них один белый в начале; кроме того еще 1 белый лист в начале и 4 в конце, по 14 строк на странице. Переписчик مرشد بن على بن مرشد السفكى.

6. Трактат (رساله) по музыке (главным образом биографии прославившихся в этом искусстве деятелей), соч. درويش على جنكى الخاقانى ابن ميرزا عبد العلى ابن محمد مومن قالولى ابن خواجه عبد الله ابن خواجه محمد مرواريد (л. 7 а), составлен для бухарского хана Имам-Кули (ابو الغازى امام قلى محمد بهادر خان, л. 7 б), правившего с 1611 по 1642 г. Автор был начальником корпуса музыкантов хана (مهتر نقاره‌خانه) и сообщает биографические сведения о себе, своих предках и своих предшественниках по должности, также сведения о своем пребывании в Андижане, Кеше (Шахрисябзе), Балхе и Бухаре (л. 145 а и след.).

[1] Ср. в нашем экземпляре л. 356 а.

Неполная рукопись, 148 листов (из них 4 белых в начале и 2 в конце), по 13 строк на странице.

7. Трактат (رساله) по истории мангытов, соч. محمد يعقوب بخارى, составлен в 1244=1828-9 г. при эмире Насрулле (1827-1860); в тексте (л. 24а), однако, рассказ доводится до 1246 г. (1830-1). Автор упоминает о своем участии в событиях 1242=1826-7 г., когда Насрулла овладел Бухарой, и приводит сочиненный им на турецком языке та'рих по поводу движения к крепости Ильчик на Аму-дарье[1]. После изложения истории правителей Бухары из мангытской династии приводятся сведения по истории владетелей Шахрисябза из рода Кенегес, до современника Насруллы Данияль-бия, рассказывается, какие отношения установились между ним и Насруллой после заключения мирного договора (л. 25б—26б)[2]. Дальше идет глава о «везирах мангытских султанов»[3] (л. 26б-27б), начиная с Даулет-кушбеги, занимавшего эту должность при Мухаммед-Рахим-хане, при чем автор подробнее всего говорит о своем современнике Хаким-бии, везире Хайдера и Насруллы. На сообщениях этого лица, повидимому, основана характеристика государей (л. 27б—30а); подробнее всего говорится об эмире Ма'суме. Ханство переживало при нем, как и при других мангытских эмирах, финансовые затруднения; эмир надеялся взять Мешхед и удовлетворить свое войско богатствами этой шиитской святыни[4]. Тем не менее автор[5] приписывает эмиру Ма'суму большие заслуги в деле восстановления культуры в Самаркандской области; им был возобновлен, по словам автора, даже большой арык Пай (Нарпай, т. е. Нахр-и Пай), который некоторые русские исследователи считали естественным рукавом Зарафшана[6]; таким же образом эмир «снова привел в культурное состояние все, что пришло в запустение в Мавераннахре, на берегу реки (Аму-дарьи), в Карши и в Мерве». Еще больше были финансовые затруднения при эмире Хайдере: «доход его больше чем вдвое превосходил доход его отца, расход его больше чем вдвое превосходил его доход»[7]. Как и в других источниках, говорится о благочестии эмира, но в то же время он описывается, как нервный человек, быстро приходивший в гнев[8]. Глава оканчивается обещанием автора, если Бог продлит его

---

[1] Л. 21 б: بيزنك بو ايلغاريميزدين قيلور همه ايلغار ' بو وجه ايله آنى تاريخين ايلاديم ايلغا. Числовое значение букв слова ايلغار дает в сумме 1242.

[2] Л. 26 б: اكر امير ارادهٔ سمرقند وقرشى كند يك پسرش را با ده اسب جبدوق دار وجهل من برنج وصد كوسفند ميفرستاند در هر سفر از امير نوازشها مى يابد وخلعتهاى فاخر وبا مردمانش عملها ومنصبها كرفته ميرود.

[3] در بيان وزراى سلاطين منغتيه.

[4] Л. 28 б: اكر مشهدرا فتح ميكردم وطلاهاى حضرت امامرا بلشكرى قسمت ميفمودم مردم از من راضى وسرافراز ميكشتند.

[5] Л. 29 а: شهر سمرقندرا او بنا كرد وجوى انهار ونهر پى وكام ميغ وتومانات سمرقند نيز احداث اوست تمام خرابيهاى ما وراء النهر ولب آب وقرشى ومرورا او آباد كرد.

[6] Ср. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 118.

[7] Л. 29 б: دخل او از دو برابر دخل پدر زياده بود وخرجش از دو برابر دخلش زياده بود.

[8] Л. 27 а: پادشاه نازك مزاج وزودرنج.

жизнь, рассказать и о царствовании Насруллы. В последней главе, без заголовка (л. 30а—31б), говорится о турках от Яфета до последних джагатайских ханов. 32 листа, из них последний белый; по 19 строк на странице.

8. Тетрадь с выписками из различных сочинений и с заметками хронологического характера. Выписки сделаны из تاريخ نرشخى (л. 17а—29а, 34а—35а, 60б[1]) и других сочинений, касающихся Туркестана. Заметки, расположенные без всякого порядка и системы, касаются событий от первых веков хиджры до конца 19 века; упоминается (л. 67б) о вступлении на престол эмира Сейид-Абдул-л-Ахада в пятницу 6 сафара 1303 г. ($^{13}/_{1}$ ноября 1885). Отмечено, между прочим (л. 41а), что табак (تنباكو) впервые проник в Индию из страны франков (از جانب فرنك) при Акбаре (1556—1605) в 1014 г. х. (1605—6) и постепенно получил широкое распространение, хотя принадлежит к числу смертоносных ядов (سموم قاتله). Интерес представляют подробные хронологические записи о бухарских эмирах, с указанием времени рождения, вступления на престол, смерти и места погребения (л. 66а—67б), а также некоторые записи о вакфах (напр. л. 77б и 78а) и т. п. 78 листов, из них ряд белых (1, 2, 7, 8, 42, 43, 51—54, 64, 65, 68—71, 76), кроме того есть листы вложенные. Число строк на страницах различное.

9. Султанские указы (в копии) о договорах между Россией и Турцией 5 ноября 1720 г. и 12 июня 1724 г.[2], с приведением текста обоих договоров и с историческим введением к каждому из них. Во введении к первому говорится об отношениях между Россией и Турцией со времени Прутского похода, о договорах 1711 и 1713 гг.; после этого приводится текст договора 1720 г. (л. 8б—21б, 13 пунктов). Тексту договора 1724 г. (л. 23б—32б, 6 пунктов) предпослано краткое введение о персидских делах (л. 21б и след.) и о переговорах между Россией и Турцией при посредстве Франции (л. 22а). В заключении (خاتمه) упоминаются французский посол маркиз де-Бонак (ماركيز دبوناق) и русский Иван Неплюев (ايوان نبلوف). На обратной стороне переплета хронологическая отметка: «марта 22 дня 1775 года»; в тексте, почерком 18 века, переводы турецких слов и фраз на русский и итальянский[3] языки; в конце (л. 35б) «жидовская азбука» (буквы и их названия). На л. 28б—33б отдельными словами запись о владельцах: «сия книга артиллерии капитана Пастушкова, Сергея Бабаева». Рукопись представляет интерес, как один из немногих памятников русского востоковедения 18 века.

36 л. малого формата, по 13 строк на странице.

10. نفحات الانس, соч. نور الدين عبد الرحمن جامى, Rieu 349. Полная и хорошая, хотя очень мелко написанная рукопись. 284 нумерованных листа (восточная

---

[1] Здесь рассказ о مسجد ماخ (в издании Шефера стр. 18 и сл.) отнесен к مسجد مغاك.

[2] Ср. о них «Историю России» Соловьева, изд. тов. «Обществ. Польза», IV, 596 и 701. Русский текст договоров в П. С. З. т. VI, № 3671 и т. VII, № 4531.

[3] Оригиналы договора 1720 г. как русский, так и турецкий должны были быть представлены вместе с итальянским переводом (§ 13 договора).

пагинация) 8⁰, по 21 строке на странице; впереди 5 ненумерованных листов с оглавлением. Особый интерес придают этому списку заключительные слова:

وقد وقع الفراغ من مقابلة هذا الكتاب و تصحيحه اصله وحواشيه حركاته وسكناته مع نسخة المصنّف رحمه الله سنة خمسين وتسعمائة تحريرا بدار السلطنة الهراة.

Весь список, таким образом, со включением заметок на полях (содержание их— объяснения к тексту, перевод арабских слов и выражений и т. п.), сличен в Герате в 950 г. х. (1543—4), т. е. через 67 лет после окончания труда и через 52 года после смерти автора, с автографом Джами.

11 и **12**. Второй и третий томы (دفتر) обширного труда по истории Надир-шаха. Заглавия в тексте не приводится; в безграмотной записи[1] владельца на белом листе впереди 2 тома сочинение названо كتاب نادرى, в записи на белом листе впереди 3 тома—نادرنامه. Автор называет себя Мухаммед-Казимом, везиром столичного города Мерва[2] (محمد كاظم وزير دار الملك مرو شاهجان), и несколько раз упоминает о своем участии в событиях царствования шаха, напр., в походах против ханств Бухарского (II, 255a) и Хивинского[3]. В первом томе излагались события до вступления Надира на престол; второй обнимает события от вступления на престол 1-го рамазана 1148 г. ($^{15}/_{4}$ января 1736) до начала войны с Турцией (1743), третий события последних лет царствования, при чем рассказывается и об отступлении персидского войска из Туркестана после получения известия о смерти шаха. Оба тома написаны одной и той же рукой по всем правилам каллиграфического искусства; встречаются поправки в тексте и приписки на полях, сделанные другой рукой, может быть, рукой автора; в 3 томе большею частью оставлены белые места для заголовков. Конец сочинения принадлежит не самому везиру Мухаммед-Казиму, но его сыну[4], принимавшему участие в отступлении персов из Туркестана[5]. Второй том заключает в себе 327 л. fol., из них первый и последний белые, 3—251 лист, из них первый белый; 19 строк на странице. Рукопись, повидимому, приобретена от продавца еврея, на это указывает еврейская пагинация второго тома, сплошная на 30 листах, начиная со 2 (первый, белый лист не принят во внимание), дальше через каждые 10 листов.

В известных мне каталогах и библиографических обзорах труд мервского везира не упоминается; покойный В. А. Жуковский при составлении своей монографии о Мерве не знал о существовании этого источника, по богатству фактических све-

---

1 اين كتاب نادرى صاهب ايشان عبدو خاچه ولد عبد العزيز خاچه.

2 Известный эпитет Мерва пишется в рукописи شاهچان, شاهجان (очевидно, вмѣсто شاهجهان и شاهيجان).

3 II, 279 а в рассказе о столкновении между персидским войском и жителями города مسوّد اين اوراق در آنروز در دفترخانه نشسته وتا يكشبانه‌روز حالت بيرون :خانقاه آمدن نداشتم.

4 III, 195 а: مسوّد اين اوراق وليد نر محمد كاظم وزير معروض ميدارد.

5 III, 195 б: كمترين كه مسوّد اين اوراق است حسب الفرمودهٔ بهبود خان وارد خدمت رحيم خان [شدم] ودر خصوص سورسات عساكر منصوره تقرير ساختم.

дений далеко оставляющего за собой не только все, что известно об истории Мерва в 18 веке, но и все вообще источники по истории царствования Надир-шаха, в том числе и труд оффициального историка этого царствования, Махди-хана. Автор проникнут любовью к своему городу, о котором сообщает не только исторические, но и топографические сведения. Им передается (II, 283б и сл.) беседа с шахом нескольких вельмож, объявивших, что лучшая область Ирана — Хорасан, лучший город в Хорасане — Мерв; шах будто бы прибавил к этому, что лучшими людьми в Мерве были семь вельмож, которых он был вынужден казнить ради спокойствия области и прочности власти назначенного им нового начальника из племени каджаров, Шах-Кули-бека, сына Али-бека. Говорится об основании Мерва при Каюмарсе, о восстановлении его при Александре, о судьбе города при мусульманских династиях до-монгольского периода, о разрушении города монголами под начальством Тули-хана (в тексте تلو خان, II, 284а), об оросительных работах[1] около Таш-кепри (в тексте داش کربی) при Тимуре, о восстановлении Мерва при Шахрухе, о постройках Султан-Хусейна, будто бы восстановившего «чарбаг Тахир-бека, сына Насра ибн-Сейяра», снова пришедший в упадок при жизни автора, лет за десять до событий 1740 г., вследствие разрушения плотины[2]. Тахир, сын наместника Насра — лицо не историческое, но один из героев романа об Абу-Муслиме[3]. Слова нашего автора являются новым доказательством популярности этого романа в окрестностях Мерва, где, как было установлено проф. Жуковским[4], до сих пор показываются и служат предметом поклонения гробницы таких сподвижников Абу-Муслима, как богатырь Ахмед Замчи и Мизраб-шах хорезмийский, которые существовали только в воображении автора романа. Подробнее, чем в единственном до сих пор известном источнике (сочинении Абдул-Керима кашмирского)[5], говорится о действиях в Мерве Надира (напр., II, 125а), при чем эти действия связываются с намерением шаха после завоевания Турции совершить поход на Китай (III, 24а и сл.). Описывается создание нового города, «Малого Мерва»[6], о котором раньше не было никаких известий; новый

---

1 О них см. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 64 и след.

2 II, 284 а: چهارباغ طاهر بیك ولد نصر سیّاررا تعمیر کرده آبادان ساخت که الحال در این ایّام میمنت‌فرجام که هنکام سلطنت روزافزون شهنشاه کیتی‌ستان وخسرو ممالک‌ستان است چون بجهت خرابیٔ بند مدّت ده سال قبل (284 б) از این بایر وقلیلی از مردمان در آن سکنی داشتند [بود].

3 Ср. ЗВО XIX, 137.

4 Развалины Старого Мерва, стр. 157 и сл.

5 Ср. В. Жуковский, Развалины Старого Мерва, стр. 82: В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 68.

6 III, 83 а и особенно 192 а: مرو کوچك که بمیراباد اشتهار دارد که درین اوان حسب الامر دارای کیتی‌ستان ایلات واحشامات بسیار از نواحیٔ آذربایجان وقلم ولشکر کوچانیده بدانجانب ارسال داشته بود که حصاری بر دور ودائرهٔ میراباد کشیده شهر سابق آن نواحی‌را که بتلخستان شهرت داشت کشاده وآن قلعه‌را بمرو کوچك موسوم ساخت. Этому «Малому Мерву» противополагается مروبزرك (л. 192 б).

город, называвшийся также Мирабадом [1], образовался вокруг существовавшего раньше поселения Талхатан [2]. Говорится об остановке Надир-шаха при его возвращении из хивинского похода в местности к востоку от города Мерва, где были две площади, связанные с именем Зейнель-хана [3]; вероятно, имеется в виду наместник, принимавший в 1672—3 гг. русского посла Бориса Пазухина, в отчете которого этот начальник города назван «Зейнер-ханом» [4]. Известная мервская плотина упоминается под названиями «плотина султана» (بند سلطان, II, 283а), «благословенная плотина Мерва» (بند مبارك مرو, там же), «плотина султана Меликшаха» (II, 288б, بند سلطان ملكشاه).

Автор, конечно, подробнее всего говорит о событиях, происходивших в Мерве и вообще в Средней Азии, в которых он сам принимал участие; но и его рассказы о военных действиях в Индии и в Передней Азии довольно подробны; между прочим, говорится о действиях против йезидиев (III, 10а طائفهٔ شيطان‌پرست; III, 14б اكراد يزيدى); в одном месте (III, 126а) он ссылается на рассказ своего отца, служившего в Дербенте (در دميرقابىء دربند) и ездившего оттуда в Кандагар, из Кандагара в Туркестан, из Туркестана в Мерв, из Мерва в Багдад, из Багдада в Тебриз. Сам Мухаммед-Казим тоже находился некоторое время в Тебризе на службе у брата Надир-шаха, азербайджанского наместника Ибрагим-хана, погибшего в 1738 г. в борьбе с лезгинами. Незадолго перед этим, в том же 1738 г., Мухаммед-Казим ездил из Тебриза в Мешхед, куда он отвез тело своего умершего отца; кроме того он должен был, по поручению Ибрагим-хана, переселить из Хорасана в Мешхед людей племени Халильвенд (II, 168б). По должности мервского везира, автор ведал расходами по снаряжению войск [5], состоял при военных отрядах для заведывания письменной частью [6], вызывался к шаху для представления отчета в израсходованных суммах, при чем его отчет (محاسبه) получил одобрение (III, 167б) — редкое исключение в это царствование, когда постоянно происходили казни начальников и чиновников, о чем упоминает и автор. Мухаммед-Казим принимал участие и в дипломатической переписке; из 70 грамот, посланных в конце правления Надира

---

[1] Мирабад упоминается также у бухарского историка Мухаммед-Вефа-Керминеги (تحفهٔ الخانى, рук. Аз. Муз. c 581 b, л. 56 a и сл.).

[2] О нем Разв. Стар. Мерва, стр. 183 и сл.

[3] II, 282б: (?) ودر سمت شرقى دو ميدان فاصله از قلعهٔ مرو مشهور بجندان زينل خان رايت اجلال باوج هلال رسانيد.

[4] ЗВО III, 117 и сл. В. Жуковский, Разв. Стар. Мерва, стр. 82, прим. («Какое правильное имя кроется в исковерканном „Зейнер-Хане", я сказать не могу»).

[5] Напр. III, 166б: مسوّد اين اوراق در آن اوان نويسنده وصاحب كار توبخانه وقورخانه وجباخانه بود كه صورت محاسبهٔ قديم وجديد آنرا بر داشته با توبجى‌باشى وجبادارباشئ مرو در منزل حسن‌آباد با عمّال مرو وارد حضور اقدس كرديديم.

[6] II, 287а о событиях 1741 г.: مسوّد اين اوراق در آن سفر بامر لشكرنويسى عازم امّ البلاد كرديد.

«правителям и султанам Туркестана», им было составлено 30[1]. Из европейских посольств упоминается посольство царя «всего государства франков»[2] или «коренной страны франков»[3], вероятно, императора[4] Франца I; посольство ездило через Астрахань (هشدرخان), где к нему присоединился посол от اق بانو پادشاه اروس (III, 158 б), т. е. от императрицы Елисаветы Петровны.

Труду Мухаммед-Казима, несомненно, суждено сделаться основным источником по истории Надир-шаха, в особенности если удастся найти недостающий пока первый том.

ДОПОЛНЕНИЯ.

К стр. 80, № 1. «Тарих-и-Кипчакийе» есть, очевидно, «Тарих-и-Кипчак», составленное в 1132 г. х., ср. Ethé, Catal. Bodl., pp. 56—65, и ЗВО XXIII, 258.

К стр. 82, № 7. О другом историческом труде того же автора (کاشف الملوك) ср. Е. Каль, Персидские, арабские и тюркские рукописи Турк. публ. библ., № 3, также Протоколы Турк. кр. люб. арх. V, 138 и сл., и XX, 77. Автор был младшим сыном Даниял-бия.

В. Бартольд.

[1] III, 188 а: در ان یوم موازی هفتاد رقم بعهدهٔ حکّام وسلاطین ترکستان ارسال شد که بقدر سی طغرای آنرا محرّر این اوراق قلمی نمود.

[2] III, 158 а: کل مملکت فرنك.

[3] III, 164 а: اصل فرنك.

[4] III, 158 а: ممموس, 164 а روینوس; может быть должно быть رومینوس Romanus.

Приложение к протоколу XIV заседания Отделения Исторических Наук и Филологии Российской Академии Наук 12 ноября 1919 года.

Список монгольских рукописей, приобретенных от Б. Я. Владимирцова.

1. Сидди-кюр (Vetālapañcaviṃçati), калмыцкая рукопись. Единственный известный полный экземпляр, содержащий 25 рассказов. (Рукописи, по которым работали Юлг, Шифнер, Гомбоев, Голстунский, все неполные).

2. Эпопея Хан-Харангуй, ойратская рукопись. Единственный известный образец самостоятельной записи монголами произведения эпического творчества.

3. Сказание о Молон-тойне (Maudgalyāyana), ойратская рукопись, содержащая сказание об этом ученике Будды в особой редакции, сильно отличающейся от тех, которые были раньше известны.

4. Сказание о царевиче Го-чикиту, калмыцкая рукопись, очень старая, писанная, повидимому, еще до переселения калмыков на Волгу. Сказание это известно в той же редакции по более новым рукописям.

5. Перевод сутры Тар-па чен-по, ойратская рукопись, очень старая.

6. Одна глава из сказания о Гесер-хане, ойратская рукопись, старинная, содержащая текст сказания, неизвестный изданию Шмидта.

7. История Джунгарии, монгольская рукопись. Единственный экземпляр сочинения, бывшего до сих пор совершенно неизвестным.

8. Гимн в честь Майтреи, ойратский xyl., второй из двух известных xyl. ойратов.

9. Сказание о белой Tārā, ойратская рукопись, заключающая сказание о Tārā в совершенно особой редакции, бывшей до сих пор неизвестной.

10. Гимны в честь Tārā, ойратская рукопись, старинная, с миниатюрами.

11. Сборник рассказов из Панчатантры, монгольская рукопись. Единственная до сих пор известная рукопись.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

The Soul theory of the Buddhists.

By Th. Stcherbatsky (Ščerbatskoj).

(Presented to the Academy 6 November 1918).

[§ 14. Is there any cognising agent?].

Vatsiputrīya. There are others who argue as follows: (a Soul must 104. b. 5
exist), because wherever there is an activity it depends on an agent. Every (8b—3).
action depends on an agent as, f. i. in the example «Devadatta walks» there is an action of walking which depends on Devadatta the agent. To be conscious is likewise an action, hence the agent who cognises must also exist[49].

Vasubandhu. It must be explained what this Devadatta is.

Vatsiputrīya. It is an Ego.

Vasubandhu. That is begging the question!

Vatsiputrīya. It is what in common life we call a man.

Vasubandhu. This does not represent any unity whatsoever. It is a name given to such elements (of which a man is composed). The elements are meant when we say «Devadatta walks». When we say that «consciousness cognises», it is just the same.

Vatsiputrīya. And what is the meaning of the expression «Devadatta walks», (if there is no individuality whatsoever)?

Vasubandhu. It is an unbroken continuity of momentary forces (flashing into existence), which simple people believe to be a unity, and to which they give the name of Devadatta. Their belief that Devedatta moves is conditioned (by an analogy with their own experience, because) their own continuity of life consists in constantly moving from one place to an other. But this movement is but a (series of new) productions in different places, just as the expressions «fire moves», «sound spreads» have the meaning of continuities (of new productions in new places). They likewise use the words «Devadatta

cognises» in order to express the fact that a cognition (takes place in the present moment) which has a cause (in the former moments, these former moments being called Devadatta). (But is it simple people alone whose language is so inadequate?). Great men have likewise condescended to denote the (mentioned facts) by such (inadequate) expressions, when they were pleased to use the language of common life.

Vatsiputrīya. But we read in Scripture: «consciousness apprehends». What is consciousness here meant to do?

Vasubandhu. Nothing at all! (It simply appears in coordination with its objective elements, like a result which is homogeneous with its cause). When a result appears in conformity with its own cause it is doing nothing at all, nevertheless we say that it does conform with it. Consciousness likewise appears in coordination with its objective elements [50]. It is (properly speaking) doing nothing. Nevertheless we say that consciousness does cognise its object.

Vatsiputrīya. What is meant by coordination (between consciousness and its objective element)?

Vasubandhu. A conformity between them, the fact owing to which cognition, although caused (also) by the activity of the senses, is not something homogeneous with them. It is said to cognise the object and not the senses. (It bears the reflection of the objective element, which is his corrolary). And again the expression «consciousness apprehends» is not inadequate, inasmuch as here also a continuity of conscious moments is the cause of every cognition. («Consciousness apprehends» means that the previous moment is the cause of the following one). The agent here also denotes simply the cause, just as in the current expression «the bell resounds», (the bell is doing nothing, but every following moment of sound is produced by the previous one). (We can give) an other (illustration): «consciousness apprehends» si-
105. a. 6. milarly to the way in which a light moves.

Vatsiputrīya. And how does a light move?

Vasubandhu. The light of a lamp is a common metaphorical designation for an uniterrupted production of a series of flashing flames. When this production changes its place, we say that the light has moved, (but in reality other flames have appeared in another place). Similarly consciousness is a conventional name for a chain of conscious moments. When it changes its place (i. e. appears in coordination with another objective element) we say that it apprehends that object. And in the same way we are speaking about the existence of material elements. We say matter «is produced», «it exists», but

there is no difference between existence and the element which does exist. The same applies to consciousness, (there is nothing that does cognise, apart from the evanescent flashings of consciousness itself).

[§ 15. Sāṃkhya views discussed].

Sāṃkhya. If consciousness is not a product of a Soul, (if it has no other cause than consciousness itself), the following moment springing up from the preceding one, then how is it to be explained 1) that it does not remain perpetually just the same, and 2) (if there be a change), why not in a fixed order of succession, like a sprout, a stem, leaves etc. (produced from a seed)? 105. b. 1.

Vasubandhu. (As regards the first point, we answer that) all elements which partake in the process of life are characterised by a constant change, (they have no duration). They constitute a stream in which the next moment is necessarily different from the preceding one. Such is the inmost nature of every thing living!

(*Sāṃkhya.* There are exceptions! f. i. in cataleptic states neither body nor mind undergo any change).

Vasubandhu. If there really were exceptions (to the principle of Universal Change), and if the ascetics after being merged in transic medidation and having reached the climax of it would really appear in a state of perfect identity of body and mind, (without absolutely any change in them), then there could be no difference between the last and the first moment of such a state of medidation, and there could be no spontaneous awakening from the trance in the last moment. (Therefore there is an imperceptible constant change going on even in such states as catalepsy).

(As regards the second point we maintain that in the continuous stream 105. b. 5.
of ideas) there positively is a fixed order of succession: if one idea springs up from another one, it does so with necessity. There is a certain affinity (between ideas), in virtue of which there are ideas somehow similar to others and having the power of evoking them. As f. i when the idea of a woman is immediately associated (in the mind of an ascetic) with the idea of an impure body, or (in the mind of a married man) with the idea of her husband, son etc., and if later on, in the changing stream of thought, the same idea of a woman reappears, it has the power of evoking these ideas of an impure body or of a husband, son etc., because they are associated with it, but it has not the power of evoking other (ideas, not so associated). Again the idea of a female may be followed by various ideas arising one after another, (but if

we examine them, we shall find) that only such ideas really appear which are either very common (in the corresponding stream of thought), or most intensely felt in it, or (at last) have been experienced at a very recent date. The reason for this is that the Vital Energy [51] of such ideas has more power (to the exclusion of other influences), except (of course) the influence of the present state of one's body and the immediate objects of cognition.

Sāmkhya. If this Vital Energy (inherent in ideas) has so powerful an influence, why does it not produce perpetually (its own, one and the same) result?

Vasubandhu. Because (as we have said above) the elements partaking in 'the process of life are characterised by a perpetual change. In conformity with this principle of Universal Change the Vital Energy itself is perpetually changing and so does its result (the idea). This is only an abridged account of all the modes (of association) between ideas. A thorough going and full knowledge of them belongs to Buddha. This has been stated (by Rāhula, the Elder) in the following stanza:

Every variety of cause
Which brings about the glittering shine
In a single eye of a peacocks tail
Is not accessible to limited understanding.
The Omniscient knows them all!

(If this is true in respect to complicated material phenomena), how much more is it with respect to immaterial, mental phenomena!

[§ 16. Vaiçeṣika views discussed].

106. a. 2. *Vasubandhu.* Now there are some heterodox (Vaiçeṣika) teachers who maintain that ideas are the product of a Soul. (The above mentioned two arguments which were brought forth by the Sāṃkhya philosopher against us) will prove most strong against this Vaiçeṣika doctrine. Namely we shall ask: (if the different conscious ideas are products of an eternal Soul) 1) why is the following consciousness not constantly the same as the foregoing one? and 2) why do ideas not appear in a fixed order of succession, as f. i. a sprout, a stem, leaves etc. (from a seed)?

Vaiçeṣika. (The change in the stream of thought) depends upon a special contact between the Soul and a (moving) Internal Organ?

Vasubandhu. No! (because we altogether do not admit the existence of real conjuctions). Since there are none in other cases, (neither can we admit

any contact between Soul and Internal Organ). (But supposing conjunctions between elements to be possible), then two objects coming into contact must occupy definite places. The same consequence — namely that Soul and Internal Organ must be definitely localised—follows out of your explanation of what a contact is. (What indeed is your definition?) — «a contact is a conjunction of what previously was disjoined».[51] Therefore if the Internal Organ shifts its place, the Soul must shift likewise, or disappear altogether, (when no contact between them is to take place). (All this runs against your theory of a limitless, eternal, unmoving Soul).

Vaiçeṣika. The contact may be (between the Internal Organ) and a part of the Soul?

Vasubandhu. It is not admitted that the Soul (representing a unity) is divisible into parts. But supposing the contact really takes places, it nevertheless cannot account for a change in the stream of thought. The Internal Organ itself is admitted by you to be eternally the same (unchanging), how then could its contacts be different (changing)?

Vaiçeṣika. But then (the change in the stream of thought) may be produced by the change of cognition (which we admit to be a quality of the Soul)?

Vasubandhu. We will make the same objection (as above with regard to the Internal Organ): how is the change of cognition to be explained?

Vaiçeṣika. (The change of cognition) may be produced from a contact between the Soul and the Internal Organ, which contact is influenced by a variety of Forces (inhering in the Soul)? (The variety of cognitions is produced by the variety of these Forces, while the Soul and the Internal Organ remain eternally changeless).

Vasubandhu. In that case consciousness alone influenced by a variety of Forces will do! We do not perceive the slightest influence of a (permanent) Soul! This soul resembles magical formulas «phut! svāhā!» muttered by a quack when the result is achieved by (simple) medicine!

Vaiçeṣika. But the existence of both these (Cognitions and Forces) is conditioned by the existence of a Soul?

Vasubandhu. Mere words! (That is no proof of a Soul's existence).

Vaiçeṣika. (It is a proof!) Soul is the (common) support (for both Cognitions and Forces).

Vasubandhu. Support in what sense? They cannot be supported in the sense in which a picture is supported on the wall, or a badara fruit supported by a plate! Nor can the Soul afford them any such support. (Such a relation

of support and supported is only possible) between material resisting objects, occupying a separate place, and this is not admitted by you (with respect to the Soul and the elements it is supposed to support).

Vaiçeṣika. But the Soul may be a support in another sense?

Vasubandhu. In what sense?

Vaiçeṣika. In the sense in which the element «earth» is deemed to be the substratum of odour and other (sensible qualities).

Vasubandhu. Yes, of course! This example is very much to my satisfaction, because I hold to the principle, that there is no Soul! Just as there is no earth apart from odour and other (sensible qualities, just so is there no Soul apart from consciousness and mental phenomena). Who indeed has ever had any definite cognition of earth? (It is simply a special combination of sensible qualities which in common life is called by the name «earth». A special combination of mental qualities is likewise designated by the name «I»).

Vaiçeṣika. But how is it then that we use the expression: «earth possesses odour etc.», (i. e. we distinguish between the possessor and the thing possessed)?

Vasubandhu. We use it in order to distinguish (earth from other substances). We say «earth has odour etc.» in order to make it known that this very odour etc. alone and nothing else is called «earth», just as we use the expression «image of wood», (i. e. the image is wood, apart from the wood there is no image, but it is thus distinguished from an earthenware image etc.).

Again supposing there is a Soul which produces cognitions under the influence of a variety of Forces, why then are all cognitions not produced at once?

Vaiçeṣika. Because the stronger Force checks the influence of the others.

Vasubandhu. Why then does not this stronger Force perpetually produce the same result?

Vaiçeṣika. The nature of these (our) Forces is just the same as that of (yours) Vital Energy, (it is not constant, but always changing).

Vasubandhu. But then what is the use of surmising the existence of a Soul?

Vaiçeṣika. The existence of the Soul must necessarily be admitted (for the following consideration:) memory and all other mental phenomena belong to the category of qualities and these must necessarily be inherent in

some substance. Since all other substances cannot constitute a substratum (for mental qualities, the special substance in which they inhere must be the Soul. Its existence is thus proved).

Vasubandhu. No, it is not proved! It is not proved that these mental phenomena belong to the category of qualities. According to our system whatsoever exists is a substance. And this is corroborated by Scripture declaring: «the result of the pure life of an ascetic are six substances» (pure physics, feelings, ideas, volitions, consciousness and the Absolute; they are all called «substances», not «qualities»). Hence it is likewise not proved that these (memory and other mental phenomena) must inhere in some substance. The meaning of the term «support» (or substratum of qualities) has already been analyzed above. Therefore this (whole argument) is irrelevant.

Vaiçeṣika. If there is no Self, what for are actions (good or bad) undertaken? 106. b. 8.

Vasubandhu. They are undertaken in the hope: «I will be happy!» «I shall escape misfortune!»

Vaiçeṣika. And what is this so called «I» (in its true nature)?

Vasubandhu. It is (nothing else than) the objective element with regard to which there arises selfperception.

Vaiçeṣika. And what is this object of selfperception?

Vasubandhu. (It is the continuous streaming of) the elements constituting a personal life.

Vaiçeṣika. How is that known?

Vasubandhu. From two facts: 1) we feel attachment towards these (elements: our physical frame, our ideas etc.); and 2) (the notion of an «I») is the common subject for such predicates as «fair complection» etc. (which have an immediate bearing to the physical or some other element of a personal life). Thus people use to say «I am fair», «I am dark», «I am fat», «I am lean», «I am old», «I am young». We notice that these ideas of «fair» etc. are predicates connected with the idea of a Self as their common subject. But you do not admit (your) Soul to have such characteristics, (as fair etc.). Thus we conclude that selfperception is simply a perception of the elements.

Vaiçeṣika. (This is only a metaphorical application of the term «I», when it is spoken of as being fair etc.). It is also metaphorically used to designate the body, since the body is the guardian of the «I». Just as a king when speaking of his minister might say: «he is my (second) Self!» 107. a. 3.

Vasubandhu Indeed, a useful thing might be metaphorically called a Self, but not selfperception itself!

Vaiçeṣika. If you admit that selfperception may have the body for its object, why do you not admit that it may also have the body of another person for its object?

Vasubandhu. Because it has no (direct) connection (with the body of another person). This selfperception appears exclusively with respect to that body or that mind which are in direct connection with it, but not with respect to another (body or mind). (Why?) This is an inveterated habit (to hold to these elements as if they were «mine»), a habit acquired in the beginningless process (of Life's Evolution).

Vaiçeṣika. An what is here meant by connection?

Vasubandhu. It is a relation of cause to effect.

Vaiçeṣika. But if there is no Soul, whose is this selfperception, (whom does it belong to)?

Vasubandhu. This would be the place to repeat all what we have said above on the question «whose is memory, whom does it belong to?», beginning with the words «what is the meaning of the Genitive «whose?» and concluding with the statement «it has the meaning of a cause».

Vaiçeṣika. And what is the cause of this selfperception?

Vasubandhu. It is an idea imbued with Illusion, an idea which has for its object the stream of elements constituting one's own personal life. Through the constant former practice of this perception of one's self it has become an idea deeply rooted (in the habitual modes of thought of mankind).

Vaiçeṣika. And now, if there is no Self, who is it that feels happy, who is it that suffers?

Vasubandhu. It is the substratum where pleasure or pain appear, just as flowers grow on a tree and fruit are grown in a garden, (this does not prove the tree or the garden to be ultimate realities).

Vaiçeṣika. And what constitutes a substratum for pleasure and pain?

Vasubandhu. The subjective elements of life, the so called six subjective «bases». In what sense they are constituting such a substratum has been explained (in the first chapter).[51]

107. b. 1. *Vaiçeṣika.* If there is no (permanent) Soul, who is the agent that accomplishes actions and who the enjoyer that enjoys their result?

Vasubandhu. What is the meaning of the terms agent and enjoyer?

Vaiçeṣika. The agent is the one who acts, the enjoyer the one who enjoys.

Vasubandhu. This is a verbal explanation, it does not explain the meaning.

Vaiçeṣika. The logicians give the following definition of an agent: «what is endowed with a free will is an agent».[52] We see f. i. that in common life some people are free to accomplish some aims, as f. i. we see that Devadatta is free to perform his ablutions, to eat, to walk (whenever he likes).

Vasubandhu. But who is this Devadatta you give us as an example? If you understand him to be a real Self, it will be begging the question. But if you refer to the elements, this agent is not free. Actions in general are of three kinds. They are either bodily motions or speech or thoughts. As regards the body and the speech, their activity is going on under the influence of the foreign will of thought. But thought also, in directing the body and the speech, is operating under the influence of the foreign will of its own causes. Since thought itself (in its own activity) is in a similar condition, there is nowhere any free will. Whatever exists is living under the foreign will of (inexorable) conditions. Neither do we admit the Soul to be an independent cause, therefore it cannot be proved that it is endowed with a Free Will. It follows that such an agent as has been defined by the logicians is absolutely not to be found. If among the causes producing an event there is a principal one, we may call it the agent producing this event. But in (your) Soul we do not see the slightest productive activity, therefore it cannot be admitted as an agent even in this sense.

(*Vaiçeṣika.* And how are actions according to your opinion produced?)

Vasubandhu. A remembrance evokes an inclination, from which a searching state of mind is produced. Then comes (the feeling) of an effort and this feeling evokes motive energy. The motive energy produces an action. What (on earth) has a Soul to do in all that?!

Again there is no (permanent) Soul, that could (really enjoy) the 107. b. 7. results (of former actions).

Vaiçeṣika. But (there may be something else with respect to which the Soul) can be metaphorically understood to be the enjoyer?

Vasubandhu. What is it?

Vaiçeṣika. Is it not our consciousness (of the results of actions)?

Vasubandhu. No! We have already dispensed with the theory, that consciousness is a product of the Soul. Therefore the Soul can have no power of producing a knowledge (of the results of actions).

Vaiçeṣika. But if there is no Soul, how is it to be explained, that there is no accumulation of merit or demerit in the inanimate world?

Vasubandhu. Because it does not serve as a substratum for feeling. The six categories of subjective elements alone can serve as a substratum (for feeling etc.), but not a Soul. How this (serving as a substratum is to be understood) has been explained (just above).

Vaiçeṣika. But if there is no Soul, how do you account for the fact, that an action which no more exists produces nevertheless a result at a later period?

Vasubandhu. And if it did exist, how would you account for it?

Vaiçeṣika. The results are produced from merit and demerit, which are qualities inhering in the Soul, (and which are the immediate products of actions).

Vasubandhu. This argument has been already (implicitly) disposed of just above, when we analyzed the idea of inherence (of qualities in a substratum) and asked for examples illustrating this relation. Therefore (your qualities) of merit and demerit do not at all inhere in a substance, (i. e. in your Soul). But neither do we maintain that future results are produced from actions, which exist no more!

Vaiçeṣika. But from what?

Vasubandhu. (They are immediately produced) from a characteristic change (the ultimate phase) in the uninterrupted stream of elements originating from these (actions), just as the fruit is produced (gradually) from a seed. If people f. i. say that the fruit is produced from the seed, they dont mean that the fruit is produced from a (non-existing) destroyed seed, neither do they suppose that the fruit will be produced immediately from the seed alone.

Vaiçeṣika. But what do they mean?

Vasubandhu. (It is the immediate product of the ultimate) phase in the process of development, (which begins by the seed), i. e. atter the seed there arises a sprout, a stem, leaves etc, till at last the series is closed by a flower which immediately produces (the fruit).

Vaiçeṣika. But if the fruit is produced from the flower, why do people say that it is produced from the seed?

Vasubandhu. Because the (seed) has indirectly introduced into the flower its own capacity (influence). If the flower were not imbued with this capacity, it would not have the power of producing a fruit of the same kind (as the seed). Similary if we say that actions have results, this neither means that an unexisting action produces a result, nor does it mean that retribution follows immediately on the action.

Vaiçeṣika. And what does it mean?

Vasubandhu. It simply means that the result springs up from an ultimate phase in a continuity (of evolution which begins with that action).

Vaiçeṣika. What is meant by a continuity, what by a change in it, and what by the ultimate phase of it? 108. a. 7.

Vasubandhu. A continuity is a continually reverting origination of (new moments of) consciousness which are following on an action. Every following moment (being a more or less modified combination of elements). is different from the preceding moment. A change which has the capacity of immediately producing the result is called the charecteristic (or ultimate) change, because it is specially distinguished from other changes, as f. i. consciousness in the moment of death (represents such an ultimate characteristic change, since it is followed by consciousness) assuming a new existence.[56]

(*Vaiçeṣika.* But a present condition of body and mind may have been preceeded by different kinds of actions. Among them what are the actions which in first place will influence the subsequent evolution?)

Vasubandhu. When many various actions are the starting point (of one single stream of evolution), then those among them that are weighty, near in time, or grown into habit have a stronger power (of vitality), they clearly manifest their results to the exclusion of the remaining ones. Accordingly it is said (by Rāhula): 108. b. 1.

«Among the actions going round (from birth to death)
Those will be ripening first in order,
That are weighty, or are near,
Then those one's got accustomed to,
And (lastly the remaining) ones.»

In a single continuity of a personal life four kinds of actions can be distinguished: actions of great weight, actions near in time, actions grown into habit, and the remaining preceding actions (of the same existence). Among these four categories a weighty action ripens first, i. e. it ripens sooner than the three other categories. Among those that are near, habitual, or simply preceding (unqualified), those that are near ripen before the two other categories. Among the habitual and preceding ones, the habitual ripen first i. e. before the (remaining) single (category of actions unqualified). When all these categories are exhausted (i. e. all actions of the present life have given their result), then come actions that will bear their result (in the

present existence though they were committed in a previous birth, i. e. such former actions the result of which has to be experienced in a future existence).[54]

[§ 17. Gradual extinction of all elements of life].

108. b. 3. Now, among the elements appearing in an existence some have the character of retribution for previous deeds. After having produced such retribution the force of these former deeds vanishes. (and produces no further result). Other elements again have the character of homogeneous results, being brought forth by the force of homogeneousness inherent in former deeds. These latter elements, if they are associated with worldly attachment, continue to reappear until an antidote for them is produced (in the shape of transcendent Wisdom). After that such elements only remain which are free from worldly attachment, (which constitute the perfect Saint). They also cease to appear for ever after Final Rescue has been reached at. (since then the continuity of elements of matter and mind ceases for ever).

108. b. 5. *Vaiçeṣika.* But the elements which have been produced as a retribution for former deeds, why do they not produce retribution in their turn, just as some corn produced from a seed has the capacity of producing new corn?

Vasubandhu. The example may not fit in every detail. But even supposing it to be fitting, does it prove your tenet? Is the new corn produced from the old corn directly?

Vaiçeṣika. From what then?

Vasubandhu. The new corn is produced by a new special process of maturation. When the corn produced from the (first) seed combines with such conditions as soil, moisture etc., a special process of maturation is produced. Strictly speaking this corn may be called seed only after having reached the state of decomposition which immediately precedes the production of the sprout. Previously to that it may be so called only by anticipation (because it may become a seed), or owing to its similarity (with a real seed). What produces the result is not the corn by itself, but the «special modification» it has reached under favourable conditions. Thus interpreted the simile may be applied to the Elements of life, which have been produced as a retribution for former deeds. Allthough they by themselves have no force of producing any further result, they might become associated with such conditions as are able to produce good or bad results, f. i. a study of the right doctrine or a study of a false doctrine. In that case the result might

become capable to attract elements either favourable or unfavourable (to salvation). The neutral consciousness arising from among these elements and getting continuously modified might become capable of attracting such elements as will constitute a «special modification» in this stream of thought, and from this special modification, not from anything else, a later result may be produced. Thus the simile might be applied to the Elements of life.

Or we may illustrate this process by an other simile, where the new 108. b. 8.
result is produced by introducing a new element. If a kind of red dye is applied to the flowers of a citron tree the result will be a pink citron fruit. produced from a «special modification» in the constant change that the flowers will unhergo. But such a pink citron fruit will not produce another pink citron, its seed will produce only a normal yellow one. Just in this manner it must be understood that when an action is neutralised by retribution this neutralisation must be regarded as final, it is not capable of producing any further result.

I have mentioned here only some rough characteristics of actions and 109. a. 2.
their results, as far as they are accessible to my own limited understanding. But the continuous stream of elements influenced by actions of different force may attain different kinds of special modifications which will produce corresponding results. This is a field accessible to the knowledge of Buddhas only. Accordingby it has been said: «Former deeds are exercising an influence upon later events. this influence manifests itself in various ways, the result of a former deed appears in the course of the manifestations of its infiuence. To some extent this is generally known, but) no one else than a Buddha always precisely knows, what has been the former deed, what influence it has assumed, what is the course of events in which it manifests itself and what will its final result be».[55]

Mere Elements exist! There is no Soul! 109. a. 4.
This stainless doctrine of the Buddhas,
In perfect argument exposed,
The Saint perceives in pure intuition.
Wrong, stubborn dogma he rejects,
Professed by blind heretics.
In perfect clearness of his sight,
He calmly wanders through these worlds
T'wards life's Repose Eternal.
Like a broad way in broad daylight

By rays of sun illuminated,
So is this Soullesness disclosed
By words of sunlike Buddhas.
It is the only glorious path
T'wards Final Rescue's City.
The path is open to the wise,
T'is trodden by saints in thousands.
But simple people nonetheless,
Their sight obstructed by delusion
Do not perceive the glorious path,
Cannot conceive that there's no Soul.

Of this deep doctrine for the learned
I made a short exposure,
By their schooled mind they will pervade
The whole with strength unfettered.
Like poison are they, these learned men:
One only spot it enters,
And then pervades by its own force
All limbs without exception. [56]

NOTES.

In the introduction to our translation of the **Nyāyabindu** of **Dharmakīrti** (in russian), we have expressed our opinion about the manner whow complicated çāstra works should be translated. A litteral translation of them can be used only by those who are able to read the original, it would be rather a guide for reading the text, than an independent translation. If the ideas, and not the words, must be translated, the translator should strive to grasp the idea of the original as closely as possible, and then express it in another language in the way in which a modern thinker would have done it, if he happened to have the same idea. A double translation, one quite litteral and the other quite free, would have met all demands. We have given such a double translation of the tract of Dharmakīrti on Solipsism (Santānāntarasiddhi). For want of space this method cannot be applied everywhere. So we have adopted a middle course giving a fairly free translation in the main text, and subjoining a litteral one in the notes in such cases where the departure between the wording of the text and its meaning, as expressed in the language of the translation, is considerable, as f. i. in the concluding § of this translation. The main difficulty in this translation is to be able always to distinguish between the words of one interlocutor and the other, for there are no signs of division in the text. It often happens that questions are understood without being expressed. They have been added in brackets. Although ample use of brackets has been recurred to, it has not been possible to keep to it consistently. The titles of the §§ are of my own device.

1 In the tib. translation these 3 stanzas are the closing words of the bhāṣya. They are preceded by the explanation of the last kārikā of the koça and followed by a colophon. In the chinese translation of Hiuen-Thsang the stanzas are understood to be the introductory words of the Appendix (O. R.) In our Ms. of Yaçomitra's vyākhyā there is no colophon after the stanzas and the first question of the Appendix is interpreted as an objection to the last words of the stanzas. The Appendix is distinguished from the bulk of the bhāṣya by the absence of kārikās. **Saṃghabhadra** closes his work with the interpretation of the last kārikā and takes no notice of the Appendix. That the latter is no later addition is clear from its being mentioned in the course of the work, f. i. under V. 25.

2 puñ-po rgyud kho-na-las = skandhasaṃtānād eva. The skandhas «groups of elements» are here the equivalent of the samskṛtadharmas, with the distinction that some restricted reality is conceded to the skandhas whereas the āyatanas and dhātus are mere collections, cp. koça I. 26.

3 Yaçom. refers to a stanza of a **stotrakāra** in corrobaration of the fact that Buddha alone among all religious teachers denied the existence of a Soul:

sāhaṃkāre manasi çamaṃ yāti janmaprabandho
nāhaṃkāraç calati hṛdayād ātmadṛṣṭau ca satyām,
anyaḥ çāstā jagati ca yato nāsti nairātmyavādī
nānyas tasmād upaçamavidhes tanmatād asti mārgaḥ.

4 six kinds of objects (āyatanas or dhātus №№ 7—12), see table p. 731. Intellect (manas) is not an object, but an organ of cognition (№ 6). It nevertheless can become object, inasmuch as the preceding moment of consciousness is apprehended by the following one. Yaçom.: samanantaraniruddhaṃ hi mano 'nantareṇa manovijñānena vijñāyate. Citta, manas and vijñāna are synonymous (cmp. koça II, 34. Cf), Yaç.: cittaṃ mano vijñānam ekārtham iti yac cittaṃ tad eva manas tadeva vijñānam. ekārtho'syety ekārtham. It corresponds to the nirvikalpakaṃ jñānam of the Nāyayikas. cf. Koça I, 16 and Yaç.: vastumātra grahanam. But there is a manovijñāna (dhātu

№ 18), it represents no different dharma, but with respect to it the manas (i. e. dhātu № 6), represents the preceding moment. Others take intellect here to mean mental phenomena, such as hatred pleasure, pain etc.; they are cognised directly by selfperception, contrary to cognitions by tradition (āgama), fancy (vikalpa) and ecstasy (yoga) (Yaçom.).

5 Yaçom.: «How is it proved with precision that the cause must be the organ of sense? There must be some cause — only this is proved, but not that the cause is precisely the sense organ.» The question is solved by refering to the intuition (praṇidhāna) of great men (maharṣi) and to universal consent about the existence of (invisible) organs of sense.

6 The Vatsiputrīyas make apparently a distinction between the terms pudgala and ātman, they are pudgalavādinaḥ, but not ātmavādinaḥ. But Vasubandhu holds the pudgala to be a concealed ātman and maintains that there is no difference between pudgala, ātman, sattva, jīva, manuja, puruṣa etc., as far as all these notions are equally incompatible with the theory of separate elements and their interdependent functions. Cf. Kathāvatthu p. a. p. 8: puggalo, attā, satto, jīvo.

7 Yaçom.: Vatsiputrīyā āryasammatiyāḥ (sic!). Both these schools are mentioned as pudgagalavādins in the Kathāvatthu-ppakaraṇa-atthakathā, p. 8, and by Vasumitra and Bhavya. In Hiuen-Thsang's time only one of them the Sammitiyas seem to have had practical importance, cmp. Rhys Davids J.R.A.S. 1891 p. 411 f. Although there is a great difference in the method o exposing a scientifical disquisition, between the Kathāvatthu and Vasubandhu, still the arguments pro and contra are very often the same. We may conclude that Vasubandhu's exposition represents a fairly adequate picture of the battlefield on which the first dissentions raged at the time of the primitive schism. According to Yaçomitra the tenet of the Vatsiputrīyas represents the following argument:

Proposition: an Individual is something really existing, but it is neither possible to maintain that it is different from its elements, nor is it possible to maintain that it is quite the same.

Reason: for an Individual is a name applied to an existence conditioned by the existence of its own causes — the elements.

Example: just as fire is a name applied to a fact, which is conditioned by the existence of its own cause — the fuel.

General proposition: an existence of which it is impossible neither to say that it is different, nor that it is quite the same as an other one which is its cause, and which receives a special name as a product of its own causes — such an existence is a reality.

Conclusion: Hence the Individual is a reality.

In the Kathāvatthu the argument of the Vatsiputrīyas and Sammitīyas in favour of the existence of Soul is substantially the same, but the form in which it is exposed, in accordance with the old system of dialectics, is quite different. It begins thus (Kathāvatthu p. 1, cmp. atthakathā, p. 8):

Sthavira. Do we have any real knowledge of a Soul as a reality? (saccikattho = bhūtattho, paramattho = anussavādivasena agahetabbo).

Vatsiputrīya. Yes!

Sthavira. Hence it is cognised in the (same) manner (like all other) realities cognised by wright knowledge?

Vatsiputrīya. No!

In giving the first affirmative answer the Vatsiputrīya has in mind that there is, in his opinion, an intermediate category of being which is neither transient, nor eternal, neither caused nor uncaused. Soul belongs to this category, hence it is a kind of reality. In denying the second question he means that Soul is not included neither in the skandhas, nor in the āyatanas and dhātus.

8 It is clear from this passage that dharmas are ultimate or absolute realities, taking the term «absolute» in the second meaning as settled by J. S. Mill., Examination of sir W. Hamilton's philosophy, 6 ed. p. 50.

9 What has no cause has no practical efficiency, it is practically non-existent. The Vaibhāṣikas admit of 3 kinds of uncaused or eternal (asaṃskṛta) existence, but for Vasubandhu they

are conditioned existences (prajñaptisat). Yaçomitra refers to the celebrated stanza of Dharmakīrti about nonefficiency of eternal substance: It can be rendered thus:

The sun and rain what can they do
Regarding Space eternal?
Efficient towards our skin they are:
If Soul is similar to skin
It must be non eternal,
If it be similar to space
It shall be unefficient.

Cf. Sarvad., chapter II.

[10] This very important definition is not explained by Yaçom.: da-ltar-gyi nañ-gi zin-pai puñ-po-rnams rgyur-byas-nas gañ-zag-tu hdogs-so = gṛhīta-pratyutpanna-abhyantara-skandhān upādāya pudgalaprajñaptiḥ. There is a division of the elements into inward and outward, cf Koça I. 40. The inward include āyatanas №№ 1—6. The skandhas include elements past and future. Hence the pudgala would comprise only the elements of a personal life at a given moment

[11] In order to understand this some idea must be given of the buddhist theory of matter. Matter is atomic. There are simple atoms (dravyaparamāṇu) and combined atoms (saṃghātaparamāṇu). The first do not appear separately. The combined ones include 4 atoms of «universal elements» (mahābhūta) conventionally termed earth, water, fire and air. But it is expressly stated that these are only conventional names, they denote respectively a hard stuff, a coagulating stuff. heat and motion (or more properly levity, for there is no moving substance, but only momentary apparitions). It is expressly stated that these «universal elements of matter» are manifested in their actions or functions. They are consequently more energies than substances. This is seen in the circumstance that the fourth element is motion, the third heat, the hard stuff in water f. i. is manifested by its supporting a ship, the coagulating stuff in a flame gives it its shape and prevents its parts from scattering asunder. They are called «universal» because «present everywhere, in every piece of matter, always in the same proportion, but in some combinations one or other energy may get greater intensity and we accordingly get hard and liquid stuffs, warm and moving bodies. Moreover there are in every combined atom at least four secondary atoms, what may be termed atoms of quality (bhautika): of colour, of smell, of taste and of touch, one of each. Consequently a combined atom consists at least of eight simple atoms. When matter resounds an atom of sound becomes present in every combined atom, it then consists of nine parts. The number increases in organic matter, the organs of sense being also a special atomic matter. Each secondary atom always has as its support a combination of four universal ones. According to other authorities the number of primary atoms supporting each atom of quality must be eight, two of each element. So it is that in reality a combined atom has much more parts, but it is usually spoken of as consisting of eight kinds of matter at least. And this only in the spheres of defiled matter (kāmadhātu). In the higher regions of pure matter (rūpadhātu) smells and tastes are absent and the combined atom changes accordingly. It is seen from the preceding that there are no indivisible atoms in nature as conceived by the Buddhists. Contrary to the Vaiçeṣika system they do not admit eternal atoms. Like all the other realities (dharmas) atoms are momentary existences, having no duration, momentary flashings into the phenomenal world from an unknown mysterious real world. The problem of infinite divisibility is solved by pointing to the character of an element (dharma). These elements are supposed to be very subtle, mysterious, rather forces than substances. Hence the very usual confounding of the forces (saṃskāras properly speaking) with the substances influenced by them (saṃskṛtadharmas). According to the Vaibhāṣikas we have in the phenomenal world only manifestations of these ultimate realities the dharmas, but we dont meet them themselves. About atoms cf. Koça II, 11, about dharmas cf. Koça V. 25, and O. Rosenberg, Проблемы, ch. VII and XI.

[12] Litt. (95. b. 2): and if one must not say that it is different from the skandhas, there would be five kinds of cognizable (çes-bya for zhes-bya): the past the future, the present, the asaṃskṛta and the unspeakable. This cannot be said. (brjod-par-bya-ba-ma-yin-pao-hzhes brjod-par-mi-bya-

bar-ḥgyur = avaktavyam na vaktavyam prāpnoti). It must be spoken of as neither the fifth with respect to the past etc., nor as the not fifth.

13 We translate **rūpa**, when representing skandha № 1 «physical elements» or «matter», since it is then opposed to citta and cittaviprayuktasaṃskāra. But when it represents āyatana № 7 it may conveniently be translated by «colour and shape», according to the definition of this āyatana: rūpani dvidhā, samsthānavarṇabhedāt, cf. Koça I, 10 ond I, 24.

14 chos-rmans = dharmāḥ i. e. āyatana № 12, the greater part of it consists of mental phenomena.

Not to be confounded with dharmas as a general term, it then includes all elements, matter as well as mind. Dharmāḥ includes skandhas 2,3 and 4. Thus it ist that saṃskāraskandha may conveniently be translated by volitions, for cetanā is the chief among the remaining saṃskāras, and Buddha himself has used it instead of the whole skandha, cf. Koça I, 15.

15 ḥgal-bar instead of thal-bar (97. a. 1).

16 myoṅ-ba yin-gyi for yin yul-gyi (97. a. 6).

17 tib. 98. b. 2: brtags-pa-la (? gdags-pa-la) ihuṅ-bar-zad-de. Yaç. prajñaptim anupapattitaḥ (anupatanti) iti yatraiva prajñaptiḥ kṛtā ātmeti vyavahārārthaṃ tatraivābhiniviṣṭā ity arthaḥ.

18 litt. 98. b. 3 «here neither I nor mine exists, but suffering being born is only born (skye-ba-na skye-bar zad-do)». H. Th. has: «there is nothing but the dharmas of pain, which are (to be born, or are being born just now, or have already been born and so on». «Suffering» (duḥkha) is in this çāstra a technical term denoting the upādānaskanhas, which is the same as the saṃskṛtadharmas.

19 98. b. 3. Hgra-bcom-pa drug-gis kyaṅ (?) probably for dgra-bcom-ma brag-gis kyaṅ. H. Th. has «the bhikṣuṇī-arhat Sila» and the comm. explains sila as meaning «a little hill». The pali text has Vajirā comp. Oldenberg, Buddha, 3 ed., p. 298.

20 98. b. 3 bdud-las brtsams-nas.

21 These verses are found in Saṃyukt. Āg. 16-10 and also in the Pali Samy. Nik. I, 135, comp. Oldenberg, Buddha, 3 ed., p. 298. The tib. litt. means: «a sentient being, O Māra, what do you think (it is)? You have a (false) doctrine. This saṃskāraskandha (for saṃskṛtadharmāḥ) is void. In it there is no sentient being. Just as an aggregate of parts is given the name of a car, thus having the skandhas as a basis, we give them the name of a quite false sentient being».

22 luṅ phran thsegs = kṣudrakāgama.

23 Or: I will explain the dharma which destroys all bonds...

24 The chinese has: «already we see that the «inward» (i. e. that which is contained in he 5 skandhas) is void, (how much more) can we see that equally voidi s any «outward» (which is not even enumerated among the dharmas). According to Koça I, 39 the inward elements are consciousness and the 5 senses, the remaining ones, including all mental phenomena except consciousness, are outward, i. e. outward with respect to consciousness, the central dharma.

25 ñes-dmigs = ādīnava.

26 srog-tu lta-bar-ḥgyur, but H. Th. has instead «leads to various erroneous paths».

27 rnam-par grol-bar mi ḥgyur = na vimucyate, but Yaç. (yāvan) nādhimucyate.

28 In all this passage the Vats. appear in the third person: de-dag-gis..... zhes zer-ro zhes drag-go.

29 dharmatā.

30 manovijñāna.

31 Cf. above § 3.

32 Litt.: if the pudgala would have been viewed as possessing rūpa, then, in consequence of the deduction of satkāyadṛṣṭi, this would be the occasion for «not being read in the sūtras».

33 *Litt. Bhāṣya. P. Bst. vol. 64 p. 100. a. 5.:* And also because it would follow that «assuming the aggregates of elements» would not be comprised in the aggregates.

Yaç. comment. P. Bst. vol. 66, p. 389. b. 3—6: «The carrier»—this is an example. Therefore after having said «it is inadmissible that the burden should be the same as the carrier», he says: «it would also follow that «assuming the aggregates», (sskr. bhārādānasya «taking up of the

burden», tib. phuñ-po len-pa = skandhādānasya «assuming the groups, the chinese has tṛṣṇā «craving» (the definition of which (process) has been given, would neither be comprised in the aggrates», i. e. it would follow that it could not be comprised in the aggregates» just as the carrier (is not). But this we deny. Therefore the carrier is not something differing from the aggregates, just as (the fact) of assuming them is not.

[34] *Litt. Bhāṣya., f. 100. a. 5—7:* The carrier has been taught by the Sublime Lord for the express purpose that just so much may be known: beginning with «this venerable man having such a name» etc. ending with «after so long a life he will die at such an age», — that he may not be conceived in a different manner, as eternal, or as a personality. The former aggregates are merely exercising a pressure upon the next ones, hence they are called the burden and the carrier of the burden.

Yaç. comment. p. 389. b. 6—390. a. 3: «The carrier (has been taught) by the Sublime Lord in order that (so much may be known)» etc., after having stated all this at length, it is stated that «he must not be conceived as different». If the Individual would have been something really existing, then the Sūtra would have declared simply this: «who is the carrier? We must answer it is the Individual». But the analysis (of this notion) beginning with the words «this venerable man named so and so» and ending with «after so long a life he will die at such an age» would not have been given. And besides the gist of declaring these details is to make it known that the Individual is a conventional entity. It means: he, namely (the Individual), must be conceived as a conventional existence, the Individual must not be conceived as something different, as a real untity, as eternal, or as something it is impossible to give a definition of. «The former aggregates etc.» means: among the (aggregates) there are some which do oppress and are the cause of suffering, they are styled «burden», the next following ones, those who are oppressed, are styled «the carrier of the burden».

The same passage as translated by Hiuen Thsang:

Vatsiputrīya. (1a—4). If there are only the 5 groups of elements, which conventionally might be called «I», then for what reason has the Lord said such (sentences as follow): «I shall now speak to you about the burden, about the taking up and the laying down of the burden, and about the carrier of the burden.

Vasubandhu. Why should Buddha here not have said so?

Vatsiputrīya. Because one cannot call the burden the carrier of the burden (i. e. the carrier cannot be contained in the 5 groups). And why? Because that has never been seen before.

Vasubandhu. In that case you likewise should not speak about some indefinable (fifth category of elements), because that too has never been seen before. Likewise (you could object) that, just as the carrier, the taking up of the burden cannot be contained in the groups, since it never has been seen, (that a burden is taking up itself). [But in the Sūtra by «taking up» the tṛṣṇā is meant, therefore it is contained in the groups. The same applies to the carrier, i. e. to the groups (of the present moment) the term pudgala («that which takes different gati's») is conventionally applied. But Buddha was fearing that somebody might say: this pudgala is some indefinable, everlasting, true reality.] Therefore in the (same) sūtra Buddha after these words gives himself an explanation, saying: «only following the way of common speach one says that this venerable man has such and such a name etc., as cited before in the phrase of the «sūtra about the man» (Samyuktāg. 13. 4). (He is saying so) to make it clear that this pudgala can be said to be non-eternal, not having any essence of true reality i. e. the five groups are themselves troubling (P. destroying) each other and are therefore called burden. The previous moments which are drawing (Comm. the previous cause bears the result) the posterior ones are therefore called «carrier». Therefore there is no real pudgala.»

In H.'s conception the carrier of the parable represents the previous moments, and the burden the posterior ones. But Yaç, on the contrary, explains the former ones as the burden, and the following ones as the carrier of the burden.

[35] sems-can skye-ba-pa = upapādukaḥ sattvaḥ. Yaç. explains: upapādukatvād ity upapadena sādhukāritvād ity arthaḥ, this is translated into tib. thus: sems-can skye-ba-la (for skye-ba-

pa) zhes-bya-ba ni skyes-bu-la mdzes-par-byed-pai-phyir-ro. (P. Bst. v. 66, f. 390. a. 4). In this way are born: gods, the inhabitants of hell and all men in the intermediate state between death and a new birth, i. e. without a seed, not from previous elements, as the Vats. believe.

The whole theory of apparitional or miraculous self births is exposed and discussed in the III section.

[36] Litt. f. 100. a. 8: just as by Buddha they have been analyzed, so they exist, so (we) say. Therefore this is a wrong view, (the view of) thus censuring (upavāda = skur-ba hdebs-pa): «whatever being is spontaneously born into an other world, is not a being spontaneously born in the stream of skandhas», because the skandhas are spontaneously born.

H. Th.: just as Buddha has explained them, so we too explain them, namely if the five skandhas (of the intermediate state) proceed to a new life, which begins neither in the womb, nor in an egg, nor in warm moisture, then the result is called trasfigurated being. To deny such beings, saying that there are none, is one of the false views, since the skandhas of the intermediate state must certainly exist.

[37] 100. b. 1 has gañ-la skur-pa hdi for gañ-zag-la skur-pa hdi.

Yaç.: eṣā pudgalapavādikā mithyādṛṣṭiḥ. gañ-la skur-pa.... could mean: «what you condemn is the wrong theory, the view namely that a spontaneous birth consists of elements».

[38] Litt.: «neither throwing away by the intuition of truth will do, nor the practise of ecstasy will do, because the pudgala is not included in the truths.» The doctrine of the 4 truths (āryasatyāni «the truths of the Saint») is exposed at the beginning of Section VI. In I, 39 it is stated that some elements (dhātu) undergoe extinction through rationalistic insight, others through the practise of ecstasy, and others (the eternal ones and prājñā amalā) do not undergo extinction altogether. The principal element to be extingäished by rationalistic insight in the error of «wrong personalism» (satkāyadṛṣṭi) and the 88 anuçayas, which are conditioned by it. But there is no such error as the «denial of a pudgala» included in the list of elements, or in the «truths of the Saint». These truths represent the elements of existence viewed from the standpoint of their gradual extinction by the Saint during his progress towards final Salvation. If the denial of a pudgala would have been a wrong view, it would have found its place among the elements, and in the first two truths (duḥkha, samudaya), hence it would have been disposed of by the Saint in one of the prescribed ways. But we find the opposite view included in the list of dharmas under dṛṣṭi. Yaç. mentions that the second way, the practise of ecstasy, is not applicable for the same reason, i. e. because the denial of a pudgala is not included in the first two truths, «or because a wrong view ie never cleared up through the practise of ecstasy». H. Th. has included these last words in his translation.

[39] Litt.: «if in the world also one pudgala is born, he is born», because it is thus declared, it is not the skandhas».

H. Th.: «there is some one pudgala born into existence, this cannot be identical with the skandhas.»

[40] Litt. «again you must say that the pudgala is saṃskṛta, because it is combined with birth», saṃskṛta is here the counterpart of asaṃskṛta, i. e. eternal existences. Being combined with birth (utpattimattvam) is a token of being not permanent, being momentary, being involved in the process of phenomenal life.

[41] liṅga, tib has brtags for rtags.

[42] don-dam-pa stoñ-pa-ñid kyi mdo = paramārthaçūnyatvasūtra.

[43] Sc. in the embryonic state, mthsams-sbyor-bar byed-pa = patisaṃdadhāti.

[44] chos-su brdar-brtags-pa ma-gtogts-pa gañ-zhig....

Yaç.: dharmasaṃketād iti pratītyasamutpāda-lakṣaṇāt tenāha yad uta asmin satīti. The import of the tib. would accordingly be, that the only personality existing is the mutual interdependence of all the elements of existence. H. Th. has: there is no agent, it is a conventional designation.

[45] bdo-las-skyes kyi mdo = Phālgunasūtra.

Yaç. gives the reference at length: And if you ask what is the acting person like? I answer: he who throws away, who abandons the skandhas of the next life, somebody really

existing. O Phālguna! I dont say «he does take». If I were to say «he takes them», these words would afford thee pleasure, is it not so, Phālguna? Yes, master! Therefore there is no one who assumes the elements, or throws them off».

[46] H. Ths.: (20—4a) «Again if you say that you are supposing the new aggregates which appear to be something «one» (i. e. simple) and which you say are identical with the Ego, being in number not more than one, then positively you must suppose that the Ego is different from the aggregates and permanent. (But you the Vatsiputrīyas are also saying that the Ego is not different, and not permanent).

[47] smra-ba ḥdi phyogs la-la yod-pa yin-no = ekadeçīya eṣo vādaḥ, H. Ths. «this is the mistake of that school». What school? Of the treatises of those who suppose that the produced rūpas coincide with the primary constituents».

[48] Kun-tu-rgyu smra-byed-kyis «by the speaking ascetic» (?)

[49] Yaç. supposes that the view of the grammarians is here alluded to: bhāvasya bhavitrapekṣatvād iti vaiyākaraṇah. But Hiuen Thsang thinks that this controversy about an agent is directed against a Sāṃkhya philosopher. The aim of Vasubandhu is to establish that there are cognitions, but no real cogniser. This may be directed against the Sāṃkhya system where ātman is the cognising principle, but it does not agree with it inasmuch as the ātman is passive, not an agent. We retain the designation of Vatsiputrīya as adversary, because, us asual, he may start questions not only in accordance with his own views (svamatena), but also from the standpoint of an other system (paramatam āçritya).

[50] Sārūpyam «coordination» is here meant to explain the connexion between consciousness and its object. It is clear that there is no «grasping» or «apprehending» of the object by knowledge according to Vasubandhu. The objective element is appearing simultaneously with the flashing of consciousness, both are independent, but there is a mutual correspondence between them. This reminds us partly of the Sāṃkhya view according to which knowledge is not influenced by its object, but merely reflects it. We meet this theory of sarūpya in a somewhat modified condition in later idealistic buddhist systems, comp. Nyāyabindu and ṭīkā, I, 20, 21 and II, 4 in my edition. Bibl. Buddh. VII.

[51] We find, this definition in the Bhāṣya of Praçastapāda: aprāptayoḥ prāptiḥ saṃyogah. The definition of the Vaiç. Sūtra VII, 2, 9 is different.

[52] Cf. Pāṇini I, 4. 54.

[53] Litt. 108. a. 8: a continuity is citta (H. Th. rūpa and citta) following on an action and being produced later on; its change is its appearing always in another manner; a change which is capable at the end of bringing forth the result is a special change, because it is especially elevated above other changes, as f. i. consciousness at death, which is combined with assuming new existence.

[54] Litt. 108. b. 1: Allthough there is precedence of various actions the force created by those which are weighty, or are near, or inveterated manifest itself, others not. Accordingly it is said: «of the existing, previously accomplished actions weighty, near, accustomed to, each first, does ripen».

[55] This concluding section has been rendered freely, its closer translation would scarcely convey any definite meaning without a previous knowledge of the very complicated theory of different causes exposed in the second koçasthāna. Cf. O. Розенберг, Проблемы, ch. XV and L. de la Vallée Poussin, The way to Nirvāṇa p. 88 etc. We subjoin a litteral translation:

(108. o. 3). Here the force to produce a vipākaphala which is produced by a vipākahetu disappears after having produced the vipāka. And the force which produces niṣyandaphala which is produced by a sabhāgahetu disappears after an antidote for kliṣṭa-(dharmas) has been produced. The continuity of consciousness of the akliṣṭas (= kuçala and anivṛtāvyākṛta) is stopped at the time of final Nirvāṇa. (108. b. 5). But why does another vipāka not arise from the vipāka, like from a fruit's seed-grain (another seed-grain)? First of all every thing is not like the example. An even in this case the seed does not arise from the fruit directly. But how? It arises from a special change which is produced by special decomposition. The form which is produced from it which is the achiever of the sprout, this is the seed of it, not another. The previous course is

called seed by a future name or through similarity. (108. b. 7). Similarly also in this case, if from this vipāka a sāsravaçubha or açubha change of consciousness is produced, which is produced by such pratyaya as hearing etc. the good or not good law, then if another vipāka is produced from this vipāka, it is produced, in another way it is not, this is similar. (108. b. 8). Otherwise this may be conceived so. Just as from a matuliṅga-flower, after it having been changed in colour by the red lack juice, a red kesara-fruit is produced, from a specially changed continuity in the fruit, but from it no other one is produced, thus from a vipāka produced by action, further no other vipāka is produced. (109. a. 2). This little by my understanding conceived I have exposed. The causes being the influence (bsgos-pa = bhāvanā) of different actions through (their) different forces, having reached this state produce this result — this is the domain of Buddhas alone. Again it has been said: «action, the influence (bhāvanā) of it, the manifestation of it (vṛttilābha), the result of it no one else than Buddha necessarily thoroughly knows».

[56] The concluding verses are rendered according to the interpretation of Yaçomitra. Litterally:

1. Having perceived this dharmatā (= nairātmyam, buddhānuçāsanī vā), which is pure through the well arranged path of argument of the doctrine of Buddhas, having rejected the doctrines of blind heretics which consist in various machinations of wrong dogmatism, those who are not blind proceed (from saṃsāra to nirvāṇa). Yaç.: the āryaçrāvakāḥ not blind, since they have the prajñācakṣuḥ, they have the knowledge of Soullesness, they are contemplating nirvāṇa with calmness because they are no more afraid of annihilation (ātmoccheda).

2. This Soullesness the only path to the city of Nirvāṇa is illuminated through the lustre of the words of sunlike Tathāgatas, it is trodden by thousands of Saints, although open it is not perceived by the shortsighted.

3. I have exposed this little bit for the very learned, like a spot of poison of a wound it will diffuse by its own force. (Yaç.: there is an analogy between poison and learned men, since both proceed by their own capacity).

Hiuen Thsang gives the following translation of these verses:

Thus well we have explained the Path
Which is the cause of pure (Nirvāṇa).
Substantial Elements of Calm, (they are the Path),
They are the highest Truth, as taught by Buddhas.

We must destroy the d gma of heretics, dark and blind,
(We must reject) the fruit of their wrong view, — in search
Of Wisdom's eye, (which sees that there is no «I»).

This one broad Path which to Nirvāṇa's palace leads,
Is trodden by Saints in thousands. Substantial Elements —
(Among them there is) no «I», (they are the Path).

(Innumerable) rays of sunlike Buddhas words
Illuminate (this Path), but they, heretics,
Are opening their eyes and — cannot see.

Now of this (Doctrine deep) rectangular,
I made a short exposure, which intends
To open in wise men a (little) gate, (a wound),
Through which might enter wisdom poison-like.

O might you all according to your strength's capacity
Become enlightened in all that may be known,
So that you might perform exalted deeds
(On all three paths that lead to Peace Eternal.)

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

II.

Важное значеніе русскихъ архивныхъ документовъ по сношеніямъ съ ойратами было давно уже оцѣнено какъ изслѣдователями русской исторіи вообще, во главѣ съ Н. М. Карамзинымъ и С. М. Соловьевымъ, такъ и, въ частности, лицами, интересовавшимися спеціально исторіею Сибири и нашими сношеніями съ азіатскими сосѣдями. И вотъ, благодаря трудамъ отдѣльныхъ лицъ и изданіямъ ученыхъ учрежденій и обществъ, немало этихъ документовъ было извлечено изъ древлехранилищъ и опубликовано.

Піонеромъ въ этомъ дѣлѣ явился упомянутый выше Г. Ф. Миллеръ Онъ еще во время пребыванія въ Сибири имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ ея архивными сокровищами и широко использовалъ ихъ при составленіи своего капитальнаго труда: «Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена» (Книга I, СПб., 1750; 2 изд. 1787 г.). Въ этой книгѣ авторъ помѣстилъ 5 главъ «Исторіи Сибирской», доведя ее до 1618 г., при чемъ въ примѣчаніяхъ напечаталъ много актовъ, скопированныхъ въ сибирскихъ архивахъ; нѣкоторые изъ этихъ актовъ касаются нашихъ первыхъ сношеній съ ойратами.

Однако отрицательное отношеніе, которое названный трудъ встрѣтилъ къ себѣ въ академическихъ сферахъ, распространилось и на усвоенный Миллеромъ пріемъ изданія документовъ, и онъ былъ запечатлѣнъ рѣшительнымъ и формальнымъ осужденіемъ. Именно, въ опредѣленіи Канцеляріи Академіи Наукъ отъ 19 мая 1750 г. было, между прочимъ, изложено слѣдующее: «А понеже усмотрѣно, что въ первомъ томѣ Исторіи Сибирской, который уже напечатанъ, большая часть книги не что иное есть, какъ только копіи съ дѣлъ канцелярскихъ, а никакой книги надлежащей величины не имѣетъ, то чрезъ сіе накрѣпко запрещается, чтобъ никакихъ копій въ слѣдующіе томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то

на сторонѣ цитировать, что оная дѣйствительно въ академической архивѣ имѣется»[1]. Миллеру естественно пришлось подчиниться этому рѣшенію и болѣе подлинныхъ документовъ имъ уже не издавалось.

Академіею Наукъ въ 1751—52 г. было одобрено къ изданію еще 17 главъ (съ 5 по 22) «Исторіи Сибирской», но они не были изданы, при чемъ историку нашей Академіи Наукъ П. Пекарскому[2] не удалось отыскать документальныхъ объясненій этого обстоятельства[3]. Тѣ части «Исторіи Сибирской», которыя увидѣли свѣтъ въ особыхъ изданіяхъ: «Sammlung Russischer Geschichte» (на нѣмецкомъ яз. — въ VI т. первыя 5 главъ, вошедшія въ составъ I книги «Описанія Сибирскаго царства» и въ VIII т. 6—10 главы), а также въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ» (на русскомъ яз. — въ I части 1764 г. 6—8 главы)[4] лишены не только «взятыхъ изъ сибирскихъ архивъ письменныхъ доказательствъ», но даже ссылокъ на нихъ, чтобы, какъ объяснилъ редакторъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», «оными не занимать мѣсто»[5].

Авторъ слѣдующаго академическаго труда по исторіи Сибири (въ сокращенномъ изложеніи) I. Е. Фишеръ основывался, главнымъ образомъ, на работѣ Миллера[6] и также ссылокъ на архивные матеріалы не дѣлалъ, ограничиваясь иногда общею оговоркою о томъ или иномъ архивѣ.

Миллеръ довелъ въ «Исторіи Сибирской» обзоръ сношеній съ ойратами до 1660 г., а Фишеръ добавилъ кое-что до 1668 г. Что же касается позднѣйшихъ матеріаловъ, то изъ нихъ только нѣкоторыми воспользовался Миллеръ въ «Sammlung» и «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»; таково, напр., «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи», относящееся уже къ первой четверти XVIII ст.[7]

---

1 Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ, X, № 638, стр. 487—488.

2 П. Пекарскій. Исторія И. Ак. Наукъ, I, стр. 407.

3 Въ силу созданныхъ нынѣшними обстоятельствами трудныхъ условій работы, не представилось возможнымъ ни разыскать означенныя главы, ни выяснить ихъ судьбу. Впрочемъ извѣстное представленіе о характерѣ дальнѣйшей работы Миллера удалось составить по оказавшейся въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., среди зюнгарскихъ или контайшинскихъ дѣлъ (подъ 1752 г., № 8), рукописи двухъ главъ «Исторіи Сибирской» — XV и XVI, посвященныхъ сношеніямъ съ ойратами и бѣлыми калмыками за первую половину XVII ст. Рукопись эта не содержитъ никакихъ указаній на авторство или вообще происхожденіе и XV гл. носитъ такой заголовокъ: «Выписка о бывшихъ въ Сибири съ калмыками приключеніяхъ, кои до знатнѣйшаго княжескаго поколѣнія въ семъ народѣ Дзонгарскимъ называемаго и до нѣкоторыхъ съ симъ родомъ въ свойствѣ состоящихъ другихъ князей, а особливо орды Хошотской касаются». Эта «выписка» почти полностью напечатана въ VIII т. «Sammlung Russ. Gesch.», но не какъ XV гл., а какъ начало (§§ 1—51) X хлавы Сибирской Исторіи. Въ рукописи, согласно академическому опредѣленію, содержится въ выноскахъ не текстъ документовъ, а лишь ссылки на документы различныхъ «Сибирскихъ архивъ» (въ Sammlung опущены и эти ссылки).

4 Въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ (шифра 17. 10. 6) находятся на храненіи 9 и 10 главы Исторіи Сибирской въ русскомъ переводѣ, исполненномъ С. Волчковымъ, но ознакомиться съ ними также не удалось.

5 Ежемѣсяч. сочин., 1763, ч. II, сентябрь, стр. 266—267.

6 Миллеръ представилъ въ Академію въ 1753 г. 23 главы «Исторіи Сибирской» для сочиненія изъ нея Фишеромъ сокращенія. Пекарскій, loc. cit., стр. 368.

7 Samml. Russ. Gesch., IV, SS. 183—274; Ежемѣсяч. сочин., 1760, I, стр. 1—54, 99—136.

Къ концу XVIII ст. относится попытка Н. Н. Бантышъ-Каменскаго освѣтить нѣкоторые фазисы русско-ойратскихъ отношеній въ упомянутомъ столѣтіи съ точки зрѣнія нашихъ отношеній къ Пекинскому правительству, пользуясь для этой цѣли уже не Миллеровскими списками, а подлинными документами Моск. Гл. Архива М. Ин. Д. Однако его трудъ появился въ печати только въ 1882 г. и содержитъ лишь выписки изъ соотвѣтствующихъ документовъ архива[1].

Опубликованіе полнаго текста документовъ возобновили уже въ XIX ст. редакторы оффиціальныхъ изданій: «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ» и «Перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи». Помѣщенные здѣсь акты напечатаны по документамъ центральныхъ архивовъ, чѣмъ и было положено начало ихъ использованію. Однако въ указанныхъ Собраніяхъ мы находимъ лишь небольшое количество самыхъ важныхъ документовъ, преимущественно грамотъ и наказовъ московскихъ царей и шертныхъ записей ойратскихъ князей, при чемъ и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ данная попытка не имѣла исчерпывающаго характера. Редакторамъ обоихъ «Собраній», повидимому, приходилось испытывать въ дѣлѣ выбора актовъ для изданія значительныя затрудненія, между прочимъ, вслѣдствіе незнакомства съ Востокомъ и отсутствія въ архивахъ подлинныхъ актовъ. Это послѣднее обстоятельство озабочивало Русское правительство уже съ начала XVIII ст., и въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. хранится, въ числѣ монгольскихъ дѣлъ, особое дѣло 1727 г., № 2 (23 февр.), «по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о пріискѣ трактатовъ о подданствѣ къ России въ древнія лѣта мунгальскихъ владѣльцевъ», изъ котораго видно, что уже въ то время нельзя было розыскать подлинниковъ многихъ изъ упомянутыхъ трактатовъ.

Съ учрежденіемъ въ 1834 г. Археографической Коммиссіи дѣло изданія документовъ по сношеніямъ съ ойратами значительно подвинулось впередъ. Почти съ самаго начала ею стало удѣляться много вниманія Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сношеніямъ съ пограничными народами, въ томъ числѣ съ ойратами.

Въ распоряженіи Коммиссіи имѣлись для изданія акты изъ различныхъ источниковъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, но наиболѣе цѣнными въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ она признавала портфели Миллера, принадлежащіе Академіи Наукъ, которая передала ихъ для изда-

[1] Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ. Составленное по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1792—1803 году Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ. Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ съ прибавленіями издателя. Казань, 1882.

нія въ количествѣ болѣе 30 томовъ[1]. Затѣмъ, кромѣ архива Якутскаго областного правленія, Коммиссіи были доставлены нѣкоторые акты изъ архива Иркутскаго губернскаго правленія, изъ архивовъ провинціальныхъ городовъ: Верхотурья, Соликамска и др. Наконецъ, въ извѣстной мѣрѣ она воспользовалась коллекціями Публичной Библіотеки и центральныхъ вѣдомственныхъ архивовъ.

Обиліе поступавшихъ документовъ о Сибири заставило Коммиссію обсудить планъ ихъ изданія, но какъ можно видѣть изъ донесенія редактора X тома «Дополненій къ Актамъ Историческимъ» А. И. Тимофеева, для этихъ актовъ не было признано возможнымъ отступить отъ идеи, положенной въ основу главныхъ серій изданій Коммиссіи,—«предложить занимающемуся русскою исторіею сколь можно болѣе данныхъ для изученія быта Россіи минувшихъ столѣтій въ разнообразныхъ его видахъ»[2]. На практикѣ это свелось къ примѣненію выборочной системы изданія документовъ, при которой сибирскіе документы помѣщались въ перемежку съ другими актами, при чемъ имъ отводилось сравнительно немного мѣста въ отдѣльныхъ выпускахъ изданій. Такъ именно обстоитъ дѣло въ «Актахъ Историческихъ», «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ» и «Русской Исторической Библіотекѣ».

Сознавая однако важность указанныхъ документовъ, Археографическая Коммиссія еще въ 1866 г. постановила «приступить къ изданію Сибирскихъ актовъ, лишь только представится къ тому возможность», въ видѣ отдѣльнаго сборника, какъ относящихся къ извѣстной мѣстности[3]. Это постановленіе относилось главнымъ образомъ къ портфелямъ Миллера, но и въ этой части оно остается донынѣ не выполненнымъ, несмотря на то, что въ болѣе новое время Коммиссія силою вещей усвоила другой методъ изданія документовъ: систематическій съ территоріальною группировкою.

Коммиссіи удалось изъ портфелей Миллера издать, въ видѣ отдѣльнаго сборника на частныя средства, только небольшую часть документовъ, охватывающихъ періодъ съ 1700 по 1724 г., именно «Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка» (2 книги, СПб., 1882 и 1885). Затѣмъ Сибири была посвящена почти половина сборнаго VIII т. (1884 г.) «Русской Исторической Библіотеки», въ которомъ помѣщены документы періода 1625—1630 гг., взятые уже изъ столбцовъ Сибирскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Наконецъ, нѣсколько особо стоятъ 3 слѣдующихъ изданія Коммиссіи, посвященныхъ Сибири:

---

[1] Доп. Акт. Ист., т. VII, стр. IX; т. VIII, стр. VII.
[2] Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи, 1865—1866, вып. IV, отд. III, стр. 18.
[3] Ibid., стр. 19.

1) Краткая Сибирская лѣтопись (Кунгурская, СПб., 1880); это Ремезовская лѣтопись;

2) Чертежная книга Сибири, составленная Тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 г. (СПб., 1882);

3) Сибирскія лѣтописи (СПб., 1907), гдѣ изданы по разнымъ спискамъ 3 лѣтописи: Строгановская, Есиповская и Ремезовская, а также «Описаніе Сибири» XVII в.[1]

Въ 3 послѣднихъ изданіяхъ объ ойратахъ имѣется мало данныхъ и носятъ они характеръ случайныхъ упоминаній. Наоборотъ, въ остальныхъ изъ перечисленныхъ изданій Комиссіи опубликованъ цѣлый рядъ документовъ, трактующихъ всецѣло объ ойратахъ, но и эти документы теряются среди матеріаловъ о Сибири и, рисуя лишь отдѣльные эпизоды изъ русско-ойратскихъ отношеній, не даютъ общей ихъ картины даже за отдѣльные періоды.

Большинство ойратскихъ документовъ извлечено изъ портфелей Миллера и потому подвержено всѣмъ тѣмъ сомнѣніямъ и упрекамъ, о которыхъ сказано выше. Редакторами изданій Коммиссіи не было сдѣлано попытокъ провѣрить Миллеровскіе списки по документамъ центральныхъ архивовъ, поскольку въ нихъ сохранились подлинники или черные отпуска. Кромѣ того, возникаетъ вопросъ, слѣдовало ли вообще отдавать предпочтеніе портфелямъ Миллера передъ столбцами архивовъ и, прежде всего, Сибирскаго приказа. Послѣдній вообще какъ-то игнорировался при изданіи матеріаловъ о Сибири, и къ нему Археографическая Коммиссія обратилась, какъ указано выше, лишь въ 1884 г. при изданіи VIII (сборнаго) тома «Русской Ист. Библ.», напечатавъ серію документовъ изъ 4 столбцовъ названнаго Приказа за №№ 6047, 6049, 6054 и 6058, изъ которыхъ многіе касаются сношеній съ ойратами[2].

Нѣкоторые документы объ ойратахъ (хотя преимущественно о приволжскихъ и донскихъ калмыкахъ) изданы въ сборникахъ древнихъ актовъ; таковы, напр., Дѣла Тайнаго приказа (изд. Археогр. Ком.), Акты Моск.

[1] Раньше оно было издано А. Титовымъ (Г. Юдинымъ): «Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ» (Москва, 1890), стр. 55—101, и часто цитируется Ю. В. Арсеньевымъ подъ названіемъ «русское описаніе Сибири 1683 г.» въ примѣчаніяхъ къ путешествію Спаоарія: «Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаоарія въ 1675 г. Дорожный дневникъ Спаоарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева» (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., X, вып. 1. СПб., 1882).

[2] Редакція Русск. Ист. Библ. ограничилась для обозначенія использованныхъ столбцовъ лишь такъ называемыми общими нумерами, подъ которыми эти столбцы значатся въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи Моск. Арх. М. Ю.; однако, кромѣ этихъ нумеровъ, столбцы Сибирскаго приказа носятъ еще специальные или частные нумера, которыми для перечисленныхъ столбцовъ являются 3, 5, 10 и 14. Въ настоящей статьѣ столбцы Сибирскаго приказа обозначаются частными и общими нумерами (послѣдніе приводятся въ скобкахъ). Редакціею Р. И. Б. не указаны также листы, на которыхъ помѣщаются въ столбцахъ извлеченные документы, хотя столбцы эти имѣютъ пагинацію.

государства (изд. Акад. Наукъ), Письма и бумаги имп. Петра Великаго (изд. Публичной Библ.), Книги Разрядныя (изд. 2 Отдѣленія) и др.

Въ трудахъ и изданіяхъ частныхъ лицъ и обществъ замѣчается также извѣстное игнорированіе центральныхъ архивовъ. Въ этомъ отношеніи мало подражателей вызвалъ примѣръ корифеевъ русской исторіи Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, использовавшихъ, какъ отмѣчено выше, немало архивныхъ документовъ по сношеніямъ Россіи съ монгольскими племенами. Даже въ трудахъ, спеціально посвященныхъ исторіи ойратовъ, обычно имѣются ссылки лишь на немногочисленные опубликованные документы; таковы труды о. Іакинѳа, К. Голстунскаго, А. Позднѣева, Ѳ. Леонтовича и др. Новый архивный матеріалъ появлялся, особенно въ болѣе раннюю эпоху, большею частью благодаря работамъ спеціалистовъ въ смежныхъ областяхъ. Здѣсь болѣе посчастливилось провинціальнымъ архивамъ.

Сравнительно рано были освѣщены на основаніи русскихъ архивныхъ матеріаловъ отношенія ойратовъ къ казакъ-киргизамъ. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ П. И. и Н. П. Рычковыхъ XVIII ст., слѣдуетъ упомянуть работы А. И. Левшина: «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» (СПб. 1832, — здѣсь, между прочимъ, использованы документы архива б. Оренбургской Пограничной Комиссіи и Моск. Арх. М. Ин. Д.) и В. В. Вельяминова-Зернова: «Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею со времени кончины Абулъ-Хайръ хана (1748—1765 г.)». Послѣдняя работа основана на данныхъ Оренбургскаго губернскаго архива[1].

Примѣрно за тотъ же періодъ (конечный существованія Ойратскаго государства), что у Вельяминова-Зернова, много данныхъ о нашихъ отношеніяхъ къ ойратамъ извлекъ въ 1857 г. Г. Н. Потанинъ изъ областного архива въ Омскѣ. Эти данныя (частью полный текстъ документовъ, частью извлеченія) были изданы, главнымъ образомъ, въ «Чтеніяхъ въ И. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ»[2].

На данныхъ провинціальнаго архива — Управленія Калмыцкимъ народомъ въ Астрахани основаны 2 работы о приволжскихъ калмыкахъ: К. Костенкова «Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губ.» (СПб., 1870) и М. Новолѣтова «Кал-

---

[1] Она появилась сначала въ «Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1853 г., а затѣмъ, хотя и не въ полномъ видѣ, отдѣльнымъ изданіемъ (Уфа, т. I, 1853; т. 2, тетр. 1, 1855).

[2] 1866 г., кн. 4; 1867, кн. 1—2, стр. 1—324: «Матеріалы для исторіи Сибири» (глава 2: Пограничныя дѣла и положеніе инородцевъ — 1866, кн. 4, отд. II, стр. 54—128); ср. также Г. Н. Потанинъ. О караванной торговлѣ съ Джунгарской Бухаріей въ XVIII в. (Чтенія, 1868, кн. 2) и Карлъ Струве и Гр. Потанинъ. Поѣздка по восточному Тарбагатаю лѣтомъ 1864 г. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., I, стр. 469—480 и 517—520).

мыки. Историческій очеркъ» (СПб. 1884). Подлинные документы историческаго отдѣла названнаго архива восходятъ къ началу XVIII ст.[1]

Обширный сборникъ документовъ, относящихся къ одному эпизоду нашихъ сношеній съ ойратами, именно къ посольству капитана Унковскаго къ Цэванъ-Рабтану въ 1722—24 гг., далъ Н. И. Веселовскій въ 1887 г., основываясь, главнымъ образомъ, на матеріалахъ центральнаго архива — Моск. Главнаго Архива Мин. Ин. Д.[2] Изъ того же архива Н. И. Веселовскій извлекъ нѣсколько документовъ, восходящихъ къ болѣе ранней эпохѣ, именно къ началу XVII в. и устанавливающихъ фактъ продвиженія ойратовъ къ рр. Эмбѣ и Яику еще по крайней мѣрѣ въ 1612—13 гг.[3]

Изъ болѣе новыхъ работъ необходимо указать изслѣдованія Gaston Cahen, который извлекъ немало матеріаловъ изъ Моск. Гл. Архива М. Ин. Д. Въ его упомянутой выше работѣ «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)» содержатся данныя для характеристики вліянія на русско-ойратскія отношенія политики Россіи въ отношеніи Пекинскаго правительства въ указанный періодъ; въ частности подробно разсмотрѣна исторія посольства къ Аюкѣ-хану 1712—14 гг., описаннаго Тулишеномъ. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ подробный перечень использованныхъ авторомъ китайскихъ дѣлъ названнаго архива.

Въ 1913 г. Ѳ. И. Покровскій опубликовалъ изслѣдованіе: «Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1618 г. (мнимое путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.)», въ которомъ на основаніи документовъ того же архива и портфелей Миллера доказываетъ достовѣрность поѣздки Петлина; вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ переизданъ статейный списокъ Петлина по экземпляру архива[4].

Единственный опытъ использованія документовъ Сената по сношеніямъ съ ойратами произвелъ В. Н. Витевскій въ своей обширной монографіи, посвященной дѣятельности перваго оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева[5].

Наконецъ извлеченія изъ немногочисленныхъ дѣлъ данной категоріи, хранящихся въ б. Общемъ Архивѣ Министерства Имп. Двора, сдѣланы въ

---

[1] Этотъ архивъ пострадалъ въ январѣ 1918 г.

[2] Полное заглавіе этого изданія приведено выше (стр. 794); ср. рецензію И. Минаева: «Поиски золота» (Ж. М. Нар. Пр., ч. CCLVII, 1888, май, стр. 237—249).

[3] Передовые калмыки на пути къ Волгѣ (З. В. О., т. III, стр. 365—370; Памятники посольскихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Персіей, т. II, стр. 171—175, 259—260).

[4] Изв. Отд. Русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, 1913, XVIII, кн. 4, стр. 257—304.

[5] И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго, 5 вып. Казань, 1889 — 1896 г. Использованныя сенатскія дѣла (1745 и 1756 гг.) указаны въ вып. 5, прил., стр. 125. Ср. также его же болѣе краткое изданіе: «И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края, біографическо-историческій очеркъ». (Казань, 1891).

работахъ: А. И. Успенскаго «Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты» (3 вып., Москва, 1912, 13 и 14 гг.)[1] и С. Н. Кологривова «Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в.»[2]

Подводя итогъ тому, что сдѣлано по изданію и использованію русскихъ документовъ по сношеніямъ съ ойратами, необходимо отмѣтить слѣдующее:

1) Архивныхъ документовъ издано и использовано весьма ограниченное количество.

2) Изданіе ихъ носило случайный характеръ. Вопроса о систематическомъ опубликованіи документовъ, касающихся ойратовъ или вообще монголовъ, до сихъ поръ не возникало, и они издавались лишь попутно съ матеріалами о Сибири. При этомъ редакціи оффиціальныхъ изданій стремились разыскать и опубликовать лишь наиболѣе важные акты; съ своей стороны Археографическая Коммиссія и разныя ученыя общества и лица также отдавали предпочтеніе выборочной системѣ, при чемъ обыкновенно издавали матеріалъ, случайно попадавшій въ ихъ руки.

3) Изданные матеріалы относятся къ разнымъ періодамъ, большею частью между собою не связаны и не даютъ ясной картины русско-ойратскихъ отношеній.

4) Источникомъ, изъ котораго черпались издаваемые акты, служили, главнымъ образомъ, портфели Г. Ф. Миллера, надежность которыхъ подвергнута извѣстнымъ сомнѣніямъ, попытокъ предварительной ихъ провѣрки по матеріаламъ центральныхъ архивовъ не дѣлалось.

5) Къ центральнымъ архивамъ вообще издатели обращались сравнительно рѣдко, при томъ преимущественно въ новѣйшее время, и основная масса находящихся тамъ документовъ остается почти не тронутою.

Такое положеніе дѣлъ побудило меня воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ лѣтомъ 1918 г.[3] для выясненія того, что содержится по сношеніямъ Россіи съ ойратами въ Московскихъ архивахъ, при чемъ мнѣ удалось ознакомиться непосредственно съ нѣкоторою частью ойратскихъ дѣлъ, хранящихся въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и Архивѣ Мин. Юстиціи, и сдѣлать изъ нихъ довольно обширныя извлеченія, касающіяся періода до 70-хъ годовъ XVII ст. Краткому обозрѣнію результатовъ этихъ работъ — пока лишь съ внѣшней, технической стороны — посвящается дальнѣйшая часть настоящей статьи.

---

[1] Вып. I, №№ 506 и 562; вып. II — № 863; вып. III — № 1272.

[2] Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый Археологическимъ Институтомъ, вып. XX, 1911, прил., стр. 1—160 (о пріѣздѣ посланца Онучая отъ Харахулы въ 1620 г. — стр. 41—44); обзоръ намѣченныхъ матеріаловъ еще не законченъ.

[3] Нѣкоторыя дополнительныя работы были произведены во время кратковременныхъ поѣздокъ въ Москву лѣтомъ 1919 г.

Документы по сношеніямъ съ ойратами сосредоточиваются нынѣ, главнымъ образомъ, въ Московскихъ архивахъ 3 прежнихъ министерствъ: Иностранныхъ Дѣлъ, Юстиціи и Императорскаго Двора, которые по прежней терминологіи именовались: Московскій Главный Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Московскій Архивъ Министерства Юстиціи и Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора, а по нынѣшней: московскія отдѣленія Третье первой секціи, Первое второй секціи и Второе первой секціи Единаго Государственнаго архивнаго фонда. Наибольшее значеніе имѣютъ два первыхъ архива: въ Глав. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится переписка Посольскаго приказа и смѣнившей его Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи — переписка Сибирскаго приказа и учрежденій, вѣдавшихъ Сибирь до его учрежденія. Меньшаго вниманія заслуживаетъ третій архивъ — Министерства Императорскаго Двора, въ которомъ хранятся остатки архивовъ бывшихъ дворцовыхъ приказовъ, входившіе въ составъ прежняго Архива Оружейной Палаты.

Какъ уже было выше указано, дѣла по сношеніямъ съ ойратами преломлялись черезъ сибирскій административный аппаратъ и поступали въ центръ въ томъ же порядкѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, что и дѣла, касавшіяся непосредственно Сибири: помимо географическаго положенія, здѣсь играло роль и то обстоятельство, что на ойратовъ сибирскіе администраторы, а за ними и центръ усвоили съ самаго начала такой же взглядъ, какъ и на другихъ инородцевъ пограничныхъ сибирскихъ мѣстностей: по ихъ мнѣнію, ойратскія племена если и не были еще подданными московскихъ царей, были обречены судьбою стать таковыми. Естественно потому, что ойратскія дѣла направлялись изъ Сибири въ тотъ центральный органъ, который завѣдывалъ этою страною.

Какъ извѣстно, Сибирь въ концѣ XVI вѣка вѣдалась Посольскимъ приказомъ; именно, имѣются указанія о подчиненіи ея въ 1593 и 1594 гг. приказу дьяка Андрея Щелкалова, въ 1595 г. Посольскому и Четвертному приказу дьяка Василія Щелкалова, а въ 1596—1599 гг.—четверти дьяка Ивана Вахрамѣева. Въ 1599 г. при Борисѣ Годуновѣ Сибирь была передана въ вѣдѣніе приказа Казанскаго и Мещерскаго Дворца (именовавшагося также просто приказомъ Казанскаго Дворца), при которомъ возникло спеціальное отдѣленіе для сибирскихъ дѣлъ подъ названіемъ Сибирскаго приказа (древнѣйшее упоминаніе относится къ 1614 г.) 15 февраля 1637 г. Сибирскій приказъ былъ выдѣленъ (указано «быти особно») изъ Казанского Дворца въ самостоятельное учрежденіе, которое просуществовало съ короткимъ перерывомъ (1711—1730 гг.) до 15 декабря 1733 г.[1] По своемъ

[1] [G. Müller] Sibirische Geschichte, VIII (Sammlung Russischer Geschichte, VIII B., 1763, SS. 267—274); [Г. Ф. Миллеръ] Сибирская исторія. VIII (Ежемѣс. соч., 1764, ч. I,

выдѣленіи Сибирскій приказъ нѣкоторое время оставался въ помѣщеніи Казанскаго Дворца, гдѣ ютился «въ задней казенкѣ въ тѣсномъ мѣстѣ» и только нѣсколько позже былъ переведенъ въ передѣланное для него помѣщеніе Новгородской чети[1].

Слѣдуетъ, конечно, предполагать, что при переходѣ Сибири изъ одного приказа въ другой послѣднему передавались и всѣ сибирскія дѣла, но ко времени выдѣленія Сибирскаго приказа въ 1637 г. въ Казанскомъ Дворцѣ имѣлось уже немного дѣлъ, такъ какъ пожаръ 1626 г. уничтожилъ «всякія дѣла» тогдашняго Сибирскаго приказа[2], и это печальное обстоятельство подтверждается, къ счастью не въ безусловно полной мѣрѣ, какъ оффиціальною описью столбцовъ Сибирскаго приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи, такъ и указателями, приложенными къ упомянутому труду Н. П. Оглоблина: въ нихъ за время до 1626 г. можно насчитать лишь немного столбцовъ; таковы, напримѣръ, столбцы за №№ 1 (6045) и 68 (6112) — 7128 (1620) г.; № 1665 (7711) — 7122 (1614) г., № 1667 (7713) — 7124 (1616) г., № 1669 (7715)—7130 (1622) г. и др. Содержаніе ихъ еще не обслѣдовано, но можно думать, что подлинныхъ документовъ по сношеніямъ съ ойратами въ сохранившихся за указанное время столбцахъ если и найдется, то очень мало.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. За время до 1599 г., когда Сибирь вѣдалась дьяками Посольскаго приказа, подлинныхъ дѣлъ, относящихся къ монгольскимъ племенамъ, совершенно не имѣется: то, что имѣлось, вѣроятно, было передано въ Казанскій и Мещерскій Дворецъ и тамъ сгорѣло. Съ той же поры Посольскій приказъ вообще стоялъ въ сторонѣ отъ сибирскихъ и, въ частности, ойратскихъ дѣлъ, и переписка по нимъ доходила до него въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что вообще въ теченіе первой четверти XVII ст. сношенія съ ойратами не отличались особымъ оживленіемъ. При томъ архивъ Посольскаго приказа пострадалъ въ періодъ Смутнаго времени и послѣ въ немъ уже оказалось невозможнымъ наведеніе точныхъ справокъ по сношеніямъ съ монголами видимо вслѣдствіе гибели документовъ. По крайней мѣрѣ въ единственномъ дѣлѣ, касающемся періода до Смутнаго времени, именно въ монгольскомъ дѣлѣ 1608 г., посвященномъ пріѣзду въ Москву въ 1607 г. первыхъ пословъ отъ ойратскихъ владѣтелей, не содер-

---

стр. 522—528); Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в. (Спб., 1888), прил. стр. 97; П. Н. Буцинскій, Заселеніе Сибири и быть первыхъ ея насельниковъ (Харьковъ, 1889), стр. 231—233; Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, ч. I, стр. 7; Вернеръ. О времени и причинахъ образованія Московскихъ приказовъ (Ученыя записки И. Лицея въ память Цесаревича Николая, в. 2, Москва, 1908), в. II, стр. 192.

[1] Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 116—117.

[2] П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 232; Русск. Истор. Библ., т. VIII, ст. 350.

жится подлинныхъ документовъ той эпохи; оно состоитъ изъ докладной выписки, составленной, вѣроятно, 10 годами позже и начинающейся словами: «При прежнихъ государяхъ . . . . царя въ Московское государство послы и посланники бывали ль или не бывали того въ Посолскомъ приказѣ послѣ литовского разореня не сыскано» . . . Подлинные же документы по сношеніямъ съ ойратами въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ начинаются лишь съ 1616 г. и затѣмъ уже идутъ почти не прерываясь.

Однако имѣющіеся въ обоихъ архивахъ матеріалы даютъ возможность прослѣдить сношенія съ ойратами и въ болѣе раннюю эпоху, но уже не по подлиннымъ документамъ, а по очень древнимъ спискамъ съ нихъ. Въ Архивѣ Мин. Юстиціи сохранилось нѣсколько книгъ Сибирскаго приказа (№№ 1, 2, 11), въ которыхъ имѣется немало списковъ съ документовъ до 1616 г., при чемъ наиболѣе старые изъ нихъ носятъ дату 7103 г., т. е. 1595 г., — 10 февраля и 26 іюня[1]. Послѣдній документъ, именно указная грамота 26 іюня 1595 г., приведенъ въ краткомъ извлеченіи, сдѣланномъ уже въ XVIII ст., въ началѣ перваго (по соотвѣтствующему реестру) «зюнгарскаго или контайшинскаго», т. е. ойратскаго, дѣла Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, что дало редакціи оффиціальнаго «Сборника» Архива поводъ заявить, что въ Архивѣ «зюнгарскія» дѣла начинаются именно съ 1595 г.[2] Между тѣмъ даже въ полномъ текстѣ разсматриваемаго документа никакого упоминанія объ ойратахъ не содержится, и извлеченіе изъ него помѣщено, какъ видно изъ упомянутаго дѣла, именно въ доказательство того, что въ 1595 г. ойратовъ еще не было въ верховьяхъ Иртыша, у Чернаго острова, гдѣ они появились лишь позднѣе.

Въ дѣйствительности же древнѣйшій документъ, посвященный ойратамъ, носитъ дату «лѣта 7105 года, генваря въ 1 день», т. е. 1 января 1597 г. Онъ находится въ указанной выше книгѣ 11 Сибирскаго приказа (лл. 21 об.—22 об.) и представляетъ собою указную грамоту Михаила Θеодоровича Тарскому воеводѣ, посланную въ отвѣтъ на его отписку, которая была получена въ Москвѣ 28 декабря 1596 г. и содержаніе которой излагается въ грамоте, — по поводу разногласій между Кучумомъ и вспомогательнымъ ойратскимъ отрядомъ.

За этимъ документомъ въ книгѣ 11 идетъ цѣлый рядъ списковъ съ документовъ, которые даютъ возможность возстановить довольно полную картину сношеній съ ойратами до 1616 г. и, между прочимъ, исторію упомянутаго выше посольства 1607—08 гг.

---

[1] Оба документа находятся въ книгѣ 11 Сибирскаго приказа, лл. 2 слѣд. и 9 слѣд.; второй воспроизведенъ въ трудѣ Г. Ф. Миллера «Описаніе Сибирскаго царства», стр 288—290, по списку, сдѣланному для автора въ Тарскомъ архивѣ; см. также Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 30 и 129.

[2] Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., вып. II, стр. 140.

Въ виду важности содержанія книги 11, а также и другихъ книгъ Сибирскаго приказа, заключающихъ въ себѣ списки очень древнихъ документовъ, пріобрѣтаетъ серьезное значеніе вопросъ объ ихъ происхожденіи[1]. Въ Моск. Архивѣ М. Ю. не удалось обнаружить по этому предмету прямыхъ указаній, но все же можно отмѣтить слѣдующее. Въ книгахъ 11 и 6 (а, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ другихъ) документы заканчиваются 1626 г., при чемъ имѣются указанія, что списки изготовлялись именно въ 1626 году[2], при томъ не въ Москвѣ, а въ Сибири. Такъ какъ именно въ 1626 г. сибирскія дѣла Казанскаго Дворца были уничтожены пожаромъ, то представляется вѣроятнымъ, что изъ Москвы было сдѣлано распоряженіе о доставкѣ списковъ съ важнѣйшихъ документовъ для частичнаго возстановленія сгорѣвшаго архива.

Хотя, такимъ образомъ, можно считать несомнѣннымъ, что первоначальные списки восходятъ къ 1626 и, можетъ быть, слѣдующимъ годамъ, но остается неизвѣстнымъ, эти ли списки сохраняются въ книгахъ или же это болѣе поздніе списки со списковъ. Для рѣшенія этого вопроса будетъ имѣть значеніе почеркъ списковъ, форма книгъ, бумага и т. п., но, кромѣ того, подлежитъ выясненію еще одно обстоятельство. Въ концѣ 1700 г. Петромъ I было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы впредь разныя бумаги писались «въ листы и тетрати дестевые, а не въ столбцы», и тогда же въ Сибирскомъ приказѣ велѣно было изъ царскихъ грамотъ и отписокъ «для скораго пріиску и вѣдомости выписать въ тетрати на перечень» съ тѣмъ, чтобы затѣмъ «тѣ тетрати въ Сибирскомъ приказѣ всякому столу и по повытью сбирать особо» и слагать въ книгу по годамъ, либо полугодіямъ, либо четвертямъ года[3]. Примѣненіе аналогичнаго метода составленія книгъ мы имѣемъ и въ сохранившихся книгахъ Сибирскаго приказа, такъ что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ могли быть составлены уже въ началѣ XVIII ст., хотя бы и по спискамъ 1626 г.

Такимъ образомъ, для древнѣйшей исторіи сношеній съ ойратами, мы располагаемъ лишь списками документовъ съ 1597 по 1615 гг.[4], сохра-

---

[1] О книгахъ Сибирскаго приказа, см. Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 12—13; вопроса объ ихъ происхожденіи авторъ не касается.

[2] На листѣ 613 кн. 6 помѣщенъ документъ съ такимъ заголовкомъ: «Списокъ з государевы царевы і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіі грамоты какова прислана въ нынешнемъ во 134 году генваря въ 19 день съ томскимъ козакомъ с. Полкою Вахромѣевымъ» (далѣе другимъ почеркомъ) «о желѣзе».

[3] Памятники Сибирской исторіи XVIII в. (изд. Археогр. Ком.), I, стр. 97 — 100; Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 28.

[4] Въ «Сибирскихъ Лѣтописяхъ» (Изд. Археогр. Ком.) имѣются 2 еще болѣе старыя упоминанія о «калмыкахъ» (т. е. ойратахъ)—подъ годами 1574 (стр. 54, 27) и 1583 (стр. 342, 23). Однако первое упоминаніе, находящееся въ извлеченіи изъ жалованной грамоты братьямъ Строгановымъ 1574 года, имѣется лишь въ распространенной редакціи Строгановской лѣтописи и отсутствуетъ въ основной (стр. 7, 27); кромѣ того, о калмыкахъ ничего не говорится и въ полномъ текстѣ означенной грамоты, изданномъ еще Миллеромъ (Описаніе Сибирскаго царства, стр. 76, 89) съ подлинника изъ архива Строгановыхъ. Подъ

нившимися въ Архивѣ М. Ю.; затѣмъ съ 1616 г. начинаются подлинные документы Гл. Архива М. Ин. Д., параллельно которымъ продолжаются до 1626 г. списки документовъ Архива М. Ю. Съ 1626 г. и въ послѣднемъ архивѣ начинаются подлинные акты, и съ этой поры мы находимъ въ обоихъ архивахъ двѣ только изрѣдка прерывающіяся серіи подлинныхъ документовъ, дополняющихъ и поясняющихъ взаимно одна другую, примѣрно до конца XVII в. Затѣмъ ойратскія дѣла совершенно исчезаютъ изъ Архива М. Юстиціи.

Подобное распредѣленіе документовъ указываетъ на то, что въ теченіе XVII ст. сношеніями съ ойратами завѣдывали два приказа: Посольскій и Сибирскій, но взаимоотношенія ихъ представляются не вполнѣ ясными. Повидимому, означенныя сношенія считались тѣсно связанными съ сибирскими дѣлами и, какъ таковыя, входящими въ прямую компетенцію Сибирскаго приказа. Только дѣла, имѣвшія отношеніе къ пріѣзду въ Москву ойратскихъ посольствъ, вѣдались Посольскимъ приказомъ и то лишь съ момента прибытія ихъ подъ самую Москву, на «подхожій станъ». Въ обоихъ архивахъ имѣется не мало документовъ (обыкновенно памяти изъ Сибирскаго приказа въ Посольскій) о томъ, что по полученіи отъ пристава посольства донесенія о прибытіи его на подхожій станъ царь указалъ «пословъ и пристава и провожатыхъ послать изъ

второю датою приводится сообщеніе объ осадѣ Ермакомъ городка Куларъ («той опасной крайной Кучюмовской отъ калмыкъ»), однако это сообщеніе, имѣющееся только въ Ремезовской лѣтописи, носитъ въ части, касающейся калмыковъ, неопредѣленный характеръ, и вполнѣ достовѣрными слѣдуетъ считать упоминанія всѣхъ Сибирскихъ лѣтописей о калмыкахъ лишь подъ 1598 г. въ связи со смертью Кучума. О калмыкахъ въ Сибири имѣются въ литературѣ упоминанія еще подъ 1594 и 1595 гг. въ связи съ киргизами. Именно, Фишеръ въ «Сибирской Исторіи» (стр. 181, § 22, ср. также стр. 155 и 180) высказывалъ предположеніе, что постройкою въ 1594 г. г. Тары Царскій дворъ имѣлъ въ виду создать «ограду противъ разъѣзжающихъ всюду степныхъ народовъ, калмыковъ и киргизскихъ козаковъ», и такое указаніе было использовано затѣмъ Левшинымъ (Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, II, стр. 56). Однако Фишеръ ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего предположенія, которое расходится съ подробными данными (въ томъ числѣ и съ наказомъ о постройкѣ Тары), сообщаемыми по этому предмету Миллеромъ (Описаніе Сибирскаго царства, стр. 260 — 280). Очевидно, Фишеръ имѣлъ въ виду роль, которую Тара стала играть въ болѣе позднее время. Ту же дату 1594 или 1595 гг. привелъ и Карамзинъ (Ист. Гос. Рос., 3 изд., т. X, стр. 218), ссылаясь на киргизскія дѣла этихъ лѣтъ изъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. Именно тогда поддался Россіи казацкій ханъ Тевкель (точнѣе Тевеккуль), «именуясь царемъ Казацкимъ и Калмыцкимъ». Левшинъ (loc. cit., стр. 50) отнесся къ подобному титулу отрицательно, но В. В. Бартольдъ (Историческій очеркъ Семирѣчья, стр. 164/91), высказалъ предположеніе, что Тевеккулю подчинились нѣкоторые калмыцкіе роды. Также безъ возраженій сообщеніе Карамзина было воспроизведено и В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ (Изслѣдованіе о Касимовскимъ царяхъ и царевичахъ, II, стр. 104 и 338). Лѣтомъ 1919 г. мнѣ удалось выяснить, что свое сообщеніе Карамзинъ почерпнулъ изъ «Киргисъ-кайсацкаго дѣла» 1595—1599 гг. (сохранившагося только въ части), именно изъ текста рѣчи, которую дьякъ Василій Щелкаловъ долженъ былъ произнести при пріемѣ посла Тевеккуля: въ ней послѣдній дѣйствительно названъ «казацкимъ и калмацкимъ Тевкель царемъ» и требовалось, чтобы онъ былъ подъ царскою рукою «со всею казацкою и калмацкою ордою». Фактическое же положеніе вещей выясняется слѣдующими словами самого посла: «Нынѣ... Тевкель царевич царь учинился на казацкой ордѣ, а брата своего Шахмагметя царевича посадилъ на калмаках». Такимъ образомъ предположеніе В. В. Бартольда, повидимому, отвѣчаетъ дѣйствительности.

Сибирскаго приказу въ Посольскій приказъ»[1]. Одновременно въ послѣдній приказъ поступали и отписки воеводъ, касавшіяся посольства или въ подлинникахъ непосредственно отъ пристава или въ спискахъ изъ Сибирскаго приказа. Съ этого момента Посольскій приказъ бралъ въ свои руки не только заботы о пріемѣ, размѣщеніи, охранѣ, содержаніи, представленіи царю, обратномъ отпускѣ, т. е. вообще техническую и церемоніальную часть, но и ойратскую политику, которая концентрировалась вокругъ посольства. Въ Посольскомъ приказѣ посланцы допрашивались о цѣли пріѣзда, выяснялось положеніе дѣлъ на мѣстѣ, изготовлялись доклады царю, обсуждался отвѣтъ посольству, составлялись отвѣтныя грамоты, намѣчались директивы мѣстнымъ властямъ и т. п.

Когда же посольство покидало Москву, дѣятельность Посольскаго приказа пріостанавливалась, и всѣ дальнѣйшія дѣла по сношеніямъ съ ойратами, которыя велись на мѣстахъ воеводами, вѣдались уже Сибирскимъ приказомъ. Въ 1623 г. послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы впредь посольства отъ ойратовъ и Алтынъ-хана не пропускались въ Москву, а принимались и опрашивались въ Сибири съ тѣмъ, чтобы воеводы о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ доносили въ Москву. При этомъ отписки было приказано направлять въ Казанскій Дворецъ съ поясненіемъ такого содержанія: «А в Посолскомъ приказе вѣдат есмя ихъ (тайшей пословъ) не велѣли, потому что с ними ссылке посолской быти нелзѣ, грамоте не умѣютъ и ссылатца не о чемъ»[2]. Такое же направленіе дѣлъ соблюдалось и послѣ учрежденія самостоятельнаго Сибирскаго приказа.

Подобная двойственность въ завѣдываніи ойратскими дѣлами осложняла и запутывала дѣлопроизводство обоихъ приказовъ. Очень часто начальный документъ или документы по какому-нибудь вопросу находятся въ одномъ приказѣ, вся же дальнѣйшая переписка въ другомъ и наоборотъ. Каждый приказъ самостоятельно, именемъ царя, сносился съ мѣстными властями, а равно съ другими московскими приказами, требуя присылки себѣ и отвѣта. Такимъ образомъ по каждому почти вопросу нынѣ требуются справки въ обоихъ архивахъ.

Нужно однако отмѣтить, что вначалѣ, до учрежденія самостоятельнаго Сибирскаго приказа, донесенія изъ Сибири въ Москву направлялись иногда въ двухъ тождественныхъ экземплярахъ — одинъ въ Посольскій приказъ, другой въ Казанскій Дворецъ, при чемъ послѣдній видимо не очень ревниво оберегалъ свою компетенцію и передавалъ даже свой экземпляръ Посольскому приказу, въ которомъ благодаря этому иногда оказы-

[1] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., зюнгарское дѣло, 1645 (1665) о пріѣздѣ пословъ Чюна и Сыряна, л. 14. Ср. калм. дѣло, 1684, генв. 14, л. 1.
[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1633 г., лл. 31 и 35.

валось по 2 экземпляра съ точными помѣтками объ обстоятельствахъ полученія[1].

Сибирскій приказъ былъ, повидимому, болѣе чутокъ къ вопросамъ компетенціи и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ добился даже того, что по его докладу 11 сентября 1681 г. «великій государь царь и великій князь... слушавъ докладной выписки, указалъ и бояря приговорили китайскимъ посылкамъ и пріѣздамъ и мунгалскихъ и калмыцкихъ владѣльцовъ и тайшей пословъ и посланцовъ вѣдать в Сибирскомъ приказе, потому что тѣ земли приналежатъ къ сибирскимъ городамъ и Николая Спаоария отпускъ и пріѣздъ и статейной списокъ и книгу описную о китайскомъ государствѣ и дѣла и пріѣзды из Сибири калмыцкихъ и мунгалскихъ пословъ и посланцовъ указалъ великій государь ис Посолского приказу взять в Сибирской приказ»[2]. Однако такой порядокъ продолжался недолго, и послѣ кончины Ѳеодора Алексѣевича Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи совмѣстно съ царевною Софіею 13 января 1684 года, по докладу Посольскаго приказа, указали «китайскаго государства дела и пріѣзды сибирских калмыцких и мунгалских послов и посланцовъ в столпах и книгах.... взять попрежнему въ Посольской приказ к прежним тѣх государствъ и улусов дѣлам, которые есть в Посольском приказе, а в Сибирской приказ были не отосланы. И указали великие государи тѣхъ государствъ и землицъ и улусовъ пріѣзды послов и посланцов вѣдать по прежнему въ государственном Посолском приказе и послать о том в Сибирской приказ память»[3].

Сибирскому приказу пришлось подчиниться, и уже 25 января 1684 г. имъ было возвращено 9 столбцовъ о пріѣздѣ ойратскихъ посольствъ за время съ 7166 по 7188 (1658—1680) гг. Однако, несмотря на это, въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. имѣется мало документовъ этой эпохи, а въ то же время въ столбцахъ Сибирскаго приказа, находящихся въ Моск. Арх. Мин. Юст., оказывается довольно обширная переписка по ойратскимъ дѣламъ за указанный періодъ, и въ томъ числѣ документы, принадлежавшіе первоначально Посольскому приказу. Съ другой стороны и за послѣдующее время до самаго конца XVII наблюдается то же явленіе: въ первомъ архивѣ ойратскихъ дѣлъ имѣется самое ограниченное количество, при томъ второстепеннаго характера, между тѣмъ какъ во второмъ эти дѣла тянутся изъ года въ годъ съ 194 (1686) г. по 207 (1699) г., и въ ихъ числѣ

[1] Такіе двойные экземпляры имѣются въ калмыцкихъ дѣлахъ М. Гл. Арх. М. Ин. Д. 1618, № 1 и 2; именно № 1—лл. 1—6 и 22—27; № 1, лл. 7—12 и № 2, лл. 1—5. См. также калм. дѣло того же архива 1623 г., лл. 1—9.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., кит. дѣло, 1681 г., сент. 11 и калм. дѣло, 1684 г., генв. 14, л. 1. Ср. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. 36 (выноска 1).

[3] Калмыц. дѣло, 1684 г., генв. 14, л. 2.

имѣются и дѣла о пріѣздѣ посольствъ, напримѣръ, о посольствѣ Цэванъ-Рабтана[1].

Такимъ образомъ вѣдомственная рознь, повидимому, не была устранена указомъ 1684 г., и Сибирскій приказъ сохранялъ въ своихъ рукахъ ойратскую политику до тѣхъ поръ, пока, начиная съ 1700 г., не наступилъ почти полный перерывъ въ сношеніяхъ съ ойратами болѣе чѣмъ на 10 лѣтъ, а тѣмъ временемъ и самый Сибирскій приказъ былъ временно упраздненъ. Когда же затѣмъ, по иниціативѣ русскихъ, сношенія съ Цэванъ-Рабтаномъ возобновились, то они уже перешли въ вѣдѣніе Посольскаго приказа, который и завѣдывалъ ими до паденія Ойратской державы. Этотъ періодъ отличался большимъ оживленіемъ, такъ какъ по ойратскимъ дѣламъ пришлось сноситься еще и съ Пекинскимъ правительствомъ, и количество ойратскихъ дѣлъ поэтому въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. сильно возрасло.

Одновременно съ закрытіемъ Сибирскаго приказа функціи Посольскаго расширились еще и за счетъ другого приказа — Казанскаго Дворца. Послѣдній, съ выдѣленіемъ изъ него въ 1637 г. Сибирскаго приказа, оказался отстраненнымъ отъ ойратскихъ дѣлъ, но только отчасти. Донесенія Уфимскаго и Астраханскаго воеводъ объ отношеніяхъ къ калмыкамъ направлялись обыкновенно не въ Сибирскій, а въ приказъ Казанскаго Дворца, которому было подвѣдомственно Поволжье, и такъ дѣло продолжалось до 9 февраля 1710 г., когда Петръ I «указалъ калмыцкаго Аюкая хана со всѣмъ его владѣніемъ и всякими дѣлами и посланцовъ ево пріѣздами вѣдать въ государственномъ Посольскомъ приказѣ»[2]. Одновременно послѣднему были переданы и соотвѣтствующія дѣла (24 нумера), вѣроятно, остатки того, что сохранилось въ Казанскомъ Дворцѣ послѣ пожара 1701 г.

Въ другіе московскіе приказы ойратскія дѣла попадали сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ въ видѣ памятей Посольскаго и Сибирскаго приказовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось содѣйствіе другихъ учрежденій; таковы, напримѣръ, Большой Приходъ, отпускавшій посламъ кормъ (въ натурѣ и деньгами), Новая Четь—питье (вино, пиво, медъ), Стрѣлецкій приказъ — караулы и провожатыхъ, Ямской приказъ — подводы, Конюшенный — лошадей, Казенный, выдававшій жалованье (подарки) ойратскимъ князьямъ, ихъ посламъ, сибирскимъ служилымъ людямъ, ѣздившимъ въ ойратскія кочевья съ порученіями, а также принимавшій поминки

---

[1] Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, I, стр. 5, 278—279; III, стр. 42 — 43 и 271. Въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. III, № 1422) помѣщенъ указъ 1698 г. о томъ, чтобы даже дѣла о пріѣздѣ китайскихъ пословъ въ Сибирь направлялись въ Сибирскій приказъ.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1710, февр. 9, № 4.

князей и др. При отпускѣ или пріемѣ тѣхъ или иныхъ вещей дѣлались точныя записи въ подлежащихъ записныхъ книгахъ. Однако большая часть архивовъ указанныхъ учрежденій сгорѣла и только немногое сохраняется въ Общемъ Архивѣ М. Имп. Д.

Документы по сношеніямъ съ ойратами, имѣющіеся въ указанныхъ выше архивахъ, по своей формѣ въ общемъ тождественны съ тѣми, которые уже извѣстны въ литературѣ; они распадаются на слѣдующія категоріи:

А. Документы мѣстнаго (сибирскаго) управленія.

1) Воеводскія отписки — это наиболѣе обильный въ количественномъ отношеніи и самый содержательный типъ документовъ; они составляютъ основу всего архивнаго матеріала. Преобладающая масса исходитъ отъ тобольскихъ воеводъ[1].

2) «Статейные списки», именуемые иногда «доѣздами», т. е. письменные отчеты служилыхъ людей, ѣздившихъ въ ойратскія кочевья съ различными порученіями. Они начинаются обычно подробнымъ изложеніемъ даннаго посланцу наказа; содержатъ много важныхъ свѣдѣній географическаго, статистическаго и бытового характера. Къ сожалѣнію, ихъ немного: въ Архивѣ М. Ю. Оглоблинъ обнаружилъ 6 списковъ по поѣздкамъ къ ойратамъ: Меньшого Ремезова 1640—41 гг., Данилы Аршинскаго 1646 г., Ивана Байгачова 1651—52 гг., Василія Литасова 1664—65 гг., Василія Бубеннаго 1665—66 гг. и Василія Былина 1667—69 гг.[2]; кромѣ того, тамъ имѣются списки Ивана Суздальцова и Матвѣя Городничего 1696 г. по поѣздкѣ къ Цэванъ-Рабтану[3]. Въ Гл. Архивѣ М. Ин. Д., кромѣ экземпляровъ второго[4] и пятаго[5] списковъ, хранятся еще статейные списки Ѳедора Байкова 1654 г. о поѣздкѣ въ Китай черезъ ойратскія кочевья[6] и Павла Кульвинскаго 1667 года[7] о поѣздкѣ къ Сэнгэ и Чокуру.

3) Изрѣдка попадаются въ Архивѣ М. Ю. «сыски», т. е. протоколы слѣдствій, производившихся воеводами по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ ойратамъ[8]. Отмѣтимъ сыскъ по поводу жалобы Далай-гунжи, жены хошутскаго Куйши-тайши, правившей хошутами по смерти мужа, на Тарскаго воеводу кн. Василія Горчакова, пренебрежительно отозвавшагося

[1] Ср. Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 1 слѣд. Оглоблинъ описываетъ разные типы документовъ по матеріаламъ Арх. М. Ю.; поэтому здѣсь дѣлаются частыя ссылки на его трудъ съ соотвѣтствующими дополненіями.
[2] Оглоблинъ. I, стр. 211 и 214, 204.
[3] Столб. Сиб. прик. 927 (6972).
[4] Зюнгарск. или контайш. дѣло 1647 г., марта 12.
[5] Мунг. дѣло, 1665, № 1, 16 апр. — 1666 г., апр.
[6] Кит. дѣла 1654 г., книга I, столбцы №№ 4 и 5.
[7] Мунг. дѣло, 1667 г., № 3, генв.—сент. 20.
[8] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 180 и 204.

объ ней при ойратскихъ послахъ: «Баба что знаетъ!» и называвшаго ее «жонкой»[1].

4) Отписки младшихъ воеводъ Тобольскому встрѣчаются рѣдко, въ виду принадлежавшаго всѣмъ воеводамъ права сноситься съ центромъ.

5) «Отписи» или «росписи» ямскихъ старостъ о размѣрѣ прогоновъ, взысканныхъ съ ойратскихъ пословъ за перевозку ихъ товаровъ[2].

Б. Документы центральнаго управленія.

1) «Указныя грамоты» царей, большею частью служащія отвѣтомъ на воеводскія отписки. Они сохранились въ большомъ количествѣ, но, конечно, лишь «черными», съ поправками и дополненіями, часто писаны неразборчивою скорописью[3].

2) «Грамоты» царей на имя ойратскихъ владѣльцевъ. Древнѣйшими являются грамоты на имя Богатырь-тайши и Хара-хулы-тайши 1618 и 1620 гг., опубликованныя въ «Собранія Госуд. Грам. и Догов.»[4]. Кромѣ того, 2 грамоты были посланы Батуръ-хунтайджію въ 1645 и 1647 гг.[5] Въ калмыцкомъ дѣлѣ 1616 г. Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. сохранился образецъ грамоты, которую было предоставлено Тобольскому воеводѣ послать отъ себя (съ выписью въ началѣ царскаго титула) «в Савран Казатцкіе орды царю Аблахану» по ойратскимъ дѣламъ[6].

3) «Памяти» — бумаги, которыми сносились между собою приказы. Обыкновенно можно находить въ одномъ архивѣ — черный экземпляръ, въ другомъ—подлинникъ.

4) «Докладныя выписки» или «выписки» — справки, которыя составлялись на основаніи документовъ приказовъ по разнымъ случаямъ, чаще всего по случаю пріѣзда ойратскихъ посольствъ илидля изложенія исторіи дѣла, затронутаго въ воеводскихъ отпискахъ. Выписки или не имѣли никакого заглавія или озаглавливались различно: «выписано въ докладъ», «въ докладъ», «въ Посольскомъ (Сибирскомъ) приказѣ выписано». Въ нихъ обычно приводятся прецеденты («и выписано на примѣръ»), которые могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для дѣлъ, по которымъ подлинныхъ документовъ не сохранилось[7].

---

[1] Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 455.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., мунг. дѣла, 1673 г., № 2, сент. 26, лл. 89—94 и 1675 г., № 2, сент. 24, лл. 56—58.

[3] Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 25—31.

[4] Собр. Госуд. Грам. и Дог., ч. III, № 37, стр. 64 и № 53, стр. 217. Черновые отпуски этихъ грамотъ сохранились въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д.: калм. дѣла, 1618 г., № 2, генв. 12, лл. 44—46 и 1619 г., № 2, ноября 23—іюня 1620 г., лл. 17—18. Списки имѣются еще въ числѣ «калмыцкихъ шертныхъ грамотъ».

[5] Зюнг. или конт. дѣла: 1645 (1665) г., лл. 108—117 и 1640 г., апр.—1647 г., марта 5, лл. 192—197.

[6] Калм. дѣло, 1616 г., лл. 17—20.

[7] Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 5—21.

5) Церемоніалы пріема ойратскихъ пословъ у царей. Они написаны на узенькихъ полоскахъ бумаги (9—12 см.) и содержатъ всѣ подробности аудіенціи, включая тексты рѣчей посла и думнаго дьяка, «являвшаго» посла царю. Обыкновенно ойратскіе послы принимались царемъ послѣ большихъ пословъ или гонцовъ — польскихъ, бухарскихъ, кизылбашскихъ (персидскихъ) и др., «коли бывалъ государь при послѣхъ или гонцѣхъ въ большомъ своемъ царскомъ чину»[1]. Въ началѣ или въ концѣ документа иногда имѣется помѣтка думнаго дьяка: «Было по сему»[2]. Въ болѣе старыхъ дѣлахъ Гл. Арх. М. Ин. Д. имѣются не церемоніалы, составленные заранѣе, а описанія пріема, сдѣланныя post factum. Въ зюнг. или контайш. дѣлѣ 1640 г., апр. — 1647 г., март. 5, имѣются какъ церемоніалъ, такъ и описаніе пріема.

6) «Помѣты» съ резолюціями царей и начальниковъ приказа обыкновенно писались на оборотной сторонѣ воеводскихъ отписокъ или на лицевой сторонѣ докладныхъ выписокъ по склейкамъ. Попадаются, однако, резолюціи, написанныя и на отдѣльныхъ листахъ, особенно тогда, когда онѣ подлежали объявленію посламъ: «Сказать великого государя указъ калмыцкимъ посланцомъ»[3].

В. Документы смѣшаннаго характера.

Въ эту категорію включены документы одинаковаго назначенія, бывшіе въ ходу какъ въ центральномъ, такъ и воеводскомъ управленіи.

1) Распросныя рѣчи. Это словесныя показанія разныхъ лицъ, записанныя въ воеводскихъ канцеляріяхъ Сибири или въ московскихъ приказахъ. Они часто замѣняютъ собою или дополняютъ статейные списки служилыхъ людей, ѣздившихъ съ порученіями въ ойратскія кочевья[4]. Многія изъ этихъ рѣчей имѣютъ такое же важное значеніе по содержащимся въ нихъ свѣдѣніямъ, какъ и статейные списки, и заслуживаютъ особаго упоминанія; таковы —

присланныя изъ Сибири рѣчи: Пятунки Семенова 1620 г. о поѣздкѣ къ хошутскому Байбагишъ-тайшѣ[5], Василія Волкова 1623 г. — къ дэрбэтскимъ Далай-тайшѣ и Мангитъ-тайшѣ[6], Володимера Кляпикова, Онипки Черкасова, Назарея Жедовскаго и др. 1634 г. о мѣстахъ ко-

---

[1] Калм. дѣло, 1651 г., іюнь 29, № 2.

[2] Оглоблинъ, III, стр. 43. Церемоніалы пріема пословъ Батуръ-хунтайджія, см. Зюнг. или контайш. дѣла: 1640 г., апр.—1647 г., март. 5, лл. 60—66 и 165—171 и 1645 г., лл. 95—103.

[3] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., мунг. дѣло, 1673 г., № 2, сент. 26, лл. 95—97. Ср. Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 4—5; IV, стр. 8—9.

[4] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 211—212; IV, стр. 100—103.

[5] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1620 г., лл. 27—29.

[6] Ibid., калм. дѣло, 1633 г., лл. 16—20.

чевокъ и воинской силѣ торгутскаго Урлюка и его сыновей[2], Куземки Обрамова 1639 г.[3], Семена Неустроева 1641 г.[4] и Григорія Ильина 1644 г.[5] о поѣздкахъ къ Батуръ-хунтайджію, Лучки Кызылова 1641 г. къ Чокур-тайшѣ (брату Батура)[6]. Эти распросныя рѣчи присылались обыкновенно въ видѣ отдѣльныхъ протоколовъ при воеводскихъ отпискахъ, но иногда (рѣчи Обрамова и Ильина) включались въ самый текстъ отписки.

Московскія рѣчи: литвина Томилы Петрова 1616 г.[7] и Ивана Савельева 1618 г.[8] — о поѣздкѣ къ Богатырь-тайшѣ, Гаврилы Ильина 1639 г. — о смерти Далай-тайши[9].

Особую группу составляютъ отчеты о распросахъ («разговоръ») въ Москвѣ (въ Посольскомъ, а изрѣдка и въ Сибирскомъ приказѣ) или въ Сибири ойратскихъ пословъ; въ нихъ содержатся не только подробныя свѣдѣнія о цѣли пріѣзда пословъ, но и данныя о ихъ странѣ, о сосѣдяхъ и отношеніяхъ къ нимъ. Такія разговорныя рѣчи встрѣчаются почти во всѣхъ дѣлахъ Моск. Гл. Архива М. Ин. Д., трактующихъ о пріѣздѣ въ Москву ойратскихъ пословъ. Въ столбцѣ 455 (6499) Сибирскаго приказа имѣются рѣчи 30 августа 1652 г. ойратскаго посланца Енея «про рѣку Амуру и про Даурскую землю».

2) «Наказныя памяти» — инструкціи — чаще всего давались воеводами служилымъ людямъ при отправленіи въ ойратскія земли съ порученіями и московскими приказами (отъ имени царя) приставамъ, сопровождавшимъ ойратскія посольства изъ Москвы въ Тобольскъ. Въ воеводскихъ наказахъ главною мыслью является приведеніе ойратовъ подъ высокую царскую руку и огражденіе подвѣдомственныхъ воеводамъ земель отъ нападеній; въ наказахъ приставамъ посольствъ ясно высказывается нежеланіе, чтобы посольства знакомились со страною и входили въ сношенія съ населеніемъ, между прочимъ, изъ опасенія, какъ бы ойраты не «высмотрили» путь въ Москву...

3) «Проѣзжія грамоты и памяти». Въ дѣлахъ много черновыхъ проѣзжихъ грамотъ на обратный проѣздъ ойратскихъ посольствъ изъ Москвы до Тобольска; на передній путь выдавались проѣзжія памяти воеводами и въ центральные архивы обыкновенно не поступали; въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. имѣется впрочемъ проѣздная память тобольскаго воеводы, вы-

---

1 Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 656. Оглоблинъ (Обозрѣніе, I, стр. 214) приписываетъ эти рѣчи главнымъ образомъ Кляпикову, но наибольшій интересъ представляютъ показанія Жедовскаго.

2 Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., зюнг. или контайш. дѣло 1640—1647 гг., лл. 4—13.

3 Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 455.

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1616 г., лл. 71—82.

7 Ibid., калм. дѣло, 1618 г., № 2, лл. 10—18.

8 Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 83, л. 763 (Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 102).

9 Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 41—44.

данная въ 1647 г. на проѣздъ до Москвы пословъ Батуръ-хунтайджія[1]. Какъ видно изъ этихъ документовъ и наказныхъ памятей приставамъ, первыя ойратскія посольства, слѣдовавшія на Тобольскъ, ѣхали по маршруту: Москва, Коломна, Переславль-Рязанскій, Касимовъ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, Казань, Соль Камская (Соликамскъ), Верхотурье, Туринскій острогъ, Тюмень, Тобольскъ[2]. Позже маршрутъ нѣсколько измѣнился съ открытіемъ болѣе сѣвернаго пути (такъ называемаго Сибирскаго тракта): Москва, Переславль-Залѣсскій, Ярославль, Вологда[3], Тотьма, Устюгъ Великій, Соль Вычеготцкая (Сольвычегодскъ), Кай городокъ, Соль Камская, Верхотурье, Туринскій острогъ, Тюмень, Тобольскъ[4]. Посольства же, направлявшіеся на Уфу, слѣдовали по первому маршруту, уклоняясь отъ него изъ Казани прямо на Уфу[5]. Путь нѣсколько разнообразился въ зависимости отъ времени года, при чемъ лѣтомъ всюду, гдѣ представлялась возможность, пользовались воднымъ путемъ.

4) «Челобитныя», подававшіяся служилыми и иными людьми воеводамъ и препровождавшіяся ими со своими отписками въ Москву, а также поступавшія непосредственно въ московскіе приказы, сравнительно немногочисленны. Чаще всего они содержатъ ходатайства о прибавкѣ содержанія или награжденіи за «калмыцкую» (ойратскую) службу, о возмѣщеніи понесенныхъ на этой службѣ убытковъ и т. п.[6]

5) «Записныя книги». Въ Московскихъ приказахъ спеціальныхъ ойратскихъ книгъ не велось, но записи по ойратскимъ дѣламъ встрѣчаются во многихъ обнаруженныхъ донынѣ записныхъ книгахъ этихъ приказовъ. Особенно частыхъ записей слѣдовало ожидать въ книгахъ дворцовыхъ приказовъ, но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось немного.

Въ Тобольскѣ (а, можетъ быть, и въ другихъ городахъ Сибири, напр., въ Томскѣ) велись и спеціальныя ойратскія книги, и на нихъ изрѣдка дѣлаются ссылки въ воеводскихъ отпискахъ: «Записная книга что о калмыцкихъ посылкахъ, за приписью дьяка Григорія Протопопова» упоминается въ 1640 г.[7]. Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Д., повидимому, обладаетъ одною изъ такихъ книгъ съ полистною скрѣпою того же дьяка Протопопова, который былъ затѣмъ дьякомъ Сибирскаго приказа. Заголовокъ книги, видимо, недавняго времени: «Переписка тобольскихъ воеводъ съ

[1] Зюнг. или контайш. дѣло, 1640 г., апр.—1647 г., март. 5, лл. 152—153.

[2] По этому маршруту слѣдовали, напр., посольства 1620 и 1640 гг.; посольства 1623 и 1630 гг. прослѣдовали изъ Москвы въ Нижній по болѣе прямому пути на Владиміръ.

[3] Въ 1703 г. разрѣшено было по зимнему сибирскому тракту миновать Вологду и направляться прямо на Шуйскъ-Обнорскъ (Памят. Сиб. ист., I, стр. 209—210).

[4] Сѣвернымъ путемъ слѣдовали посольства 1645 и 1647 гг.

[5] Посольства 1621, 1623 и 1630 гг.

[6] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 87—164.

[7] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Зюнг. или контайш. дѣло 1640 г., апр.—1647 г., март. 5, л. 13. Въ столбцѣ 83 (6127) Сиб. пр., А. М. Юст., упоминаются «калмыцкія записныя книги» 144 и 145 годовъ (1636 и 1637 гг.), лл. 734 и 736.

калмыцкими тайшами 1636—1637 годовъ»[1]. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, именуемыхъ книгами, съ очень подробными подзаголовками, дающими представленіе о той массѣ свѣдѣній, которыя заносились въ подобныя книги. Вотъ одинъ изъ такихъ подзаголовковъ[2]: «А въ которомъ мѣсяце и числѣ и кѣмъ имяны отъ которых таишь и от лаб[3] и хто имяны колмацкие послы приходили и сколко человѣкъ с которыми послы кашеваровъ и торговых людеі и бухарцовъ приходило и сколко у которых послов и у кашеваров и у торговых людеі и у бухарцов лошадеі в пригонех было и хто у которых пословъ был въ приставех і въ толмачѣхъ и гдѣ которые послы поставлены были и по сколку у них было на караулех и у табуновъ караулщиков и которово числа которые послы были на посолстве и сколко отъ которых таишь государю челомъ ударили лошадеі и рухляді и о какіх дѣлех говорили и которово числа которые послы были на съѣзжемъ посолскомъ дворѣ на отпускех и по сколку аршинъ посламъ государева жалованья сукон дано на отпуске и к таишам и к лабамъ противъ ихъ подарков сколко послано каких сукон и сколко человѣкъ и хто имяны съ которыми послы в поминкех посланы служилые люди о чемъ говорити и которые дѣти боярские и с ними сколко человѣкъ и хто имяны служилые люди и до которых мѣстъ для провожанья посыланы были,—и то все писано в сеі книге в подлинніке под статьямі».

Особыя книги — дневники должны были вести пристава, состоявшіе при посольствахъ. Имъ вмѣнялось въ особенную обязанность слѣдить за всѣми торговыми сдѣлками посольствъ, при чемъ «смотрити и береч накрепко чтобъ тоболские всякихъ чиновъ руские люди і татаровя і бухарцы съ колмацкими послы заповедными товары пансыри і шеломы і самопалы і зелемъ і свинцомъ і луки і стрѣльными желѣзцы і копьи і топоры і ножі і инымъ никакимъ ружемъ і желѣзомъ і табаком і денгами і серебряными слитки не торговали, а торговали бъ они на колмацкомъ дворѣ съ колмацкими послы і менялі лошаді на всякие товары на сукна і на кожи і на мѣдяные суды»[4]. Образцы подобныхъ книгъ съ записями, идущими изо дня въ день, также имѣются въ разсматриваемой книгѣ.

Всѣ подобныя частныя книги за извѣстный періодъ времени сшивались въ одну общую книгу, которая снабжалась сквозною полистною скрѣпою дьяка. Нѣкоторые листы оставались при этомъ чистыми — «порозжими».

---

[1] Калм. дѣло, 1636—37 г., № 2.
[2] Лл. 173 об.—174.
[3] Въ документахъ XVII в. (особенно начала этого вѣка) буддійскіе ламы неизмѣнно именуются лабами.
[4] Л. 191.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

III.

Г. Документы ойратскихъ владѣльцевъ.

По прибытіи ойратскихъ посольствъ въ Москву первый почти стереотипный вопросъ, которымъ ихъ встрѣчали въ Посольскомъ приказѣ, былъ такой: «Съ чѣмъ они къ государю пріѣхали, грамоты съ ними къ царскому величеству и сверхъ грамоты рѣчью приказъ есть ли». И на это первыя посольства давали также почти стереотипный отвѣтъ: грамотчиковъ у нихъ въ ихъ землѣ нѣтъ и писать не умѣютъ и съ ними потому и грамоты къ царскому величеству нѣтъ, а что съ ними къ государю словесный приказъ, и они то объявятъ[1].

Первое упоминаніе объ отправкѣ ойратами письма относится къ 1636 г., когда уже начались сношенія между Тобольскимъ воеводою и Батуръ-хунтайджіемъ[2], но письмо это, повидимому, осталось въ Тобольскѣ. Съ этой поры не только начинаются довольно частыя упоминанія объ ойратскихъ письмахъ, но попадаются изрѣдка и самыя письма. Сохранились онѣ однако за XVII в. въ сравнительно небольшомъ количествѣ, при чемъ большую сохранность имъ обезпечивалъ, видимо, архивъ Сибирскаго приказа[3].

[1] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1618, № 2, генв. 12, лл. 25—26; см. также 1619, № 2, ноябрь 23, л. 7; 1620, лл. 24—25; 1621, № 2, февр. 3, л. 9.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., упомянутая выше записная книга 1636—37 гг., л. 2; Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., столб. 455, докладная выписка 1637 г.

[3] Первое упоминаніе о сохранившихся подлинныхъ «листахъ» татарскаго, калмыцкаго и мунгальскаго письма въ Моск. Архивѣ М. Ю. принадлежитъ Н. Н. Оглоблину (Обозрѣніе, 1900, III, стр. 42—43), но оно до сихъ поръ не привлекало къ себѣ вниманія спеціалистовъ.

Наиболѣе старыми изъ числа сохранившихся являются двѣ записки, полученныя отъ Чокуръ-тайши въ 1642 г.; онѣ написаны на клочкахъ бумаги, безъ печати, неискусною рукою на монгольскомъ языкѣ съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя имѣло монгольское письмо до измѣненій, произведенныхъ при манджурахъ въ Пекинѣ. Находятся онѣ въ въ столбцѣ 455 (6499) Сибирскаго приказа, въ которомъ сохраняются и всѣ другія письма, полученныя изъ ойратскихъ кочевьевъ за время до 1653 г.

За исключеніемъ записокъ Чокуръ-тайши, всѣ эти письма написаны, согласно указаніямъ документовъ столбца, «ногайскимъ (татарскимъ) письмомъ»' на «татарскомъ языкѣ», который оказался средне-азіатскимъ (чагатайскимъ) съ нѣкоторыми мѣстными особенностями[1]. Четыре изъ этихъ писемъ исходятъ отъ Батуръ-хунтайджія; они получены въ 1642, 1644, 1645 и 1651 гг., написаны неискуснымъ арабскимъ письмомъ и изяществомъ стиля не отличаются. Только внизу письма 1644 г. имѣется прямоугольная печать съ неразборчивыми надписями на 4 языкахъ: санскритскомъ, тибетскомъ, китайскомъ и монгольскомъ.

Въ томъ же столбцѣ 455 (6499) имѣется нѣсколько писемъ сибирскихъ царевичей Девлетъ Кирея и Бугая, проживавшихъ въ ойратскихъ кочевьяхъ; они также написаны по-чагатайски, но вполнѣ опытною рукою и хорошимъ стилемъ. Одно письмо — «челобитная» исходитъ отъ Бухарскаго хана («царя») Имамъ-кули.

Въ 1644 г. Батуръ-хунтайджи сдѣлалъ попытку писать по-монгольски и одновременно съ упомянутымъ «татарскимъ» письмомъ прислалъ «калмыцкое», которое также было препровождено въ Москву[2]. Здѣсь однако не нашлось лицъ, знающихъ монгольскую грамоту, и листъ Батура такъ же, какъ записки Чокура, не могли быть переведены. Въ виду этого въ грамотѣ 7 августа 1644 г. Тобольскому воеводѣ было предложено сообщить Батуру: «Как он контайша вперед учнет к вам в Тоболескъ посланников своих присылат и о каких дѣлех лучится ему в Тоболескъ писат и он бы контайша присылал к вамъ въ Тоболескъ листы татарским писмомъ, а колмацкимъ писмомъ в Тоболескъ листов не присылал для того, что колмацкого писма и на Москвѣ перевесть нѣкому»[3]. Такой совѣтъ оказалъ свое дѣй-

[1] Этимъ свѣдѣніемъ я обязанъ А. Н. Самойловичу, который ознакомился съ «татарскими» документами Моск. Арх. М. Ю. въ ноябрѣ 1918 г.

[2] Этого «калмыцкаго» письма (въ то время оно могло быть написано лишь общемонгольскими буквами) въ архивахъ не оказалось.

[3] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1645, лл. 72—73; въ этомъ дѣлѣ имѣется хорошій списокъ съ грамоты; черновикъ же, въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, находится въ столбцѣ 455 Сиб. приказа.

ствіе, и въ дальнѣйшемъ отъ Батура снова стали получаться только «татарскія» («ногайскія») письма.

Послѣ Батура изъ ойратскихъ кочевьевъ поступало, какъ видно изъ дѣлъ, немало листовъ, но въ архивахъ удалось обнаружить изъ нихъ пока очень немногіе, и слѣдующее обстоятельство, можетъ быть, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на ихъ судьбу. Въ Реестрѣ монгольскимъ трактатамъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. подъ послѣднимъ (12) нумеромъ значится: «Мунгальскія грамоты безъ переводовъ», но въ соотвѣтствующемъ картонѣ архива оказалась лишь обложка «дѣла» съ такою надписью: «Мунгальскія грамоты и письма безъ переводовъ старыхъ и новыхъ лѣтъ присланные въ 726 году въ Іркуцкѣ къ бывшему въ Китаѣ послу графу Савѣ Владиславичу отъ воеводъ Красноярскаго Щетнева, Томскаго Черкасова». Ниже рукою, повидимому, А. Ѳ. Малиновскаго сдѣлана помѣтка: «1819-го Апрѣля 25 вынуты мною для отправленія къ Госуд. Канцлеру графу Румянцову съ просьбою о переводѣ сихъ незнаемыхъ писменъ». Произведенные въ архивѣ, по журналамъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, розыски не обнаружили письменныхъ слѣдовъ ни отсылки ни возвращенія грамотъ, и вопросъ о судьбѣ писемъ требуетъ такимъ образомъ дальнѣйшаго выясненія.

Изъ числа подлинныхъ листовъ, сохранившихся отъ второй половины XVII ст., слѣдуетъ прежде всего упомянуть листъ, доставленный Астраханскому воеводѣ Михаилу Пронскому отъ сына Урлюка, Дайчина, въ январѣ 1651 г. и писанный также «татарскимъ» письмомъ. По переводѣ было признано, что въ немъ «государево имянованье написано не по пригожью и не по государской отъ Бога данной чести», а себя онъ, Дайчин, написалъ такъ, «какъ презжіе тайши и отецъ его Урлюкъ и онъ, Дайчинъ, напередъ сего въ листахъ своихъ не писывали»[1]. Это древнѣйшій подлинный документъ, исходящій отъ монголовъ, какой удалось обнаружить въ Гл. Моск. Архивѣ М. И. Д.

Въ Арх. М. Ю., въ столбцѣ Московскаго стола № 44[2], имѣются два письма хошутскаго Аблай-тайши, строителя знаменитаго Аблай-кита, одно 1658, другое 1662 г. Первое изъ этихъ писемъ—«ѳарсовскаго письма»—какъ значится въ современномъ переводѣ, изложено по-персидски. Особый интересъ представляютъ приписки на лѣвой сторонѣ писемъ, на первомъ, монгольскими буквами [illegible] — «да всту-

[1] Гл. Моск. Арх. М. И. Д., калм. дѣло, 1651, № 3, генв. 9.
[2] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 42—43.

питъ въ волю[1] (т. е. да подчинится) вѣры побѣдоноснаго Будды!» съ примѣсью нѣкоторыхъ калмыцкихъ (ойратскихъ) буквъ, изобрѣтенныхъ въ 1648 г., на второмъ сплошь калмыцкими:

[illegible]

[illegible]

— «Вѣра Побѣдоноснаго острымъ гремящимъ голосомъ глубокихъ взглядовъ бѣлаго льва, пребывающаго на вершинѣ снѣжной горы и обладающаго силою благодатной проповѣди, да излѣчитъ заблужденія (?)[2] еретиковъ, говорящихъ ложно!»

Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшіе образцы калмыцкаго письма послѣ произведенной Зая-пандитою въ 1648 г. реформы монгольскаго алфавита, и они будутъ имѣть важное значеніе для рѣшенія спорныхъ вопросовъ калмыцкой палеографіи.

Обращаютъ на себя также вниманіе имѣющіеся на письмахъ оттиски, красною киноварью, печатей квадратной формы 3 размѣровъ: 11,7, 6,2 и 3,7 смм. Первыя двѣ — съ тождественною надписью квадратными тибетскими буквами, какія имѣются и на современныхъ печатяхъ Далай-ламы[3], на тибетскомъ языкѣ; малая печать — съ 6 буквами индійской ланджи: «маӈгалам».

Слѣдующее въ хронологическомъ порядкѣ письмо находится въ Гл. Арх. М. Ин. Д.[4] Оно прислано въ 1675 г. Очирту Цэцэнъ-ханомъ (въ документахъ Учерты или Учюрты-ханъ), который поддерживалъ съ Россіею (такъ же, какъ и съ Пекиномъ) оживленныя сношенія[5]. Написано по-калмыцки[6].

---

1 Слово [illegible] я читаю «бах(а)ду» — «въ волю», допуская возможность пропуска буквы а; въ противномъ случаѣ нужно было бы читать «бакту» — въ садъ (вѣры).

2 Слово [illegible] въ этой формѣ представляется непонятнымъ.

3 A. H. Francke. Note on the Dalai Lama's seal and the Tibeto-Mongolian characters (Journ. R. As. Soc., 1910, pp. 1205—1214). Образцы этихъ письменъ извѣстны и изъ другихъ мѣстностей (Ладакъ, Бутанъ): Francke. Ein Siegel in Tibeto-Mongolischer Schrift von Bhutan (Zeits. D. Morg. Ges., 64, S. 553—554). Встрѣчаются они въ буддійскихъ храмахъ Алашани и вообще Южной Монголіи (по сообщенію Хамбо Агвана Доржіева), а также въ буддійскомъ храмѣ въ Петроградѣ.

4 Мунг. дѣло 1675 г., сент. 24, л. 27.

5 Это хошутскій князь, сынъ Байбагуса, братъ упомянутаго выше Аблай-тайши (въ документахъ Облай). Онъ именуется въ литературѣ еще Очирту-ханомъ (Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. 175—176) или Цэцэнъ-ханомъ (онъ же, Къ исторіи зюнгарскихъ калмыковъ, стр. 240, 244-245), при чемъ иногда смѣшивается (какъ это сдѣлано въ послѣдней статьѣ) съ Цэцэнъ-тайджіемъ, сыномъ Батуръ-хунтайджія. Ср. Бартольдъ. Очеркъ исторіи Семирѣчья, стр. 166/93. Объ этомъ князѣ см. Лыткинъ. Матеріалы для исторіи ойратовъ (Астр. губ. вѣд., 1860, №№ 45 и 46).

6 Не лишнее упомянуть, что къ тому же 1675 г. относится и древнѣйшее, сохранившееся въ томъ же архивѣ письмо, которое было получено отъ восточныхъ монголовъ

Послѣ этого идутъ 4 небольшихъ листа калмыцкаго письма, полученные въ Тобольскѣ изъ ойратскихъ кочевьевъ одновременно въ январѣ 1686 г. Два изъ нихъ исходили отъ Галданъ-хунтайджія, именовавшагося Бошокту-ханомъ; они датированы «модун ӱкер», т. е. 1685 г. Два другихъ были присланы сыномъ Сэнгэ — Соном-Арабтаномъ (именуется Арептаръ) и Номынъ-ханомъ (Номыханъ). На письмахъ Галдана имѣются красные оттиски прямоугольныхъ (почти квадратныхъ) печатей съ квадратными письменами, но различнаго типа; на одной печати письмена тибетскія, сходныя съ имѣющимися на печатяхъ Аблая. На печатяхъ Арабтана и Номынъ-хана письменъ не имѣется. Всѣ листы сохранились въ ст. 993 (7038) Сиб. приказа.

Отъ Галдана сохранились и другіе листы. Въ столбцѣ 1180 (7226) Сиб. прик. имѣются также два его письма [1], но гораздо болѣе торжественнаго вида: большихъ размѣровъ и съ цвѣточнымъ орнаментомъ 3 цвѣтовъ (краснаго, синяго и зеленаго). Они были присланы въ 1691 г. Печати на листахъ съ тибетскими квадратными письменами. Отъ того же года сохранились въ ст. 544 Сиб. прик. 3 небольшихъ калмыцкихъ записки посланца Галдана — Ачинъ-кашки.

Къ этимъ документамъ непосредственно примыкаетъ въ хронологическомъ порядкѣ (1693—1696 г.) коллекція листовъ, имѣющаяся у пишущаго эти строки, о чемъ уже упомянуто выше: они исходятъ отъ самого Галдана и его подручныхъ и только одно — отъ Цэванъ-Рабтана, именовавшагося Эрдэни-дзорикту-хунтайджи (въ русскихъ документахъ — Журукты, Ирдэни Журукты и даже Ирдэнь-Юракта, а иногда просто — контайша).

Въ столбцѣ 927 (6972) Сиб. прик. имѣются еще два письма [2] Цэванъ-Рабтана, къ сожалѣнію, крайне ветхія; хорошо сохранились лишь прекрасные оттиски печатей (на одномъ красный, на другомъ черный). Они относятся, видимо, къ 1695 [3].

XVIII в. представленъ въ томъ же архивѣ большимъ количествомъ ойратскихъ листовъ. Три изъ нихъ, исходившихъ отъ Цэванъ-Рабтана,

---

на монгольскомъ языкѣ, именно отъ Вачирай тушету-хана (въ русской оффиціальной перепискѣ — Очирой-ханъ) [illegible]. См. Мунг. дѣло, 1675 г., № 1.

[1] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 43, говоритъ только объ одномъ письмѣ Бошокту-хана въ ст. 1180.

[2] Въ этомъ столбцѣ Оглоблинъ (ibid.) разглядѣлъ также только одно письмо. Въ виду ветхости писемъ я не рѣшился пока ихъ развертывать.

[3] За время съ 1689 г. въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. сохранилось много документовъ на калмыцкомъ языкѣ отъ Аюки и различныхъ калмыцкихъ тайшей, но разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачи настоящей статьи.

были изданы А. М. Позднѣевымъ въ приложеніи къ упомянутому выше труду Н. И. Веселовскаго о посольствѣ капитана Унковскаго безъ описанія ихъ красиваго внѣшняго вида[1].

Разсмотрѣніе ойратскихъ и калмыцкихъ писемъ XVII и первой половины XVIII в.[2] показываетъ, что всѣ они, за исключеніемъ одной лишь помѣщенной выше приписки буддійскаго характера на письмѣ Аблай-тайши 1662 г., основываются на живомъ произношеніи и совершенно лишены тѣхъ архаизмовъ, которыми пестрятъ буддійскіе переводы Зая-пандиты и подъ ихъ вліяніемъ также и почти вся позднѣйшая ойратская письменность. Такимъ образомъ искусственный характеръ всѣхъ этихъ архаизмовъ съ самаго начала названной письменности можно считать теперь установленнымъ.

Интересный памятникъ ойратскаго языка конца XVII ст. хранитъ въ себѣ столбецъ 544 (6569) Спб. прик. Въ 1691 г. Иркутскому воеводѣ Леонтію Кислянскому пришлось вести переговоры съ прибывшими въ Иркутскъ посланцами Бошокту-хана, и результатомъ этого явился подробный отчетъ (статейный списокъ) объ этихъ переговорахъ, при чемъ въ него, помимо обычнаго перевода на русскій языкъ, была включена и русская транскрипція («переводъ») одного письма на имя царя и двухъ словесныхъ меморандумовъ (также съ письменнаго текста). Къ сожалѣнію, подлинныхъ документовъ обнаружить не удалось, но по всѣмъ видимостямъ транскрипція произведена тщательно и въ общемъ довольно удачно. Она тоже подтверждаетъ выводъ объ искусственности архаизмовъ буддійской литературы ойратовъ[3].

Особый видъ документовъ представляютъ такъ называемыя шертныя или шертовальныя записи, и въ Арх. М. Ин. Д. предполагалось образовать изъ нихъ даже особый отдѣлъ[4]. Въ дѣлахъ XVII в. имѣются частыя упо-

---

[1] Подлинныя письма находятся въ зюнг. или конт. дѣлахъ 1721, № 1, и 1724 г., №№ 1 и 2.

[2] За XVIII в. я имѣлъ возможность ознакомиться въ Москвѣ только съ письмами, привезенными ойратскими посланцами, пріѣзжавшими въ 1724 г. съ капитаномъ Унковскимъ и въ 1733 г.—съ маіоромъ Угримовымъ.

[3] Можно предполагать, что эти документы были писаны не ойратскимъ, а тибетскимъ письмомъ, и что именно этому обстоятельству мы обязаны транскрипціею документовъ. Правда, въ ст. 544 на это нѣтъ указаній, но что Галданъ прибѣгалъ къ такому способу письма, извѣстно изъ опубликованнаго въ Доп. Акт. Ист. (т. XI, стр. 237) документа, въ которомъ упоминается «письмо не мунгальское тангуцкое» (Ср. Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine», p. 137, note 5). Небольшой образчикъ такого же письма (въ подлинникѣ) содержится въ М. Г. Арх. М. И. Д. въ мунг. дѣлѣ 1675 г., сент. 24, № 2, л. 48). Такимъ образомъ примѣненіе обыкновеннаго тибетскаго письма къ монгольскому яз. — столь обычное въ настоящее время — началось еще въ XVII ст.

[4] Въ этотъ отдѣлъ архивистъ, повидимому, желалъ включить подлинныя шертныя записи, но въ дѣйствительности тамъ имѣется даже мало списковъ съ записей; большею частью туда попали отпуски грамотъ русскихъ царей и листы ойратскихъ (точнѣе, калмыцкихъ) тайшей. Реестръ этого отдѣла указанъ ниже.

минанія о томъ, что тотъ или иной ойратскій владѣлецъ, обыкновенно черезъ своихъ пословъ, «правду далъ, шерть учинилъ», но дѣлалось это исключичительно словесно, и только иногда для приносившаго шерть заготовлялся заблаговременно текстъ шерти, и такія шертныя записи только и встрѣчаются въ ойратскихъ дѣлахъ. Въ сношеніяхъ съ волжскими калмыками и съ Алтынъ-ханомъ примѣнялись шертныя записи, какъ письменныя обязательства, скрѣплявшіяся ихъ подписями [1].

Документы ойратскихъ владѣльцевъ обыкновенно сопровождаются въ архивныхъ дѣлахъ переводами съ указаніемъ именъ переводчиковъ. Въ этомъ однако отношеніи русскія власти часто оказывались въ очень затруднительномъ положеніи вслѣдствіе отсутствія лицъ, знающихъ монгольскій языкъ. При устныхъ сношеніяхъ дѣло устраивалось при участіи татаръ, «бухарцовъ» или «тезиковъ», всегда находившихся и въ русскихъ городахъ и въ ойратскихъ кочевьяхъ съ торговыми цѣлями. Очень часто они выступали въ роли не только толмачей, но и оффиціальныхъ представителей той и другой стороны. Такъ, первое ойратское посольство, прибывшее въ Москву въ 1607 г., состояло исключительно изъ «калмыцкихъ татаръ»; присылались они и въ послѣдующее время, хотя чаще посланцами являлись природные ойраты. Русскіе, съ своей стороны, широко пользовались въ этомъ отношеніи «юртовскими служилыми татарами» и, слѣдуя видимо обычной системѣ использованія въ Сибири услугъ инородцевъ, посылали въ ойратскія кочевья обыкновенно двухъ человѣкъ: русскаго и татарина [2].

По той же причинѣ и письменныя сношенія первоначально производились обѣими сторонами на татарскомъ [3], т. е. чагатайскомъ, языкѣ, хотя изрѣдка примѣнялся и «ѳарсовскій» (персидскій) языкъ. Однако, когда среди ойратовъ упрочилось знаніе собственной письменности, они стали пользоваться ею и для сношеній съ русскими. При полученіи подобныхъ писемъ дѣло осложнялось вслѣдствіе отсутствія среди татаръ лицъ, знавшихъ монгольское или калмыцкое письмо, и Тобольскому воеводѣ, который первый сталкивался съ затрудненіями въ этомъ дѣлѣ, приходилось прибѣгать къ услугамъ по крайней мѣрѣ 2 лицъ: одно лицо, какъ гласятъ иногда при-

---

[1] Шертныя записи, подписанныя калмыками, имѣются, напр., въ калм. дѣлѣ 1660 г. дек. 7—сент. 1661 г. (списокъ) и въ калм. книгѣ 1672 г. сент. 14—1673 г. март. 1 (подлинникъ). Списокъ съ шертной записи Алтынъ-хана см. Пам. Спб. ист. XVIII в., I, стр. 168—172.

[2] Результатомъ посредничества татаръ въ сношеніяхъ съ ойратами явилось то, что многія собственныя ойратскія имена являются въ документахъ въ нѣсколько отуреченной формѣ. Таковы, напр., Контайша, Каракула, Кашка, Кутухта, Чокуръ, Черенъ, Яйсанъ (на ряду съ «зайсанъ»). Этимъ же объясняется систематическое именованіе ойратовъ «калмакъ», «калмыкъ».

[3] Ср. В. В. Бартольдъ, Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи (СПб. 1911), стр. 159.

писки на переводахъ, толмачило (очевидно, со словъ посланца), а другое переводило. Составлявшіеся при такихъ условіяхъ переводы, конечно, далеки отъ совершенства въ отношеніи и точности и удобопонятности. Иногда однако и этотъ способъ не давалъ желательныхъ результатовъ, вѣроятно, потому, что не всегда ойратскіе посланцы были люди грамотные, и тогда ойратская грамота отправлялась въ Москву въ Сибирскій приказъ безъ перевода. Были случаи, напр., въ 1640 г., когда въ Тобольскѣ оказывалось невозможнымъ перевести и татарскую грамоту («ногайскаго» письма).

Сибирскій приказъ долгое время не имѣлъ собственныхъ переводчиковъ, и ему приходилось посылать не переведенные грамоты въ Посольскій приказъ, въ которомъ по штату полагались переводчики и толмачи какъ европейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ восточныхъ языковъ (въ XVII в. переводчики турскаго, татарскаго, арапскаго, ѳарсовскаго, грузинскаго; толмачи еще ногайскаго и хивинскаго)[1]. Въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается немало памятей Сибирскаго приказа съ просьбою о переводѣ ойратскихъ или монгольскихъ грамотъ[2]. Попадаются и небольшія записки объ отсылкѣ грамотъ для перевода; вотъ текстъ одной изъ нихъ: «181 го генваря въ 8 де по указу великого государя посланы изъ Сибирского приказу въ Посольской приказъ для переводу два листа мугальскіе присылки прошлыхъ годовъ да 179 году августа 27-г числа присылки изъ Дауръ китайскій листъ». Обыкновенно на это слѣдовалъ письменный или словесный отвѣтъ, что перевесть грамоты некому, и нѣкоторыя грамоты, какъ упомянутыя выше монгольскія записки Чокура 1642 г. или письма Сэнгэ 1667 г., такъ и остались не прочитанными.

Только въ 1679 г. Посольскій приказъ обзавелся переводчикомъ «мунгальскаго и калмыцкаго»: имъ былъ шляхтичъ Павелъ Ивановичъ Кульвинскій, который въ сохранившейся его автобіографіи («скаска») 1696 г.[3] именуется «переводчикомъ калмыцкаго и мунгальскаго и тангутцкаго писма». Онъ служилъ первоначально въ Сибири — въ Томскѣ и Тобольскѣ «во дворянехъ съ своею братьею шляхтою», дважды ѣздилъ въ ойратскія кочевья, «переводилъ всякие калмыцкие и мунгальские государьские дѣла лѣтъ съ 15» и состоялъ переводчикомъ Посольскаго приказа (съ жалованьемъ въ 40 р. въ годъ и съ поденнымъ кормомъ 5 алтынъ въ день)

---

[1] С. А. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ приказѣ (Москва, 1906), стр. 53—55 и 131—152.

[2] Изъ Казанскаго Дворца поступали неоднократныя просьбы о присылкѣ толмачей для встрѣчи калмыцкихъ посланцовъ (Токмаковъ. Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской г., Тр. IV Арх. Съѣзда, II, стр. 283—286, №№ 7, 10, 35, 42).

[3] Бѣлокуровъ, loc. cit., стр. 147—150.

еще въ 1696 г.[1] Наряду съ нимъ въ томъ же 1696 г. упоминается и толмачъ калмыцкаго языка Семенъ Ивановъ[2].

Въ концѣ XVII в. встрѣчаются упоминанія о переводчикахъ калмыцкаго языка и въ Сибирскомъ приказѣ. Именно въ столбцѣ 927 этого приказа, содержащемъ переписку за 1696 г., названы два переводчика: Ѳедотъ Мунгаловъ и Ѳедотъ Ивановъ, изъ которыхъ первый оказался въ состояніи написать по-калмыцки отвѣтную грамоту Цэванъ-Рабтану—это, повидимому, первый случай, когда русскій дворъ воспользовался для отвѣта калмыцкимъ языкомъ вмѣсто татарскаго.

Изъ дѣятелей первой половины XVIII ст. заслуживаетъ особаго упоминанія асессоръ (потомъ секретарь и совѣтникъ) Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Василій Бакунинъ, хорошо знавшій, какъ уже упомянуто выше, калмыцкій и монгольскій языки. Занимая болѣе высокое, чѣмъ переводчикъ, положеніе, онъ однако обыкновенно провѣрялъ переводы и даже самъ переводилъ, и слѣды его работы встрѣчаются во многихъ дѣлахъ, особенно касающихся ойратскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Россію въ 1733 г. съ маіоромъ Угримовымъ[3].

Перечисленные выше документы въ соотвѣтствующихъ приказахъ склеивались между собою, въ болѣе или менѣе правильномъ хронологическомъ порядкѣ, такимъ образомъ, что образовывали по разнымъ предметамъ такъ называемые столбцы («столпъ» или «столпикъ» въ зависимости отъ объема), которымъ давались особыя названія.

Однако въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. столбцы по ойратскимъ дѣламъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не сохранились. Входившія въ ихъ составъ бумаги были расклеены, повидимому, въ концѣ XVIII или началѣ XIX ст. при тогдашнемъ директорѣ архива Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ и изъ нихъ образованы новыя «дѣла» («столбцы»), ближе соотвѣтствующія современному понятію канцелярскихъ «дѣлъ». Они были сшиты съ лѣваго края и заключены въ обложки, которыя были снабжены новыми заголовками. При

---

[1] Ibid., стр. 132, 148, 150; ср. А. Любимовъ. Нѣкоторые манджурскіе документы изъ исторіи русско-китайскихъ сношеній въ XVII вѣкѣ (З. В. О., XXI, стр. 70—71); въ архивныхъ дѣлахъ имѣется много переводовъ, подписанныхъ Кульвинскимъ.

[2] Бѣлокуровъ, стр. 135.

[3] О Бакунинѣ см. Н. Поповъ. Татищевъ и его время, гл. V; Бантышъ-Каменскій. Диплом. собр. дѣлъ, стр. 546; Краткая исторія калмыцкихъ хановъ по «Калмыц. хрестоматіи» А. Позднѣева (стр. 14—17). Бакунину принадлежитъ извѣстный трудъ: «Описаніе калмыцкихъ народовъ, а особливо изъ нихъ торгоутскаго и поступокъ ихъ хановъ и владѣльцевъ», I часть котораго была окончена 5 іюля 1761 г., при чемъ разсказъ доведенъ до конца 1735 г.; успѣлъ ли Бакунинъ написать продолженіе, неизвѣстно. Списки I части имѣются въ Моск. Гл. Арх. М. Ив. Д. (калм. книга № 1) и въ Росс. Публичной Библ. (Погод., № 1816). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бакунинъ причастенъ и къ старому русскому переводу монголо-ойратскихъ законовъ 1640 г.

этомъ архивистъ, въ виду большого объема большинства прежнихъ столбцовъ, имѣлъ, очевидно, цѣлью образовать, для удобства пользованія, большее количество дѣлъ съ тѣмъ, чтобы по каждому вопросу, даже мелкому, или по тому или иному году имѣлось особое дѣло; для этого онъ нерѣдко не останавливался передъ заключеніемъ въ особую обложку даже одного какого-либо документа[1].

Къ сожалѣнію, эта операція была произведена не безъ цѣлаго ряда промаховъ.

Въ литературѣ уже указывалось на неудобство простого расклеиванія столбцовъ, такъ какъ этимъ затрудняется чтеніе резолюцій, часто писавшихся именно по склейкамъ[2]. Дѣло осложнилось еще тѣмъ, что при массѣ документовъ и частей ихъ многіе листы были перепутаны, попали случайно въ разныя не подходящія обложки или даже совершенно затерялись[3]. При группировкѣ бумагъ въ дѣла не всегда выдерживался опредѣленный принципъ: хронологическій или предметный[4]. По недостаточному знакомству съ предметомъ архивистъ впадалъ иногда въ заблужденіе отъ сходства именъ, объединяя въ одно дѣло разнородные документы[5]; наблюдаются и обратныя явленія. Обозначеніе даты дѣлъ производилось нерѣдко по первому числу, попавшемуся въ глаза въ собранныхъ для дѣла документахъ; иногда встрѣчаются и необъяснимыя, видимо, случайныя ошибки въ этомъ отношеніи[6].

Перетасовывая документы по новымъ дѣламъ, архивистъ не отмѣчалъ,

---

[1] Листы въ свое время не были пронумерованы; они обыкновенно нумеруются только теперь при выдачѣ ихъ на руки для занятій.

[2] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 5; все, что говоритъ Оглоблинъ объ Арх. М. Ю., примѣнимо и къ данному случаю.

[3] Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ мунг. дѣло 1667 г., № 3, содержащее интересный статейный списокъ П. Кульвинскаго; въ немъ не имѣется начальныхъ листовъ, а средніе сохранившіеся совершенно перепутаны, такъ что читать листы нужно въ слѣдующемъ порядкѣ: 8, 11, 12, 2, 3, 7, 1, 6, 5, 9, 10, 4.

[4] Въ калмыцкихъ дѣлахъ отсутствіе единаго принципа ощущается особенно сильно.

[5] Подобная ошибка произошла съ документами посольства Батуръ-хунтайджія 1647 г. Въ этомъ году въ Москву прибыли Ноядай «съ товарищи» (Сырянъ, Долги Кулай и Поцолой), изъ коихъ Ноядай или лицо со сходнымъ именемъ пріѣзжало также и въ 1640 г. вмѣстѣ съ Урускаемъ. Архивистъ, руководствуясь сходствомъ именъ, объединилъ бумаги, относящіяся къ этимъ различнымъ посольствамъ, въ одно дѣло (Зюнг. или Контайш. 1640 апр.—1647 март. 5), не обративъ вниманія на то, что въ промежуткѣ между ними въ Москвѣ было въ 1645 г. особое посольство Чюна и Сыряна. Съ другой стороны, онъ образовалъ особое дѣло изъ одного только обрывка наказной памяти приставу посольства 1647 г. (калм. дѣло 1647 г.). Такимъ образомъ обрывокъ имѣющаго небольшое значеніе документа фигурируетъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣла, а основные документы скрыты въ совершенно не подходящемъ дѣлѣ.

[6] Особенно характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ дѣло объ упомянутомъ посольствѣ Чюна и Сыряна (Зюнг. или контайш. дѣло 1645 г.). На немъ архивистъ, по очевидной ошибкѣ, поставилъ 1665 г. и подъ этою датою оно попало въ реестры Архива, а оттуда въ труды М. П. Пуцилло. Указатель дѣламъ и рукописямъ, стр. 36, и И. Щеглова. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (Иркутскъ, 1884), стр. 118. Теперь эта ошибка въ Архивѣ исправлена.

изъ какихъ старыхъ столбцовъ они взяты, и даже большею частью уничтожалъ старыя наименованія столбцовъ; ихъ можно только изрѣдка и случайно усмотрѣть на оборотной сторонѣ документовъ, видимо находившихся ранѣе въ концѣ старыхъ столбцовъ. Между тѣмъ въ текстѣ документовъ нерѣдко попадаются ссылки на столбцы; имѣются «росписи» столбцовъ какъ частныя (напр., пересылавшихся изъ одного приказа въ другой)[1], такъ и общія по цѣлому архиву.

Несмотря на всѣ указанные недочеты, трудъ архивиста нельзя считать потраченнымъ понапрасну, и въ образованныхъ имъ серіяхъ новыхъ дѣлъ можно разбираться безъ особаго труда.

Новыя дѣла были разбиты на серіи «по государствамъ», согласно принятому въ архивѣ порядку, при чемъ дѣла по сношеніямъ съ различными монгольскими племенами оказались разбитыми на 4 серіи: калмыцкія, зюнгорскія (или контайшинскія), мунгальскія и бурятскія. Однако при распредѣленіи дѣлъ по этимъ группамъ также не обошлось безъ существенныхъ промаховъ.

Камнемъ преткновенія оказался терминъ «калмыки», обычно примѣняемый въ документахъ ко всѣмъ ойратскимъ племенамъ, какъ къ собственнымъ калмыкамъ, разселившимся въ бассейнахъ рѣкъ Яика (Урала), Волги и Дона, такъ и къ ойратамъ Джунгаріи и Сибири[2]. Рѣже ойраты именуются зюнгорцами или зенгорцами, т. е. зюнгарами (джунгарами) по имени главенствовавшаго въ то время ойратскаго племени, во главѣ котораго стояли хунтайджи (контайши), или просто мунгалами такъ же, какъ и собственные (восточные) монголы. Разобраться въ этихъ особенностяхъ терминологіи архивисту не удалось и ойратскія дѣла онъ одинаково легко включалъ и въ калмыцкія и въ зюнгорскія и въ мунгальскія.

По всѣмъ этимъ группамъ дѣлъ были составлены большею частью самимъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ специальные реестры[3]. Вотъ ихъ заголовки.

1) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ, учиненный дѣйств. ст. совѣтникомъ Н. Бантышъ-Каменскимъ съ 1 марта—8 ноября 1806 г. (переплетенная рукопись in folio, 603 стр., имѣетъ два отдѣла: а) переплетенныя книги за время 1630—1683 гг. и б) столбцы 1616—1781 гг.).

2) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 гг.

---

[1] Частныя росписи имѣются, напр., въ кит. дѣлѣ 1681, сент. 11, въ калм. дѣлахъ 1684, genв. 14 и 1710, № 4, февр. 9.

[2] Въ отличіе отъ теленгутовъ (телеутовъ), именовавшихся бѣлыми калмыками, ойраты часто назывались черными калмыками.

[3] Ср. Н. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. VIII.

(рукопись безъ переплета, перечисляетъ 37 книгъ за время 1723—1773 г.).

3) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ второй присылки, доставленной изъ СПб. Главнаго Архива въ Московскій Главный Архивъ въ 1837 г. (рукопись безъ переплета, содержитъ перечень дѣлъ 1756—1800 гг.).

4) Реестръ калмыцкимъ шертнымъ грамотамъ 1801 г. (болѣе полный заголовокъ передъ текстомъ: «Реестръ калмыцкимъ записямъ или шертнымъ грамотамъ, сочиненъ капц. сов. А. Малиновскимъ»)—содержитъ 19 нумеровъ съ 1618 по 1757 г.

5) Реестръ зюнгорскимъ или контайшинскимъ дѣламъ, учиненный д. с. с. и кавалеромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1805 года (переплетенная рукопись, содержитъ дѣла съ 1639 по 1765 г.).

6) Реестръ зюнгорскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 году (рукопись съ перечнемъ одного дѣла 1744—1756 гг. и книги съ 3 дѣлами 1762—1773 гг.).

7) Реестръ дѣламъ мунгальскихъ калмыкъ, учиненный д. с. с. и кавалеромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1807 г. (переплетенная рукопись, 44 стр., содержитъ перечень дѣлъ съ 1608 по 1765 г.).

8) Реестръ монгольскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 г. (Рукопись съ перечнемъ 2 дѣлъ 1730—31 и 1755 гг.).

9) Реестръ мунгальскихъ трактатамъ 1801 г. (болѣе полный заголовокъ передъ текстомъ: «Реестръ договорамъ съ Мунгальскими царями и ханами о подданствѣ ихъ Россійской Державѣ сочиненъ 1801 г. Канцеляріи совѣтникомъ Алексѣемъ Малиновскимъ») (Рукопись съ перечнемъ изъ 12 пунктовъ).

10) Реестръ бурятскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 г. (рукопись съ перечнемъ дѣлъ за время 1762—1770 гг.)[1].

Необходимо еще имѣть въ виду, что документы по сношеніямъ Россіи съ ойратами находятся также въ дѣлахъ Архива, посвященныхъ народамъ, съ которыми ойраты приходили въ соприкосновеніе, а именно въ

---

[1] Указанные реестры основныхъ дѣлъ, а равно дѣлъ, присланныхъ въ Москву изъ Петербурга въ 1828 и 1837 гг., до сихъ поръ полностью не изданы. Краткія выборки изъ этихъ (а равно другихъ) реестровъ помѣщены въ упомянутыхъ выше трудахъ М. П. Пуцилло и И. Ѳ. Токмакова. Для III Съѣзда оріенталистовъ въ СПб. Архивомъ были изготовлены краткіе указатели дѣлъ Архива, относящихся къ Востоку, но они не были напечатаны въ Трудахъ Съѣзда, что вызвало нареканія со стороны администраціи Архива (Труды III Международнаго Съѣзда оріенталистовъ въ СПб., 1876, т. I, стр. LXXXI—LXXXII; Сборникъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., вып. I, стр. 210; вып. II, стр. 147).

дѣлахъ китайскихъ[1], киргизъ-кайсацкихъ, башкирскихъ, едиссанскихъ, ногайскихъ, сальтанаульскихъ, кара-калпацкихъ, бухарскихъ, татарскихъ, сибирскихъ и даже персидскихъ[2], а равно въ разрядныхъ дѣлахъ[3].

Въ виду отмѣченныхъ недочетовъ въ образованіи 4 спеціальныхъ монгольскихъ группъ требуется пересоставленіе посвященныхъ имъ реестровъ. При этомъ можно было бы сохранить 4 группы, но съ тѣмъ, чтобы къ калмыцкой группѣ были отнесены дѣла лишь собственныхъ калмыковъ съ того момента, когда они болѣе или менѣе опредѣленно отдѣлились отъ остальныхъ ойратскихъ племенъ и стали жить самостоятельною жизнью въ нынѣшней юго-восточной Россіи. Такимъ моментомъ можно было бы избрать смерть ихъ главы Урлюка (Хо-Öрлöка) въ 1644 г. Соотвѣтственно этому въ зюнгорскую или контайшинскую группу, съ переименованіемъ ея въ ойратскую, подлежали бы отнесенію почти всѣ калмыцкія дѣла примѣрно до 1645 г., а также касающіяся ойратовъ Джунгаріи и Сибири дѣла изъ числа калмыцкихъ послѣ 1645 г. и изъ мунгальскихъ.

Иными словами, дѣло сводится къ существенному дополненію перечня ойратскихъ (по нынѣшней терминологіи—зюнгорскихъ или контайшинскихъ) дѣлъ, при томъ главнымъ образомъ за XVII в., такъ какъ именно за этотъ періодъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ допущено больше всего ошибокъ[4].

Иное положеніе вещей мы находимъ въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи, гдѣ сосредоточены дѣла Сибирскаго приказа. Вслѣдъ за окончательнымъ его упраздненіемъ начались заботы правительства о приведеніи этихъ дѣлъ въ порядокъ, и въ 1766 г. къ этому дѣлу былъ привлеченъ Г. Ф. Миллеръ, но послѣдній занимался имъ недолго—только въ 1768 г.[5] Послѣднею мѣрою правительства было учрежденіе въ 1835 г. Особого Комитета для разбора дѣлъ названнаго приказа, но здѣсь не было предпринято полнаго переформированія ихъ, какъ это сдѣлалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Благодаря этому столбцы и книги Сибирскаго приказа дошли до насъ, въ общемъ, повидимому, въ первоначальномъ составѣ. Болѣе 300 столбцовъ были расклеены, весьма тщательно переплетены и перенумерованы, всѣ же остальные остаются по прежнему свернутыми, но склейки въ большинствѣ случаевъ распустились и бумаги перепутались[6]. По сравненію со

[1] Извлеченія изъ китайскихъ дѣлъ сдѣлалъ Н. Бантышъ-Каменскій.

[2] Какъ отмѣчено выше, въ персидскихъ дѣлахъ найдены свѣдѣнія объ ойратахъ Н. Н. Веселовскимъ.

[3] Многія разрядныя дѣла, касающіяся калмыковъ, перечисляетъ И. Ѳ. Токмаковъ.

[4] Составленный согласно изложенному списокъ ойратскихъ дѣлъ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., съ включеніемъ въ него столбцовъ и дѣлъ другихъ Московскихъ архивовъ, мною будетъ изданъ особо.

[5] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., портфель Миллера № 389, I, тетр. 3, № 1 (Ср. Пуцилло. Указатель дѣламъ и рукописямъ, стр. 89). Ср. Пекарскій, loc. cit., стр. 396.

[6] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 13.

столбцами Посольскаго приказа обращают на себя внимапіе два обстоятельства, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло касается столбцовъ съ документами по сношеніямъ съ ойратами. Прежде всего составъ столбцовъ по содержанію очень разнородный; столбцовъ, посвященныхъ спеціально ойратамъ, немного; таковъ, напр., столбецъ 455 (6499). Въ другихъ ойратскіе документы чередуются безъ всякой системы то съ документами о доставкѣ ясачной и поминочной рухляди (ст. 1180), то съ росписями отправленныхъ въ Москву отписокъ, то съ документами о тяжеломъ положеніи сибирскихъ служилыхъ людей (ст. 656). Затѣмъ, на столбцахъ въ рѣдкихъ случаяхъ можно разыскать старые заголовки. Они снабжены лишь ярлыками Комитета 1835 г. съ указаніемъ царствованія, года (далеко не всегда точнаго) и характера документовъ (всегда суммарно и неточно: въ родѣ «челобитныя» на ст. 455).

Всѣ сохранившіяся книги стараго времени—въ хорошемъ состояніи.

Въ архивѣ для столбцовъ и книгъ имѣются краткія описи, но онѣ, повидимому, за отсутствіемъ старыхъ заголовковъ, были составлены заново и настолько неудовлетворительно, что, кромѣ времени, не даютъ никакого представленія о содержаніи столбцовъ[1]. Такъ, напр., часто цитированный здѣсь ст. 455 (6499), сплошь посвященный сношеніямъ съ ойратами и ихъ сосѣдями, занесенъ въ опись такимъ образомъ: «7162 г. Сибирскаго приказа о разныхъ дѣлахъ отписки въ Сибирь, черные отпуска грамотамъ».

Данный недостатокъ восполняется однако обширнымъ трудомъ Н. Н. Оглоблина, который здѣсь цитируется неоднократно: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.)»[2]. Въ этомъ изданіи имѣются отдѣлы, трактующіе спеціально о дѣлахъ Сибирскаго приказа, касающихся ойратовъ и ихъ сосѣдей. Они раздѣлены на 3 группы: посольскія дѣла[3], ратныя дѣла[4] и посольскіе статейные списки[5], при чемъ, согласно плану всего труда, авторъ, кромѣ общаго обозрѣнія, даетъ и указатели (перечни) соотвѣтствующихъ столбцовъ (18 посольскихъ и 2 ратныхъ объ ойратахъ). Не задаваясь цѣлью входить въ разборъ этого чрезвычайно полезнаго труда, слѣдуетъ однако отмѣтить, что, поскольку рѣчь идетъ объ ойратскихъ дѣлахъ, указатели ихъ не имѣютъ исчерпывающаго характера. Такъ, къ 2 ратнымъ столбцамъ (№№ 656 и 886) нужно прибавить еще ст. 3 (6047),

---

[1] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 14.

[2] Этотъ трудъ, состоящій изъ 4 частей, появился въ «Чтеніяхъ въ И. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1895, 1898, 1900, 1901 гг., а также отдѣльнымъ изданіемъ.

[3] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 40—41 и 271—272.

[4] Ibid. Обозрѣніе, III, стр. 37—40 и 271.

[5] Ibid., I, стр. 211—215.

а къ 18 посольскимъ — столбецъ 354 (6398) и книгу 11, обзоръ документовъ которой дается авторомъ въ другомъ мѣстѣ[1]. Кромѣ того, авторъ спеціально не отмѣчаетъ, что «посольскіе» и «ратные» документы попадаются еще въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, не поименованныхъ въ соотвѣтствующихъ указателяхъ. Можно отмѣтить пропуски и другого характера: перечисляя древнѣйшія грамоты, онъ не указываетъ самой древней изъ нихъ, именно упомянутой выше грамоты отъ 26 іюня 1595 (7103) г., хотя и говоритъ объ ней въ иномъ мѣстѣ, но менѣе подходящемъ[2].

Вообще для обнаруженія всѣхъ ойратскихъ документовъ въ Архивѣ М. Ю. нужно, не ограничиваясь составленными Н. Н. Оглоблинымъ указателями и разбросанными по всей книгѣ случайными ссылками, произвести еще дополнительные самостоятельные розыски.

Въ Общемъ Архивѣ М. Имп. Д. мнѣ по разнымъ причинамъ не пришлось поработать, но для него имѣются обстоятельныя описанія А. Е. Викторова и А. И. Успенскаго, въ которыхъ попадаются указанія и на содержащіяся въ архивѣ ойратскія дѣла. Наиболѣе цѣнными изъ нихъ являются расходныя посольскія книги Казеннаго приказа, среди коихъ четыре касаются и ойратовъ (годы 1624, 1643, 1649 и 1663)[3].

Таковы матеріалы по сношеніямъ Россіи съ ойратами въ Московскихъ архивахъ и то, что сдѣлано для облегченія пользованія ими. Во всѣхъ архивахъ еще предстоитъ много работы для достиженія даже предварительной цѣли—приведенія въ должную извѣстность ойратскихъ документовъ. Ту же работу необходимо произвести и въ провинціальныхъ архивахъ. Слѣдующей стадіей работы должно явиться изданіе всѣхъ имѣющихъ то или иное значеніе документовъ въ систематическомъ видѣ, по примѣру того, что дѣлалось Академіею Наукъ (подъ редакціею В. В. Вельяминова-Зернова) для Крымскаго ханства и (подъ редакціею Г. А. Эзова) для Армянскаго народа, Русскимъ Археологическимъ Обществомъ (подъ редакціею Н. И. Веселовскаго) для Персіи, Русскимъ Историческимъ Обществомъ (подъ редакціею Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана) для Крымской и Ногайской ордъ, Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ (подъ редакціею С. А. Бѣлокурова) для Грузіи и вообще Кавказа и др. Только при подобной постановкѣ можно будетъ предпринять съ достаточною доказательностью обзоръ послѣдняго возвышенія ойратовъ въ XVII и XVIII вв.

---

[1] Ibid., III, стр. 220—224.
[2] Ibid., IV, стр. 30; ср. III, стр. 220 и 252.
[3] А. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725. Вып. I (Москва, 1877), отд. VII, №№ 337, 344, 346 и 354. О трудѣ А. И. Успенскаго, «Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты», см. выше, стр. 1078.

или по крайней мѣрѣ пересмотръ того, что сдѣлано въ XVIII ст. Миллеромъ и Фишеромъ на основаніи документовъ сибирскихъ архивовъ и въ XIX—XX вв. разными изслѣдователями по китайскимъ, манджурскимъ, монгольскимъ и мусульманскимъ источникамъ. Тогда разъяснятся многіе спорные вопросы изъ исторіи ойратовъ. Причины широкаго разселенія ихъ съ начала XVII в., роль отдѣльныхъ вождей въ дѣлѣ усиленія ихъ могущества, событія темнаго періода послѣ смерти Батуръ-хунтайджія до упроченія власти Галданъ-хунтайджія, основные мотивы ойратской политики въ отношеніи Россіи въ противоположность ихъ отношеніямъ къ Пекинскому правительству, цѣли и задачи Русскаго правительства въ его сношеніяхъ съ ойратскими племенами, — все это предстанетъ освѣщеннымъ новыми документальными данными.
